Дэвид Лодж

Думают...

Дэвид Лодж

Думают...

Думают...
Дэвид Лодж

Аннотация
Дэвид Лодж. ДУМАЮТ...
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
Благодарности

Аннотация

Кто из нас не мечтал прочитать мысли другого человека? Тем более — любимого человека. Тем более когда любимый человек — твоя полная противоположность.

Он — профессор, изучающий сознание и искусственный интеллект, она — автор «женских романов», он — донжуан, она — католичка, он — окруженный любовью семьянин, отец четырех детей, она — вдова, недавно потерявшая мужа.

В своих дневниках они оба думают… О любви и предательстве, о Боге, о смерти, о назначении науки и литературы, о материальном и духовном, о сексе… о сексе, быть может, чаще всего…

Современный английский писатель Дэвид Лодж известен российскому читателю своими книгами «Академический обмен» и «Райские новости». Роман «Думают…» выходит на русском языке впервые.

David Lodge

Thinks...

Дэвид Лодж
ДУМАЮТ...

Дэвид Лодж

Думают...

Роман

Джулии и Стивену с любовью

Примечание автора
Глостерский университет — полностью вымышленное учреждение. По крайней мере, был им, когда я писал эту книгу.
Д. Л.

1

Раз, два, три, проверка… запись… диктофон работает… «Олимпус Перлкордер», купил в Хитроу в беспошлинном… по дороге… куда? Не помню, ну и ладно… Цель упражнения — аккуратно записать на пленку все приходящие в голову мысли, начиная с… 10.13 утра, воскресенье, 23 февраля, — ах да, Сан-Диего! Я купил его по дороге на конференцию в… Изабель Хочкисс. Конечно, Сан-Диего, «Зрение и Мозг». Конец восьмидесятых. Изабель Хочкисс. Я еще проверял там этот конденсаторный микрофон… да… На чем я остановился? В том-то и дело, что ни на чем. Я не собирался думать ни о чем конкретном, буду записывать случайные мысли, если, конечно, что-нибудь вообще случайно — случайные мысли, приходящие на ум человеку (хорошо, мне на ум) в случайно выбранный момент и в случайном месте. Нет, на самом деле, место не случайное — я же намеренно пришел сюда утром, зная, что в воскресенье здесь пусто, никто не будет отвлекать, стоять над душой, телефоны и факсы молчат, все компьютеры и принтеры в офисах и

кабинетах в режиме ожидания. Тихонько тарахтит только наша ультрасовременная кофеварка в комнате отдыха, где я сделал себе капуччино с корицей и без сахара перед тем, как начать эксперимент — если это не слишком вычурно звучит… Предмет исследования — попытаться описать структуру, или, скорее, получить, так сказать, сырье для исследования, на основе которого уже можно начать описание структуры… мышления. «Потока», как говорил Уильям Джеймс, или, как он еще очень хорошо сказал, птица приземлится на мгновение и снова взлетает — эдакий полет со знаками препинания… а, кстати, как обозначит *эти места* машинистка? Придется инструктировать: к примеру, многоточие, если пауза короткая, точка — если длинная, а совсем длинную пусть обозначит красной строкой… Эта штука активируется голосом и останавливается, если ничего не говоришь около трех секунд. Но в этом случае в записи появятся слишком длинные паузы… Стильная безделушка… Изабель Хочкисс… Я как-то записал на пленку нас с ней в постели, хотелось проверить радиус действия микрофона, оставил его работать на стуле, в куче одежды, и не сказал ей. Она так шумно кончила, мне это в женщине нравится… У Кэрри такое бы-

вает, только если мы одни в доме, что случается не очень… Боже мой, не могу же я продолжать в том же духе… невозможно…. Даже если послать это в агентство под псевдонимом, из почтового ящика в Челтнеме, и то рискованно… а если я скажу, что это — отрывок авангардной прозы, имена персонажей… всегда есть риск, что кто-нибудь узнает персонажей и пошлет в «Частную жизнь» или попытается меня шантажировать, вот черт! И я никак не могу изменять имена, это слишком проблематично, отвлекает. И еще. Придется переписывать всю эту хренотень на бумагу, а это такая тоска… Но все равно лучше, чем подсознательно обращаться мыслями к какой-нибудь секретарь-машинистке… В общем, я уже сделал это, когда впервые вспомнил об Изабель Хочкисс. В конце концов, неотъемлемая черта мысли — ее интимность, ее секрет, а осознание того, что кто-то другой, пусть даже анонимная машинистка, будет слушать твои мысли, может разрушить весь эксперимент, следовало бы над этим подумать… Но сама идея пришла ко мне только сегодня утром, в кровати, проснулся ни свет ни заря, спал плохо, несварение желудка — этот дрянной крабовый мусс или что там было у Марианны… Мне бы не мешало иметь специальную

программу с распознаванием голоса, тогда можно диктовать сразу в компьютер, только боюсь, придется говорить слишком четко и медленно, а из-за этого исчезнет вся спонтанность, придется делать паузы… вот… так… между… словами…. Все равно стоит рассмотреть такой вариант, к тому же программное обеспечение постоянно совершенствуется… Так, на чем я остановился? Ни на чем не надо останавливаться. Но думал же я о чем-то интересном… Изабель Хочкисс, нет, не она, хотя она тоже интересная… У нее на лобке такие густые волосы, черные и пружинистые, спутанные, как птичье гнездо, я б не удивился, найдя там маленькое белое яйцо, согретое у нее между губ… Джеймс, ах да, Уильям Джеймс и поток сознания, птица сознания, вот о чем я думал… Интересно, где пленка, я ее, случайно, не стер? Не хотелось бы, чтоб Кэрри нашла. Отшила меня вчера ночью, по ее словам, я хулиганил, так и сказала: «хулиганил», — по мне, так просто спорил или огрызался вчера за ужином с Летицией, боже мой, вот это имя — Летиция, и Лэтти не лучше, Летиция Гловер — чушь, которую она несла об индейцах, земле и вожде Сиэттле…. В ту среду вкусный был стейк… какой смысл есть стейк в ресторане, хоть это и «Савой Гриль», они

там берут лучшее мясо… надо признаться, глупо отказываться от мяса дома, а потом все равно есть его в ресторане… но ведь дома нет меню, а значит, и соблазна…. Как я люблю сочный бифштекс, не сильно зажаренный, со следами от решетки сверху и розовый, немного крови внутри… [*вздох*] губчатый энцефалит портит мне все удовольствие… да еще СПИД. Две главные радости в жизни — свежая говядина и дикая киска под юбкой — две возможности кошмарной смерти… грустно. Даже домашняя киска уже не та, с тех пор как мы… Интересно, она перестала принимать таблетки ради собственного здоровья или чтобы я пользовался презервативами? Проблема в том, что, если я скажу ей, что перестал спать с другими, это будет неправдой… конечно, она догадывается, что я не был на сто процентов ей верен все эти годы, но у нас с ней молчаливый договор: она не станет поднимать шума, пока я буду делать это за пределами ее среды обитания, так, чтобы она не знала. Когда она спросила, что я ел за ужином с издателем, я сказал — цыпленка, затем она спросила: «Какого цыпленка?» — «Покиевски», — ответил я наобум. Не совсем типично для такого ресторана, как «Савой Гриль», Кэрри, скорее всего, тоже так показалось, к тому же от

меня не пахло чесноком, вероятно, она подумала, что я с кем-то загулял в Лондоне и придумал эту историю с издателем… Такие дела… Возможно, в вегетарианском будущем люди, наоборот, будут использовать прелюбодеяние как алиби для мясоедения. Трахаться у всех на глазах, а потом линять в обветшалые отели, где можно будет снимать на время отдельную столовую с мясными блюдами. С чего это я о мясе? Я думал о… об Уильяме Джеймсе и сознании как потоке или как птице, летящей и приземляющейся… интересно, эти остановки, или паузы, мысли, пробелы — или, скорее, заполненные паузы — ведь и в эти паузы работа мозга продолжается, иначе мы бы умерли… Следовательно, изречение *я мыслю, следовательно, существую,* в определенном смысле, верно…. Возможно, это лучшее высказывание в истории философии. А на втором месте? Мысль непрерывна и неизбежна? Или, как кто-то ответил Декарту, «Иногда я мыслю, а иногда — просто существую». А могу ли я просто *быть,* без мыслей? Глагол «быть»… Я есть, ты есть, он есть, она есть, они есть, — это значит просто быть, не думать. Но думать — то же самое, что находиться в сознании, нет… есть ведь пассивное сознание, восприятие, способность к различению сигналов

органов чувств, осознание того, что ты жив, не спишь, реагируешь на раздражители… значит, не такое уж пассивное… и есть возможность сформулировать логическую и связную мысль. Тогда это не отличие, а непрерывная связь с почти что вегетативным состоянием, ведь растения не обладают сознанием, сколько бы принц Чарльз ни трепался со своими геранями… Скажем так, есть постоянная связь между простой переработкой информации — мне жарко, мне холодно, я чешусь, с одной стороны, и абстрактным философским мышлением — с другой, а между ними еще несколько последовательных этапов… Да, и оба процесса могут проходить одновременно, например, можно вести машину механически, нажимать на тормоз, увеличивать скорость и так далее, вполне эффективно и безопасно, и в то же время думать о чем-нибудь абсолютно постороннем, о сознании, например. Так, идем дальше…

Да, пробел, некая пауза, например, секунды две назад у меня не было ни одной связной мысли или чувственного восприятия, моя голова, как говорят, была совершенно пустой, я ни о чем не думал, просто существовал… Так что, если поток наших мыслей внезапно дает сбой, мы как бы переходим в режим ожидания, мы готовы к

мышлению, но еще не думаем… Как винчестер в компьютере, включенный, но неиспользуемый, как кофеварка, которая тарахтит, но кофе еще не готовит… Конечно, эксперимент мой безнадежно искусственен. Потому что само решение записывать на пленку мысли уже влияет на ход мыслей записывающего… К примеру, я чувствую сейчас напряжение в шее, кручу головой, потягиваюсь, поворачиваюсь в кресле, прохаживаюсь от стола к окну… в обычной ситуации все эти действия я совершал бы не задумываясь, делал бы все «бессознательно», а сегодня утром я осознаю их, потому что держу в руке диктофон «Олимпус Перлкордер», для того чтобы… Хороший был доклад у Изабель в Сан-Диего… По моделированию трехмерных объектов, она потом послала мне копию… Настоящий ученый… ты самозабвенно трахаешь ее в отеле, а она присылает потом тебе копию своего доклада на память… Бедняжка, покойная Изабель Хочкисс, кто-то сказал мне потом: рак груди, ужасно быть женщиной — у каждой двадцатой есть шанс стать жертвой собственной груди…. У нее были красивые «трехмерные объекты», помню, я сказал ей об этом, когда снял с нее лифчик и ласкал их в руках… Нужно поискать ту пленку, если я только не стер ее, послушать,

помастурбировать в память об Изабель Хочкисс.

Еще одна точка. Смерть — это точка… да ладно, хватит об этом… на кампусе никого нет, оно и не удивите… а вот это интересно, я смотрел в окно некоторое время, но не думал о том, что вижу, вместо этого я думал об Изабель Хочкисс, словно мозг — кинокамера, которая не может показывать ближний и дальний планы одновременно… и как только я перестал думать о ней, в поле зрения попал кампус, его плохо видно из-за дождя, стекающего по стеклу и размазывающего грязь, проблема всех стеклянных офисов — их надо мыть, написать, что ли, докладную записку в административно-хозяйственную часть, пустая трата времени, все равно их бюджет урезан до костей…. Еще стоит подумать о том, чтобы… Проблема заключается во внимании, мы не можем следить за несколькими вещами одновременно. Как эта картинка «утка-кролик» — их можно разглядеть только по отдельности, переходя от одной к другому. Совсем пусто, почти никого, не удивительно, дождливое воскресное утро, народ дома, просматривает газеты за поздним завтраком, студенты отсыпаются после пьянки и наркоты, танцев и ебли, а вот и утренний бегун, шлепает по лужам… Мне бы тоже

побольше физических нагрузок, снова заняться сквошем, но только не бегать, терпеть не могу бега… Говорят, секс — тот же спорт, один трах эквивалентен одной миле бега, но зато как приятно!.. Кто-то идет, какая-то женщина в плаще и с зонтиком, явно не студентка, они плащей не носят, ходят в пуховиках или просто мокнут под дождем… симпатичный плащик, типа с капюшоном, и длинная широкая юбка, кто бы это мог быть… высокие ботинки…. У Кэрри тоже были такие, на высоких каблуках, она любила ходить в них голая по спальне, зная, что мне нравится… теперь уже не ходит, прошлой ночью предлагал ей по-быстрому, а она отказалась… я так возбудился после поцелуев с Марианной, но ничего не вышло… отшила меня за то, что вспылил за столом, но меня просто бесит, когда люди несут такую чушь… А эта дама все бродит по кампусу, кажется, никуда особенно не спешит, просто прогуливается, но кто гуляет в такую… ага, складывает зонтик, дождь перестал, она… это же та женщина, писательница, вчера на ужине, знакомая Рассела Марсдена, Хелен, что ли, ее зовут… ну, конечно, Хелен Рид, живет на кампусе, в одном из этих маленьких двухэтажных домишек к западу между Северн-Холлом и кортами для сквоша, она

же сама сказала мне перед ужином, а свой дом сдала в аренду на семестр, чтобы не таскаться всякий раз в Лондон, как большинство наших писателей, она еще сказала тогда: «Сжигаю лодки… или как там… мосты?» Улыбнулась, но взгляд какой-то затравленный, красивые глаза, очень темная радужка, приятное лицо, красивые брови, верхняя губа чуть опущена вниз, длинная нежная шея, трудно понять, какая у нее фигура и ноги, она была в длинной юбке и свободной блузке, но не худая и не толстая… сколько ей лет? Не меньше сорока, у нее ребенок учится в университете, а другой недавно закончил школу, но выглядит она моложе… «А что ваш муж?» — спросил я, заметив кольцо, но забыв, что она говорила «мой», а не «наш дом». «Он умер, — сказала она, — около года назад». В этот момент Марианна захлопала в ладоши и попросила всех садиться, и у меня больше не было возможности поговорить с этой Хелен, мы оказались на разных концах стола…. Марианна специально так рассадила нас, чтобы я не заигрывал с этой новой симпатичной женщиной, к тому же вдовой, муж которой умер от кровоизлияния в мозг — это Марианна шепнула мне позже. «Внезапная, трагическая смерть, всего сорок четыре года, он работал на Би-би-си»… Так,

зашла за угол металлургического, интересно, куда она все-таки идет в пол-одиннадцатого, в такой сырой день, должно быть, ей здесь ужасно одиноко. «Приходите к нам на ланч как-нибудь в воскресенье», — пригласила ее вчера Кэрри, когда мы уходили, и она согласилась, мне кажется, они понравились друг другу, Марианна тоже это заметила. Славно мы с ней позажимались на кухне, в перерыве между главным блюдом и десертом, мой язык блуждал у нее во рту, а она теребила меня за задницу, у меня от одной мысли уже встает… Как это возбуждает — молча целоваться на вечеринке! Началось все с того вечера перед Рождеством, у Гловеров, когда мы оба были пьяные, и с тех пор каждый раз… при случае, но мы никогда не говорим об этом, и так ясно, когда можно воспользоваться удобным моментом — такая вот у нас игра… опасная, но от этого захватывает еще больше… В прошлый раз Марианна удачно придумала: попросила помочь ей унести грязную посуду, словно хотела отвлечь меня от спора с Летицией Гловер, но я заметил, что Кэрри удивилась, как охотно я согласился, а Аннабель Ривердэйл даже шутливо сказала ей: «Он у вас послушный»… Интересно, Марианна ко мне серьезно относится? Не думаю, скорее всего

ей просто нравится представлять себе, будто мы любовники, ведь Джаспер — такой болван, и ей хочется о ком-нибудь фантазировать, когда он ее лапает. Если бы я в такой интимный момент сказал что-нибудь, хотя бы «дорогая», то она отскочила бы от меня и положила конец нашим играм, потому что все стало бы слишком серьезно и по-домашнему.

Еще одна пауза, пробел… «Олимпус Перлкордер», откуда такое название? Нам предлагают записывать на него свои мудрые «перлы». Банально, но что еще это может означать? Возвращаюсь к столу, сажусь на крутящийся стул, еще раз бросаю взгляд в окно, заполненное серым небом, ненавижу идиотский английский климат, представляю себе прохладный прозрачный воздух в Бостоне, чистое небо, снег, искрящийся на солнце, или еще лучше в Пасадене, апельсины и лимоны в саду, или, как они говорят, на заднем дворе, хоть этот «двор» и в несколько акров. Как у Папаши Тёрлоу в Палм-Спрингс… Проверить электронную почту? Нет, моя задача сейчас — не совершать тех действий, которые могут вызвать специфический поток мыслей, если только это поток, а не «сточные воды», как однажды выразилась Кэрри… Легко симулировать мысль, если

она направлена на какую-нибудь определенную цель, например, выиграть партию в шахматы или решить математическую задачу. Но как вызвать случайные мысли, непредсказуемые, обыкновенные, досужие мысли, как выстроить из них спонтанный архитектурный ансамбль — вот настоящая проблема, и это упражнение, видимо, должно помочь ее решить.

Можно пойти за ней, сделать вид, что случайно с ней столкнулся, сказать: «Я просто увидел вас из окна кабинета, и мне показалось, что вам одиноко»… Нет, не то, люди не любят, когда им говорят, что они… «Просто увидел вас и подумал, а вдруг вы не откажетесь от чашечки кофе, в прошлый раз нам так и не удалось поговорить»… Почему бы нет? [*конец записи*]

Сейчас 11.03. Я выходил на улицу, чтобы поймать ее, но она буквально растворилась в воздухе, и я полчаса бродил по кампусу, ее не было ни в магазине, ни у озера, библиотека сегодня закрыта, возможно, она пьет кофе с каким-нибудь студентом, но это маловероятно, скорее всего она уже дома, но я не решился бы постучать, даже если бы знал, какая у нее дверь, нет, все должно быть спонтанно, а я уже начинаю чувствовать себя глупо, тем более что опять пошел дождь. Я

вернулся обратно и тут же позвонил Кэрри, она попросила захватить молоко в гараже, по пути в Подковы. Велела не опаздывать на ланч, а я спросил, что у нас на ланч, она ответила — жареная свинина с яблочными колечками, тогда я спросил, с корочкой или нет, конечно, с корочкой, сказала она. В таком случае я не опоздаю, сказал я… Кэрри лучше всех готовит свинину, сочную и хрустящую, у меня от одной мысли уже слюнки текут. Но потом Кэрри сказала, что после ланча Поло и Сок хотели бы поехать со мной кататься на велосипедах. По мне, так лучше бы дети развлеклись сами, а мы с Кэрри могли бы прилечь. «Даже не рассчитывай», — сказала она и положила трубку. Однако ее голос звучал скорее удивленно, чем раздраженно. К вечеру согласится… Я хочу ее, потому что вчера она отказалась… если бы не это, я б уже не хотел ее сейчас, заранее. Если она почему-то говорит «нет», я не могу успокоиться, пока не пересплю с ней… Печально, конечно, но такова жизнь. Или мужики. Или я.

2

Понедельник, 17 февраля. Ну вот, более-менее обосновалась. Меня поселили в двухэтажной «мезонетке», как их здесь называют (приторное французское словцо, никогда мне не нравилось), в самом конце ряда из пяти домов, зарезервированных для постоянных посетителей или недавно принятых на работу сотрудников. Открытая планировка гостиной с «кухонеткой» внизу, наверху «спальнетка» и «ваннетка», соединенные открытой лестницей. Дом для меня слишком большой, но я люблю просторные комнаты и высокие потолки, как на Блумфилд-крезнт. Дизайн в скандинавском стиле: наружная кирпичная кладка и беленые стены, модельная сосновая мебель, синтетическое ковровое покрытие — все это напоминает «Новотель»: функционально и безрадостно. А то обстоятельство, что дом переоборудовали специально для меня, почему-то и вовсе не вдохновляет… Нужно накупить репродукций, оживить стены. Хорошо бы привезти из дома какую-нибудь любимую картинку — литографию Ванессы Белл, например. Дом. Да

хватит думать о доме. Теперь вот *это* — мой дом на ближайшие шестнадцать недель весеннего семестра.

«Семестр», «кампус». Университеты в последнее время жутко американизировались, или это мне просто кажется из-за того, что я училась в слишком традиционном заведении. К тому же, когда я поступила в Оксфорд, Глостерский университет уже существовал. Наверное, именно так и должен выглядеть «полевой» университет, утопающий в зелени, расположенный в том самом месте, где Севернская долина смыкается с Котсуолдом. Университет называется Глостерским, хотя до Челтнема, на самом деле, ближе. Наверное, основатели подумали, что название кафедрального города придаст университету больше веса. «Челтнемский университет» звучит как-то неубедительно. Но в любом случае вот он передо мной — гигантский бетонный плот, плывущий по зеленым полям графства Глостершир, или скорее два плота, свободно связанные друг с другом, поскольку здания разделяет зеленая зона с искусственным озером. Вежливо пыхтящий автобус с утра до вечера колесит по дорожкам, увозя и привозя людей, как в аэропорту. Джаспер Ричмонд, заведующий кафедрой английского языка

и декан гуманитарного факультета, рассказал, что изначально, в утопических шестидесятых, планировали построить огромный кампус, как в университете какого-нибудь американского штата, и он бы вмещал в себя тридцать тысяч студентов. Сначала возвели гуманитарный корпус с одной стороны и естественных наук с другой и думали, что постепенно застроят оставшиеся между ними акры. Но цены подскочили, финансирование сократилось, и в восьмидесятых правительство решило, что дешевле будет росчерком пера превращать техникумы в новые университеты, чем достраивать уже существующие. Так что в Глостерском университете вряд ли когда-нибудь окажется больше восьми тысяч студентов, а открытое пространство между корпусами, наверное, так и останется незастроенным. «Архитектурная аллегория двух культур», — сказал Джаспер Ричмонд, кисло улыбнувшись. Мы стояли на десятом этаже гуманитарного корпуса и смотрели в окно на здание естественнонаучного. Подозреваю, что Джаспер уже не раз это говорил. Почти все его высказывания слегка избиты, как бумага, которая перестала шелестеть оттого, что к ней слишком часто прикасались. Видимо, это неизбежно для учителя и даже преподавателя

университета — все время приходится повторять одно и то же по сто раз.

При этой мысли меня охватило мрачное предчувствие. Не стоит наговаривать на преподавателей — ведь я теперь сама одна из них. Джаспер Ричмонд показал мне запись в справочнике факультета: «Магистр гуманитарных наук. Писательское мастерство. Художественная проза. Вторник — четверг, 14.00–16.00. Преподаватель Хелен Рид (доктор Р. П. Марсден находится в творческом отпуске)». Рассел Марсден, критик и составитель антологий, в ранней юности автор двух романов в духе Мервина Пика, первый хороший, второй — не очень. Рассел вел курс с момента его возникновения, а сейчас уединился в загородном доме, чтобы закончить или (если верить злорадному замечанию Джаспера Ричмонда) начать писать долгожданный третий роман. Я немного испугалась, узнав, что Рассел Марсден уже уехал на юг Франции, поскольку надеялась, что он введет меня в курс дела. Весь мой педагогический опыт ограничивается вечерним курсом в колледже Морли, где я преподавала разношерстной компании домохозяек, безработных и пенсионеров, принятых на обучение не по конкурсу, а в порядке живой очереди, и кое-кто

не имел совершенно никакой квалификации. В общем, едва ли адекватная подготовка для руководства самыми престижными литературными курсами. Студенты, прошедшие жесткий отбор при поступлении, уже обладают неплохим багажом знаний: они знакомы с такими понятиями, как постмодернизм и постструктурализм, о которых мы в свое время в Оксфорде имели весьма смутное представление: что-то заморское, какой-то грохот двуколок по булыжнику интеллектуального Парижа, недоступный пониманию жаргон, слабо доносившийся до нас со страниц толстых американских ежеквартальников. Когда я намекнула об этом Джасперу Ричмонду, он сказал: «Ну да, я всегда считал, что хорошие студенты учатся друг у друга». Не знаю, что он хотел этим сказать, наверное, успокаивал меня.

Я спросила, давно ли он работает в Глостере. Он ответил со вздохом: «Дольше, чем хотелось бы. Я — один из пионеров. Когда все это (он жестом указал на панораму) было одной огромной стройкой, мы ходили на заседания факультета в зеленых галошах». В голосе его слышались тоска и ностальгия.

По-моему, темнеет здесь раньше, чем дома (опять я за свое), хотя разумеется, мне просто

показалось. Ведь в Лондоне никогда не бывает совершенно темно. Миллионы фонарей, световая реклама, освещенные витрины магазинов — весь этот свет рассеивается в небе, и оно кажется не черным, а скорее желтовато-серым. Здесь же только фонари, расставленные на приличном расстоянии вдоль дорог, и огоньки, которыми увиты лестницы и пешеходные переходы. Все это кажется жалкой попыткой рассеять зимнюю темноту. За ограждением, отделяющим кампус от остального мира, видны только темные поля и деревья, а огоньки разбросанных тут и там ферм кажутся еле различимыми кораблями в море.

И повсюду царит зловещая тишина. В пять было что-то вроде «часа пик», когда профессора выруливали с многоярусных стоянок (они кажутся на редкость уродливыми в этом пасторальном окружении) и разъезжались в пригороды Котсуолда и Челтнема. Менее обеспеченные работники университета и студенты, не живущие на кампусе, садились в автобусы. Сразу после шести воцарилась глубокая деревенская тишина. Я могу различить звук двигателя каждого отдельного автомобиля, вот он приближается и проезжает мимо моей двери. Совсем не похоже на постоянный, беспорядочный шум лондонского

транспорта.

Боже, как я несчастна!

Зря я сюда приехала, хочется сбежать обратно в Лондон — там мой настоящий дом, а не этот невзрачный ящик. Но как? А почему бы нет? Я же еще не начала занятий, со студентами не знакомилась, жалованья пока не получала. Они легко подыщут кого-нибудь другого на мое место — тут полно хороших авторов, которые не отказались бы от такой работы. А что, если уехать завтра утром, пораньше? Представляю себе эту картину: я тихонько выползаю из дома еще затемно, воровато загружаю вещи в машину, опускаю крышку багажника, осторожно, чтобы соседей не разбудить. На столе в зале, вместе с ключами от дома, записка: «Я сама во всем виновата. Не надо было мне соглашаться на эту должность. Простите меня, пожалуйста». А потом хлопаю дверью этой скандинавской клетки для кроликов, еду по пустой дороге, вдоль которой мелькают шеи фонарей, закутанные в туманную дымку. Притормаживая у шлагбаума, машу рукой зевающему охраннику. Он кивает в ответ, ничего не подозревая, поднимает шлагбаум, я выезжаю, как сквозь КПП «Чарли» в шпионском фильме времен хо-

лодной войны — и вот я свободна! Вниз по авеню, к главной дороге, — пролетают автотрассы М-5, М-42, М-40, наконец, Лондон, Блумфилд-крезнт, дом.

Но дом № 58 по Блумфилд-крезнт я сдала одному американцу — историку литературы, и он проведет там отпуск со своей женой. Они приезжают в следующую пятницу. Ну, и что такого, пошлю им факс: «Извините, к сожалению, все сорвалось, дом будет занят». Могут ли они подать на меня в суд? Официального контракта не было, но, возможно, он предъявит нашу переписку… Да какой смысл в этих пустопорожних размышлениях, когда мы оба знаем (под «нами» я подразумеваю свое невротическое и более рациональное «я»), так вот, когда мы знаем (так ведь?), что это просто фантазии? Главная причина, почему я никуда не убегу завтра, — не американские арендаторы и не университет, который тоже может подать на меня в суд (хотя до этого вряд ли дело дойдет), главная причина — у меня не хватит смелости. Терпеть такой позор, чувствовать вину и стыд — ведь все поймут, что я струсила и запаниковала. Представляю себе звонок Полу и Люси, их разочарованные голоса, как они будут пытаться морально поддержать свою сумасшедшую

мамочку. Представляю себе плохо скрываемые улыбочки на литературных вечеринках, когда все будут шептаться, потягивая белое вино и поглядывая на меня. «Хелен Рид, ну, знаете, она еще собиралась читать лекции по писательскому мастерству в Глостерском университете, но сбежала в первый же день семестра. Испугалась…» И еще, быть может, прибавят: «Нет, я ее не обвиняю, я бы тоже, наверное, испугался». Но в любом случае они будут относиться ко мне с некоторым презрением, и я тоже буду презирать себя.

Но фантазия была неплохая. Я даже придумала, какую музыку буду слушать в машине — концерты Вивальди для духовых, с их живыми и веселыми аллегро.

Вторник, 18 февраля. Сегодня познакомилась со студентами, в унылой аудитории, на восьмом этаже гуманитарного корпуса. Мы расселись вокруг большого стола, покрытого меловой пылью. На стене висели знаки, похожие на дорожные, которые символически запрещали курить, есть и пить. Неужели студентам в наши дни запрещают есть и пить в классе? Мои в целом производят впечатление обезоруживающе милых людей. Пока просто первая встреча и взаимная оценка, но у них есть одно преимущество: они уже

узнали друг друга, целый семестр проучившись у Рассела Марсдена. Это сплоченная команда, в которой каждый выбрал (или ему навязали) определенную роль: экстраверт, скептик, клоун, утонченный, мятежник, мамочка, непослушный ребенок, девочка-загадка и так далее. У них одна я, а мне нужно двенадцать человек запомнить. Почти всем уже за двадцать, и большинство несколько лет проработали, а потом уволились и живут теперь на сбережения или в кредит. Это усложняет дело и еще больше нервирует меня. Смогу ли я отработать их деньги?

Чтобы снять напряжение, я решила сначала почитать им что-нибудь свое. В колледже Морли на первом уроке это сработало, но сейчас я не была настолько же уверена в себе. Я почитала из «Глаза бури». Ничего нового или неоконченного у меня нет. С тех пор как Мартин умер, я не могу ничего писать, только дневник веду. В сентябре пробовала начать новый роман — не вышло. Старалась заставить себя, но работа вызывала физическое отвращение. Выдумывать несуществующих персонажей, их действия, разговоры, после того как кто-то реальный, близкий и любимый так внезапно и жестоко перестал существовать, как пламя свечи, зажатое между пальцев, и

[Пауза, во время которой я немножко поревела. Плохой знак: думала, что уже давно от этого отучилась. Постоянно осознаю пустоту, оставленную в моей жизни его смертью. Как дырка на месте вырванного зуба, которая кажется такой пугающе огромной, когда трогаешь ее языком. Или как ампутированная конечность. Говорят, людям с ампутированной конечностью еще долго кажется, будто она осталась на месте.]

Так вот, чтобы прозондировать почву, я почитала им из «Глаза бури», главу про воздушного змея. Студенты слушали внимательно, хмыкали и улыбались в положенных местах, потом задавали толковые вопросы. Но все равно чувствовалось напряжение, будто им хотелось быть более критичными, но они не решались. Нет — это просто моя паранойя.

Среда, 19 февраля. Сегодня с несколькими студентами провела индивидуальные занятия в кабинете Рассела Марсдена, на десятом этаже гуманитарного корпуса. Мое имя написали трафаретными буквами на листе бумаги и довольно неуклюже заклеили табличку с его именем. Рассел освободил для меня несколько книжных полок и ящиков стола, но запер конторский шкаф.

Оставил на шлакобетонных стенах и полках красноречивые свидетельства своих художественных пристрастий: Мапплторп, Фрэнсис Бэкон, Люсиан Фрейд. Без них комнатка выглядела бы удручающе. Между тем меня никак не покидает чувство, что я здесь — самозванка.

Первым постучал в дверь Саймон Беллами. Воспользовавшись удобным случаем, я спросила, почему группа вела себя так сдержанно вчера на семинаре. Саймон — экстраверт, симпатичный, веселый, кудрявый и умеет ясно излагать свои мысли. Он — негласный лидер в группе, и задать ему вопрос было легко. Он объяснил, что студенты не знали, как реагировать, потому что Рассел Марсден никогда не читал им своих вещей. «Нам казалось, — сказал Саймон с обезоруживающей улыбкой, — что если мы будем хвалить роман, то покажемся подхалимами, а если будем критиковать, то это будет выглядеть невежливо». Потом добавил: «На самом же деле, я считаю, что роман отличный». И мы вместе посмеялись, как ловко он подкинул мне леща. Но я ему все равно поверила. Всегда хочется верить, когда тебя хвалят. Даже когда знаешь, что человек делает это не без шкурного интереса, похвала кажется заслуженной.

Сегодня мне позвонила Марианна Ричмонд, жена Джаспера, и пригласила на ужин «с друзьями» в субботу. Так что жду с терпением. Выходные вселяют в меня ужас. Особенно воскресенье — самый ненавистный день недели. Одиночество. Пустота.

На обоих этажах всегда очень тихо. Соседняя часть дома пустует. Рядом живет джентльмен из Африки, который уходит рано утром и приходит поздно вечером. Я видела его в читальном зале факультета обществоведения и подозреваю, что он проводит там все свое свободное время. Чуть подальше живет пожилой профессор экономики из Канады, достаточно милый, но совсем глухой. Еще дальше — улыбчивая, но молчаливая пара японцев, их академический статус никому не известен. Не так уж много возможностей для общения. Я все еще подумываю о побеге, но с каждым днем его вероятность уменьшается, а возможные последствия становятся все серьезнее. Так что пока я нахожусь в неопределенности, но надеюсь, что скоро достигну психологической «точки невозвращения» и смирюсь, наконец, с судьбой. В то же время мозг продолжает возвращаться назад и прокручивать другие варианты развития событий: я ищу работу, мне ее пред-

лагают, пройдясь по кампусу и хорошенько подумав, я вежливо отказываюсь и весело, напевая под магнитофон, возвращаюсь обратно в Лондон — к привычной жизни. Вынимаю из ящика стола свой начатый роман и чувствую, что мне, наконец, хочется его продолжить. Полуподвал дома № 58 на Блумфилд-крезнт я (с легкостью) превращаю в небольшую квартирку, и какая-нибудь милая женщина моих лет, тоже вдова или разведенная, занимает ее и становится моей собутыльницей и преданной подругой. По-прежнему предаюсь мечтам. Иногда моим квартиросъемщиком становится мужчина со всеми вытекающими. Мечты такого рода слишком похожи на сентиментальные дамские романы издательства «Миллз-энд-Бун», чтобы я их записывала даже в этот дневник. Я раздваиваюсь: на Хелен Рид, которая недавно начала работать в Глостере, спокойная, квалифицированная и добросовестная. И другую Хелен Рид — сумасшедшую, запутавшуюся и распущенную, которая ведет параллельную жизнь в голове у первой.

Напряжение из-за необходимости вести две эти жизни одновременно становится почти невыносимым. Я жду ночи, когда можно будет соединить мои «я» в одно целое и уложить их спать на

несколько часов. Сон — такое блаженство, которым по определению невозможно наслаждаться сознательно. Есть краткий момент приятного бессилия, когда чувствуешь, что засыпаешь, словно тебе сделали анестезию, а в следующий момент уже осознаешь, что все кончилось, ты проснулась, и тебя снова и с большей силой охватывают все те же опасения и сожаления, и уже невозможно вспомнить это безвозвратно ушедшее ощущение свободы во время сна. Склоняюсь к мысли, что мне все же стоит сходить в медицинский центр и взять таблеток от бессонницы. После смерти Мартина я так часто пила их, что по утрам превращалась в зомби, и потому решила отказаться от них, если смогу.

Четверг, 20 февраля. Вторая встреча со студентами в группе. Творческий семинар, а это значит, что один из студентов читает свою неоконченную работу (в будущем нужно будет заранее раздавать распечатки), а остальные разбирают ее по косточкам, я же выступаю третейским судьей. Такие семинары проходят каждый четверг. А во вторник я сама могу составлять план урока. Могу заставить их выполнять упражнения или обсуждать любой выбранный мною текст.

Рассел Марсден обычно просил студентов

открыто выражать свое мнение во время семинаров, и мне от этого как-то не по себе, особенно после той атмосферы «поддержим-друг-друга», что царила у меня на вечернем курсе в Морли. Рейчел Макналти прочитала отрывок из своего неоконченного романа о девочке, выросшей на ольстерской ферме. Мне ее сочинение показалось искренним и убедительным, хоть и немного сырым, но двое студентов раскритиковали его, потому что, по их мнению, в нем недостает трагизма. Встал вопрос: можно ли писать о Северной Ирландии, не касаясь политической ситуации? Я дипломатично предположила, что напряжение в семье героини романа можно считать символом раздробленности нации в целом. Но сама Рейчел не согласилась с моей спасительной формулой и сказала, что есть вещи поважнее политики, и о них-то ей и хотелось написать. В глубине души я была солидарна с ней.

Пятница, 21 февраля. Насколько я поняла, не все студенты живут на кампусе. Большинство вдвоем или поодиночке снимают квартиры в Челтнеме или Глостере. Некоторые постоянно проживают в Лондоне или других местах, а здесь проводят лишь несколько дней в неделю, ночуя во вторник и среду в маленьких пансионах или

на диванах у своих друзей. Так что порой я кажусь себе больше студенткой, чем они. Вчера после семинара мы все пошли в кафе арт-центра, и я почти что с завистью слушала об их планах на выходные, которые они собирались провести за пределами кампуса. По мере того как я узнаю кампус, он кажется мне все более неподходящим местом для молодежи, желающей узнать жизнь. Студентам без машин непросто добраться до Челтнема или Глостера — нечего и пытаться. Все необходимое тут есть: небольшой супермаркет, прачечная, банк, парикмахерская, книжный магазин, где можно купить канцелярские товары, а также несколько баров, кафе и столовых. В арт-центре постоянно идут концерты, гастроли театральных трупп, выставки и кинопоказы. Как говорит Саймон Беллами, который жил здесь несколько лет назад, многие студенты не покидают кампус до самого конца семестра. Они так редко соприкасаются с жизнью за его пределами, словно находятся на секретной авиабазе за электрифицированной оградой или же на околоземной орбите. Саймон заверил меня, что им тут всего хватает: «Для многих это первый опыт жизни вне дома. Можно безнаказанно экспериментировать с наркотиками, алкоголем и

сексом. В медицинском центре — бесплатные контрацептивы. Никаких проблем с выпивкой за рулем. Никто не лезет тебе в карман, не указывает, когда спать, вставать или убирать в комнате. Об этом все подростки мечтают. Просто рай». Он усмехнулся, перечислив все преимущества. Но если они в конце концов пресытятся, что потом? Самое мрачное место на кампусе — задымленная комната на первом этаже студенческого клуба, где стоят игровые автоматы и компьютеры. Такое впечатление, будто она открыта двадцать четыре часа в сутки, и там всегда можно встретить нескольких кататоников, орудующих рычагами и жмущих на кнопки, пристально уставившись в мониторы. Неужели ради этого они стремятся сдать экзамены повышенного уровня, корпят над анкетами Центрального совета приемных комиссий и опустошают карманы родителей? Слава богу, Пол сейчас в Манчестере, а Люси в Оксфорде — в реальных местах с реальными людьми.

Я стала замечать, что от такой жизни приобретаю дурные привычки. Тут есть телевизор, и я смотрела его всю эту неделю. Дома я обычно не включаю его до самых девятичасовых новостей и изредка, поздно вечером, смотрю какую-нибудь передачу про искусство или художественный

фильм. На этой неделе я смотрела телевизор каждый раз за ужином и оставляла его включенным, потому что, когда он выключен, тишина становится просто невыносимой, а музыку на таком малюсеньком транзисторе я слушать не могу. Пересмотрела все передачи, которые обычно не смотрела никогда, мыльные оперы, комедии и полицейские телесериалы, поглощая их методично и без разбора, как ребенок, поедающий одну за другой перемешанные в коробке конфеты ассорти. Если хочешь забыться или отвлечься, то нет ничего лучше вечерней телевизионной программы. Каждый кадр длится не дольше тридцати секунд, а персонажи сменяют друг друга так стремительно, что они даже не кажутся картонными.

Суббота, 22 февраля. Вчера вечером после новостей смотрела по телевизору «Привидение», хоть я его уже смотрела раньше с Мартином — или скорее *потому*, что я смотрела его с Мартином. Тогда этот фильм всех очень удивил, и все только и говорили о нем. Помнится, нам он тоже понравился. Мы еще осуждали режиссера за злоупотребление сверхъестественным. Мне запомнилась только сюжетная канва: молодой человек возвращается домой с девушкой, его

убивают на улице, а потом он пытается защитить ее от заговорщиков, которые его убили. Он стал привидением, невидимым и может общаться с ней только через медиума. Особенно хорошо запомнились те эпизоды, где кто-нибудь из героев умирал. К примеру, тот момент, когда главный герой поднялся с земли, целый и невредимый, и осознал, что уже мертв, только увидев, как его обезумевшая от горя девушка обнимает его безжизненное тело. А когда умирали злодеи, их тут же с воплями утаскивали в ад темные бесформенные фигуры. Еще помню, что Вупи Голдберг была очень смешной в роли мошенницы-медиума: та опешила, столкнувшись с настоящим миром духов. Сейчас все эти эпизоды произвели на меня не меньшее впечатление, но я даже не подозревала, что меня так захватит любовная история. Деми Мур, которую я всегда считала актрисой совершенно деревянной, показалась мне очень трогательной в роли женщины, потерявшей любимого. Когда она плакала, у меня глаза тоже были на мокром месте. Короче, я проплакала почти весь фильм и сквозь слезы смеялась над Вупи Голдберг. Я понимала, что кино — сентиментальная дешевка, но это не имело значения. У меня не было сил, да мне и *не хотелось* сопро-

тивляться; я желала, чтобы меня захватил поток эмоций. Когда герой-привидение с помощью Вупи Голдберг напоминал своей возлюбленной об интимных моментах их совместной жизни, о которых никто не мог знать, кроме них двоих, кожа моя покрывалась мурашками. А когда герой (я уже забыла его имя, да и актера тоже) становился полтергейстом и пользовался своей силой, чтобы запугать убийцу, угрожавшего Деми Мур, я ликовала и хлопала в ладоши. В дурацкой сцене в конце фильма, где Вупи Голдберг разрешает герою на время вселиться в ее тело, и потом они с Деми Мур танцуют щека к щеке под романтическую мелодию, звучавшую в начале, когда они занимались любовью… я просто испытала экстаз. Потом полежала в горячей ванне, еще раз прокрутила в голове любимые сцены фильма, потягивая вино, а перед сном помастурбировала — я не занималась этим с тех пор, как была подростком. Представила, будто дух Мартина вселился в мою руку и занимается со мной любовью.

Проснулась рано и, как обычно, в подавленном настроении, но стыдно не было. Кажется, у меня случился своеобразный катарсис.

Воскресенье, 23 февраля. О вчерашней вечеринке у Ричмондов. Самое знаменательное

событие первой недели в Глостере. Занятный был вечер. У них неплохой дом в пригороде, примерно в десяти милях отсюда — современный, но со вкусом спроектированный в традиционном стиле, из котсуолдского камня. Разыскивая его, я заплутала в темных узких улочках и пришла последней. Сначала опешила от стольких новых лиц, но, к счастью, в пятницу, когда мы с Джаспером пили кофе в учительской, он дал краткую характеристику каждому из приглашенных.

Джаспер открыл дверь и удивил меня, громко чмокнув в щеку. Я подумала, что это слишком смело, ведь мы едва знакомы, но не стала сопротивляться. Он держал в руке бокал вина — похоже, не первый за этот вечер. Рядом топтался какой-то подросток, беспокойно пританцовывая и покачиваясь.

— Оливер, возьми пальто у Хелен, — сказал ему Джаспер и познакомил нас.

— Это мой сын Оливер. А это — Хелен Рид. Она писательница. Пишет романы.

— Эгг тоже пишет роман, — сказал Оливер, глядя мимо меня.

— Правда? — вежливо осведомилась я. — А кто такой Эгг?

— Эгг живет в Лондоне, вместе с Милли, Анной

и Майлзом.

— Персонаж телесериала, — объяснил Джаспер и свободной рукой помог мне снять пальто. — Про молодых юристов, живущих в одном доме.

— В последнее время я много смотрю телевизор, — сказала я, — но этот, кажется, пропустила.

— Мне больше всего Майлз нравится, — сказал Оливер, снова глядя мимо меня.

— Давай, Оливер, повесь пальто Хелен, — Джаспер протянул ему мое пальто, — потом можешь пойти и посмотреть телевизор. Ну, беги.

Когда Оливер унес пальто, Джаспер сказал:

— Забыл предупредить вас. Оливер — аутист.

— Ничего, все в порядке, — ответила я.

— Он думает, что персонажи мыльных опер — реальные люди.

— Он не один так думает.

— Это точно, — ответил Джаспер, улыбаясь.

Он проводил меня в гостиную и представил Марианне. Та стояла у двери в безукоризненном черном платье, которое оживляла дорогая золотая брошь, и регулировала освещение. Со вкусом обставленная комната с камином была оборудована верхней и нижней подсветкой так, что при определенном повороте рампы свет падал прямо на тебя, и казалось, будто ты на сцене, в мюзикле

Стивена Зондхайма. Все оборачиваются, словно ожидая, что ты сейчас запоешь или пустишься в пляс. Марианна когда-то служила в издательстве, и у нас оказалось несколько общих знакомых. Сейчас она работает дома, свободный редактор. Моложе Джаспера и, я подозреваю, — его вторая жена. Холеная (золотистый лак для ногтей, гармонирующий с брошью) и весьма искушенная в светских делах. Говорит с тобой и постоянно оглядывается по сторонам, следя за гостями.

Остальные присутствующие: Реджинальд Гловер — волосатое лицо, очки в роговой оправе, марксист, профессор истории, с женой Летицией, специалисткой по музыкальной терапии, вегетарианкой и, как выяснилось позже, приверженицей «Друзей Земли». Колин Ривердэйл, молодой лектор кафедры английского, свежий и румяный, с женой Аннабель. Похоже, он протеже Джаспера, стремился произвести на меня благоприятное впечатление. По поводу «Глаза бури» сделал мне пару таких непростых комплиментов, что, наверное, учил их несколько дней подряд, готовясь к нашей встрече. Как и Джаспер, специализируется на восемнадцатом веке. Аннабель работает в университетской библиотеке и выглядит очень измотанной: она старается совмещать

работу с воспитанием троих детей — самый маленький спал в переносной кроватке в спальне Ричмондов. Она почти ничего не говорила весь вечер и один раз даже задремала. Седовласый профессор гуманитарных наук Николас Бек был приглашен для того, чтобы составить мне пару, но только как сосед по столу, поскольку он холостяк и гомосексуалист. Он недавно приехал в Глостер из Кембриджа и умеет поддерживать вежливую беседу на любую тему, из которой потом ничего не помнишь. Джаспер увлеченно расспрашивал его о винах: видимо, закупает их для своего колледжа. Бек вежливо одобрял, но в то же время подспудно критиковал предложения Джаспера. Например: «Понятное дело, австралийское красное стало в последнее время заметно лучше».

Самые яркие гости, о которых Джаспер мне особенно подробно рассказывал, — Ральф и Кэролайн Мессенджеры. О Ральфе я уже знала: его часто можно услышать по радио или увидеть по телевизору, особенно в «Начале недели», а в воскресных газетах он пишет рецензии на книги по психологии и естественным наукам. Здесь он, похоже, слывет звездой — профессор и директор престижного Центра когнитивных наук Холта

Беллинга. Здание центра напоминает обсерваторию, Джаспер показал мне его из окна своего кабинета, как только я здесь появилась. Мессенджеру за сорок, у него большая красивая голова, густые седые волосы зачесаны назад, широкие брови, нос с горбинкой и волевой подбородок. В профиль он показался мне похожим на римского императора с древней монеты. Кэролайн, или Кэрри, как ее все здесь зовут, — американка. В молодости, наверное, она, была красавицей, да и сейчас у нее приятное лицо, большие, как у теленка, глаза и светлые волосы. Фигура, правда, тяжеловата — по нынешним представлениям. Она была в свободном шелковом платье, которое выгодно подчеркивало ее пышные женственные формы. Ральф и Кэрри — поразительная пара. Она называет его «Мессенджером», и это производит странноватое, противоречивое впечатление. Звучит полупочтительно, полуиронично. В некотором смысле она как бы ставит его выше остальных смертных, у которых есть домашние имена и официальные. Но в то же время нелепый формализм в обращении жены к мужу устанавливает между ними дистанцию. Перед тем как сесть за стол, мы обменялись с ним парой фраз. У него искренняя и живая манера говорить, со-

четающая американизмы со слегка плебейским лондонским акцентом. Именно поэтому, как считает Джаспер, Мессенджера любят журналисты — его речь не похожа на речь сухаря-академика.

Я сидела напротив Кэрри: с ней легко общаться, она дружелюбна, как все американцы. Сказала, что ей нравятся мои книги, но не стала демонстративно петь дифирамбы, как это делал д-р Ривердэйл. Дала несколько хороших советов насчет магазинов в Челтнеме — она в этом разбирается.

Джаспер сказал, что с финансовой точки зрения Кэрри — прекрасная партия для Ральфа, и прибавил:

— Я думаю, поэтому Ральф по-своему ей верен.

— Как это, по-своему? — спросила я.

— Ну… Кэрри призналась Марианне, что у них есть договоренность: Ральфу не разрешается изменять ей на ее территории. У него и так немало возможностей развлекаться вне дома. На конференциях, например, или в рекламных турах. В «Частной жизни» его, между прочим, однажды назвали «ученым членом», — усмехнулся Джаспер и спросил, не смотрела ли я телесериал Мессенджера о проблеме взаимоотношения мозга и тела.

— Да, урывками, — сказала я.

На самом деле, я видела только последние десять минут последней серии, да и то случайно. Программа шла слишком рано, к тому же я не очень люблю научно-популярные передачи. Хотя сейчас можно было бы посмотреть. Вспомнилась большая римская голова Ральфа Мессенджера. Как он оторвался от аппарата (удлиненная конструкция, в которой лежал пациент, так, словно его телом вот-вот должны выстрелить, как из пушки) и сказал в камеру: «Так что же такое счастье и что такое несчастье? Может быть, это лишь проволочки в мозгу?»

Эта голова кажется непропорционально большой, когда видишь Мессенджера в полный рост, потому что ноги коротковаты. У него бычья шея и широкие покатые плечи, а голову он держит с небольшим наклоном вперед, словно готовясь к нападению. Без сомнения, он выделялся из прочих присутствовавших — чем-то неуловимым, таким обычно отличаются киноактеры или государственные деятели. Я изредка поглядывала на него, стараясь понять, как он умудряется не вздрагивать и не обращать внимания на постоянные вспышки софитов. Я встретилась с ним глазами, и он добродушно улыбнулся. Мы си-

дели слишком далеко друг от друга — чересчур длинный стол, гостей слишком много. В моем конце стола Джаспер вдохновил нас на обсуждение современных экранизаций классических романов, и мы сравнивали две версии «Эммы». (Николас Бек педантично жаловался, что лужайки в обоих фильмах выглядели подстриженными газонокосилкой — явный анахронизм.) На противоположном конце голоса вдруг зазвучали громче. Летиция Гловер и Ральф Мессенджер спорили об экологии.

— Земля нам не принадлежит, это мы принадлежим ей, — благочестиво заявила Летиция. — Краснокожие это понимали.

— Краснокожие? Вы говорите об этих ребятах, которые могли сбросить со скалы целое стадо буйволов лишь для того, чтобы заполучить себе на ужин бифштекс? — воскликнул Ральф Мессенджер.

— Я лишь процитировала речь вождя Сиэтла середины девятнадцатого века, когда американское правительство захотело купить землю, принадлежавшую его роду, — сухо возразила Летиция.

— Знаю я эту речь, — сказал Ральф, — ее в 1971 году написал один американец — сценарист до-

кументальных фильмов.

Аннабель Ривердейл, очнувшись от своего ступора, громко захохотала в воцарившейся тишине и сделала вид, что это — не она.

— Я не знаю ни о какой телепередаче, — продолжала Летиция, краснея, — я это в книге прочитала, и ваш сценарист, видимо, тоже.

— Он все это придумал, — парировал Ральф, — а защитники природы кинулись цитировать его высказывание в своих брошюрах, выдавая его за исторический факт.

Летиция взглянула на мужа, ища поддержки, но тот сидел, опустив голову, и, видимо, не желал рисковать своей научной репутацией, рассуждая на такую скользкую тему. Джаспер галантно пришел на помощь Летиции:

— Даже если фраза не историческая, Ральф, сама мысль все же может быть справедливой.

— Напротив, это совершенно ложная мысль, — сказал Мессенджер, — не мы принадлежим земле, а она принадлежит нам, как самым разумным животным.

— Как самонадеянно и евроцентрично! — Летиция даже закрыла глаза, чтобы как можно дальше спрятаться от этого гнусного утверждения.

— Что вы подразумеваете под евроцентриз-

мом? — вызывающе спросил Ральф, наклонив вперед голову. Мы постепенно притихли и перестали есть.

— Европейские колонизаторы считали землю объектом купли, продажи и эксплуатации, — сказала Летиция. — А коренные народы обладали инстинктом сохранения своей родины и бережно пользовались ресурсами.

— Как раз наоборот — лишь ограниченность их технологий не позволила им полностью уничтожить свою среду обитания.

— Не понимаю, как можно с такой уверенностью это утверждать!

— Полинезийцы истребили половину видов птиц на Гавайях еще до того, как туда приплыл Кук, а новозеландские маори перебили всю популяцию гигантских птиц моа, так и не съев большей части тушек. Индейцы юкуи, живущие в тропиках Боливии, до сих пор срубают целиком деревья, чтобы сорвать с них плоды. «Сохранение» — понятие развитых цивилизаций.

— Мессенджер, перестань выпендриваться, — сказала Кэролайн, и все мы с облегчением рассмеялись.

— Я просто пытаюсь поправить Летицию, — спокойно ответил Ральф.

— Ты же слова не даешь ей сказать.

— Да, — сказала Марианна, сидевшая между Ральфом и Летицией, — оставь Лэтти в покое и помоги мне унести посуду на кухню.

Он радостно согласился и при этом стал похож на оставшегося безнаказанным шкодника, Летиция же печально объявила, что и сама может за себя постоять.

Джаспер открыл еще пару бутылок эвкалиптового пино-нуар (или чего-то в этом роде) и обошел вокруг стола, наполняя бокалы. Я воспользовалась этим, чтобы сходить в туалет, но перепутала двери и попала сначала в кладовку с метлами, а потом — во внутренний дворик. Вышла в сад, наслаждаясь свежим прохладным воздухом, и вдруг заметила освещенное окно кухни. Мне хорошо было видно, как Ральф Мессенджер страстно прижимает хозяйку дома к кухонной двери, а она впивается в его ягодицы своими холеными пальцами с золотыми ногтями. Ее глаза были закрыты, но в любом случае она не увидела бы меня в темноте. Джаспера Ричмонда скорее всего дезинформировали по поводу «договора» Мессенджеров: такового либо не существовало, либо его нарушали.

Сегодня утром — похмелье и расстройство

желудка после вчерашнего обилия вина и еды. Ехала вчера домой медленно и осторожно, но все равно чувствовала, что перебрала. Сегодня после завтрака решила подышать свежим воздухом. Затянутое тучами небо не обещало ничего хорошего, и только я вышла на улицу, начался дождь. Блужданье по кампусу промозглым воскресным утром не слишком поднимает настроение, но я решила обследовать окрестности и запомнить расположение факультетов. Здания шестидесятых и семидесятых годов плохо сохранились. На фасадах пятна влаги, как на промокашках, а яркие цветные панели, призванные разнообразить господствующую серость, облезли и потрескались во многих местах. Здание Центра когнитивных исследований, где работает Ральф Мессенджер, видимо, строили позже и по более высоким стандартам. Это полукруглое строение с куполообразной крышей и неглубокой выемкой в середине купола очень похоже на обсерваторию — только телескопа не хватает. По словам Джаспера Ричмонда, здание построили на деньги компьютерной компании Холта Беллинга после проведения международного конкурса, а разделенный купол символизирует два полушария человеческого мозга. Стены Центра — из зеркаль-

ного стекла. Интересно, что оно символизирует — тщеславие когнитивных ученых?

Чуть позже я натолкнулась на другое здание странной формы — на сей раз восьмиугольное. Оказалось, что это экуменическая часовня, место встречи представителей разных христианских конфессий, где (если верить объявлениям на доске) собираются также буддисты, бахаисты, трансцендентальные медитаторы, энтузиасты йоги, тай-чи и другие нью-эйджевые группы. Услышав знакомый с детства церковный гимн, я вошла. В детстве я пела его в нашем приходе. «О Боже, я в благоговейном страхе…» Посмотрела в расписание на стене: началась католическая месса. Я тихонько присела в заднем ряду.

Начинаю понимать, что с религией у меня полная путаница. Но я все-таки благодарна своим родителям за то, что они дали мне католическое образование, несмотря на связанные с ним ненужные муки совести, разочарование и скуку, которые я постоянно испытывала в детстве, да и в зрелом возрасте тоже. Я оглядываюсь назад, и меня переполняет ностальгическая нежность к учившим меня сестрам. Многие из них свихнулись на предрассудках и сексуальном воздержании и пытались вселить в меня суевер-

ный страх. Я перестала верить в католицизм на втором курсе Оксфорда и в том же году потеряла девственность. Эти два события взаимосвязаны — я не могла считать грехом поступок, который показался мне таким освобождающим, а тем более не могла пообещать никогда так больше не делать. Затем последовало интеллектуальное неприятие всех остальных католических догматов, хотя трудно сказать, как следствие или как осмысление этого нравственного выбора. Несколько лет спустя после некоторых колебаний я обвенчалась в католической церкви, чтобы не причинять боль своим родителям, а еще потому, что мне казалось недостаточным просто зарегистрироваться в загсе. Детей я крестила в церкви — тоже чтобы не обижать маму и папу. Мы даже решили определить их в католическую начальную школу. Мартин, хоть сам и был атеистом, не возражал: он понимал, что местная католическая школа гораздо лучше государственной, а частное образование мы в то время не могли себе позволить. Решили, что не будет большого вреда, если наши дети узнают побольше добрых католических мифов о рождестве, ангелах-хранителях и вознесении. Мы пресекали любые проявления фанатизма, зная, что дети в конце

концов перерастут религиозные предрассудки. Так оно и вышло. Пол и Люси росли сообразительными ребятами. Уже в пять-шесть лет они как-то интуитивно понимали, что в школе нужно делать вид, будто они верят в те вещи, в которые не верят дома, хотя, может, все было и наоборот. В любом случае им вполне удавалась такая двойная жизнь. В светской средней школе они не проявляли никакого интереса к религии, как и большинство их ровесников, но надеюсь, что благодаря католицизму они все-таки получили неплохое представление об этике, литературе и искусстве двух последних тысячелетий. (Я была просто шокирована на семинаре в прошлый четверг, когда узнала, что мои студенты, разбирая произведение Макналти, не заметили аллюзии на историю о Марфе и Марии из Нового Завета.)

После первого причастия Пола и Люси мы никогда не ходили всей семьей в церковь, за исключением свадеб, похорон или походов с родителями на полуночную рождественскую мессу. После смерти Мартина я начала ходить на воскресную мессу в местную часовню. Мне хотелось какого-то успокоения и поддержки, и, возможно, я суеверно опасалась того, что католический Бог накажет меня за мое отступничество.

Лучше бы снова подружиться с ним, а не то он сделает что-нибудь ужасное со мной и моими детьми. Утешения, однако, я не обрела, а мои опасения со временем стали казаться постыдными. Мне приятно было смотреть на милых девочек у алтаря, но в целом мало что изменилось с тех пор, как я в последний раз была в католической церкви. Приходский священник оказался непривлекательным ирландцем, читавшим мессу монотонно, словно отбывая повинность, а его проповеди были оскорбительно примитивными. Конечно, я не пошла ни на причастие, ни на исповедь и через несколько недель перестала ходить в церковь совсем.

Зачем же сейчас пришла? Мое нравственное здоровье в последнее время оставляет желать лучшего, и я надеялась, что атмосфера в церкви окажется более благоприятной. Так и случилось, но разница невелика. Убранство показалось мне блеклым и незатейливым: наверное, специально для того, чтобы устранить любые следы религиозного символизма, которые могли бы оскорбить прихожан разных религий. Алтарем служил простой деревянный стол, а стулья были расставлены вокруг неправильным полукругом. Здесь собралась в основном молодежь, а также

сотрудники факультета и члены их семей. Я неприятно поразилась, заметив Ривердейлов с их младенцами в другом углу помещения. Попыталась спрятаться, но в самой середине «Глории» поймала на себе взгляд улыбающегося Колина.

Литургия носила неформальный характер: служитель у алтаря был в спортивном костюме и кроссовках, а девушка в джинсах исполняла под гитару фольклорные мелодии. Детвора ползала по залу и толкала перед собой игрушки на колесиках или пинала молодого священника, у которого не хватало смелости сделать им замечание. Я вспомнила, что сейчас идет вторая неделя Великого поста. (Пост! Какая гамма забытых эмоций! Воздержание от еды в Пепельную среду и черные пятна сажи на лбах девочек и учителей, благочестиво не стираемые целый день. «Отказ» от конфет и чая с сахаром… Объедание шоколадом в пасхальное воскресенье….) Бывают странные радости самоотречения, которых многие современные молодые люди никогда не познают. Первой читали историю об Аврааме и Исааке — хорошая история, правда, жутковатая, как правильно заметил Кьеркегор. Я ждала хоть какого-то намека на «Страх и трепет» — месса все же была университетская, — но ничего подобного

не случилось. Молодой священник истолковал историю как простую притчу о послушании Богу, делая упор на «благодати», снизошедшей на Авраама. Из Евангелия читали историю о преображении, закончив беседой апостолов о «воскрешении из мертвых».

Избежать разговора с Ривердейлами не удалось.

— Не знал, что вы папистка, — улыбнулся Колин, иронично подчеркнув последнее слово. Если бы он читал у меня еще что-нибудь, кроме «Глаза бури», понял бы, что меня воспитали в этой вере.

— Я не хожу в церковь, — ответила я, — просто шла мимо и нечаянно заглянула.

— Ну, заблудшим овечкам здесь всегда рады.

Я восприняла это замечание без энтузиазма, хоть он и представил его как шутку.

— Давайте, я познакомлю вас с отцом Стивом — нашим священником, — предложил он.

— Нет, спасибо, я тороплюсь, — сказала я холодно.

Аннабель виновато улыбнулась мне, и я ушла.

По дороге домой зашла в супермаркет купить толстых воскресных газет и весь вечер просидела, с жадностью читая о новых лондонских пьесах, фильмах, выставках и т. д. Потом вышла еще раз

прогуляться. Дождь уже перестал, и во все небо разгорелся ярко-красный зимний закат. Проволочная изгородь, отражая косые лучи, светилась, как раскаленный элемент в электрическом тостере, а потом, когда солнце зашло, погасла. Я все чаще чувствую себя здесь, словно в открытой тюрьме: можно выйти, и очень *хочется* выйти, но меня сдерживают вполне предсказуемые последствия. Приходится отбывать свой срок.

3

Во вторую среду семестра Ральф Мессенджер и Хелен Рид случайно встречаются в преподавательском корпусе университета во время обеденного перерыва. Хелен в фойе рассматривает выставку местного художника. Ральф замечает ее, входит через вращающуюся дверь и становится у нее за спиной.

— Вам нравится? — внезапно спрашивает он, и она вздрагивает.

— О! Здравствуйте… Если бы они были подешевле, я бы, наверное, купила одну, оживить гостиную.

— Да, довольно живые полотна, — отвечает он, по-петушиному склонив голову и изучая картины. Пейзажи, написанные огненными акриловыми красками, которые редко, а возможно, и вовсе не встречаются в природе.

— Да, и довольно дешевые, но какие-то…

— Жутковатые, — подсказывает Ральф.

Она смеется:

— Боюсь, вы правы.

— Вы уже пообедали?

— Как раз иду в кафе.

— Идем вместе?

— Идем.

— Только не в кафе.

— Я предпочитаю легкий обед, — говорит она.

— Я тоже, но люблю комфорт, — говорит он.

Столовая на втором этаже обслуживается официантами, на столах скатерти и маленькие вазочки с пластмассовыми цветами. Они садятся у окна с видом на озеро. Хелен заказывает салат, Ральф — пасту, фирменное блюдо. Большую бутылку минеральной воды берут на двоих.

— Знаете, я собирался предложить вам выпить кофе утром в прошлое воскресенье, — говорит Ральф. — Я видел, как вы гуляли под дождем, и вид у вас был невеселый.

— А откуда вы меня увидели? — Кажется, ее неприятно удивила эта новость.

— Из окна кабинета. Вы проходили мимо центра, а я как раз смотрел в окно.

— А что же вы делали в кабинете воскресным утром?

— Да так, заканчивал кое-какую работенку… — туманно отвечает он. — Вышел на улицу поговорить с вами, но вы словно сквозь землю провалились.

— Правда? — Она, похоже, смутилась.

— Так куда же вы пропали?

— Зашла в часовню.

— Зачем?

— А зачем люди ходят в церковь по воскресеньям?

— Вы верующая? — В его тоне слышится разочарование.

— Я выросла в католической семье. Больше не верю, но…

— Ну и хорошо.

— Почему вы так считаете?

— С верующими невозможно вести разумную беседу. Наверное, поэтому мне даже не пришло в голову искать вас в часовне. Я сразу увидел в вас умного, рассудительного человека. Ну, так что же вы там делали, если не верите в бога?

— Я не могу слепо верить в такие вещи, как, например, непорочное зачатие, пресуществление, непогрешимость Папы и так далее. Но иногда мне кажется, что какая-то доля истины во всем этом есть. Точнее, надеюсь на это.

— Зачем?

— Иначе жизнь потеряет всякий смысл.

— А я так не думаю. Жизнь увлекательна, она приносит мне много радости.

— Везет же вам! Вы здоровы, материально обеспечены и добились успеха в работе.

— А вы разве нет?

— Ну, в какой-то степени да. Но есть миллионы других людей.

— Забудем о них сейчас. Лучше поговорим о вас. Чего вам не хватает в жизни? Зачем вам понадобилась религия?

— Не то чтобы она мне понадобилась. Я прожила без нее почти всю свою взрослую жизнь, но бывают моменты… Я потеряла мужа, около года назад.

— Да, я слышал.

Она замолкает на секунду, словно ожидая, что он добавит что-нибудь еще, «мне очень жаль», например, но он ничего не говорит.

— Это было так неожиданно. Аневризм в головном мозге. Нам было так хорошо… Мартина как раз повысили на работе, а мой последний роман получил премию. Мы мечтали потратить часть денег на отпуск. Изучали рекламные проспекты, как вдруг… — Она замолкает, явно расстроенная воспоминанием. Ральф Мессенджер терпеливо ждет. — Он потерял сознание. Впал в кому и умер в больнице на следующий день.

— Вам, конечно, тяжело, но для него это была

легкая смерть.

— Как вы можете так говорить? — Она шокирована, рассержена и уже готова встать и уйти. — Ему было всего сорок четыре. Мог бы еще жить да жить!

— Кто знает? Через год он мог бы заболеть какой-нибудь мучительной болезнью.

— Но мог и не заболеть.

— Согласен, — уступает Ральф.

— Он мог бы прожить долгую и счастливую жизнь, создать множество блестящих радиоочерков, у него родились бы внуки, он мог бы объездить весь мир… да мало ли что еще!

— Но сейчас он об этом не знает. И у него не было времени об этом подумать перед смертью. Он умер с надеждой. Вот почему я говорю, что это была легкая смерть.

Официантка приносит еду, и они замолкают. У Хелен есть время успокоиться.

— Значит, вы считаете, что умереть — значит просто перестать существовать? — говорит Хелен, когда официантка уходит.

— Не совсем так. Атомы моего тела не разрушаются.

— Но ваша душа, ваше «я»?..

— Насколько я понимаю, все это — лишь обо-

значения определенных функций головного мозга. Как только мозг перестает работать, все исчезает.

— И вы не чувствуете безысходности от этой мысли?

— Нет, — говорит он весело, накручивая на вилку тонкие ленточки тальятелли. Почему я должен чувствовать безысходность? — Он запихивает в рот дымящуюся пасту и с аппетитом пережевывает.

— Получается, бессмысленно годами приобретать знания, накапливать опыт, стараться быть хорошим, стремиться к тому, чтобы из тебя хоть *что-нибудь* вышло, если потом, после смерти, ничего не останется? Все равно, что строить прекрасный замок из песка в полосе прилива.

— Это — единственное место на пляже, где *можно* построить замок, — говорит Ральф. — Я, например, надеюсь оставить свой след в истории когнитивной науки. Да и вы, наверное, надеетесь оставить след в литературе. Это и есть жизнь после смерти. Единственно возможная.

— Да, но число авторов, которых будут *читать* после их смерти, ничтожно мало. Большинство из нас обращается в прах как в буквальном, так и в переносном смысле. — Хелен отодвигает

несколько листочков салата с коричневатыми стеблями на одну сторону тарелки и разрезает остальные.

— А что такое когнитивная наука?

— Систематическое изучение мозга, — отвечает Ральф. — Последний рубеж современной науки.

— Неужели?

— Физики уже изучили космос вдоль и поперек. Создание универсальной теории — вопрос времени. Открытие ДНК раз и навсегда изменило биологию. А сознание — самое большое белое пятно на карте человеческого знания. Вы знаете, что мы живем в Десятилетие Мозга?

— Нет. А кто это сказал?

— Кажется, президент Буш, — говорит Ральф. — Выступая перед учеными. Мозгом сейчас интересуются все: физики, эволюционные психологи, биологи, зоологи, невропатологи, математики…

— А вы кто по специальности?

— Я начинал как философ. Читал этику в Кембридже, защитил докторскую по философии разума. Потом проходил стажировку в Америке и увлекся компьютерами и ИИ.

— ИИ?

— Искусственным интеллектом. Раньше эта проблема интересовала только философов. Но

сейчас будоражит умы.

— А в чем она состоит?

Ральф хмыкнул.

— А вы не находите ничего удивительного или странного в том, что вы наделены сознанием?

— Да, в общем-то, нет. Иногда меня удивляет *содержание* моего сознания. Эмоции, воспоминания, чувства. С ними проблем хватает. Вы это имеете в виду?

— В научной литературе это называется *qualia.*

— *Qualia*?

— Особое качество нашего субъективного знания о мире — как запах кофе или вкус ананаса. Эти ощущения безошибочны, но их очень трудно описать. Никто еще не сумел объяснить наши ощущения, и никто пока не доказал их существования. — Заметив, что Хелен хочет что-то возразить, он добавляет: — Конечно, они *кажутся* реальными, но, возможно, это просто объективация каких-то более глубинных механизмов.

— «Проволочки в мозгу»? — спрашивает она, интонационно заключая эту фразу в кавычки.

Ральф довольно улыбается:

— Вы смотрели мой сериал?

— Краем глаза.

— Я не совсем согласен с неврологами. Мозг — действительно машина, но машина *виртуальная.* Система систем.

— А может, это вообще никакая не система?

— Нет уж, вся вселенная — это система. Любой ученый должен с этого начинать.

— Поэтому я и не захотела изучать естественные науки в школе.

— Вы отказались от науки, потому что вас кормили в час по чайной ложке, преподнося ее в виде дистиллированной скуки. Грубо говоря, проблема сознания — старинная проблема духа и тела, завещанная нам Декартом. Мои студенты называют наш институт «Мастерской тела и духа». Мы знаем, что мозг состоит не из нематериального призрачного вещества. Это — не «дух в машине». Но из чего же он состоит? Как объяснить феномен сознания? Неужели это просто электрохимическая деятельность мозга? Нейроны «выстреливают», а медиаторы «скачут» по синапсам? В определенном смысле так оно и есть, мы больше ничего пока увидеть не можем. В наши дни можно провести сканирование нервных импульсов или измерить электромагнитное поле, которое покажет, как разные части нашего мозга «зажигаются», словно лампочки в пинболе,

реагируя на наши эмоции. Но каким образом эта деятельность преобразуется в мышление? Я сомневаюсь, что «преобразуется» — подходящее слово. Существует ли довербальная, «ментальная» форма сознания, которая в определенный момент и с определенной целью возникает в некоторых частях головного мозга, отвечающих за речь? Эти-то вопросы меня и интересуют.

— А что, если на них нет ответа?

— В нашей среде есть люди, которые думают точно так же. Мы зовем их «мистерианцами».

— «Мистерианцы». Красивое слово. Наверное, я тоже — мистерианка.

— Они считают сознание непостижимым, самоочевидным фактом жизни, который невозможно объяснить как-нибудь иначе.

— А я думала, речь идет о «негативной способности» Китса, — разочарованно говорит Хелен.

— А что это такое?

— «Я имею в виду Негативную Способность — а именно то состояние, когда человек предается сомнениям, неуверенности, догадкам, не гоняясь нудным образом за фактами и не придерживаясь трезвой рассудительности».[1]

---

[1] Примечания: 1

Из письма Джона Китса братьям Томасу и Джорджу 21 декабря 1817 г. Перевод Сергея Сухарева. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

— Нет, эти ребята не поэты, а философы и ученые. Но зря они отказываются от поисков объяснения.

— И каково же ваше?

— Мне кажется, наш мозг похож на компьютер — вы ведь пользуетесь компьютером?

— У меня есть лэптоп, но я пользуюсь им как печатной машинкой с расширенными возможностями. Понятия не имею, как она функционирует.

— Хорошо, ваш пи-си — это линейный компьютер. Он выполняет ряд последовательных задач за поразительно короткое время. А наш мозг больше похож на параллельный компьютер, в котором несколько программ включаются одновременно. То, что мы называем «вниманием», — определенное взаимодействие различных частей одной системы. Подсистемы и возможные связи и комбинации между ними настолько разнообразны и сложны, что мы не в силах воссоздать весь процесс в целом, по крайней мере на данной стадии развития науки. Но мы «близки к цели», как говаривали в Британской железнодорожной компании.

— Вы что, пытаетесь создать компьютер, который сможет мыслить, как человек?

— Это и есть наша основная цель.

— И он сможет чувствовать? У него будет похмелье, он сможет влюбиться и страдать в разлуке?

— Похмелье — разновидность боли, а боль — твердый орешек для науки, — весело говорит Ральф. — Но я не вижу особой трудности в программировании робота, который мог бы вступать в симбиоз с другим роботом и демонстрировать симптомы душевного страдания, если другой робот выйдет из строя.

— Вы шутите?

— Отнюдь нет.

— Но это же абсурд! — восклицает Хелен. — Как робот может что-нибудь чувствовать? Это же просто куски металла, проводов и пластмассы.

— Пока да, но в будущем мы научимся вживлять электронные элементы в органическую материю. В Штатах уже изобрели синтетическую электромеханическую мышечную ткань для роботов. Можно также создать компьютеры не на силиконовой, а на углеродной основе, подобные биологическим организмам.

— Ваша «Мастерская Тела и Духа» напоминает современный вариант лаборатории Франкенштейна.

— Если бы, — грустно улыбается Ральф. — У нас

не хватает ресурсов, чтобы строить собственных роботов. Работа ведется в основном по теории и моделированию. Это дешевле, но не так вдохновляет. Лабораторию Франкенштейна больше напоминает настенная роспись Макса Каринти.

— А это еще что такое?

— Хотите, покажу? А заодно угощу вас превосходным кофе из автомата.

— Тогда пойдемте.

Официантка приносит счет, Ральф берет его, но Хелен настаивает на том, чтобы заплатить за себя, и он не спорит.

— Может, прогуляемся? — спрашивает он, когда они спускаются по лестнице в вестибюль.

— Давайте.

— Автобус приедет… — он смотрит на свои большие часы из нержавеющей стали, — …минут через десять.

— Нет, мне нравится ходить пешком. Это мой моцион.

— Мне тоже. Я всегда брожу по кампусу, если нет дождя.

Дождя нет, но, похоже, скоро начнется. Серые облака и влажный ветер. Они идут по тропинке вдоль озера, выстраиваясь гуськом, когда им сигналит велосипедист. Вокруг кипит спортивная

жизнь. С игровых площадок доносятся возгласы и крики, а в небе то и дело пролетает крутящийся мяч регбистов. На озере студенты в костюмах для подводного плавания занимаются виндсерфингом. Яркие крылья их парусов эффектно контрастируют с темной водой, создается впечатление, что озеро маловато для этой цели: как только парусники набирают скорость, серфингистам приходится делать резкие повороты, чтобы не врезаться в берег или друг в друга. Парусники часто опрокидываются.

— Вспомнила, что мне напоминает это место, — неожиданно говорит Хелен, — Глейдуорлд. Вы бывали там?

— Нет, а что это такое?

— Загородная база отдыха. Прошлым летом я ездила туда с семьей моей сестры. Огромная лесистая территория за проволочной оградой. Живешь в хижинах. В середине, под пластмассовым куполом, такой себе «бассейн с ботаническим садом», а там водяные горки, воронки и так далее. Еще там есть супермаркет, рестораны, спортзалы и искусственное озеро для плавания и виндсерфинга — такое же маленькое. Очень похоже на это место. А еще велосипедисты. Как только приедешь и выгрузишь вещи из машины, больше в

нее не сядешь. Все либо пешком ходят, либо берут напрокат велосипеды. За забором есть все, что нужно для отдыха. Наружу выходить не нужно.

— Звучит жутковато.

— Дети, признаться, были в восторге. Но я ощущала себя в ловушке. Охранники запрещали посторонним входить на территорию, но мне постоянно казалось, что они не давали выйти нам самим.

Теперь оба идут молча.

— У меня создалось впечатление, будто вы жалеете о том, что приехали сюда, — говорит Ральф.

— Я просто немного скучаю по дому. Наверное, скоро привыкну, и мне здесь понравится.

— Зачем вы устроились на эту работу?

— Во-первых, нужны деньги.

— Но они же платят вам гроши! — говорит он и добавляет: — Я случайно узнал, потому что состою в Комитете ученого совета по академическим назначениям. Я видел документы.

— Для вас это, может, и гроши, но мне они нужны. Книгами много не заработаешь. Мартин был застрахован, но я получаю очень скромную годовую сумму. Впрочем, вы правы: я устроилась сюда не только из-за денег. Моя дочь уехала на

год в Австралию, проведет там год между школой и университетом. Мы запланировали эту поездку, когда Мартин был еще жив, и я не хочу ей в этом отказывать. Все дети сейчас путешествуют. А сын — в Айове на практике, он американист, учится в Манчестере. Без детей дом кажется таким огромным и пустым. Так много воспоминаний. Я думала, смена обстановки пойдет мне на пользу…

Она замолкает, а Ральф что-то понимающе бормочет себе под нос.

— А вам самому-то тут нравится? — спрашивает она.

— В принципе да, — отвечает он. — Но я бы с ума сошел, если бы время от времени отсюда не уезжал.

— На конференции и встречи с прессой?

Он вопросительно смотрит на нее, словно удивившись подобной фразе.

— Да. Бывают места и похуже, а это — немного сонное и провинциальное. В семидесятых университет был престижным, но его недостаточно финансировали, и ему не удалось ни разрастись, ни организовать серьезные научные исследования. Сейчас он, если честно, катится под откос, как футбольная команда, которая тщетно пы-

тается не вылететь из высшей лиги. Когда мне предложили заведовать центром, я не обратил на это внимания. Мне было неплохо в Калифорнийском технологическом, но я не мог отказаться от предложения заправлять собственным балаганом, к тому же — в специально отведенном для этого здании.

Ральф показывает на открывшееся их взору приземистое цилиндрическое строение с куполом и непрозрачными стеклянными стенами.

— Мне сказали, что купол символизирует два полушария головного мозга, — говорит Хелен.

— Именно.

— А почему стены из зеркального стекла?

— Не догадываетесь?

Хелен сначала улыбается, словно вспомнив о чем-то смешном, а потом становится серьезной и сосредоточенной.

— Потому что мы можем видеть сквозь них то, что происходит снаружи, только если находимся внутри, и это похоже на наш мозг.

— Молодец. — Ральф кивает с видом удовлетворенного учителя. — Но это лишь одна половина ответа. Ночью, когда загораются огни, вы можете увидеть все, что происходит внутри здания, и это символизирует силу научного познания. Такова

была идея архитектора.

— Но если закрыть жалюзи…

— Правильно! — смеется Ральф. — Архитектор специально исключил из проекта все жалюзи и шторы, но находиться в залитых ярким солнечным светом офисах оказалось невыносимо, поэтому ему пришлось уступить. Иногда мы опускаем их, даже когда темно.

— И разрушаете весь символизм.

— Не совсем. Ведь шторы сознания тоже можно задернуть. Мы никогда не узнаем, что думает тот или иной человек. Даже если кто-нибудь захочет нам об этом рассказать, мы никогда не узнаем, говорит ли он правду — и всю ли правду. И никому не дано узнать наши мысли такими, какими мы знаем их сами.

— Да, в противном случае наша социальная жизнь стала бы намного труднее.

— Совершенно верно. Представьте себе, если бы у Ричмонда на вечеринке у всех над головами появлялись пузыри с надписью: «Думает…» — как в детских комиксах.

Он смотрит Хелен прямо в глаза, словно пытаясь догадаться, что она думает по этому поводу. Она слегка краснеет. Потом говорит:

— Вот почему люди читают романы. Чтобы

узнать, что происходит у других в головах.

— Но в результате они узнают только то, что вышло из головы писателя. Это не настоящее знание.

— А что есть настоящее знание?

— Наука. Проблема в том, что если при изучении сознания мы ограничимся только тем, что можно эмпирически наблюдать и измерять, то потеряем самую характерную и важную его черту.

— *Qualia*?

— Именно. Есть старая шутка о бихевиористе и бихевиористке, которая приводится почти в каждом учебнике: они занимаются любовью, а потом он говорит ей: «Тебе понравилось, а мне?»

Хелен не слышала эту шутку раньше, она смеется.

— В этом — вся суть проблемы сознания, — продолжает Ральф. — Как дать объективную оценку субъективному феномену личности?

— Но ведь писатели пытались это делать последние двести лет, — не раздумывая, отвечает Хелен.

— Что вы имеете в виду?

Она останавливается посреди тропинки, поднимает одну руку и закрывает глаза, собираясь

с мыслями. Потом цитирует по памяти, ни разу не запнувшись:

— «Она, Кейт Крой, ждала своего отца, но тот бессовестно задерживался, и в зеркале над камином то и дело мелькало ее лицо, совершенно бледное, раздраженное до того, что ей хотелось уйти, не дождавшись его. Однако именно в такие мгновения она оставалась — беспокойно меряя комнату шагами от протертого дивана до кресла с лоснящейся обивкой, которая сразу показалась, когда она до нее дотронулась, скользкой и липкой».

Он широко открывает глаза:

— Откуда это?

— Генри Джеймс. Самое начало «Крыльев голубки».

Хелен идет дальше, Ральф за ней.

— Это ваш коронный номер — цитировать по памяти целые куски из классики?

— Я начинала писать докторскую о точке зрения у Генри Джеймса, — отвечает Хелен. — К сожалению, так и не дописала, но некоторые ключевые цитаты засели в памяти.

— Прочтите еще раз.

Хелен повторяет цитату, потом говорит:

— Видите, тут есть сознание Кейт, ее мысли,

чувства, ее нетерпение, ее неуверенность (уйти или остаться?), ее восприятие собственного отражения в зеркале, неприятная обивка кресла. «Скользкая и липкая» — как вам такие *qualia*? И при этом все повествование идет от третьего лица, в таком изящном, точном, правильном стиле. Субъективно и в то же время объективно.

— Да, эффектно, согласен, — говорит Ральф. — Но ведь это художественное, а не научное сочинение. Джеймсу кажется, будто он знает, что происходит в голове у этой Кейт, как ее там, потому что он сам ее придумал, поместил в свой роман, руководствуясь собственным жизненным опытом и бытовой психологией.

— Да нет у него никакой бытовой психологии!

Он отмахивается от этих слов.

— Бытовая психология — просто термин, — говорит он. — Он означает приобретенную мудрость и суждения здравого смысла о поведении и мотивациях людей. Для нашей обычной повседневной жизни это подходит. И для художественной литературы тоже — от «Крыльев голубки» до «Жителей Ист-Энда». Но такая психология недостаточно объективна, чтобы ее можно было считать наукой. Если бы Кейт Крой была живым человеком, Генри Джеймс никогда не

сумел бы сказать, что она чувствовала, прикоснувшись к креслу. Он мог бы это сделать, только если бы она сама ему об этом рассказала.

— Но если бы Кейт была реальным человеком, то ваша когнитивная наука тоже не смогла бы рассказать нам о ней ничего интересного.

— Ну, насчет «ничего» — это вы загнули. Однако в целом мы действительно знаем о сознании немногим больше писателей, которые делают вид, будто в нем разбираются. Ну, вот мы и пришли.

Они подходят к Центру Холта Беллинга.

Стеклянные раздвижные двери с выгравированным вензелем «ХБ» мягко разрезают воздух, автоматически открываясь при их приближении и закрываясь за их спинами.

Фойе наполнено голубоватым светом, проникающим через тонированные стекла. Внутри становится ясно, что здание построено из стали и стекла. Все офисы, подобно лучам, расходятся от главного помещения в центре. Их изогнутые внутренние стены тоже стеклянные, и посетителю хорошо видно, что делают люди в этих офисах, хотя большинство занимаются одним и тем же: сидят у мониторов и время от времени стучат пальцами по клавиатуре. Три этажа здания соеди-

нены лифтом и открытой спиральной лестницей из нержавеющей стали и отполированного дерева, которая поднимается от центра первого этажа и соединяется с верхними этажами, коридорами и галереями.

— Вы не заметили ничего необычного в этой лестнице? — спрашивает Ральф.

— Она очень изящна, особенно перила, — говорит Хелен.

— Я не об этом. Она левосторонняя, как двойная спираль ДНК. Спиральные лестницы обычно делают по-другому.

— А я и не сообразила.

Он показывает ей помещения первого этажа: приемная, небольшая библиотека, лекторий с наклонными откидывающимися креслами, классы для аспирантов с рядами одинаковых компьютерных рабочих станций. Одну из цокольных комнат с кондиционированным воздухом, где множество компьютеров всех размеров и конфигураций гудят и подмигивают сами себе и на чьих жестких дисках и пленках хранится почти вся работа Центра, Ральф называет «Мозгом здания». Мужчина в белом лабораторном халате изучает распечатку одной из машин. Ральф представляет его Хелен: Стюарт Филлипс, его системный ад-

министратор. Хелен замечает, что к мониторам всех машин прикреплены карточки с именами: «Треска», «Томпсон Первый», «Томпсон Второй», «Снежок» и так далее.

— Если называть их буквами или цифрами, очень легко запутаться, поэтому мы даем им клички, — говорит Ральф.

— А почему все клички из книжек про Тинтина? — спрашивает Хелен.

— Это была идея профессора Мессенджера, — отвечает Стюарт Филлипс, поворачиваясь к Ральфу.

— Мои дети обожали эти книжки, — говорит Ральф. — Они до сих пор их любят, да и я тоже.

Он провожает ее в приемную, где стоит швейцарский автомат с напитками, низкие модерновые диваны и кресла, старые и протертые. Трое молодых парней в джинсах, футболках и кроссовках о чем-то оживленно беседуют в углу. Ральф представляет их Хелен: аспиранты Джим, Карл (из Германии) и Кендзи (из Японии). Хелен спрашивает ребят, над чем они сейчас работают. Джим занимается робототехникой, Карл — эмоциональным моделированием, а Кендзи произносит нечто невразумительное, и Ральф повторяет вместо него — «генетическими алго-

ритмами».

— Я примерно представляю себе, что такое робототехника, а что значит все остальное — понятия не имею.

Карл объясняет: эмоциональное моделирование — компьютерная имитация тех моделей, с помощью которых эмоции и переживания влияют на поведение человека.

— Например, скорбь? — спрашивает Хелен, глядя на Ральфа.

— Совершенно верно, но Карл работает над программой материнской любви.

— Мне хотелось бы посмотреть, — просит Хелен.

— К сожалению, я не могу сейчас продемонстрировать, переписываю программу, — извиняется Карл.

— В другой раз, — говорит Ральф.

— А генетические… как вы сказали? — Хелен вопросительно смотрит на Кендзи. Молодой человек сбивчиво объясняет на ломаном английском, и Ральф тактично резюмирует сказанное, чтобы Хелен могла понять, о чем идет речь:

— Генетические алгоритмы — компьютерные программы, которые способны делиться, подобно биологическим формам жизни. Это зада-

ние дается специальным программам, и те, что справляются лучше других, продолжают деление. Иными словами, они разделяются на пары и занимаются сексом, — произносит Ральф, к великой радости аспирантов. — Мы делим программы напополам и перемешиваем их. Если делать это достаточно часто, можно получить более совершенные программы, чем те, что способен создать хороший программист.

— Надеюсь, они не смогут выйти из-под контроля, — говорит Хелен, — и не попытаются управлять миром.

— Скорее всего они соберутся в отдельной комнате и станут рассуждать о том, разумны люди или нет, — шутит Ральф.

Молодые люди вежливо смеются и отходят к своим рабочим местам, демонстрируя трудолюбие и преданность своему делу. Ральф и Хелен остаются одни. Он спрашивает, какой кофе она предпочитает, и нажимает соответствующую кнопку на машине. Внимательно наблюдает, как она пьет каппучино с шоколадной крошкой.

— Мммм… очень вкусно, вот только пластиковая чашка все портит.

— Ах да, у каждого из нас есть своя фарфоровая. — Он подходит к деревянной полке, где на

сушилке висят разноцветные чашки с именами владельцев. Он берет черную с надписью «БОСС» большими белыми буквами. Подставляет под кофеварку, наливает себе двойной экспрессо с сахаром.

— У вас нет отдельной комнаты отдыха для преподавателей? Это очень демократично, — замечает Хелен.

— Просто у нас учатся в основном выпускники других вузов. У нас нет курсов для обычных студентов. Это вызывает недовольство у всего университета.

— А почему?

— Я не хочу, чтобы мои работники теряли время и энергию на обучение студентов элементарному программированию.

— Нет, я хотела спросить, почему это не нравится университету.

— Чем больше студентов, тем больше денег. Высшее образование стало сейчас крупным бизнесом. — Он смотрит на нее поверх кружки. — Это наш больной вопрос, боюсь наскучить вам рассуждениями на эту тему.

— Не бойтесь, — говорит она.

— Это заведение было построено с помощью компании Холта Беллинга. Наш вице-канцлер од-

но время дружил с председателем их правления. Они внесли основную сумму и сейчас финансируют половину нашей работы, а университет оплачивает другую половину. Договор продлевают каждые пять лет. В следующем году истекает вторая пятилетка, но Холт Беллинг не собирается его обновлять. Они восхищены нашей работой, но больше не могут нас поддерживать. Я не вправе их осуждать. «Майкрософт» отобрал у них почти всю работу, и теперь начались финансовые трудности. С самого начала было ясно, что рано или поздно они оставят нас на полное университетское обеспечение. Но и у нашего университета не ахти какой бюджет. Новый вице-канцлер и его «Комитет общественной безопасности» — так я называю команду его администраторов — утверждают, что не смогут покрывать расходы всей нашей научной деятельности.

— И чем это вам грозит?

— В худшем случае мы закроемся. — Он саркастически ухмыляется и добавляет: — Возможно, наш центр превратят в Центр писательского мастерства. Джаспер Ричмонд говорит, что в его английской школе уже не хватает мест. А писательское мастерство одобрено «Комитетом общественной безопасности».

— Вот как? — удивляется Хелен.

— Ну да. Курсы очень популярны, на них поступают как студенты, так и аспиранты. Американцы проходят здесь свою зарубежную практику, поскольку на писательское мастерство проще получить кредит. Больше студентов — больше денег. Английская школа заключает с обедневшими писателями краткосрочные договора…

— …за гроши, — вставляет Хелен.

— За гроши, без пенсионных и декретных выплат, даже без отпуска. Расходы на такой курс незначительные. С деловой точки зрения — высокопродуктивная и низкозатратная операция. Но нужно ли нам столько писателей — большой вопрос.

— А когнитологи нужны?

— Думаю, да. Будущее — за компьютерной и генной инженерией. Нам нужны люди, которые понимают фундаментальные проблемы и возможности работы в этих областях. Но наши хозяева, очевидно, этого не понимают. Всегда трудно добыть деньги для теоретического изучения предметов отвлеченных.

— Вы думаете, вас закроют?

— Нет, только в самом крайнем случае. У нас факультет с мировым именем, и на последнем

оценочном конкурсе он получил 5-е место в рейтинге. Закрытие нашего института было бы крайне невыгодно с точки зрения менеджмента, не говоря уже о плохом «пиаре». Скорее всего нам просто придется потуже затянуть пояса или же открыть курсы для студентов.

— А нового спонсора нельзя найти?

— Сложно. Видите ли, согласно договоренности, это здание должно называться Центром Холта Беллинга. Вряд ли кому-нибудь из конкурирующих компаний это понравится. По той же причине мы не можем получить финансирование даже на отдельные проекты. Наша единственная надежда — это МО.

— Министерство обороны?

— Они проявили интерес к некоторым аспектам нашей работы, но, конечно, не хотят, чтобы мы афишировали наше сотрудничество. В любом случае у меня теперь станет больше бумажной волокиты. Ну ладно, хватит об этой скуке зеленой. — Ральф забирает пустую чашку Хелен и свою кружку, чтобы выбросить первую и сполоснуть вторую. — Давайте-ка я лучше покажу вам настенную роспись Каринти.

В коридоре они встречают Джима: он наблюдает за небольшим роботом высотой около двух

футов. У машинки три колеса, вращающаяся голова с объективами вместо глаз и пара механических челюстей.

— Это — Артур, — говорит Ральф. — Последнее приобретение центра. Куплен в готовом виде.

Артур стоит без движения, глядя в угол, как провинившийся малыш.

— Что он делает? — спрашивает Хелен.

— Изучает местность, — отвечает Джим, — и фиксирует информацию в памяти.

Внезапно Артур разворачивается на колесиках и катится к другой стене коридора, в которую тут же довольно яростно врезается.

— Ой, — хмурится Джим. — Что-то с программой.

Артур отъезжает от стены и потрясенно разглядывает ее.

— Ему далеко еще до любовных свиданий с другими роботами, — говорит Хелен Ральфу.

— Да, — отвечает Ральф. — Мы были бы счастливы научить его хотя бы подбирать с пола мусор. Пойдемте.

Ральф провожает Хелен к лифту. Стены и пол лифта — стеклянные, так что при желании можно рассмотреть его механизм, но Хелен это неинтересно. Они плавно и тихо поднимаются наверх,

и Ральф поясняет, что Макс Каринти — американский философ венгерского происхождения и художник-любитель. Несколько лет назад он проводил в Центре свой годичный отпуск, предоставленный Принстонским университетом для научной работы, и, получив разрешение у Ральфа, оформил второй этаж настенной панорамой, иллюстрирующей различные хорошо известные теории и эксперименты с мышлением из области когнитивной науки, эволюционной психологии и философии мозга.

Лифт останавливается на втором этаже, и стеклянные двери открываются с механическим выдохом.

— Господи! — восклицает Хелен, выходя.

Внутренние стены холла сделаны не из стекла, как на нижних этажах, а из кирпича и пластика, и их изогнутая поверхность покрыта живописными изображениями по всему периметру. Частично перекрывающие друг друга сцены, фигуры и виньетки, написанные в смелой, экспрессионистской манере, тянутся по обе стороны от лифта и соединяются в противоположном конце галереи, образуя своеобразную циклораму. Это буйство красок и форм контрастирует с высокотехнологичной строгостью остального здания.

— Впечатляет, правда? — Ральф удовлетворенно наблюдает за ее реакцией. — Могу провести для вас экскурсию.

— Да, пожалуйста.

Он поворачивает налево, Хелен идет за ним. В первую очередь в глаза ей бросается огромная черная летучая мышь с расправленными крыльями, летящая на зрителя на уровне глаз и похожая на бомбардировщик «Стелс», опоясанный тонкими кольцами.

— В начале семидесятых философ Томас Нагель назвал одну из своих работ «Что значит быть летучей мышью?», — поясняет Ральф. — Он доказывал, что мы никогда не сможем узнать, каково быть летучей мышью, поскольку единственный способ узнать состоит в том, чтобы стать ею. *Ergo, qualia* непостижимы, *ergo,* научное исследование сознания невозможно. На мой взгляд, это слишком упрощенное утверждение, но оно имело удивительно широкий резонанс. Нагель не случайно выбрал для эксперимента над мышлением это странное существо. Вы же знаете, что летучие мыши пользуются эхолокацией? — Ральф указывает на кольца. — Когда парень, открывший это явление, описал его механизм на научной конференции, один старый профессор чуть не

набросился на него с кулаками, поскольку считал это полнейшей ерундой.

— А что делают вон те, на заднем плане? — спрашивает Хелен, показывая на двух мышей, целующихся, как в диснеевских мультфильмах.

— Это мыши-вампиры. Одна мышь срыгивает кровь в горло другой.

— Фу, лучше бы не спрашивала.

— На самом деле, летучие мыши-вампиры, возвращаясь с ночной охоты, иногда делятся своей добычей с менее удачливыми собратьями.

— А какое это имеет отношение к проблеме сознания?

— Это имеет отношение к мотивации. Казалось бы, какой альтруизм! Но на самом деле удачливая мышь делится кровью лишь с той особью, с которой у нее заключен двусторонний договор на тот случай, если обстоятельства сложатся иначе. Так что каждая преследует свои личные интересы. То же самое относится к людям, как показывает нам вот эта «Дилемма заключенного».

Ральф показывает на двух мужчин в полосатой тюремной одежде, словно сошедших со страниц книжки комиксов. Они сидят в камерах в разных концах целого ряда пустых камер и угрюмо смотрят сквозь решетку. Между ними стоит тю-

ремщик.

— Ситуация такая: оба арестованы за совершение преступления и должны давать показания. Эти люди изолированы друг от друга и не могут общаться. Если они оба выдадут друг друга, то каждый получит большой срок. Если же только один выдаст своего сообщника, то уйдет безнаказанным. А если молчать будут оба, им вынесут более мягкий приговор за недостатком улик. Вот вам и выбор между сотрудничеством или предательством.

— Да уж!

— Возьмите, к примеру, наши последние события в университете, связанные с сокращением бюджета. Университетское начальство стоит перед дилеммой — голосовать за *небольшое* сокращение финансирования всех факультетов в равной степени или же за *радикальное* урезание бюджета лишь некоторых. Сотрудничай или предавай. Математики часами пытаются выработать подходящую тактику. Этой проблеме были посвящены целые конференции. Был проведен даже международный конкурс для определения наилучшей стратегии. И знаете, во что все это вылилось?

— Во что?

— Око за око, зуб за зуб. Сотрудничаешь с игроком до тех пор, пока он готов с тобой сотрудничать, а затем предаешь его. Пока твой партнер по игре знает, что ты можешь его предать, у тебя нет в этом необходимости. На этом и держится общество. Такова человеческая мораль.

— М-да… — Хелен хотела что-то возразить, но промолчала. Она переходит к другой части росписи. — А здесь что изображено? — Она показывает на мужчину, сидящего у стола, на котором стоят две корзинки для входящих и исходящих бумаг и стопка книг. Комната пустая, и в ней нет окон. Корзинки переполнены бумагами с какими-то непонятными надписями, и точно такие же листы падают на пол из щели в двери.

— «Китайская комната» Сиэрла, очень известный эксперимент. Суть в том, что парень получает вопросы на китайском, не зная этого языка. У него есть что-то вроде словаря-справочника с логическими шифрами, с помощью которых он может ответить на эти вопросы. Он сидит целый день, давая правильные ответы, но не понимая при этом ни единого слова. Осознает ли он то, чем занимается?

— Думаю, осознает, что занимается ужасно скучной работой.

— Интересная точка зрения. Но Сиэрл полагает, что человек не понимает информацию, которую он обрабатывает, и действует, как компьютерная программа. Точно так же и компьютерная программа не может осознавать информацию, которую обрабатывает. Следовательно, искусственный разум невозможен.

— Подозреваю, что вы с этим не согласны.

— Конечно, нет. Потому что даже на уровне эксперимента невозможно представить себе компьютерную программу, которая работала бы, как искусственный интеллект. И если бы даже это было возможно, все равно пришлось бы наделить ее некоторым сознанием.

— А это — те самые китайцы, которые задают вопросы и получают ответы? — спрашивает Хелен, показывая на толпу азиатов в маоистских френчах. Они стоят плечом к плечу, а к их ушам прикреплены предметы, похожие на мобильные телефоны.

— Нет, это уже другой эксперимент, при котором все население Китая нужно снабдить специальными двусторонними радиопередатчиками, которые должны осуществлять связь между клетками головного мозга.

— А почему взяли именно Китай?

— Наверное, потому, что там самое многочисленное население, говорящее на одном языке, — около миллиарда человек.

— Но у китайцев нет общего разговорного языка, — возражает Хелен.

Ральф смеется:

— Действительно? Наверное, парень, придумавший эксперимент, об этом не знал. В мозгу человека около ста миллиардов нейронов, а возможных связей между нейронами больше, чем атомов во вселенной, так что эксперимент все равно далек от реальности.

— И что же в результате получилось?

Ральф пожимает плечами.

— Забыл. Кажется, еще один аргумент против функционализма. Как и большинство экспериментов с мышлением. Вот интересный пример.

На картине изображена комната без окон, похожая на камеру и забитая мебелью и техникой — стол, ящики, полки, компьютеры и телевизор. Все нарисовано в черно-белых и серых тонах, включая сидящую на столе молодую женщину. На женщине черные перчатки и туфли, непрозрачные черные колготки и белый лабораторный халат. Изображение на экране телевизора монохромное. Комната находится под землей, а

на ее поверхности живыми, сочными красками изображен милый сельский пейзаж.

— Это колористка Мэри, персонаж Фрэнка Джексона. Эта девушка выросла в абсолютно монохромной среде. Она знает о цвете почти все (например, длину световых волн, вызывающих на сетчатке глаза те или иные цветовые ощущения), но никогда не видела настоящих цветов. Обратите внимание, что в комнате нет зеркал, и поэтому она не может увидеть цвет собственного лица, волос или глаз, а все остальные части ее тела полностью закрыты одеждой. В один прекрасный день ей разрешат выйти на улицу, и первым делом она увидит, допустим, красную розу. Как вы считаете, это будет для нее совершенно новым ощущением?

— Естественно.

— То же самое говорит Джексон. Это еще одно доказательство того, что *qualia* невозможно ни описать, ни объяснить.

— Мне нравится этот эксперимент.

— Да, он лучше большинства других. Но он тоже страдает избытком всевозможных допущений. Если бы эта Мэри знала абсолютно все о цвете (то есть намного больше того, что мы знаем о нем сейчас), то она смогла бы *симулировать*

ощущение красного цвета, принимая, например, какие-нибудь наркотики.

— А это кто такие? — спрашивает Хелен, указывая на группу фигур, сидящих, стоящих и идущих в разных направлениях. — С ними что-то не так, хотя и непонятно, что именно.

— Молодец, правильно подметили. И Каринти молодец. Это — зомби.

— Зомби?

— Да, мы много работаем с зомби. Зомби для философов, занимающихся проблемой мозга, — то же самое, что крысы для психологов или морские свинки для медиков. Не удивлюсь, если узнаю, что где-то существует движение по защите прав зомби.

— Но их же не бывает!

— Для писателя вы мыслите слишком буквально, — говорит Ральф.

— Я — реалистка.

— Для философа не так уж важно, существуют ли зомби на самом деле. Их существование интересует нас как логическая вероятность — мы говорим о существах, неотличимых от обычных людей, но не имеющих сознания в человеческом понимании этого слова. Вон те длинноволосые ребята, например, — молодой философ Дэвид

Чалмерс и его двойник-зомби. Как видите, их невозможно отличить друг от друга.

— Кстати, о защите прав зомби и животных. Что случилось с этой кошкой? — спрашивает Хелен. Она останавливается перед дверью профессора Д. С. Дугласса, на которой горизонтально расположена серия рисунков: человек, похожий на фокусника, помещает в деревянный ящик безжизненную кошку, а затем кладет туда же какой-то научный аппарат и закрывает крышку. В последнем кадре профессора уже нет, а в поле зрения остается только ящик.

— Это кошка Шрёдингера — известная головоломка из области квантовой физики. В коробке — инструмент для измерения спина электрона, к которому присоединен шприц со смертельной инъекцией…. Предполагается, что аппарат убьет кошку, если вектор электрона будет направлен вверх. Но, согласно квантовой механике, пока ящик закрыт, спин не может быть направлен ни вверх, ни вниз. Следовательно, кошка не жива и не мертва и будет находиться в этом состоянии до тех пор, пока кто-нибудь не откроет ящик.

— А фокусник — сам Шрёдингер?

— Нет — это Роджер Пенроуз, математик.

— Не родственник профессору Робин Пенроуз?

— А это кто такой?

— Такая. Собирается читать лекцию на факультете английского в этом семестре. Мне прислали приглашение.

— Не думаю, что между ними какая-то связь. Наш Пенроуз считает, что квантовая физика дает ответ на вопрос о сознании. Сознании как коллапсе волновой функции. Кванты коллапсируют микротубулами.

— Вы совсем меня запутали, — говорит Хелен.

— Ну, это сложно объяснить, — продолжает Ральф. — Говорят, всякий, кто считает, будто понимает квантовую механику, либо врет, либо сошел с ума.

В этот момент дверь открывается, и на пороге появляется невысокий мужчина в толстых очках, с грудой бумаг в руках. Увидев их, приостанавливается. Седеющие волосы выдают его возраст, хотя лицо у него моложавое.

— А вот и Даггерс! — восклицает Ральф. — Он вам все об этом расскажет.

— О чем это? — спрашивает мужчина.

— О квантовой механике. Это — Хелен Рид, писательница, в этом семестре преподает на факультете английского.

Затем он оборачивается к Хелен:

— Это — мой коллега Дуглас С. Дугласс, но мы его называем Даггерсом.

— Терпеть не могу эту кличку, — недовольно перебивает Даггерс.

— Очень приятно, профессор Дугласс, — говорит Хелен, протягивая ему руку. Каменное выражение его лица немного смягчается:

— Вы ко мне, Мессенджер?

— Нет, я просто показывал Хелен нашу панораму. Мы как раз остановились около кошки Шрёдингера, когда вы совершили свой квантовый скачок из кабинета.

— Это очень интересно, — говорит Хелен, повернув к росписи голову.

— Будь на то моя воля, я все бы это стер, — говорит Дугласс.

— Но почему?

— Слишком поверхностно. К тому же озадачивает посетителей.

— Да, Хелен весьма озадачена квантовой теорией, Даггерс. Не могли бы вы объяснить нам ее суть?

— Сейчас не могу… Нужно кое-что срочно ксерокопировать.

Он закрывает дверь кабинета и, быстро поклонившись, уходит прочь.

— Тогда попробую сам, — говорит Ральф со вздохом.

Но не успевает он договорить, как дверь лифта открывается, оттуда выскакивает секретарша:

— Профессор Мессенджер! — Она подбегает к ним с округлившимися глазами, цокая высокими каблуками: — Профессор Мессенджер! Вас ищет Стюарт Филлипс. Завис Капитан Треска.

Ральф кривится.

— Ох ты ж господи. — Он поворачивается к Хелен. — Прошу прощения.

— Ничего страшного, — говорит Хелен.

— Капитан Треска — наш сервер электронной почты. Если мы не починим его до вечера, то весь мой штат начнет страдать от абстиненции. — Он улыбается, желая показать, что это шутка, в которой есть доля правды.

— Мне все равно уже пора, — говорит Хелен. — Большое вам спасибо. Было очень интересно.

— Вот и хорошо. Надеюсь, вы еще придете к нам. Я проведу вас, — говорит Ральф, махнув рукой в сторону лифта.

4

Раз, два, три, проверка… [*отрыжка*] Простите! Сейчас 6.51 вечера, среда, 26 февраля… Я все еще торчу в офисе, вместо того чтобы давно уже сидеть дома, греть задницу у камина, потягивая винцо, а все потому, что у нас проблема в мозговом… Сегодня мне доложили, что завис Капитан Треска, наверное, сбой в программе, а может, что-нибудь с сетью. Тут теперь везде бродят системщики и электронщики, пытаются разобраться, в чем дело, и мне не хочется уходить до тех пор, пока все не уладится. Страшно подумать, что среди ночи может случиться какое-нибудь замыкание… Я позвонил Кэрри и сказал, что буду сегодня поздно, а потом взялся за характеристики сотрудников, которые уже долго откладывал. Сколько этих чертовых форм приходится заполнять в наши дни!.. В шкафу, где у меня хранится конфиденциальная информация, обнаружил диктофон и не смог удержаться от того, чтобы не прослушать пленку, которую наговорил в прошлое воскресенье. Так и не перенес свой поток сознания на бумагу. Необходимо приспособление, которым пользуются

секретарши, когда печатают текст со слуха. Там есть наушники и педаль, чтобы останавливать запись, когда нужно… У нас в офисе на первом этаже есть одно такое устройство, но, если взять его напрокат, все удивятся, почему я не воспользовался услугами секретарши… Недавно заказал программу распознавания речи «Войсмастер», лучшую из поступивших на рынок, но она еще не пришла, к тому же ее нужно научить распознавать мой голос.

Так вот… перемотал пленку и, должен сказать, прослушивание было увлекательным… хотя, конечно, научная ценность записи довольно сомнительна. И не только потому, что сами условия эксперимента заранее предопределяют ход мысли, а просто когда высказываешь вслух… то уже отдаляешься от феномена… самого сознания, потому что… ну, потому что каждая фраза, которую я изрекаю, какой бы фрагментарной и непоследовательной ни казалась, является результатом комплексного взаимодействия… сотрудничества… и соревнования между различными частями моего мозга. Это похоже на текст, который повторяют перед закрытыми дверями после того, как его уже в течение наносекунды обсудили, и он затем поступает в речевые центры

мозга для дальнейшей передачи. Этот процесс редактуры нельзя записать или пронаблюдать. Можно только проследить за электрохимической активностью миллионов нейронов — картинкой на сканере… Но как бы там ни было, записи следует хранить как рабочий материал: может, что-нибудь окажется полезным, например, при изучении природы внимания… Конечно, я не смогу цитировать эти записи или переносить их на бумагу, они слишком личны, местами непристойны, но как увлекательно было подслушивать собственные мысли!.. Я даже пожалел, что пленка кончилась и меня отвлекла эта неприкаянная душа — Хелен Рид, — гулявшая по кампусу… Оказалось, она зашла в часовню и была там все время, пока я искал ее, сегодня за ланчем рассказала. Наткнулся на нее в преподавательском корпусе, вместе пообедали… наверное, от этого соуса у меня теперь несварение… у нее католическое воспитание… разочаровалась в религии, но не до конца, все еще не может признать, что человек смертен, как, в общем-то, многие умные в других отношениях люди… ученые… Некоторые ближайшие соратники Дарвина, например, увлекались спиритизмом… Уоллес, Гальтон, Романес — все они посещали спиритические сеансы, общались

с медиумами… разрушив христианскую веру, отчаянно пытались найти замену христианскому раю… Гальтон уговорил самого Дарвина посетить один сеанс, этот случай описан в его биографии, которую я рецензировал… однако старик вскоре вышел из комнаты, а они остались сидеть за столом в темноте и, взявшись за руки, ждали появления духов… По-моему, там присутствовали еще Джордж Элиот и ее любовничек, этот самый, Льюис… старая конская морда, все вещала: Бог непостижим, а бессмертие невероятно… или наоборот… собиралась внедрять спиритизм в массы… Убив Бога, запаниковали, опасаясь последствий, даже Дарвин… Наверное, второе по известности высказывание в философии — ницшевское «Бог умер». Даже Дарвин… может, его хроническая неизлечимая болезнь была психосоматической? В молодости был здоровым и сильным, иначе как бы он выдержал это путешествие на «Бигле»? Но как только его захватила идея эволюции и он написал «Происхождение видов» и обнаружил, какое влияние эти идеи оказывают на религию, у него появились странные симптомы. Метеоризм, фурункулы, рвота, дрожь, обмороки… геморрой… звон в ушах и рябь в глазах… чего только не было, и ни один доктор

не мог объяснить их или вылечить его… один поставил такой диагноз: «подавленная подагра», типа подавленного чувства вины… Он перепробовал все шарлатанские снадобья и способы, к которым не прибегнул бы ни один серьезный ученый: заковывал себя в цепи, обливался уксусом, выпивал каждый день сок двух лимонов… принимал ледяные ванны… и все без толку…. Может, это наказание за то, что он нанес смертельный удар религии? Он уверовал в Бога после того, как умерла его любимая Энни. Тогда умирали намного чаще, чем сейчас. Обычная детская болезнь могла стать смертельной, не говоря уже о самих родах… Возможно, Гальтона и компанию к спиритизму привела не столько жажда бессмертия, сколько желание встретиться с любимыми людьми, которые умерли молодыми… Наверное, по той же причине Хелен Рид пошла в церковь в воскресенье. Она до сих пор скорбит по своему мужу. За обедом я попробовал шоковую терапию и не выразил соболезнований, когда она явно хотела, чтобы ее пожалели, и мне показалось, что в какой-то момент она была готова встать и уйти, но сдержалась… потом мы мило беседовали о дуализме, сознании, ИИ и т. д. Я привел ее сюда, показал панораму… Она не глупая, симпатичная,

а фигура, скрытая в прошлый раз, теперь легко угадывалась под свитером и брюками… приятные формы… и кожа тоже очень хорошая для женщины не первой молодости…. Хотя в ее поведении есть что-то меланхолическое… она нуждается в заботе, наверное, у нее никого не было после смерти мужа… у нее аура монашки… Интересно, как долго бы я воздерживался, если бы Кэрри внезапно умерла, думаю, недолго, я в этом уверен…. Неприятная мысль, но все же…. Со смертью Кэрри у меня ассоциируются не картины скорби, а возможность без помех и страха разоблачения иметь других женщин — Марианну, Хелен Рид и всех остальных… Конечно, сначала будет грустно, я буду страдать, возможно, даже на время потеряю интерес к сексу, хотя сомневаюсь… скорее наоборот, пойду искать утешения в объятиях других женщин… «Прошу тебя, останься на ночь, мне нужно, чтобы кто-то побыл сейчас со мной»… Какая роскошная фраза, невозможно устоять… Ну, и конечно, унаследую какие-то деньги, стану богатым и свободным, незачем лицемерить и говорить, будто эта мысль не приходит мне в голову, когда я представляю смерть Кэрри… Хороший пример того, о чем мы сегодня говорили: о тайне сознания и мышления… это как шкаф,

ключ от которого есть только у нас, и слава богу… Кэрри была бы в шоке, если бы узнала, о чем я сейчас думал, никогда не простила бы меня… но ведь и она тоже порой думает подобным образом, о том, как я внезапно и безболезненно умру, а она найдет себе нового партнера, снова влюбится, возможно, в кого-нибудь помоложе и поромантичнее меня… Удручает ли меня эта мысль? Да, в общем-то, нет, ведь на самом деле это лишь гипотеза. Не могу же я получить открытый доступ к ее фантазиям [*запись прерывается*]

Только что позвонили и сказали, что решили проблему… мышка… Не компьютерная, настоящая, с ножками и усиками… перегрызла провод и сама сдохла от удара током, они нашли ее трупик. Все, ухожу.

5

Четверг, 27 февраля. Вчера в обеденный перерыв столкнулась с Ральфом. Если уж быть до конца честной (а почему бы и нет, ведь я пишу для себя), я увидела его через стекло входной двери, когда выходила из дамской комнаты, и решила задержаться у этих жутких картин, выставленных в фойе, надеясь, что он меня заметит. Он заметил, и мы вместе пообедали. Он сказал, что видел в воскресенье из окна своего кабинета: я гуляла по кампусу под дождем. Это немного сбило меня с толку: интересно, какой я ему показалась? Замурзанной? Грустной? Безумной?

После ланча он провел меня по своему Центру. Я не ожидала, что это окажется настолько интересно, особенно «панорама Каринти» на втором этаже — серия картин, размещенных по кругу и иллюстрирующих различные теории и «эксперименты над мышлением» и сознанием. Сознание — один из объектов изучения когнитологов и многих других ученых. Они считают сознание «проблемой», которую нужно «решать».

Это ново и не совсем мне по вкусу. Я всегда

считала, что сознание — область искусства, в частности литературы, и прежде всего романа. Сознание — тема большинства романов, по крайней мере моих. Сознание — мой хлеб. Возможно, поэтому я не видела ничего проблематичного в этом явлении. Просто среда, в которой мы живем, — наша индивидуальная среда обитания. Проблема в том, как ее описать, особенно, если это сознание другого человека. В этом отношении романы можно назвать «экспериментами над мышлением». Придумываешь людей, создаешь для них жизненные ситуации и решаешь, как предположительно они будут действовать в этих ситуациях. Эксперимент проходит успешно, если поведение героев кажется интересным и правдоподобным и раскрывает дополнительные черты человеческой натуры. Кажется кому? Не господину критику Мудратти, или госпоже обозревательнице Лизоблю, или завистливому конкуренту, или любящей мамочке, а идеальному «читателю» — умному, проницательному, требовательному, но справедливому, которого пытаешься представить себе, когда перечитываешь собственную незаконченную вещь. Не нравится мне склонность ученых совать свой нос в чужие дела — в мои дела. Не слишком ли

много реальности они уже себе присвоили? А теперь покушаются на наше нематериальное, невидимое и неотъемлемое «я».

Я самоучка, печатаю двумя пальцами и нередко ошибаюсь (благодарю бога и науку за создание текстового редактора). Но есть слова, которые я *всегда* набираю неправильно. Одно из них — «научный». На экране моего компьютера неизменно появляется слово «нучный» с этой укоризненной красной волнистой линией проверки орфографии. Но когда я исправляю его, сразу теряется его звучание: такое холодное и безжалостное, «нучное» изучение мира. Я чувствую эту холодную и почти беспощадную черту в характере Ральфа Мессенджера. Когда зашла речь о смерти Мартина, у меня было такое чувство, словно на меня вылили ушат ледяной воды. Это взбесило меня и даже шокировало, я чуть было не ушла. Хорошо, что сдержалась. Иначе бы не увидела панораму Каринти. У меня в голове родилась масса идей.

В конце сегодняшнего семинара я раздала студентам копии статьи из «Британики» о летучих мышах и попросила написать к следующему четвергу сочинение на тему «Что значит быть летучей мышью?» в стиле одного из известных современных романистов.

Перечитав все написанное, я подумала, что Ральфу могла бы понравиться только такая литература, в которой не говорится ни слова о внутреннем мире и сознании человека. Одно поверхностное повествование, диалоги, простое описание поведения и внешности. Не должно быть внутренних монологов или свободного непрямого стиля, позволяющего подслушать тайные мысли героев. Что-то вроде Айви Комптона-Бёрнетт, покойного Генри Грина или «новых романистов»… Но такая литература не может целиком удовлетворить читателя — ее можно воспринимать только как отклонение от нормы. Если автор совсем перестанет описывать внутреннее состояние героев, у читателей возникнет абстинентный синдром.

Кажется, я произвела сильное впечатление на Ральфа, слово в слово процитировав «Крылья голубки». Я не сказала ему, что совсем недавно использовала эту цитату на семинаре, и она была еще свежа в памяти.

Пятница, 28 февраля. Сегодня по внутренней почте получила от Ральфа Мессенджера распечатку статьи из журнала «Когнитивное обозрение» с наилучшими пожеланиями и подписью: «Это может быть Вам интересно. РМ».

Статья называется «Когнитивная структура эмоциональных состояний, включающая подробное описание состояния скорби», написанная (скорее не написанная, а «состряпанная») тремя академиками из Саффолкского университета. Начинается с определения скорби, вызванной утратой любимого человека: «Длительный процесс когнитивной перестройки с характерным появлением негативно-валентного состояния возмущения, вызванного привязанностью к ушедшему из жизни объекту». Теперь-то мне все ясно. Вот что происходило со мной все время после смерти Мартина — всего-навсего «когнитивная перестройка». Безысходное одиночество, слезы бессилия, бесконечные воспоминания, преследовавшие меня на каждом шагу (мы вместе смотрели эту передачу, покупали этот ночник, мы — о господи — ели это куриное карри из «Сэйнзбери» всего за несколько часов до его удара). Даже газета, выпадавшая из почтового ящика по утрам, напоминала о том, как мы делили ее листы между собой и читали за завтраком, поэтому мне пришлось выписывать другую (которая мне нравится намного меньше).

В середине статьи приведена диаграмма, на которой изображено состояние мозга: какие-то

квадратики, кружки и эллипсы, осуществляющие бешеную деятельность (клубок стрелочек и пунктирных линий) — это и есть реакция мозга на сообщение о смерти «объекта привязанности». «Объект привязанности» — это, очевидно, когнитивный термин, обозначающий любимого человека.

Суббота, 1 марта. Съездила сегодня в Челтнем за покупками — в терапевтических целях, впрочем, сам по себе выезд из кампуса — уже терапия.

В Челтнеме я была всего лишь раз, пару лет назад, на чтениях Литературного фестиваля, и так и не успела составить какого-то мнения об этом городе. Сегодня утром бродила как неприкаянная по улицам, пока не дошла до неоклассической громады муниципалитета, в котором обычно проводятся фестивали (тусклый кирпич и огромная помпезная галерея, которая кажется такой нелепой посреди белых отштукатуренных террас). Сообразив, где нахожусь, я оставила машину на стоянке и направилась в центр города.

День был холодный, но сухой и солнечный, так что я очень приятно провела время: погуляла по пешеходной улице, перекусила в «Уотерстоне» и купила блузку в «Лоре Эшли» и брюки

в «Кантри-Кэжуалс». Потом пообедала в кафе, где меня обслужили официантки в старомодных белых фартучках. Бегло осмотрела длинный двухъярусный торговый ряд, разместившийся на параллельной улочке, но вскоре убежала от его духоты и надоедливых мелодий. Потом заметила указатель картинной галереи с музеем прикладного искусства и дизайна. В Челтнеме повсюду снаружи и внутри реставрируют старые здания и террасы. Как бы такой коллективный культ Прекрасного Дома. В музее я встретила довольно интересные экспонаты, посвященные Уильяму Моррису и движению прикладного искусства и ремесел, и купила несколько репродукций, которыми можно украсить гостиную.

Потом пошла обратно мимо фасада муниципалитета, выполненного в стиле эпохи регентства, мимо сверкавшего на солнце фонтана с итальянизированным Нептуном, Имперских садов и Королевского отеля — безмятежного, белого и величественного, словно пришвартованный довоенный лайнер компании «Кунард». Потом, по совету Кэролайн Мессенджер, вышла на Монпелье-стрит, которая оказалась и вправду прелестной: модные бутики, специализированные магазины и галереи, уютно расположившиеся

на старинной улице эпохи королей Георгов. Наверху — замечательная ротонда, стилизованная под римский Пантеон и превращенная в банк «Ллойдс».

Я думала о том, как приятно вот так бродить, — не хватало только близкого человека, с которым можно поделиться впечатлениями. И пока я стояла, неподвижно уставившись в витрину магазина здоровой пищи и чувствуя холодный приступ вновь зарождающейся депрессии, словно ответ на мою мольбу, из двери, под звон античного колокольчика, вышла Кэрри. Она была в ярко-красном полупальто и вязаной мохеровой шапочке, ее длинные светлые волосы распущены, щеки розовели, а серповидные губы растянулись в прелестной открытой улыбке, как только она меня узнала. Она пригласила меня к себе на чашку чая, и я почти тотчас же согласилась, немного помедлив для приличия.

Машина Кэрри стояла на широкой Лэнсдаун-крезнт, состоящей из террасных особняков.

— Один из этих домов купил Николас Бек, — сказала Кэрри. — И сам его переоборудовал. Получилось изящно, но не слишком современно. Чересчур много лестниц и гаражей, и ни одного садика.

Я сказала, что таких домов много в курортных городах, где их обычно сдают жильцам.

— Совершенно верно, — сказала она. — Наш сад небольшой, но нам нравится. К тому же у нас коттедж за городом, примерно в получасе езды, около Стоу, мы часто ездим туда по выходным. Вам обязательно нужно там побывать.

Мессенджеры живут в Питтсвилле — районе, названном в честь Джозефа Питта, который основал его в 1820-х годах.

— Для американского уха это все равно, что «Питтсвилл»[2], — сказала Кэрри. — Представьте себе, как смеются мои американские друзья, когда узнают, где я живу.

Когда они приезжают к ней в гости, то, наверное, перестают смеяться. Питтсвилл — прекрасный зеленый городок с милыми домиками и элегантными террасами, в лесопарке, где устроен огромный неклассический курорт. Здесь, вероятно, до сих пор можно брать воду в павильоне для питья минеральных вод (в отличие от того места, где сейчас находится банк «Ллойдс»). Дом Мессенджеров — шикарная вилла с двумя фронтонами и парой массивных коринфских

---

[2] Примечания: 2

От *англ.* «яма, дыра, преисподняя».

колонн в стиле греческого возрождения. Своим отштукатуренным, ослепительно белым фасадом напоминает старомодный свадебный торт, но в нем нет ничего вульгарного или неприятного — пропорции великолепны. В гостиной Кэрри налила в китайские чашечки «Эрл Грей» из чайника времен королевы Анны и предложила мне печенье и домашнее клубничное варенье. Она принадлежит к числу тех американок, которые лучше, чем мы, знают, как должна протекать жизнь англичан. К тому же у нее есть финансовая возможность реализовать свой идеал. Дом прекрасно оформлен и обставлен в соответствующем стиле, вплоть до латунных крючков в гардеробе на первом этаже и викторианской лошадки-качалки в большой комнате. Кэрри сказала, что всю эту редкую мебель ей помог приобрести Николас Бек. Он обожает пригородные аукционы и антикварные магазины. Многочисленные картины на стенах, в основном американские примитивисты и французские импрессионисты второго ряда, без сомнения, собраны самой Кэрри. Она написала выпускную работу по истории изобразительного искусства, а ее диссертация была посвящена Берт Морисо, по ее словам, «еще до того, как ее открыли заново». Небольшая работа Морисо — читающая

девочка — самая ценная картина в ее коллекции и «наверняка стоит теперь уйму денег».

Когда мы вошли в большую комнату, там сидела младшая дочка Мессенджеров Хоуп и смотрела диснеевские мультфильмы по телевизору: симпатичная, веснушчатая девчонка лет восьми в ярких гетрах. Когда нас познакомили, она сказала «Привет» и улыбнулась, обнажив скобку для выпрямления зубов. Старшая дочь, семнадцатилетняя Эмили, похожа на мать — высокая, красивая блондинка калифорнийского типа. Она пришла домой, когда мы пили чай, и показала нам только что купленные туфли. Мне показалось, что такие высокие каблуки и платформа совсем не подходят для ее роста, но вслух, конечно, ничего не сказала. Кэрри никак не прореагировала, когда узнала, что туфли стоили 89 фунтов. Мать и дочь уже успели обратить внимание на мои сумки и попросили меня развернуть свои скромные свертки. Потом мы банально, но мило поболтали о тряпках и моде. Таких разговоров у меня не было с тех пор, как уехала Люси. Эмили вышла из комнаты, и Кэрри сообщила, что она — дочь от ее первого мужа, с которым она развелась. У Эмили заметный американский акцент, но остальные дети говорят на чистом

английском.

Когда стемнело, Кэрри задернула тяжелые велюровые шторы и нажала на кнопку электрического камина — уступка прогрессу. Как бы извиняясь, Кэрри сообщила, что в Подковах у них есть «настоящий огонь». Насколько я понимаю, «Подковами» они называют свой загородный дом. Потом вошел Ральф с двумя сыновьями — Марком (пятнадцать лет) и Саймоном (двенадцать), которых он называл Поло и Соком. Поло — сокращение от Марко Поло, а Сок — от Сократ. Саймона называют Сократом из-за его привычки постоянно задавать вопросы. Хоуп зовут «Киской» за ее гибкую фигурку, а Эмили до сих пор называют «Флиппером» за любовь к дельфинам в детстве. Все эти прозвища (равно как и клички компьютеров), конечно же, выдумал Ральф. Так он заявляет свои права на собственность… Время от времени он называет Кэрри «Блонди». Может быть, она и дети зовут его Мессенджером в отместку за эти клички.

Саймон и Марк сразу побежали на кухню искать еду, на ходу разматывая длинные полосатые шарфы. Они втроем ездили в Бат смотреть матч по регби.

— Мужское единение, — сказал Ральф с ухмыл-

кой. — Кэрри считает, что это очень важно.

Ральф был в хорошем настроении и, казалось, обрадовался, увидев меня в своем доме.

— Да тебе же самому нравится туда ходить. — И Кэрри похлопала его по плечу.

— Ну да, я играл в молодости, — признался он, и я тотчас представила его на поле, с его бычьей головой и широкими плечами — валяется в грязи в самой гуще потасовки. Очень телесный человек: не успев войти, поцеловал Кэрри, обнял Эмили и посадил Хоуп к себе на колени — и все они воспринимали его прикосновения с какой-то неосознанной радостью. Не смогла удержаться от того, чтобы не сравнить скрытый язык жестов моей и его семьи. Когда наши дети выросли, мы с Мартином редко их обнимали: то ли они смущались, то ли мы стали сдержаннее. Мы с мужем и сами не так уж часто обнимались, лишь когда занимались любовью. Почему-то вдруг подумала об этом. Пожалела обо всех этих неоказанных знаках внимания, утраченных навсегда. Я позавидовала семье Мессенджеров — этому легкому физическому контакту, тому, как они трутся друг о друга. Потом вдруг вспомнила, как Ральф Мессенджер вел себя с Марианной Ричмонд… за все нужно платить. По крайней мере, мне никогда не

приходилось сомневаться в верности Мартина.

Ральф предложил выпить, и я попросила немного ликера, сказав, что мне скоро идти. Я никуда не спешила — просто не хотелось их стеснять. Словно прочитав мои мысли, Кэрри сказала:

— Мы сегодня ужинаем в гостях, а не то я бы предложила вам остаться.

— Разве сегодня, Блонди? — нахмурился Ральф.

— Ну, конечно, у ВК.

— Ах да, я и забыл, — пробурчал он.

— Приезжайте завтра в Подковы на ланч, — продолжала Кэрри, — или в следующее воскресенье.

Мне очень хотелось принять предложение на завтра, но какие-то дурацкие, непонятные принципы заставили перенести это удовольствие на следующую неделю. Все-таки они очень милые и гостеприимные. Может, если ты такой богатый и все у тебя складывается удачно, легко быть доброжелательным? А может (более циничная мысль), это просто один из способов обратить зависть других людей в благодарность?

Когда я собралась уходить, Ральф спросил, где я оставила машину, и вызвался отвезти меня к стоянке. Кэрри поддержала его, и я вежливо согласилась. В машине (большом «мерседесе») я поблагодарила его за присланную статью. Он

спросил, что я думаю, и я ответила, что статья слишком далека от реальности. Все эти диаграммы и научный жаргон не имеют ничего общего с истинным ощущением скорби.

— Это всего лишь схема, — сказал он.

— Но если вы хотите сделать робота, которому действительно доступно чувство скорби…

— Это спорный вопрос…

— Вы хотите сказать, что это невозможно?

— Возможно, но потребует много времени и больших материальных затрат, а каким будет результат? Робот, чьи когнитивные функции, как у и обычного человека, могут быть радикально изменены каким-нибудь случайным событием.

Я поинтересовалась, в чем же тогда смысл статьи.

— Наш мозг — виртуальная машина. Иногда можно узнать немало интересного, изучая ситуации, когда она не срабатывает, даже теоретически.

— Так, значит, скорбь — просто неисправность? — На самом деле, я не собиралась спорить после такого теплого приема в их доме, но все же не смогла сдержать иронии. Он мельком оценивающе глянул на меня и сказал:

— Трудно понять, для чего это нужно с точки

зрения эволюции. Можно сравнить скорбь, например, с ревностью, которая тоже болезненна и неприятна, но имеет очевидную цель: убедиться в том, что ни один мужчина не претендует на твою подружку.

— А женская ревность?

— Очень похожая функция. Касается воспитания и кормления потомства. Вы можете сказать, — продолжал он, размышляя вслух, — что желание избежать боли от потери — тот же инстинкт защиты своих родных. Но для этого есть немало других мотивов. К тому же знание мотивов не облегчает скорби, когда несчастье все же случается.

— И порой ничего невозможно сделать, чтобы избежать этого, — сказала я с чувством, но он, кажется, не обратил внимания на мой намек на Мартина.

— Совершенно справедливо, вспомнить хотя бы все эти телетрансляции о похоронах после терактов, землетрясений и так далее. Люди не находят себе места от горя. Слезы, крики, метания. Все это *чересчур* и противоречит эволюционной теории. Как сказал Дарвин: «Плач — головоломка».

Меня поразила эта фраза. Ральф сказал, что нашел ее в записных книжках Дарвина. Обещал

отыскать точное место.

Когда мы приехали на стоянку, он вежливо предложил проводить меня до машины, но я отказалась и на этот раз настояла. Мы пожали друг другу руки, и в эту минуту мне показалось, что он хотел поцеловать меня в щеку, но не поцеловал.

6

Раз, два, три, проверка… Даже не нужно тестировать это устройство. Слова сразу же появляются на экране, но я одновременно делаю аудиозапись, чтобы можно было прослушать ее позже и расставить многоточия вместо пауз… Только сейчас понял, какая классная штука эта программа распознавания голоса… Казалось бы, в Центре когнитивных исследований должны быть последние версии таких программ, но, к моему удивлению, оказалось, что ее ни у кого нет, мало того — ею никто ни разу не пользовался… Все считают ее какой-то несерьезной игрушкой, такие покупают в «Диксоне» детям на Рождество. Все это говорит о консервативности академиков…. Мой «Войсмастер» прибыл в пятницу, и я потратил несколько часов, чтобы настроить его. Начал с чтения текста, чтобы он привык к моему произношению. Два отрывка — из Льюиса Кэрролла и из «Таймс». Сначала он писал какую-то тарабарщину, но я упорно исправлял его ошибки, и, наконец, он усвоил произношение гласных — самое сложное, а к концу дня делал не больше одной ошибки

на строку, что, в общем-то, неплохо: я печатаю намного хуже… Программа подбирает фонемы из числа тех, которые уже существуют в базе данных… монолог, построенный по принципу свободных ассоциаций, — самая трудная задача, потому что постоянно перескакиваешь с одного на другое. Программа эта еще и ханжеская… отказалась записывать слово «трахнуть»… предложила самые разные варианты… «махнуть», «струхнуть», «трепыхнуть» и т. п… Но я научил ее говорить непристойности. Итак, начали… сегодня воскресенье, 2 марта, 8.45 утра, да-да, *8.45*… Кэрри разозлилась на меня, когда я сказал, что… по дороге домой от ВК вчера вечером… Боже, какой занудный был вечер!.. Ричмонды пришли, но возможности позажиматься с Марианной не было… она начала строить глазки и вышла в туалет, но я сделал вид, что не заметил, а как она думала, я побегу за ней и буду стучать в туалет, умоляя, чтобы мне открыли?.. Она ведет себя слишком опрометчиво, Кэрри могла легко заметить ее взгляды, но, к счастью, она в этот момент болтала с леди Вив… А я говорил со Стэном. Сэр Стэн и леди Вив, что за дурацкие имена у вице-канцлера и его супруги — просто какой-то водевиль. Однако он сообщил мне, что Дональдсон скоро получит

почетное звание, и это отличная новость, Стэн очень доволен, ведь это должно помочь нам с финансированием… Так, о чем это я… Пришел сюда с утра пораньше, потому что Кэрри рассердилась, когда я сказал, что собираюсь пойти в офис и продолжить эксперимент. «Боже мой, разве ты мало времени там проводишь?..» Надо признать, справедливое замечание, но мне не терпелось опробовать программу, поупражняться с потоком сознания. Я пообещал забежать сюда рано утром и вернуться к десяти, чтобы всем вместе поехать в Подковы, дети ведь все равно раньше не проснутся… Конечно, я мог бы установить эту штуку и дома, но это совсем не то, я опасался бы, что кто-нибудь подслушает… принимая во внимание всю эту ерунду, которая постоянно приходит мне в голову, когда я начинаю праздно размышлять… им, конечно, пришлось бы подниматься по лестнице и прикладывать ухо к двери… но все равно чувствуешь себя таким уязвимым, и когда думаешь вслух, нужна уверенность на все сто, что тебя никто не подслушает… Сижу, значит, за столом, у себя в кабинете, рядом чашка каппучино с корицей и без сахара. Микрофон закреплен на голове, прямо напротив рта, как показано в инструкции… Буду исправлять толь-

ко основные ошибки по ходу дела, а сам текст подправлю позже… В машине мне пришло в голову, что можно не просто окунаться в поток сознания, а попробовать поэкспериментировать с памятью. В каком-то смысле все наше сознание — память. Мы не можем реально осознать будущее, но можем попробовать предсказать его, мы даже до конца не осознаем настоящее, поскольку работа осознания всегда отстает от работы мозга, как говорил этот, как его… Либет, он доказал, что осознанное решение отстает от мозговой деятельности примерно на полсекунды… так что в каком-то смысле каждая секунда нашей жизни на тот момент, когда мы ее ощущаем, уже как бы в прошлом… можно сказать, сознание — это постоянное воспроизведение действий, но… я говорю о долговременной памяти. Я собираюсь вспомнить давние переживания, а потом увидеть или попытаться увидеть, каким образом мозг вновь обретает… воспроизводит прошлое. И еще я хочу выяснить, в какой степени мимолетные воспоминания и ассоциации взаимодействуют с этим процессом… Итак, какое долговременное воспоминание я буду активизировать?

Мой первый секс — почему нет? Ее трусы. Сразу же вспоминаю, как она стягивала с себя труси-

ки… лукаво глядя на меня, а волосы спадали на лицо. Я просто остолбенел, я ни разу не видел, как женщина раздевается… разве что в фильмах… но тогда женщины не снимали трусов на экране, по крайней мере, я такого не видел… встречались кадры, где трусы летели в воздухе или падали на пол, но женщин не было… может, это просто такое домашнее, неловкое движение, которое сложно сделать грациозно и эротично. Нужно наклоняться, потом стоять на одной ноге, пока не… У стриптизерш, к примеру, на белье есть специальные застежки, с помощью которых они одним движением снимают с себя все… ха, та девица в Сохо, которая сняла свою набедренную ниточку раньше лифчика… не колеблясь, а может, просто думала о чем-то другом, замечталась, был полдень, мертвый час, в баре три калеки, один из которых я, бог знает, что я там делал, убивал время между двумя встречами, немного окосев после бизнес-ланча, не помню, и полдюжины одиноких идиотов. Мы сидели в креслах в фиолетовом полумраке и глазели на эту девицу, а она выполняла свою рутинную работу под диско-фонограмму. Двигалась, как лунатик, снимая все части своего костюма одну за другой, шаркала ногами и виляла бедрами, пока не сняла по ошибке трусы

вместо лифчика… мы все аж привстали, словно нас в зад кольнули. Она смутилась, сбилась с ритма, покраснела и даже пробурчала «простите», наверное, это было первое слово, сказанное ею на этой (да и на любой другой) сцене, ведь стриптизерши не разговаривают. Потом она снова надела трусы и продолжила свои механические движения… Именно что механические, ведь если бы мы вживили механизм в плоть, то можно было бы довольно быстро запрограммировать робота-стриптизершу, то есть программа была бы очень простой… На одно мгновение она снова стала нормальным человеком — непредсказуемым, ранимым и уязвимым… кто-то загоготал в темноте, послышались и другие смешки, унылая онанистическая атмосфера тотчас рассеялась… Поэтому у стриптизерш четкий регламент: при раздевании нужно соблюдать строгую последовательность… любое отступление нарушает ход событий, и все становится слишком *естественным*… словно раздевание перед сном у себя дома… у каждого свой способ, своя последовательность, которую можно изменить, когда захочется… Кэрри, например, сначала снимала трусы («штанишки», как она их называет) и расхаживала в одном лифчике, если собиралась еще

сходить в туалет, но теперь она этого не делает, стала слишком требовательной к своей фигуре… В тот памятный день Марта сняла трусы в самом конце, глядя мне в глаза и наслаждаясь своей властью надо мной… Я сидел на кровати, с целым Эверестом в штанах, широко раскрыв глаза, едва дыша, с пересохшим ртом… Ловил звуки с улицы, видел, как Том Биэрд уезжает в своем старом пикапе вместе с Солом на пассажирском сиденье, а кузов набит старыми овцами, которых он продавал на рынке. Это называлось «сбагривать старушек»… Я знал, что его не будет весь день, но боялся, что может произойти авария или что-нибудь еще, и тогда он неожиданно вернется… «Не бойся, любовничек, — сказала она, взяла меня за руку и вывела из кухни. — Мы услышим машину за несколько миль, а эти старые ворота скрипят, как черт знает что…» Она провела меня наверх, в спальню, и задернула шторы, но дневное солнце просвечивало сквозь тонкую розовую ткань, прозрачную, как одежда стриптизерши… Она начала медленно раздеваться, аккуратно складывая вещи на спинку резного стула… «Чего же ты ждешь?» — спросила она, и я глупо уставился на нее. «Не стесняйся, я ведь уже видела тебя раздетым», — продолжала она, намекая

на тот день, когда я плавал с собаками…. В тот знойный полдень мы перегнали стадо на новое пастбище, и овцы с радостью набросились на свежую траву. Том вышел из трактора осмотреть сломанный забор. Неподалеку была живописная прохладная речка — чистый, бурлящий поток, удобная запруда. Я не смог удержаться, сбросил с себя все и бултыхнулся в воду… Две колли, свесив языки и умирая от жары, с завистью уставились на меня с берега. Они были слишком хорошо выдрессированы и не смели пошевельнуться, пока я им не разрешу. «Ко мне», — скомандовал я, и они с лаем бросились в воду и поплыли ко мне, задрав кверху носы. Они плавали вокруг меня, словно я был овцой, которую нужно было охранять… Я дурачил их, ныряя и выныривая за их спинами, и визжал от удовольствия, когда удавалось их обмануть. Потом я поплыл на спине по течению, пока спина не начала задевать дно, встал на ноги и побежал обратно к собакам, против течения, разбрызгивая воду во все стороны. Тут я заметил на берегу Марту. Она стояла одной ногой на земле, а другой опиралась о педаль велосипеда и смотрела на меня в упор. Широко улыбнулась, когда я прикрыл рукой хозяйство, словно футболист перед пенальти… Потом спро-

сила, где Том, и поехала за ним… я продолжал стоять с рукой на пенисе, пока она не скрылась из виду… Как только я представил себе, что она, должно быть, долго стояла и смотрела на меня с этой своей улыбочкой, мой член стал набухать и подниматься. Убедившись в том, что меня никто не видит, я начал разбрызгивать сперму в воздух и в воду, а за мной наблюдали лишь спокойные, безразличные собаки. Я, конечно, мечтал о Марте, но до того памятного дня даже не надеялся на взаимность. Она была мила со мной, всегда предлагала лучшие куски за столом и гладила мои рубашки лучше, чем мать, я знал, что нравлюсь ей, но она была замужней женщиной и в два раза старше меня… Том был старше нее, но, по ее словам, секс его мало интересовал и не был его сильной стороной… «Субботняя десятиминутка — его потолок». Он был уже зрелым мужчиной, когда взял себе молодую жену, и рассчитывал заиметь от нее наследника, который мог бы вести ферму. Он потерял интерес к сексу, когда выяснилось, что детей у них не будет, и стал обвинять Марту в бесплодии. Он даже мысли не допускал, что виной всему могла быть не она, а он сам. Отказывался делать анализ спермы и вообще обсуждать этот вопрос, несмотря на то (а может,

именно благодаря тому) что сам постоянно занимался случкой овец… Классическая ситуация — старый муж, резвая молодая жена и молодой семнадцатилетний квартирант, у которого сперма брызжет из ушей. Еще школьник, но Марта однажды сказала: «У тебя большой для твоего возраста, любовничек». Школьник из южного Лондона, которого отправили на овцеводческую ферму набраться сил после воспаления гланд… идея моего деда, Том приходился ему дальним родственником… неплохая идея… я действительно набрался сил: работал, ходил пешком по нескольку миль вдоль Дейла и взбирался на крутые холмы. Я помогал Тому усмирять овец, держал их, когда он проверял копыта, срезая с них зараженные части… Мои мышцы окрепли, плечи распрямились, наверное, я неплохо выглядел, когда плыл в чем мать родила перед Мартой, она мне потом сказала: «Ты был как статуя в музее — похож на греческого бога, высеченного из белого мрамора…» Я прочитал на ее лице искреннее восхищение, когда она наблюдала за мной, сидя на велосипеде, и все же для меня было полной неожиданностью, когда на кухне… Да, я до сих пор не могу поверить в свою удачу, подумать только: семнадцатилетний школьник, чье тело — как

электростанция, заряженная тестостероном… а в голове — нескончаемый порнографический театр… мой сексуальный опыт ограничивался французскими поцелуями с девушками из соседней классической школы, а иногда, если сильно повезет, я тискал их за груди под форменными блузками… потерять девственность в объятьях опытной, зрелой женщины с горячей кровью… которая смеялась и просила меня не волноваться, когда я кончал раньше времени… Так, на чем же я остановился?.. да, в тот день Том и Сол (его пастух) уехали на рынок, а я остался на ферме с Мартой и пошел на кухню пообедать. Я сидел за столом, побитым и поцарапанным от времени и постоянной чистки. Она подавала мне еду и смотрела, как я ем, а я ощущал (несмотря на недостаток опыта в этих делах, я все-таки ощущал), как тяжелел воздух от ее желания… Это чувствовалось в движениях ее бедер, в отсутствии ее обычного, выцветшего передника в цветочек… я смог разглядеть форму ее бюстгальтера под тесной блузкой, и эта пуговица, которую следовало бы застегнуть… Ее свежевымытые волосы пахли шампунем, когда она наклонилась надо мной, чтобы поставить тарелку с ветчиной и сыром. Когда она пила чай и смотрела на меня с другого

конца стола, на ее губах блуждала едва уловимая улыбка, она говорила о чем-то, но я не мог понять смысла ее слов… Когда я встал, чтобы вернуться к работе, она остановила меня с помощью старой как мир уловки: «Что-то в глаз попало, Ральф, посмотри». Она подошла ко мне, и я заглянул в ее глаз, оттянув веко пальцем, а она дышала совсем близко, упираясь в меня грудью. Она крепче прижалась ко мне и прошептала прямо в ухо: «Поцелуй меня, Ральф, ради бога…» Я поцеловал ее, и она поцеловала меня в ответ, я пошатнулся и потерял равновесие, а она засмеялась и сказала: «Пошли наверх, там будет удобнее». Она схватила меня за руку, и в этот момент я сказал: «А что, если вернется Том?..» — «Не беспокойся, любовничек, в этом богом забытом месте мы услышим машину за сотню миль, а старые ворота скрипят, как черт знает что…» Однако к моему страху примешивалась вина. Я любил и уважал Тома за его суровость и неразговорчивость… он вел себя очень порядочно по отношению ко мне, учил премудростям разведения овец и рассказывал, какие команды давать собакам: «ко мне», «стоять», «сидеть», «направо», «налево», «фу»… Мне так нравилось управлять стадом на расстоянии, словно собаки были напрямую связаны с

моим мозгом… Мне не хотелось наставлять рога человеку, который научил меня всему этому, но, когда мы оказались в спальне и она начала снимать одежду, отступать было некуда… «Ну, чего же ты ждешь? Не стесняйся, я же не в первый раз вижу тебя раздетым». Но я смущался и, повернувшись к ней спиной, быстро разделся и не заметил, как она сняла чулки, а когда повернулся, она уже завела руки за спину, расстегивая лифчик, немного старомодный, жесткий, с грубыми швами, и, когда она сняла его, ее груди вывалились наружу, отбрасывая полумесяцы теней… Я сел на край кровати и стал смотреть, как она снимает трусы, такие же старомодные, как и ее бюстгальтер, их еще называют «французскими» — широкие, шелковые, кружевные, персикового цвета, наверное, она надела их специально для этого случая… Смешно сказать, но я ни разу не вспоминал об этом с тех самых пор, а ведь прошло уже тридцать лет… ее трусы не были похожи на те, которые каждый день носит жена фермера… Она распрямилась, бросила их на стул и встала передо мной — голая женщина во всем своем великолепии… она не была красавицей в классическом или журнальном понимании, ее груди уже немного отвисли, талия была широ-

коватой, а ноги короткими, но она была первой живой женщиной, которую я видел полностью обнаженной. «Нравится, Ральф Мессенджер?» — спросила она. Я смущенно, но честно сказал: «Да», — и она тихо рассмеялась, подойдя совсем близко, а я уставился на ее промежность, поросшую редкими рыжеватыми волосами, которые до конца не закрывали розовато-коричневую складку… «Ты собираешься снимать штаны или прикажешь мне это сделать?» — сказала она, и я вскочил на ноги и стал поспешно расстегивать эластичный ремень, высвобождая свой разбухший член… По-моему, у меня тут небольшие проблемы с плавками от Ральфа Лорана… все эти воспоминания меня как-то чересчур возбудили… Нужно привстать на секунду, поправить мой…

Вот, теперь лучше… Кампус кажется таким пустынным, ни души, даже Хелен Рид что-то не показывается… загадочная женщина, умная, схватывает все на лету и любит поспорить, всегда готова отстоять свою точку зрения, мне это нравится, сейчас многие почему-то думают, что спорить до победного конца — дурной вкус… Хорошие ноги… Когда она выходила из машины вчера вечером, ее юбка распахнулась, обнажив такое милое бедро… Мне хотелось поцеловать ее

в щеку на прощание, но я сдержался… есть в ней какая-то ироничная отчужденность… восприимчивость к любому намеку на треп… почему-то мне кажется, ей бы не понравилось, решила бы, что я много себе позволяю… Да и спешить некуда, думаю, она будет довольно часто появляться у нас, Кэрри, похоже, она пришлась по душе, а ей самой, наверное, ужасно одиноко на кампусе, я заметил, как загорелись ее глаза, когда Кэрри пригласила ее на ланч в следующее воскресенье… «Плач — головоломка»… я пообещал ей найти это место… но не сейчас, пора вернуться к Марте…

Я рассказал Кэрри о Марте, думая, что это ее возбудит, но она возмутилась, назвав мою историю элементарным сексуальным домогательством… Я ответил, что все это ерунда, мне самому хотелось… «Не важно, это была просто сексуально распущенная взрослая женщина, которая использовала твой юношеский член как вибратор…» Я возразил: напротив, она была со мной очень добра и научила меня настоящему сексу, которому моим сверстникам приходилось учиться годами и часто безуспешно… У каждого парня должна быть такая Марта, она сделала из меня хорошего любовника… «Ты хочешь сказать, что она сделала из тебя эротомана», — сказала Кэрри,

отвернулась и уснула, мы с ней лежали как раз в кровати, в Пасадене… «Эротоман»… типичный калифорнийский бред, каждый мужчина — эротоман, мы биологически запрограммированы заниматься сексом как можно чаще и с как можно большим количеством женщин…. И только культура сдерживает нашу потребность в беспорядочных половых связях… А иногда полностью подавляет ее, как, например, у священников и монахов — этих введенных в заблуждение бедняг… Или не полностью — как у Тома Биэрда… «Субботняя десятиминутка — его потолок»… Он слишком долго не женился, жил со своей матерью-вдовой на дальней ферме, проводил досуг в кругу собутыльников за кружкой пива, табаком, дротиками и домино… А Марта — совсем другая, выросла в торговом городке в центре Англии, где были танцы, кафе, кино и куча парней… По ее словам, она познакомилась с Томом на какой-то свадьбе и «сдуру» вышла за него замуж… Она сделала это от отчаянья, устав от жизни в семье, где было еще пятеро детей. Там приходилось спать в одной комнате с младшей сестрой, а Том предложил ей целый дом с цветным телевизором и разрешил купить современную кухню… Ее привлекли его молчаливость и внешность

героя вестерна, однако физическая сторона их брака разочаровала с самого начала. «Все время проводит со своими овцами, а секс для него что случка — быстренько вошел и вышел…» Он даже не думал о том, чтобы доставить Марте удовольствие… полагаю, слово «думает» здесь ключевое, человеческий секс отличается от секса животных тем, что мы думаем о нем и радуемся, когда нашему партнеру тоже хорошо… Возьмите спаривающихся собак, обезьян в клетке или барана с овцой — самцы испытывают что-то вроде облегчения, это все равно что почесаться или сходить по-большому… когда смотришь на них, мысль о наслаждении даже не приходит в голову, ну а самки, так те просто терпят… Интересно, у самок бывает оргазм? Вряд ли, но стоит спросить у кого-нибудь с естественного факультета. Скорее всего женский оргазм — изобретение человека разумного, женщины разумной… В процессе селекции у нас развился более крупный, чем у обезьян, пенис — это сами женщины выбирали… В этом отношении у Тома все было в порядке, я видел, как он мочился однажды у холма, у него имелось приличное снаряжение, но он не умел им как следует пользоваться, не мог доставить женщине удовольствие… Марта научила меня этому, и я

страшно благодарен ей, как и множеству других женщин, которые даже не догадывались, кому они должны быть благодарны за радость, которую я им доставлял… нет, это не эротомания. Если бы она просто использовала меня, то злилась бы, когда я кончал раньше времени, стоило ей только взять мой член в руку, но, она, наоборот, говорила: «Не волнуйся, любовничек», — поглаживая его, пока он снова не твердел… в конце концов, я научился оставаться в ней минут пятнадцать, не кончая, повторяя про себя формулы из физики… даже если самки каких-то видов животных и способны к оргазму, их самцы не умеют достаточно долго задерживать эякуляцию, чтобы доставить им удовольствие. Марта испытывала такое наслаждение, что у нее на глазах выступали слезы радости… теперь я понимаю, почему больше люблю трахаться со зрелыми женщинами. Все из-за первого опыта с Мартой… Они всегда благодарны тебе, а ты гордишься этим… к тому же чисто психологически они способны на более интенсивный оргазм… Мы делали это по шесть-семь раз за вечер, пока Том торчал в своих пабах… Как только за холмом затихал звук его грузовика, мы шли наверх… но однажды вечером случилось то, чего я всегда боялся: грузовик сломался, и он

вернулся домой, чтобы вызвать аварийку, мы услышали скрип ворот, когда оба были уже в моей кровати, боже мой, мы еле выкрутились, Марта успела накинуть одежду и велела мне оставаться в постели, притворившись больным… после этого случая мы стали побаиваться заниматься этим, особенно я… Я был уверен в том, что Том всыплет мне по первое число, если только нас застукает. Я представлял себе, как меня с позором отправляют домой, но еще ужаснее было то, что мне придется во всем сознаваться родителям…. После каникул я рассказал своему лучшему другу о том, что случилось, но он не поверил мне, решив, что я все сочинил. «Пиздишь ты все, Мессенджер», — сказал он мне. Я не стал спорить, мне даже стало легче, ведь это было предательством по отношению к Марте, а тем более — к Тому. Мне просто очень хотелось поделиться с кем-то, меня распирало от этого недавнего переживания, но в то же время его скептицизм был мне на руку, потому что эта история так и не дошла до моих родителей и деда. Я написал письмо Тому и Марте, поблагодарив их за все, и мы еще пару лет обменивались открытками на Рождество, но потом потеряли связь, и я их больше не видел и ничего не слышал о них… Черт, уже без четверти

десять… [*конец записи*]

7

Понедельник, 3 марта. Весь вчерашний день и половину сегодняшнего читала работы студентов — это их главные вещи, в основном романы (есть два сборника коротких рассказов). Они начали писать либо в прошлом семестре под руководством Рассела Марсдена, либо еще до того, как поступили на этот курс. Чувствую, что с меня хватит, и не то чтобы работы плохо написаны, наоборот, общий уровень довольно высок, просто слишком уж много пришлось читать. Открываешь чью-нибудь папку — и перед тобой целый мир, в который нужно вникать, новые характеры и имена, которые нужно запомнить, их внешность, родственные отношения, причины и следствия, которые нужно установить, наконец, новое время года…

Возьмем, к примеру, мрачную хронику Рейчел Макналти о жизни на молочной ферме в графстве Армагх. Или живую сатирическую комедию Саймона Беллами о группе молодых людей, решивших выпускать новый стильный журнал в Сохо. Или работу Роберта Драйтона: воспомина-

ния заключенного накануне казни в каком-то выдуманном африканском государстве, где правит безумный диктатор. Фрида Синклер с ее откровенными рассказами о молодых женщинах, танцующих, пьющих, блюющих и блудящих в ночных клубах от Инвернесса до Ибицы. Гилберт Баверсток с новеллой о патологически скромном страховом агенте, который влюбляется в девушку из своего офиса и общается с ней по электронной почте, прикидываясь драматургом-хиппи из Лос-Анджелеса. Историческая повесть Томаса Воэна о восстании шахтеров в долине Рондда в девятнадцатом веке. Чак Ромеро и его «роман воспитания» о молодом парне, потерявшем девственность и нашедшем работу в Провиденсе, Род-Айленд (где сам Чак родился). Короткие рассказы Фараты Хан о конфликте поколений и культур в азиатской общине Лестера (откуда она сама родом). Произведение Сола Гольдмана об эдиповых проблемах еврея-бизнесмена, выбившегося из низов, и его сыне — художнике и гомосексуалисте… Смешной и трогательной рассказ Фрэнни Смит об одной ливерпульской школе для бедных, написанный от лица самых разнообразных персонажей. А также странная притча Авроры да Сильва о нью-эйджевом институте на

одном греческом острове, где преподают садомазохизм, тантрический секс и прием наркотиков для восстановления сил. Итого, одиннадцать совершенно самостоятельных, самодостаточных миров. Должно быть двенадцать, но Сандра Пикеринг еще не передала свою папку. Впрочем, достаточно и одиннадцати, они уже перемешались у меня в голове, и я боюсь, что перепутаю имена персонажей или сюжеты, когда буду встречаться со студентами индивидуально.

Очень неестественно читать подряд несколько работ, перескакивая с одной неоконченной истории на другую, но это навело меня на мысль о плодовитости тружеников пера в нашей стране. А не «перепроизводство» ли это? Может, у нас скоро вырастет огромная гора художественной прозы, такой же ненужной, как молочные реки и масляные горы ЕЭС? Помню сухое замечание Ральфа Мессенджера: «Нужно ли нам столько писателей?» Его мнение более чем очевидно.

Конечно, на это можно возразить, что существует общая человеческая потребность в повествовании, это один из основных способов придания смысла нашему существованию. Но если при этом возникает бесконечная череда *новых* историй? В старину в этом не было необ-

ходимости. Писатель мог пересказывать старые сюжеты — историю Трои, Рима, Британии, менялась только манера изложения. Но в последние три столетия от писателей требуют *каждый раз* нового. Не совершенно нового — ведь давно известно, что существует ограниченное количество сюжетов, — но даже старый сюжет нужно освежать новыми характерами и помещать в новую, необычную обстановку. Когда задумаешься о миллиардах людей, живущих на земле и имеющих собственную уникальную судьбу, о которой мы никогда не узнаем, придумывание несуществующих, дополнительных жизней кажется ненужным и даже ненормальным занятием. То, что в реальности — данность, в романе — решение автора. Факты заменяются старательно выписанными псевдофактами. Читателю приходится следить за ними и запоминать их, но они вылетают из головы, как только заканчиваешь чтение, освобождая место для новой истории. В конце концов, в памяти не остается ничего, кроме пары имен, нескольких расплывчатых впечатлений от персонажей и слабого воспоминания о сюжете, а также общее чувство удовлетворенности или же неудовлетворенности. Страшно подумать, сколько произведений я прочитала за

всю свою жизнь и как мало запомнила. Нужно ли вдохновлять этих ребят пополнять эту груду быстро забывающихся псевдосюжетов? Может, они принесут больше пользы, занимаясь разработками искусственного разума у Ральфа Мессенджера в Центре когнитивных исследований?

Вторник, 4 марта. Почты сегодня нет. С тех пор как я попала сюда, от Люси не было ни строчки, хотя я сообщила ей свой адрес. Может, не успела получить мое сообщение? Она говорила, что собирается с друзьями на Барьерный риф. Я договорилась на почте, чтобы мне пересылали письма, но, возможно, те где-нибудь затерялись… Что, если ее письмо лежит на коврике перед дверью дома № 58 на Блумфильдкрезнт, под грудой макулатуры, рекламы местных магазинов и шампуня? Мои жильцы еще не приехали — задержались из-за болезни, и я не могу попросить их проверить. Пол тоже не писал целую вечность, но он всегда был никудышным корреспондентом. К тому же он — мужчина. Я беспокоюсь о Люси, она так далеко от дома, и чтение всех этих студенческих опусов меня нисколько не успокаивает. Там так много всего о наркотиках, сексе, алкоголе. Я уверена, что она знает все о контрацепции и т. п., но я даже понятия не имею, девственница

ли она. Хорошо это или плохо? В субботу Кэрри по секрету сообщила мне, что Эмили уже спит со своим парнем и все ей об этом рассказывает, и я думаю, что в этом проявляется ее доверие к матери, но что-то во мне восстает против такого интимного общения родителей и ребенка.

Среда, 5 марта. Отвечаю на вопрос, заданный в понедельник: «Нет».

В книжном магазине случайно столкнулась с Мессенджером и проговорилась, что немного беспокоюсь за Люси. «У вас нет электронки?» — спросил он. Я ответила, что у меня нет почты, а у Люси — компьютера. Тогда он сказал, что она может выйти в Интернет где-то в другом месте и послать сообщение на его компьютер. Он, вероятно, прав, в офисе Люси должен быть компьютер. «Вам тоже нужно подсоединиться», — сказал он. Пожалуй.

Говоря о Люси, я вспомнила об одном студенте Ральфа, который разрабатывает проект «материнской любви». Ральф пригласил меня зайти в центр и взглянуть на него. Полное разочарование. Какая-то усовершенствованная компьютерная игра. Иконка в форме женского тела, символизирующая мать, и иконки поменьше, символизирующие детей, которых нужно

кормить, одевать и контролировать. Они все норовили то провалиться в пруд, то обвариться, а потом сбежать из дома или выскочить на дорогу, а бедной матери приходилось постоянно принимать решения, куда бежать, что делать в первую очередь: кормить голодного А или вытаскивать из-под колес В… и тому подобная чепуха. Бедная женщина постоянно металась из стороны в сторону. Мне это напомнило игральные автоматы. Трудно представить себе более далекое от реальности описание материнских эмоций. Наверное, я рассмеялась слишком громко. Карл сразу помрачнел, а Ральф, кажется, занервничал. Он сказал, что это всего лишь экспериментальная модель, к тому же начальная стадия разработки.

Когда я собралась уходить, он сказал мне, что их коттедж находится рядом со Стоу-он-зе-Уолд, и прибавил: «Прихватите купальный костюм. У нас есть бассейн с горячей водой». Я подозреваю, это что-то вроде джакузи, которые в Калифорнии обычно устанавливают на открытом воздухе. В Глостере, да еще в марте месяце холодновато для таких развлечений.

Ко мне вернулась вера в курсы писательского мастерства, или, по крайней мере, в мои преподавательские способности. Я получила

неплохие сочинения «Что значит быть летучей мышью?». Вчера просмотрела работы и обнаружила несколько превосходных пародий и стилизаций (правда, есть довольно грубые). Самые лучшие работы у Саймона Беллами, Фриды Синклер, Авроры да Сильва и Гилберта Баверстока. Собираюсь сделать копии и послать их Ральфу Мессенджеру.

Вторник, 6 марта. На Блумфилд-крезнт вселились квартиранты, которые целый день названивали мне с бесконечными вопросами. Где выключатель центрального отопления? Что делать с мусором? Где инструкция от стиральной машины? (ответ: «Потерялась»). Как вы зажигаете газ в холле? (ответ: «Спичками, автоматическая зажигалка сломалась»). Есть ли в кухне еще одна морозилка, побольше? (ответ: «Боюсь, что нет»). И так далее и тому подобное. Надо было написать им более подробные инструкции. Профессор Отто Вайсмюллер и его жена Хэзел очень любезны со мной, но совершенно не понимают английского юмора. Когда я сказала: «Не сдавайтесь, будьте настойчивее», имея в виду смывной бачок, профессор решил, что это совет вызвать сантехника.

Есть и хорошая новость: из Австралии пришло два письма, и мне их скоро перешлют.

Пятница, 7 марта. В сегодняшней газете длинная статья о Жане-Доминике Боби, французском писателе и журналисте, редакторе журнала «Элль». В сорок три года он перенес инсульт и погрузился в состояние, которое врачи называют «синдромом заморозки». Находился в сознании, но не мог пошевелиться. Работала только мышца левого века, которой он пользовался, чтобы общаться, и — поразительное дело! — надиктовал книгу о своих ощущениях. Вместе с другом они изобрели систему «кодированного подмигивания», с помощью которой он сообщал буквы алфавита, а из них строились слова и предложения. Невероятно трудоемкое дело — но сработало! Книгу недавно опубликовали, и она вызвала восторг у критиков, а по телевизору показали документальный фильм о нем, и он тоже произвел сенсацию. Еще бы! Невероятная история даже для газетной статьи — трагическая и вдохновляющая.

С одной стороны, это наихудшее, что может случиться с человеком — оказаться навсегда запертым в собственном теле и лишенным возможности говорить, шевелиться и даже кивать головой. Он находился в коме четыре недели, и врачи не сразу поняли, что он пришел в себя.

Решили, что он в вегетативном состоянии. Чувствовать себя заживо погребенным, слышать, как люди ходят вокруг, над твоей могилой, и не иметь возможности привлечь к себе их внимание. Сам Жан-Доминик Боби сравнивает это с пребыванием в скафандре. Его книга называется «Скафандр и бабочка»: бабочка — это его мысли, порхающие внутри скафандра, не имея возможности вылететь наружу. Все это продолжалось до тех пор, пока он не изобрел систему кодированного подмигивания. Самый важный момент во всей истории: даже в таком состоянии он нашел способ общения. Величайшая сила духа и отказ подчиниться безмолвию.

Конечно, я не могу не думать о бедняге Мартине, ведь у него тоже был инсульт, который вполне мог иметь такие же последствия. Внезапно мне в голову пришла ужасная мысль: а вдруг Мартин не был мертв, когда я видела его тогда в больнице? Но это, конечно, абсурд, его сердце остановилось, и он не дышал. Но, может, это и к лучшему, наверное, я не смогла бы ухаживать за человеком в таком состоянии. Эгоистично, но это так.

Суббота, 8 марта. Я привезла с собой из Лондона купальный костюм, чтобы тренироваться

в спортивном центре (похвальное намерение, которое так и не реализовано). Отыскала его сегодня, рассмотрела… и ужаснулась — такой выцветший, поношенный…. Пришлось съездить в Глостер и купить новый. В Глостер, а не в Челтнем, потому что я боялась случайно встретиться с Кэрри. Она сразу поняла бы, что я покупаю купальник специально для их джакузи.

Всегда немного страшно покупать купальник, особенно, когда начинаешь стареть. Ничто так не выявляет недостатки фигуры, как купальник. Разглядывая себя в трюмо, я ужаснулась, заметив сетку фиолетовых вен, разбегающихся от колен и похожих на трещинки на старом китайском фарфоре или ниточки в датском голубом сыре.

Я выбрала черный купальник с закрытым горлом, который шел мне, когда я примерила его поверх трусов (как требуют в магазинах из соображений гигиены), но когда надела его дома без трусов, то обнаружила завитки лобковых волос, торчавшие из-под купальника. Так что теперь придется бриться. Какое нудное занятие. Наказание за излишнюю суету.

Поездка компенсировалась тем, что я в первый раз увидела Глостерский собор. Небольшой, но пропорциональный, выстроен из котсуолдского

камня с замечательный квадратной башенкой, верхушка которой украшена изящной лепной балюстрадой. В путеводителе говорится, что крытые галереи собора считаются одними из самых красивых в стране, и я с этим согласна. Тут был погребен Эдуард Второй. Все, что я знаю о нем, почерпнуто из пьесы Марло и может быть недостоверно, однако позволяет воспринимать его как реального человека, который когда-то жил и дышал, а не просто как имя из учебника истории. Странное ощущение — когда стоишь рядом с останками того, кто умер семьсот лет назад, и знаешь, кем он был при жизни. Если верить Ральфу Мессенджеру, атомы тела не разрушаются. Но только мой мозг способен сохранить его идентичность и провести между нами связь.

Пока я бродила по храмовым нефам, время от времени останавливаясь и любуясь мемориальными досками и статуями, мне в голову пришла другая литературная ассоциация. В «Золотой чаше» Шарлотта и Принц впервые совершают адюльтер в Глостере, отложив поездку в Лондон. Они сбегают с деревенской вечеринки якобы для того, чтобы посмотреть на собор, и я уверена, что там должно быть упоминание о могиле Эдуарда Второго. Интересно, они действительно заходили

сюда, чтобы потом рассказать о соборе своим законным супругам? Или провели все это драгоценное время наедине, в маленькой гостинице, выбранной находчивой Шарлоттой? Жалко, книги под рукой нет. Вероятно, Джеймс об этом не говорит.

Пообедала в кафе «Уютная исповедальня» рядом с собором, листая путеводитель, потому что ничего другого с собой не было. Думала о том, что скоро превращусь в старую деву, которая рассматривает соборы и листает книжки в уютных ресторанчиках. Может, покупка купальника была инстинктивным протестом против такого будущего. Тогда хватит ныть и шагом марш бриться!

8

Что значит быть длиннохвостой летучей мышью?

М*рт*н Эм*с

Мы висим почти целый день. Мы зависаем в пещерах, в разных щелях, под карнизами, на чердаках — везде, где тепло и темно. Пещеры — наше любимое место. Мы свисаем с потолка и гадим на пол, но нам кажется, будто мы свисаем с пола и гадим на потолок, потому что мы перевернуты вверх ногами. Гадить в перевернутом положении — целое искусство. Разлагающийся помет выделяет тепло. Ну, и воняет, конечно.

Когда стемнеет, мы вылетаем пожрать, в основном насекомых. Ловим их с помощью радаров и сжираем на лету. Пи-пи-пи-пи-пипипипи БАЦ! Круто! Летя вслепую, я могу за одну секунду сцапать сразу две мушки. Том Круз сдохнет от зависти.

Затем мы возвращаемся в пещеру и гадим на пол. Также мы гадим в полете, чтобы уменьшить вес. Можно сказать, гадить — основное занятие

нашей жизни. Жрать насекомых и срать.

Секс у нас, признаться, не горяч. Мы трахаемся только шесть недель в году — и тут вся колония очень старается. Вообразите тысячи чуваков и чувих, что носятся по пещере, как сумасшедшие, и пытаются за каких-то вшивых шесть недель натрахаться на целый год. Можно серьезно подорвать здоровье.

Женщин интересует только одно — наша сперма. Они обладают гинекологической способностью сохранять ее в себе до тех пор, пока не захотят забеременеть. Потом они все сматываются в теплую детсадовскую пещеру и рожают. Туда разрешается входить только женщинам и детям. А мы продолжаем висеть и работать челюстями.

Я не против того, чтобы тетки присматривали за малышами. Но они часто вылетают пожрать и оставляют детей одних на детских площадках, а дети дерутся и барахтаются в груде дохлых насекомых и шелухи на полу пещеры. Иногда женщины подвешивают детей рядами на стены и к потолку, и бедные маленькие засранцы падают со своих жердочек на пол, а иногда пытаются взлететь, и поскольку их радары еще как следует не настроены, они частенько врезаются в стены или друг в друга. Уровень смертности наших

младенцев постыдно высок.

Но если не подохнешь в детстве, будешь жить долго. При желании можно дожить и до десяти лет. Мне уже девять с половиной.

Что значит быть летучей мышью-вампиром?

*Ирв*н У*лш*

Мы с Гампсом подрулили к пещерке вместе, в аккурат перед рассветом. Скотти уже был там, свисал с потолка и жалел себя. Мне подфартило с одним горным волом, Гампс надыбал неслабый труп овцы с перегрызенной глоткой, лиса подрала, а Скотти нашел хрена лысого. И давай канючить.

— Там было полно коров, — ныл Скотти, — но они сразу просекали, в чем дело, и я не успевал зацепиться.

Зуб дам, что Гампс ему не поверил.

— Сцеди мне ништячок крови, Гампс, — просил Скотти. — Ты ж целую тонну у той овцы выдул!

— Отвали, Скотти, — сказал Гампс. — В прошлый раз ты зажал, когда я ничего не нашел.

— Задолбал, Гампс, все уже переварилось, пока я долетел.

— Слушай, засранец, — сказал Гампс, — ты и вчера прилетел не пустым. Просто зависал здесь и ждал, когда мы принесем крови.

— Ты не прав, Гампс, я всю ночь крылья драл, просто мне не свезло. — Скотти повернулся ко мне. — Дэнни-бой, дай крови, Христом-богом молю.

— И не мечтай, — сказал я.

— Ну дай, Дэнни-бой, меня уже ломает. В следующий раз вдвойне верну, бля буду!

Он трясся всем телом, хлопал крыльями, а челюсти клацали, как китайские палки для еды. Я пожалел его и харкнул ему в глотку. Он проглотил и рухнул на кучу старого дерьма со вздохом облегчения.

— Благослови тя Господь! Ты спас мне жизнь, Дэнни-бой, — сказал он.

— Где ж твоя техника, Скотти? Куда ты кусал тех коров? — спросил я.

— В шею, — ответил он.

— Дебил! — сказал я, подмигивая Гампсу. — Надо было кусать в жопу!

— В жопу? — удивился он.

— Там, где кончается шкура и начинается дырочка, есть очень нежное место, — сказал я. — Ты садишься между ягодиц и лижешь его в жопу, а

он думает, что его ебет кто-то из своих. Потом ты осторожно вонзаешь зубки. Они это любят.

— Ха, ха, — заржал Скотти. — Так эти волы — педики!

— Так это любой дурак знает, — сказал Гампс. — Они все ВИЧем заражены.

— Чего? — Скотти снова затрясло. — Ты чё, хочешь сказать, у них кровь заразная?

— А думаешь, зачем я ее тебе в рот сблевал? — сказал я.

— Ах ты, засранец! Ты убил меня! — закричал он и начал клацать челюстями и мотать башкой, пытаясь срыгнуть кровь. Мы с Гампсом усирались со смеху.

— Ты, придурок, — говорит, наконец, Гампс. — Как эти волы могли быть пидорами, если им яйца отрезали?

Что значит быть летучей мышью?

*С*лм*н Р*шд***

Что за вопрос, сэр? При всем уважении к вам осмелюсь спросить, что бы вы ответили, если бы я спросил у вас: «Что значит быть человеком?» Вы без сомнения ответили бы: «Все зависит от того, что ты за человек. Какой национальности

и какого цвета кожи, к какому классу и к какой касте принадлежишь». То же самое относится к летучим мышам. Все мы разные. Есть мыши с короткими хвостами, есть с длинными (включая несколько разновидностей длиннохвостых), пятнистая мышь, бледная мышь, подковонос большой, ушан обыкновенный, мышь листоносая и мышь листоротая, лирнос, ночница водяная и вечерница рыжая, крылан, нетопырь, обыкновенный кожан, мышь-курильщик, разнообразные мыши-вампиры. У всех нас есть свои особенности и привычки.

Я, например, храмовая мышь. Я принадлежу к колонии, обитающей в храме Сурья-Дьюла в Конараке, на побережье Бенгальского залива. Как случилось, что сейчас я вишу на вешалке в туалете первого класса индийского авиалайнера? Это долгая история, связанная с чехлом от видеокамеры, снотворной таблеткой и сломанной рентгеновской установкой в аэропорту. Чехол лежал на ступенях возле одной из колонн Сурья-Дьюла в прошлую среду вечером — в то время суток, когда храмовые мыши вылетают из норок и трещин и рассекают теплый шелковый воздух в поисках вкусненьких мошек, хрустящих комаров, сочных плодовых мушек и других

энтомологических деликатесов… Наступил Счастливый час для летучих мышей. Но мне даже в этот час не повезло. Знаете, что значит быть храмовой летучей мышью? Это ад кромешный, простите за выражение, сэр.

Мои друзья вполне довольны своим существованием, потому что они не знают, что они летучие мыши. Как вы уже догадались, я обладаю даром речи, в то время как мои братья и сестры обладают лишь даром писка. Более того, я обладаю памятью, а они — нет. Они не знают, что в своих предыдущих инкарнациях они были мужчинами и женщинами, и их опустили на этот низший уровень великой цепи перевоплощений за грехи, совершенные в прошлых жизнях. Но в результате какого-то случайного нарушения нормального процесса переселения душ, я вдруг обрел сознание и человеческий мозг в теле летучей мыши, и это усугубило мое наказание в миллионы раз.

Вопреки бытующим представлениям, должен сказать вам, сэр, мыши не полностью слепы: мы способны отличить день от ночи и расплывчатые очертания предметов, но нам недоступно все богатство цветов и форм мира. Впрочем, я могу воссоздать в памяти интерьер туалета: раковина из нержавеющей стали, изящное зеркало,

отражающее цветные флакончики с лосьонами после бритья и одеколоном, бумажные чехлы для унитаза, предохраняющие ваши ягодицы от прямого контакта с толчком, — как раз сейчас вы, наверное, пользуетесь этим удобством. Нет, прошу вас, сэр, не стесняйтесь, ваши голые колени кажутся мне, с моим ограниченным зрением, лишь расплывчатыми бледными пятнами… А мое подробное описание этой кабинки объясняется только тем, что я когда-то часто летал в таких самолетах, когда работал кинопродюсером и разрывался между Голливудом и Болливудом. Я сидел развалясь в мягком кресле набоб-класса, обласканный улыбчивыми крутобедрыми стюардессами в сари, которые беспрестанно приносили мне то шампанское, то икру, то горячие полотенца. Самым прелестным и доверчивым девушкам я назначал свидания после посадки, завлекая их ролями в будущих фильмах, но не сообщая их названий: «Азиатские красотки — рабыни секса», «Киска Виндалу» или «Улов в плове». Да, я был продюсером порнофильмов, поставляемых на индийский рынок, — мальчишники в «Симла Пинкс», развлечения бомбейских бизнесменов, видеокассеты для угрюмых холостяков…. Там не было ничего ужасного — ни насилия,

ни семяизвержений: обыкновенная имитация группового секса и немного мастурбации. Но ничто так не трогало моих клиентов, как хорошо воспитанная индианка, унижавшаяся подобным образом. Меня тоже это заводило, честно говоря (я был «практикующим» продюсером). Помню, как я вверг в пучину порока мою невинную горничную, заманив ее лестью, взятками и другими уловками. Теперь я страдаю за эти грехи. Вы, наверное, бывали в Сурья-Дьюле? Помните скульптуры? Незабываемое зрелище. К сожалению, в прошлой жизни мне так и не удалось туда ездить. Можете представить себе, как тяжело человеку с моими вкусами и воспитанием смотреть глазами летучей мыши на прекраснейший памятник эротической скульптуры!

Что значит быть слепой летучей мышью?

С*м**л Б*к**тт

Где? Когда? Почему? Пи-и-и. Я в темноте. Теперь я во тьме. Но так было не всегда. Бывали вспышки света и тени во тьме. Пи-и-и. Какой-то свет проникал через вход в пещеру. Когда он исчез, я понял, что пора покидать пещеру вместе с остальными и лететь во тьму. Пи-и-и. Теперь постоянно

темно, непроницаемая темнота. Может, снаружи так же темно, как у меня в голове, — не знаю. Я знаю только (хотя «знаю» — неподходящее слово), что ничего не вижу. Могу чувствовать, обонять, слышать, но не видеть. Пи-и-и. Чувствую выступ, в который вцепился ногами, слышу писк, который то удаляется, то приближается, различаю отдельные звуки посреди непрерывного, отражающегося от стен писка других мышей. Пи-и-и. Чувствую запах аммиака, поднимающийся над полом, если это можно назвать полом. Возможно, я вишу над озером аммиака, хотя вряд ли, я ни разу не слышал всплесков, когда опорожнял мочевой пузырь. Но, может, озеро находится настолько низко, что звук не достигает моего слуха.

Ножными усиками я ощупываю кого-то рядом с собой. У него тоже есть ножные усики, он щекочет меня ими время от времени. Пи-и-и. Я сказал «он», но, возможно, это она, я не смогу понять, пока не залезу под сложенные крылья передней конечностью и не нащупаю там две дырочки или одну дырочку и стручок. Боюсь, что подобный поступок может быть неверно истолкован. Пи-и-и. Лучше уж оставаться в неведении. Неведение неприятно, но уверенность может оказаться еще

хуже. Лучше уж быть неуверенным в том, что я слеп. Но как раз в этом-то я уверен, потому что полная тьма была не всегда. Пи-и-и. Когда-то существовали очертания, я в этом уверен. Темные очертания на более светлом фоне. Когда я был очень молод, моя мама брала меня с собой на охоту в своем мешочке. Пи-и-и. Я цеплялся за ее соски, когда она взлетала или устремлялась вниз, рассекая сумерки и ловя на лету насекомых, я помню формы предметов, посреди которых она летела, вверху и внизу. Теперь их больше нет, остались лишь прикосновения, ощущения и запахи. Я навсегда утратил эти очертания. Когда? Почему? Как? Пи-и-и.

9

— Довольно остроумные, — говорит Ральф. — Мне, конечно, трудно судить, потому что я мало читаю современную литературу. Времени нет. Но…

— Почитай романы Хелен, Мессенджер, — говорит Кэрри. — Они очень хороши.

— Я в этом уверен, — говорит Ральф, — и когда-нибудь восполню этот пробел.

— Лучше не надо, — говорит Хелен. — Но продолжайте.

— Я собирался сказать, все это безнадежно антропоморфные ответы.

— Антропо… что ты сказал? — спрашивает Саймон.

— Жжжж, — жужжит Марк, подражая зуммеру в телешоу. — Это означает «относиться к животным, словно к людям».

— Очень хорошо, Поло, — говорит Ральф. — Как зверушки в диснеевских мультиках, Сок.

— А что за вопрос был? — спрашивает Кэрри.

— «Что значит быть летучей мышью?» — ответила Хелен. — Это название одной философской

статьи.

— Да, очень похоже, — говорит Кэрри.

— А другой философ недавно поставил вопрос так: «Что значит быть термостатом?» — говорит Ральф.

— Это значит — включаться и выключаться, — говорит Марк и вызывает всеобщий хохот.

— Хорошо, Поло, — говорит Ральф.

— Он шутит, этот философ? — интересуется Хелен.

— Нет, он абсолютно серьезен. Если сознание — процесс переработки информации, то любое устройство, так или иначе перерабатывающее информацию, можно назвать сознанием. В философии это называется «панпсихизмом». Сознание считается основным компонентом вселенной, подобно массе и энергии, сильной и слабой силам. Но меня на мякине не проведешь.

— Поясните, — говорит Хелен.

— От этой теории веет трансцендентализмом. Люди, которые много рассуждают об этом, обычно находятся под влиянием восточных религий.

— А почему вы не хотите, чтобы Мессенджер прочел ваши книги? — спрашивает Эмили с искренним удивлением в голосе.

Хелен немного смущена.

— Обычно, когда знакомые и друзья читают твои книги, их восприятие заведомо искажено. Если они вообще любят читать художественную прозу. — Она проворачивается к Ральфу. — Меня удивляет, что вы мало читаете, ведь вас интересует сознание. А все современные произведения посвящены этой теме…

— В молодости я немного читал. Первые главы «Улисса» замечательны. Но потом Джойс слишком увлекся стилистическими играми и всевозможными ребусами.

— А Вирджиния Вулф?

— Слишком манерная и поэтичная. Все ее герои ведут себя, как Вирджиния Вулф. Мне кажется, никто не превзошел Джойса в этом отношении, вы согласны со мной?

— Возможно, — ответила Хелен. — Правда, поток сознания уже вышел из моды.

— Я выхожу, с меня довольно, — говорит Кэрри.

— Чего довольно, джакузи или сознания?

— И того, и другого.

Беседа происходит в джакузи, в саду коттеджа Мессенджеров. Дом стоит на холме, и к нему пристроен деревянный балкон со ступеньками, ведущими в сад. Немного ниже расположена

пристройка наподобие мезонина, посередине которой — небольшой бассейн-джакузи из красного дерева диаметром семь и глубиной пять футов. По его периметру тянется скамейка, на которой расположилась вся семья Мессенжеров и Хелен. Ральф и Кэрри сидят по-домашнему, тесно прижавшись друг к другу бедрами. Горячая вода пузырится у них между ногами, и клубы пара поднимаются в прохладный воздух. Постепенно темнеет. Ванну освещают только голубые фонарики, вмурованные в дно бассейна да толстые стеклянные трубки, прикрепленные к ступенькам и вдоль всей площадки.

Кэрри выходит из бассейна, опираясь о плечо Ральфа. Вода стекает по ее темному купальнику, бедрам и бледным тяжелым ногам. Она заворачивается в махровое полотенце и обувается в мягкие тапочки.

— Дети, пора вылезать, — говорит она.

— Ну, мам…

— Я сказала: всё. Выходите и помогите мне накрыть на стол.

Один за другим дети вылезают из джакузи и поднимаются по ступеням к дому. Эмили — самая последняя.

— Надо помочь маме, — вздыхает она.

— Мне тоже пора идти, — говорит Хелен, не двигаясь с места. — Я пришла к вам на ланч, а уже чай подают.

— Останьтесь, — говорит Ральф, — по-моему, вам здесь нравится.

— Просто блаженство! — отвечает Хелен, глядя в небо. — Лежать в горячей ванне, под звездами. С моей мамой случился бы припадок, если бы она меня здесь увидела. Она сказала бы: «Ты же околеешь!»

— Ну что вы! — успокаивает Ральф.

— А в Англии такие ванны можно купить?

— Да, но не из красного дерева. Мы выписали ее из Калифорнии за бешеные деньги, а насос поставили отечественный.

— Чудесное изобретение, — говорит Хелен, вытягивая ноги на поверхности воды. — Наверняка здесь есть термостат. Значит, и сознание?

— Самосознания нет. Джакузи не осознает, что ей хорошо, в отличие от нас.

— Я думала, самосознания не существует…

— Самосознание нельзя пощупать, но есть то, что мы *называем* личностью. Мы постоянно выдумываем это, так же как вы — свои истории.

— Значит, наша жизнь — выдуманная история?

— В каком-то смысле да. Мы включаем неиспользованные способности своего мозга и сочиняем истории о самих себе.

— Но мы же не можем придумать собственную жизнь, — возражает Хелен. — С нами происходят одни вещи и не происходят другие — но мы не способны за всем уследить. Вы не читали об этом несчастном французе с «синдромом заморозки»?

— Да, очень интересно.

— Ведь он же не мог предугадать такую кошмарную ситуацию.

— Но дал достойный отпор обстоятельствам. Его можно называть героем.

— Но не доказывает ли это существования духа или души?

— С какой стати?

— Ну, мужество человека, его стремление к общению…

— Да, все это великолепно… но перед нами всего-навсего мозг, обрабатывающий информацию. В этом нет ничего сверхъестественного. В «машине» нет никакого «духа».

— Дух — затасканное слово. Подразумевает нечто фантастическое и нереальное. Я верю не в духов, а в души.

— Бессмертные души?

— Не знаю, — говорит Хелен, болтая в воде ногой.

— Я еще могу согласиться со *смертной* душой. Этим словом можно назвать наше сознание. Однако Декарт верил в то, что у него есть душа, потому что он без труда мог представить свой мозг, существующий и мыслящий отдельно от тела. Ведь именно эту способность приписывают духам?

— Но разве этот француз, забыла как его зовут… Боби, не мыслил отдельно от тела? Ведь его тело было полностью парализовано.

— По-моему, он мог видеть одним глазом и слышать. И в любом случае мозг — часть тела.

Немного помолчав, Хелен говорит:

— Вы что-то говорили о способностях нашего мозга?

— Да, по своим размерам человеческий мозг превосходит мозг других животных, живущих на планете. Наша ДНК всего на один процент отличается от ДНК шимпанзе — наших ближайших сородичей, но наш мозг в три раза больше. Вероятно, это дало нашим предкам огромное преимущество в эволюционной цепи. Мы научились изготавливать оружие, общаться на вербальном уровне и решать проблемы, используя «про-

граммное обеспечение» своего ума, а не просто инстинктивно реагируя на раздражители. Мы пошли дальше четырех действий.

— Каких действий?

— Драться, есть, убегать и… спариваться.

— О… — Хелен смеется.

— Но большие размеры человеческого мозга не соответствуют нашим эволюционным преимуществам перед другими видами. Я называю это «свободным пространством». Первобытному человеку достался сверхсовременный компьютер, с помощью которого он решал простейшие задачи. Рано или поздно он начинает играть с ним и обнаруживает, что тот способен на большее. Подобную операцию мы проделали со своим мозгом. Мы создали язык. Стали размышлять о смысле собственного существования. Мы осознали себя как существо, наделенное прошлым и будущим, индивидуальной и коллективной историей. У нас появилась культура: религия, литература, искусство, закон… наука. Но самосознание обладает одним недостатком. Мы знаем о том, что умрем. Представьте себе, какой страшный шок пережил неандерталец или кроманьонец, когда вдруг понял, что в один прекрасный день он превратится в кусок мяса. Львы и тигры об этом не

знают, макаки тоже. А мы знаем.

— Слоны тоже должны об этом знать. У них есть свои кладбища.

— Я думаю, это миф, — говорит Ральф. — Человек разумный — единственный вид в истории эволюции, осознающий то, что он смертен. Как же он, по-вашему, на это отреагировал? Придумал легенды, объясняющие, как он попал в этот мир и как отсюда уйдет. Изобрел религию, похоронные обряды, мифы о жизни после смерти и бессмертии души. С течением времени эти легенды становились все более изощренными. Но на определенном этапе развития (по эволюционным меркам, совсем недавно) возникла наука, которая поведала свою историю о том, как мы попали в этот мир, и эта история оказалась гораздо правдоподобнее и одержала победу над религией со счетом 6:1. Большинство мыслящих людей уже давно не верят в религию, но по старинке цепляются за некоторые утешительные понятия, например, «душа», «жизнь после смерти» и тому подобное.

— И это вас раздражает? — говорит Хелен. — То, что некоторые люди упорно продолжают верить в «духа в машине» вопреки всем философам и ученым, отрицающим это?

— Я бы не сказал, что это меня «раздражает», — говорит Ральф.

— Нет, раздражает. Такое впечатление, будто вы готовы стереть эту веру с лица земли, подобно инквизитору, стремящемуся покончить с ересью.

— Я просто считаю, что мы не должны путать мечты с реальностью, — говорит Ральф.

— Но вы же соглашаетесь с тем, что у каждого из нас есть свои личные, тайные мысли, известные только нам одним?

— Да.

— Вы допускаете, что даже сейчас мои ощущения от горячей воды и звезд над головой отличаются от ваших?

— Я понимаю, к чему вы клоните, — говорит Ральф. — Вы хотите сказать, что существует нечто, присущее только вам или только мне, — некое переживание, свойственное только мне или вам, которое невозможно объективно описать или объяснить. И его можно назвать нематериальным «я», или душой.

— Полагаю, что так оно есть.

— А я думаю, что это тоже механизм. Виртуальный механизм внутри биологического.

— Получается, что все — механизм?

— Все, что обрабатывает информацию.

— Жуткая идея!

Он пожимает плечами и улыбается:

— Мы — машины, запрограммированные культурой не верить в то, что мы машины.

Кэрри зовет сверху:

— Мессенджер! Вы что, собираетесь просидеть там всю ночь?

— Пора заканчивать, — говорит Хелен.

— Да, пожалуй.

Они выходят из бассейна и поднимаются по лестнице к дому. В том месте, где лампочка на перилах перегорела, Ральф останавливает ее и берет за руку.

— Хелен, — тихо говорит он и целует ее в губы.

Она не сопротивляется.

10

Понедельник, 10 марта. Пыталась читать работы студентов, но не могла сосредоточиться, все время думаю об ЭТОМ ПОЦЕЛУЕ. Он застал меня врасплох, после такой возвышенной интеллектуальной дискуссии, почти что спора… Правда, пару раз я чувствовала, как нога Ральфа касается в воде моей, но считала это случайностью, мне и в голову не могло прийти, что у него какие-то амурные намерения. Разве можно спорить до победного конца и флиртовать одновременно? Конечно, нет. Хотя, когда мы расставались у стоянки в Челтнеме, мне показалось, что он хотел меня поцеловать… после того как мы обменялись противоположными мнениями… Может, его возбуждает, когда женщина с ним спорит? Я еще могла допустить дружеский поцелуй в щеку, но в губы… Поцелуй не был настойчивым или слишком страстным, но очень чувственным. И я его приняла. По крайней мере — не сопротивлялась. Не закатила ему пощечину, не оттолкнула, не спросила, что это он себе думает. Я вообще ни слова не сказала. Может, даже как-то отреагировала.

Но понравилось мне совершенно определенно — у меня все тело зазвенело струной арфы. Мне сейчас влажно — возбуждает одно воспоминание о том мгновении. Господи, неужели один-единственный поцелуй может так подействовать?

Конечно, моя жизнь в последнее время отнюдь не щедра на поцелуи. Помни это, дорогуша, хорошо? Сейчас ты слишком впечатлительна и ранима… А может, просто изголодалась по сексу? Ну да, есть немного, к тому же он — очень привлекательный мужчина, несмотря на его сомнительную мораль и далекие от твоих убеждения. Итак, гордо держи голову и не делай глупостей. Хорошо, не буду.

Но начнем с начала. Вчера я приехала к Мессенджерам на ланч, как мы и договаривались. Их коттедж стоит в живописном пригороде Котсуолда — очаровательном даже в это время года, когда на деревьях не осталось ни листика. Дорога вилась среди лугов и зеленых горбатых холмов, по которым бродили овцы, я ехала мимо деревень, замерших в воскресной тишине, мимо старых церквей, опрятных ферм и уютных домиков под соломенными крышами. В Подковах тоже соломенная крыша, но он больше похож на дом, чем на коттедж, — белый котсуолдский камень,

обвитый глицинией, которая в мае, должно быть, покрывается чудесными бледно-розовыми цветами. В доме низкие потолки, деревянные полы, покрытые домотканными дорожками, и огромный камин в гостиной. Есть, конечно, центральное отопление и другие удобства, но все стилизовано под восемнадцатый век.

Здесь Мессенджеры пару дней в неделю ведут жизнь английских помещиков: Кэрри консервирует фрукты и варит компоты, Эмили катается на пони, которого держит в местной конюшне, а Ральф рубит дрова для камина или устраивает для малышей пешие и велосипедные прогулки. За домом открывается более экзотический вид: балкон, или «палуба», как они его называют, состоящий из двух ярусов — на нижнем расположена ванна из красного дерева с горячей водой. Все это выглядит довольно неестественно: выходишь из дома XVIII века и попадаешь в современную Калифорнию — такое впечатление, будто находишься на съемочной площадке.

После ланча (превосходного ягненка, зажаренного с чесноком и розмарином) мы пошли прогуляться по лужайкам и тропинкам. Я обула «Веллингтоны» (у них есть несколько размеров для гостей, на выбор). Когда ярко-красное зимнее

солнце начало садиться, мы надели купальные костюмы, завернулись в полотенца и залезли в горячую ванну. Как здорово сидеть на свежем воздухе, погрузившись по самую шею в бурлящую воду, и смотреть на звезды, загорающиеся на вечернем небе! Вся семья разместилась по кругу.

Недолго думая Ральф уселся на своего любимого конька. Подозреваю, что семье он уже до смерти надоел своими беседами о сознании, но для меня это ново и чрезвычайно интересно. Потом все вернулись в дом, а мы с ним немного задержались и поговорили о существовании (или несуществовании) души. Он — убежденный материалист и готов найти материалистическое объяснение любому необычному явлению… особенно нападал на мою зыбкую веру в трансцендентное — а ведь это все, что у меня теперь осталось… Потом Кэрри позвала нас в дом пить чай, и когда мы поднимались по лестнице, он поцеловал меня.

Я, естественно, не сказала об этом Кэрри. Так что теперь у нас с ним общий секрет. Когда он подавал мне мед и масло за столом, наши взгляды встретились, и между нами повисла тайна — неслышимая и невидимая. Дело не в том, что мы поцеловались, а в том, что *скрываем* это. Мы не выдали себя: на наших лицах не дрогнул ни

один мускул, и наши голоса не изменились… Насколько же люди привыкли к обману — это не составляет для них никакого труда! Неужели мы приобрели это свойство вместе с самосознанием?

Я вовсе не собираюсь становиться любовницей Ральфа Мессенджера, и на то есть целый ряд причин. Нужно всегда стоять на своем. Но мне было непреодолимо стыдно перед Кэрри за этот эпизод, и, пытаясь загладить его, я бросилась помогать ей убирать со стола. Когда мы складывали посуду в посудомоечную машину, она сказала, что пишет книгу — исторический роман о землетрясении 1906 года в Сан-Франциско. У нее сохранились семейные бумаги того периода — письма и дневники, из которых можно почерпнуть необходимый материал. Кэрри считает, что такая книга привлечет широкий круг читателей, потому что в Калифорнии сейчас все помешаны на землетрясениях. «Я, правда, не знаю, насколько много исторических фактов потребуется, — сказала она, — вообще-то это семейная история». Неожиданно для себя я предложила прочесть ее рукопись, которая, выражаясь языком Эмили, нужна мне «как новая дырка в голове». Еще один придуманный мир, в который нужно вникать!

Кэрри с радостью приняла мое предложение. А может, для того она и пригласила меня в Подковы и поддерживала наше знакомство? Или стыд за поцелуй подтолкнул меня к такой чрезмерной доброте? Понятия не имею. Но почему я всегда ищу объяснения? Почему поцелуй Ральфа не мог быть спонтанным, непреднамеренным поступком — галантным жестом или искренним признанием: он, дескать, считает меня привлекательной и ему нравится моя компания. Поцелуй как печать, подтверждающая, что мы приятно провели время в горячей ванне. Кэрри могла случайно обмолвиться о своем романе — так почему же я не должна доверять собственной душевной щедрости и предложению прочесть его? Боюсь, это присуще всем писателям — искать сложные объяснения простым вещам.

Мой визит сильно затянулся, но в конце концов около семи мы все стали собираться домой. Темп жизни значительно убыстрился. Кэрри руководила сборами — собирала вещи, регулировала термостат, гасила свет, задергивала шторы и опускала жалюзи, покидая дом до следующей недели. Как будто над мечтательной деревенской идиллией опустили занавес, и наша компания снова вернулась к жизни, торопливо меняя

костюмы и готовясь к следующей сцене. Мы попрощались на лужайке около дома, рассаживаясь по машинам. Я всех горячо поблагодарила.

— Навещайте нас почаще. Пусть это станет доброй традицией. Страшно подумать, что вы проводите все выходные на кампусе, — сказала Кэрри. Ральф улыбался у нее за спиной:

— Не то слово!

— В любом случае увидимся в следующую субботу, — сказала Кэрри. Она имела в виду пятидесятилетие Ральфа, на которое меня уже пригласили.

Позже. Услышала в новостях, что Жан-Доминик Боби умер сразу же после выхода своей книги. Как грустно, но, по крайней мере, он узнал о ее огромном успехе! Может, только поэтому он и держался — мечтал увидеть книгу опубликованной, и как только это свершилось, его измученный дух сдался и перестал бороться со смертью. Где он теперь? По убеждению Ральфа Мессенджера — нигде, он существует только в головах читателей своего *«Le scaphandre et le papillon»*, да еще в памяти тех, кто знал его лично. Воспоминания и мысли — это ведь тоже, как утверждают некоторые, фикция, вызванная мозговыми клетками, которые, в свою очередь, подвержены разрушению. Аргумент

Ральфа о том, что религия связана со способностью человека осознавать свою смертность, не лишен смысла. Я сверилась с «Британикой» по поводу слоновьих кладбищ, и он, черт возьми, оказался прав. Но животные, которых ведут на убой, предчувствуют свою смерть: они лягаются, дерутся и гадят со страху, когда их ведут на убой. Вероятно, просто ощущают запах крови намного острее, чем люди, или же заново испытывают страх своих предшественников, но они ведь не знают, *почему* боятся: предчувствуют смерть, но не знают об этом. А мы знаем и помним об этом *всегда,* как только выйдем из младенческого возраста. Может, это и есть страшная плата за самосознание?

Если взглянуть на проблему с этой точки зрения, историю первородного греха можно считать мифом о возникновении самосознания в процессе эволюции. Под напором мыслительной силы бедный «хомо сапиенс» внезапно осознает, что смертен, и, придя в ужас от этой мысли, придумывает легенду, для того «чтобы объяснить, как он попал в этом мир и как уйдет из него». Легенду о том, как он обидел некое существо могущественнее себя, и это существо наказало его смертью за неповиновение. Затем человек

придумывает другую историю, в которой ему предоставляется второй шанс обрести бессмертие. Об этом говорится в первых шести строках «Потерянного Рая»:

> *О первом преслушанье, о плоде*
>
> *Запретном, пагубном, что смерть принес*
>
> *И все невзгоды наши в этот мир,*
>
> *Людей лишил Эдема до поры,*
>
> *Когда нас Величайший Человек*
>
> *Восставил, Рай блаженный нам вернул…*[3]

Если убрать мифологию, теологию и барочную поэтику, останется первобытный человек, который вдруг обнаружил, что смертен — скоро он отживет свой срок и умрет. Мифический запретный плод — познание добра и зла. Бог предупреждал Адама и Еву: они умрут, если отведают этот плод. В действительности, это означало, что они узнают о том, что смертны, и это знание вызывает наш экзистенциальный страх. Таким образом, из рая был изгнан не человек, а его сознание. Ну, а Бог — просто «компенсация за

---

[3] Примечания: 3
Здесь и далее — перевод Арк. Штейнберга.

ущерб». Что и требовалось доказать.

И все же, как кто-то сказал: мысль о том, что вселенная существует без Создателя, кажется столь же далекой от правды, как и мысль о том, что ее создал Бог, особенно когда смотришь ночью на звезды. Допустим, вселенная возникла в результате Большого Взрыва, но сначала должно было быть *то,* что взрывалось. Откуда же оно взялось?

Возможно, ошибка наша состоит в том, что мы представляем себе Бога, *похожего на нас,* который создал нас «по своему образу и подобию». А что, если Бог всемогущ и вечен, но самосознания у него не больше, чем у льва? Или у океана? Это многое объяснило бы — существование зла, например. Что, если Бог не планировал создавать зло, потому что он или скорее «оно» вообще ничего не планировало? Что, если мы — единственные существа во вселенной, обладающие волей, самосознанием и чувством вины? Жуткая мысль. Однако мы вряд ли захотим отказаться от сознания и вернуться к животному существованию человекоподобных обезьян, качающихся на ветках, скачущих по саванне и выполняющих четыре основных «действия».

…Кто согласился бы средь горших

мук…
Мышление утратить, променять
Сознание…

Так говорил Мильтон устами Сатаны, конечно. Или, как сказал Джон Стюарт Милль, «лучше быть неудовлетворенным человеком, чем довольной свиньей». Мартин очень любил эти слова.

Мартин. Не могу поверить, что он перестал существовать. Но он словно бы отдаляется от меня, а его образ… расплывается. Сразу после его смерти я несколько недель продолжала говорить с ним, иногда вслух. Когда читала газеты за завтраком и натыкалась на что-нибудь интересное, что могло бы его позабавить, я говорила: «Послушай, что пишут…» — потом отрывала глаза от газеты и видела перед собой пустое кресло. Но все равно читала ему вслух, словно он сидел рядом и слышал меня. Я говорила с ним мысленно, а иногда вслух. Если возникали проблемы с деньгами или по дому, я спрашивала у него совета: «Взять всю сумму сразу или заменить ее ежегодной рентой?» «Лучше рассмотреть три предложения замены крыши или хватит двух?» Раньше обо всем этом заботился Мартин, и я теперь советуюсь с ним, как ребенок, которому легче решать проблемы,

обсуждая их с выдуманным другом. Но как-то раз Люси пришла из школы раньше обычного и услышала, как я на кухне рассуждаю вслух о возобновлении страховых взносов. Увидев, что, кроме меня, на кухне никого нет, она тревожно взглянула на меня, и с тех пор я стала осторожнее.

Мне было тяжело осознать смерть Мартина, потому что он умер слишком внезапно, неожиданно. Только что был здесь, и вот его уже нет, словно бы вышел из дому за какой-то мелочью и не вернулся. Мне постоянно кажется, что это недоразумение и он вот-вот войдет в комнату, улыбаясь, извиняясь…

А еще эти ужасные похороны. Мартин был агностиком, его родители — формально англиканцами, а сестра Джоанна — убежденной атеисткой. Она работала в комиссии по планированию семьи и была категорически против, когда мы крестили детей, а затем отправили их в католическую школу. «Надеюсь, ты не собираешься заказывать панихиду, — грубо сказала она, когда я позвонила ей и сообщила время и место кремации. — Мартину бы это не понравилось». — «Католической панихиды не будет, если тебя это интересует», — ответила я столь же резко. (Мы

с Джоанной никогда не ладили). О церковной службе не могло быть и речи, ведь ни я, ни дети давно не ходили в церковь, и у меня не было на примете ни одного знакомого священника, который согласился бы совершить богослужение. В конце концов, мы остановилось на скромных домашних похоронах с поминками для друзей и коллег. Несмотря на протест Джоанны, мы понимали, что родители Мартина, не говоря уже о моих, обидятся, если мы ограничимся только светской церемонией, и поэтому договорились в похоронном бюро, что к нам пришлют священника, который проведет самое простое богослужение. Он совершенно не знал Мартина и даже не пытался скрыть своего раздражения, мы чувствовали, что ему не терпится скорее покончить с этим делом. Сотрудники похоронного бюро вели себя вежливо и терпеливо, но, по-моему, были разочарованы небольшим количеством присутствующих и скромностью панихиды. Присутствовало всего восемь человек, причем одна отказалась участвовать в церемонии вообще, и мы не пели гимнов. К тому же я потратила пожертвования не на цветы, а на медицинскую экспертизу. Был серый ноябрьский день. Крематорий выглядел соответственно: зловещее

сооружение из пепельного кирпича, с увядшими венками и букетами цветов, оставшимися от предыдущих похорон и разложенными у входа, чтобы ими любовались посетители. Часовню сильно натопили, но там не было ни единого церковного украшения (которое могло бы оскорбить чувства провожавших в мир иной). Служба прошла в почти неприличной спешке. Священник бессвязно пробормотал молитвы, мы несколько раз сказали «аминь», потом священник нажал на кнопку, зазвучала органная музыка, и гроб стал медленно опускаться. Люси расплакалась, а я обняла ее, чтобы успокоить, но сама ничего не почувствовала. Я ограждала себя от всего этого ужаса, отстраняясь от происходящего. Похороны не принесли никакой эмоциональной разрядки.

Несколько месяцев спустя друзья Мартина с Би-би-си организовали вечер его памяти в городской церкви, и я пошла туда с надеждой. Но и это не принесло удовлетворения — получилась какая-то странная смесь набожности и богохульства. Любимые джазовые композиции Мартина, звучавшие среди бело-золотистых стен и ионических колонн, речи коллег, пересыпанные профессиональными шутками, которые я не могла понять. Показывали отрывки из по-

лучивших награды документальных фильмов Мартина о загрязнении окружающей среды и глубоководном рыболовстве. Выступала известная певица-сопрано, участвовавшая в его программе о «Ковент-Гарден»… Собралось много народу, но большинства я ни разу в жизни не видела. В довершение ко всему друзья устроили пьянку в ближайшем пабе, и многие порядочно напились, включая Люси, которую стошнило в машине по дороге домой… Это мероприятие тоже не помогло мне поверить в смерть Мартина. Мне так и не удалось отпустить его душу с миром.

Вторник, 11 марта. Хороший был сегодня семинар: читали и обсуждали «Что значит быть летучей мышью?». Много смеха и здорового юмора. Мне кажется, люди менее щепетильны к своему творчеству, когда это просто упражнение. А реальное творчество всегда напоминает публичное раздевание. Даже если произведение не автобиографическое, оно все равно выявляет все наши страхи, желания и фантазии. Вот почему враждебные рецензии так больно ранят, на них трудно не обращать внимания. И если они даже не имеют отношения к самой книге, возможно, они касаются тебя самого. Студенты чувствуют то же самое на семинарах: им намного легче об-

суждать упражнения. Пародии и юмор помогают им расправить крылья и поэкспериментировать над тем, на что они никогда не отважились бы в своей основной работе. Повторение — мать учения. Попросила их теперь сочинить историю про колористку Мэри, которая наконец вышла из своего монохромного мира. Только на сей раз без «подсказок» я должна буду сама узнать писателя по стилю сочинения. (*Стон.*)

Слышала Ральфа Мессенджера по радио сегодня утром, программа какого-то научно-популярного журнала. У него брали интервью на тему «Носимые компьютеры». Я включила на половине дискуссии, но, насколько могла догадаться, речь шла о недавно вышедшей книге, в которой автор рассуждает о том, что компьютеры становятся все меньше и все дешевле, так что в будущем их можно будет носить на себе и даже имплантировать в тело человека. Это дало бы возможность измерять пульс, давление, мускульную нагрузку, уровень сахара в крови и т. д. Человек, имеющий доступ к этой информации, с помощью своего встроенного компьютера мог бы читать мысли и узнавать чувства другого человека. «Неужели это возможно?» — спросили Ральфа. «С технической точки зрения — вполне. Микрочипы становятся

все меньше и в то же время мощнее. Они совершенствуются быстрее любого другого механизма в истории человечества. Ученые подсчитали, что, если бы автомобили совершенствовались с такой же скоростью, „роллс-ройс“ стоил бы сейчас около фунта и мог бы проехать три миллиона миль, израсходовав один галлон горючего… Поэтому носимые компьютеры заметно подешевеют уже в обозримом будущем». — «А как, по вашему мнению, люди приспособятся к ним?» — спросили Ральфа. «Ну, во-первых, домашние устройства будут реагировать на информацию и предугадывать наши желания. Представьте себе: вы приходите с работы домой, и ваш чайник тут же заваривает для вас чашку чая, а телевизор предлагает нужную передачу — вам и пальцем шевелить не придется. В некоторых случаях подобные устройства станут просто незаменимыми. Представьте себе ситуацию, когда ваш микрочип фиксирует повышение давления и учащение пульса и сигнализирует об этом красным фонариком на крыше вашей машины… Такой вот дорожный „барометр“. Сколько аварий можно было бы предотвратить! Ношение подобного прибора могло бы стать обязательным условием выдачи водительских прав». — «А мо-

гут ли подобные механизмы рассказать нам о том, что думают другие люди?» — «Нет, — ответил Ральф, — потому что наши мысли обладают таким сложным семантическим содержанием, которое невозможно охарактеризовать с помощью физических симптомов. От подобных вопросов веет упрощенным бихевиоризмом».

Интересно, почему это он так решительно настроен против этой идеи? Скорее всего ему просто противна мысль о том, что в будущем донжуанов можно будет преследовать электронным способом. Кэрри сможет определить уровень вожделения, которое он испытывает к другой женщине за обедом, взглянув на маленький датчик, ничем не отличающийся от наручных часов. Если это будет возможно, то эти носимые компьютеры навсегда покончат с супружескими изменами.

11

Раз, два… три, четыре — ноги шире. Сегодня среда, 12 марта, 5.30 вечера. Мой «Войсмастер» — потрясающая штука, я теперь могу не только диктовать, но и воспроизводить на нем другие записи, так что можно по-прежнему пользоваться диктофоном. Сейчас я диктую в машине по пути домой из университета, застрял в пробке, на шоссе А-435 — то ли ремонтные работы, то ли авария…

Так что теперь нет необходимости ездить в Центр по воскресеньям, думаю, это поправит мои отношения с Кэрри… И в любом случае Центр сейчас не такое уж безопасное место: в прошлое воскресенье столкнулся в дверях с Даггерсом. Мы одновременно окинули друг друга взглядами через стеклянные двери: он был снаружи и держал наготове свою карточку, чтобы открыть дверь… Мы оба не ожидали этой встречи и почувствовали себя взломщиками, которые встретились лицом к лицу на ступенях пустого дома… Даггерс, казалось, несколько суетился, да и я волновался, но, когда он открыл дверь, мы оба успели взять

себя в руки.

— Привет, Даггерс, — сказал я. — Что вы тут делаете воскресным утром?

— Я часто прихожу на выходные, чтобы подтянуть хвосты, — ответил он холодно. — Только в это время здесь можно посидеть в тишине.

— Знаю-знаю, что вы имеете в виду, — сказал я притворно заговорщическим тоном.

— А вы, Мессенджер? — спросил он. — Сбегаете от радостей семейной жизни?

«Да что ты об этом знаешь?» — чуть было не брякнул я. Даггерс живет со своей матерью-вдовой и незамужней сестрой в квадратной викторианской вилле из красного кирпича, в неприглядном местечке. Они редко приглашают к себе гостей, во всяком случае, мы с Кэрри в их число не попали, но я часто проезжал мимо его дома, и такие слова, как «радость» или «семейная жизнь», никогда не ассоциировались у меня с этим местом.

— Да нет, просто кое-какие бумаги хотел забрать домой, — сказал я, поглаживая дипломат, который держал в руках. Я инстинктивно скрыл от него, что просидел в офисе целый час. А вдруг бы он пришел раньше… случайно остановился у моего кабинета и услышал мое бормотание?.. Он

мог бы приложить ухо к двери… нет, вряд ли он опустился бы до такого, но все равно этот Даггерс вызывал у меня подозрения с самого первого дня нашего знакомства. В тот день я прилетел из Калифорнии, пришел на новое место работы, чтобы осмотреться и себя показать, два дня общался с коллективом и студентами, прочитал лекцию, побывал на ужине у вице-канцлера… обычная для такого случая суета…. Помню, с какой холодной неприязнью Даггерс взглянул на меня из-за своих круглых школьных очков, когда нас друг другу представили. Я сразу понял, что он был, наверное, главным кандидатом на должность директора Центра, и уже тогда подозревал, что это место предоставят мне… Понимаю, что он чувствовал, ведь у него замечательные работы, возможно, не такие глубокие, как у меня, но зато более оригинальные… С другой стороны, это не просто исследовательская работа, тут нужно быть лидером, финансовым менеджером, координатором по связям с общественностью — одних мозгов маловато, харизма нужна… а у Даггерса харизмы ничуть не больше, чем у нескладного школьника, на которого он даже внешне похож… Бедняга Даггерс…. Неужели его новое исследование настолько увлекательно, что он не может

не работать даже в воскресенье? Я знаю, что он изучает эволюционные системы, которые сами способны научить собой пользоваться и составлять собственные инструкции по эксплуатации. Он работает над этим последние два года, причем довольно успешно… Помимо теоретической ценности, это должно иметь большой коммерческий потенциал… Если о сенсационном изобретении Даггерса заговорят все газеты, это станет хорошей проверкой моей профессиональной объективности… Центр только выиграет, и, возможно, это укрепит наш статус элитного исследовательского института… Я должен буду гордиться им… но как я смогу пережить *его* славу? Допустим, он получит членство в Королевском обществе. Нет, этого я уже не переживу… Боже мой, меня убивает одна мысль о том, что мне нужно будет поздравлять его и выдавливать из себя добрые слова, тайно желая откусить ему ухо, и пожимать ему руку, мечтая ее вывернуть… Нет, прошу вас, не давайте Даггерсу членства… Я сам настолько отошел от научных дел, что уже вряд ли его получу… я знаю, что говорят у меня за спиной: популяризатор, любимец журналистов, у него одна дешевая книжонка и ни одного более-менее серьезного исследования… Ясно, что отчасти это вызвано

завистью… в нашей когнитивной среде очень немногих можно считать друзьями… Да и сам предмет слишком уж расплывчат, охватывает слишком много дисциплин и с трудом поддается определению… Это и математика, и философия, и психология, и… инженерия? Все вместе это делает наш предмет увлекательным, но в научной среде к нему относятся с недоверием, как к дворняге-полукровке. Вряд ли когда-нибудь хоть один когнитолог получит Нобеля. Даже если какой-нибудь исследователь неожиданно решит проблему сознания, по какой дисциплине ему дадут премию? По физике? Химии? Психологии? Но он не подходит ни под одну из этих категорий. Интересно, каково же на самом деле получить Нобелевку? Каковы qualia «нобельности»? Благородство?[4]… возможно… очень точное слово для тех, кто хочет стать богом — *апофеоз* — внезапно становишься неуязвимым и бессмертным, не в прямом смысле, конечно, но приобретаешь то, что никогда не умрет после твоей смерти… И больше не нужно сражаться… любое последующее достижение — лишь дополнительный бонус… переполняющий чашу… нечего больше опасаться… ты — вне

[4] Примечания: 4

Игра слов: Nobel Prize — Нобелевская премия, noble — благородный, возвышенный, выдающийся (*англ.*).

конкуренции…. Пускай Даггерс получает свое членство, пускай хоть все на факультете вступят в Королевское общество, Нобелевка все равно одна… Ты наслаждаешься славой, ее свет окружает тебя, словно нимб, где бы ты ни появился… Каждую ночь засыпаешь, ощущая себя нобелевским лауреатом, и просыпаешься счастливым, сначала не понимая отчего, а потом вспоминая… Каждый день эта мысль вертится у тебя голове: «Я получил Нобелевку». Так ли ты чувствуешь себя? Или, может, лауреаты остаются такими же, как мы, — неудовлетворенными, полными амбиций, жаждущими новых открытий, почестей, славы? М-да… я никогда этого не узнаю… даже каково быть членом Королевского общества не узнаю, если быть откровенным… Возможно, я слишком люблю земные радости — женщин, вино и еду… особенно женщин… истинный ученый не думает ни о чем, кроме науки, живет и дышит ею, страдает в разлуке с ней… как в том анекдоте про ученого, к которому приходит жена. ЖЕНА: Альфред, мы должны поговорить. УЧЕНЫЙ (*отрывает взгляд от стола и хмурится*): О чем? ЖЕНА: У меня любовник. Я ухожу от тебя. Мне нужен развод. УЧЕНЫЙ: А-а… (*Пауза.*) А это надолго? Я могу без труда представить себе женатого Даг-

герса в подобной ситуации… если бы он записал свой поток сознания на «Войсмастер», там оказались бы одни генетические алгоритмы… изредка перемежающиеся высказываниями о Центре вообще и обо мне в частности. Или Тюринг — поистине великий ум, изменивший и ускоривший ход развития цивилизации… Кто-нибудь другой рано или поздно придумал бы компьютер, но именно он опередил свое время…. В жизни он был полным обсосом — одинокий, закомплексованный, несчастный гомосек, покончил с собой в своей унылой манчестерской квартирке. Если бы мне предложили начать жизнь сначала и стать либо самим собой, либо Тюрингом, я бы, не раздумывая, выбрал первое… Кто мечтает о судьбе гомика? Я не гомофоб, мне просто их жалко. До чего обидно, когда тебе не нравится женское тело, все эти формы, выпуклости и прочие прелести, отличающие их от мужчин… Постоянно жаждать тела, похожего на твое, — это так… скучно… И, по правде сказать, стариковская срака — зрелище не очень-то эстетическое, анальное отверстие взрослого мужчины малопривлекательно… Неудивительно, что Николас Бек живет бобылем…

О, наконец-то, движение возобновляется… впереди синие мигалки, значит, все-таки авария…

кажется, у поворота к Подковам… А я ее все-таки поцеловал… когда все ушли в дом, мы еще какое-то время оставались в джакузи… болтали о высоких материях… мне это нравится в ней, она не считает претенциозным говорить на серьезные темы… а когда Кэрри позвала нас к чаю, и мы поднимались по лестнице, я поцеловал ее… выбрал подходящий момент, чутье меня никогда не подводит… как тогда, в Массачусетском технологическом, когда я поцеловал Кэрри в лифте… Уверен, что Хелен у нас понравилось: и дом, и джакузи. Ее тело в купальнике превзошло все мои ожидания, я оценил его, как только она сбросила халат и вошла в бассейн, бедняжка Кэрри ревниво косилась на ее талию и стройные бедра… груди немного низко и широко посажены, но хорошей формы и упругие… Видно, что упругие от природы, а не из-за латекса, и когда она выходила из воды, я хорошо рассмотрел ее попку…. Очень милая задница, довольно полная, но не жирная, с двумя пухлыми полумесяцами, выступавшими из-под купальника. Тонкая полоска, не больше дюйма шириной, прикрывала ее дырочку… Забавные штуки — эти купальники… как мало они прикрывают и в то же время как сильно меняют фигуру! Увидеть ту же самую

женщину, но уже без купальника — всегда сюрприз. Иногда — приятный, иногда — не очень… Интересно бы увидеть ее в нудистском бассейне, не семейном, а только для взрослых, которые когда-то устраивали в Калифорнии… сидишь себе, попиваешь зинфандель из долины Напа, в воздухе запах барбекю, из портативного стерео доносятся индийские мелодии… какие времена!.. Кэрри никогда не заходит в бассейн голая — дети кругом… ну, и правильно, дети были бы в шоке… во всяком случае, мальчишки… Мы все теперь знаем о совращении малолетних, боимся, что нас в чем-нибудь заподозрят, боимся вызвать у детей будущий синдром ложной памяти… Кроме того, Эмили — не моя родная дочь, а это осложняет дело… хотя вряд ли ей это может нанести душевную травму… Как-то раз, около года назад, я увидел ее голой: зашел за чем-то в ванную, а она как раз там лежала. «Ой, извини!» — пробормотал я, скользнув взглядом по ее упругой подростковой груди с большими коричневыми ореолами вокруг сосков, а потом развернулся на каблуках, вышел и крикнул из-за двери: «Запирай, пожалуйста, дверь, когда принимаешь ванну!»… Она глуповато ухмылялась, когда вышла. «Прости, Мессенджер»… похоже, совсем не расстроилась…

А я смутился, поскольку не прочь бы трахнуть Эмили… Не собираюсь, конечно… об этом и речи быть не может… Хотя думать-то можно о любом, самом невероятном сексе, нет такого секса, о котором бы кто-нибудь когда-нибудь не подумал… но у меня нет такого намерения, ни под каким предлогом… Однако одна мысль об этом ее прыщавом долговязом бойфренде Греге приводит меня в уныние… Я никогда бы не сделал этого… Это просто одна из тех тайных мыслей, которые мы держим под замком, в специальном ящичке… Бессмысленно пытаться сжечь или разбить его или отрицать его существование — этот ящичек можно только спрятать от себя и от людей… Но это так трудно, когда видишь свою сексапильную взрослую падчерицу, лежащую в ванне…

И с чего это я вдруг открыл свой особый ящичек?.. Ах да, Хелен Рид, с ней я тоже мечтаю. В данном случае можно не только думать, но и активно действовать, никакого табу нет… Я ее поцеловал, и она не возражала… особого рвения не проявляла, но и не сопротивлялась… Эта неделя выдалась урожайной на запретные поцелуи… Обжимался с Марианной вчера на стоянке у «Сэйнзбери»… Я покупал вино для вечеринки, а она — продукты на неделю. Мы заметили друг

друга между витринами с прохладительными напитками и чипсами, когда толкали свои тележки с едой в противоположные стороны… Сначала невинно перекинулись парой слов, и затем я спросил, где стоит ее машина, и она, секунду помедлив, пробормотала: «У контейнера для пустых бутылок»… Потом я наполнил тележку выпивкой, расплатился у кассы и загрузил все в машину… было темно и сыро, морось покрывала окна тонкой пеленой капель… Я сел в машину и стал ждать. Наконец, она вышла, толкая перед собой заваленную продуктами тележку… Загрузила их в багажник своего «вольво» и села в машину, но заводить мотор и включать фары не стала. Рядом с контейнером темно, и других машин поблизости не было… Я подошел, открыл дверь и влез в салон, а она откинула сиденье назад… мы набросились друг на друга… как всегда, молча целовались и шарили друг у другой под одеждой… Я уж подумал, что мы сделаем это прямо в машине, как проститутка и ее клиент, но тут раздался грохот и звон битого стекла — кто-то выпустил по контейнеру бутылочный залп, она испугалась, отстранилась от меня и начала заводить машину… без единого слова… Дала задний ход… я еле успел выскочить… Так и бросила меня

у этого контейнера для бутылок со вставшим, как швабра…

Страшная авария, перевернулся «фольксваген», капот всмятку, полиция, «скорая»… благодарю вас, офицер… Меня здесь уже нет, как говорят янки… [*конец записи*]

12

Вторник, 13 марта. Неожиданная проблема с одной из студенток — Сандрой Пикеринг. Я назвала ее про себя «девочкой-загадкой», потому что на первых занятиях она говорила очень мало и сидела, уставившись на меня немигающим, бесстрастным взором, чем немного смущала. Ей под тридцать, красивый овал лица, прямые волосы до плеч, полная грудь, обычно стянутая черным кожаным блузоном. Губы пухлые, верхняя немного выступает над нижней, отчего кажется, что Сандра постоянно дуется. В принципе в ней нет ничего особенного, разве что пирсинг на языке, то ли серебряный, то ли из нержавейки. Он поблескивает в тех редких случаях, когда девушка открывает рот. Наверное, очень неудобно есть с таким языком.

Она из тех, кто бросил работу ради этого курса — раньше работала в рекламном бизнесе (соизволила она ответить, когда я расспрашивала студентов об их прошлом в первый день знакомства). Она практически ничего не говорит, если я не обращаюсь к ней лично, и отвечает

кратко и неопределенно. Мне показалось, что у нее депрессия или какая-то личная проблема, я попыталась осторожно выяснить это у Саймона Беллами. Он подтвердил, что в этом семестре она стала совсем скрытной, но потом добавил, что она и прежде была не очень-то общительной — постоянно «себе на уме». Сандра посещает все семинары и практические занятия, но не сдала мне свою работу про летучую мышь. (Я сказала, что это задание выполнять необязательно.) К тому же никак не прореагировала на обсуждавшиеся тексты, всем своим видом показывая, что считает задание несерьезным и банальным. Свою основную работу показала в числе последних. Принесла во вторник, и только после того, как я послала ей записку с довольно резким напоминанием. Пара глав из романа под названием «Шлак». Я прочитала их вчера.

Роман о молодой женщине по имени Лора, которая работает в рекламном агентстве личным помощником немолодого женатого мужчины по имени Аластэр. Он ей нравится, и, похоже, скоро они станут любовниками. Банальная история, которую немного оживляют подробности офисной жизни и контраст между внутренним миром героини, исполненной романтики, неуверенно-

сти в себе и эротических грез, и ее совершенно приземленной манерой поведения на работе. Повествование ведется от второго лица: «Ты надеваешь белую блузку. Ты снимаешь белую блузку, потому что похожа в ней на отличницу. Надеваешь черный шелковый лифчик. И потом снимаешь его, потому что похожа в нем на проститутку. Ты снова надеваешь белую блузку, оставив три верхние пуговицы незастегнутыми…» По-моему, она переняла эту манеру у Джея Макинерни, но это не важно. «Пока что неплохо», — подумала я в конце первой главы.

Но во второй главе, когда появился Аластэр, я ощутила странное дежа-вю. Он чем-то напоминает Себастьяна из моего «Глаза бури». Высокий и неуклюжий, рассеянный и неряшливый, на работу приходит в разных носках и с криво пришитыми пуговицами. Любит в раздумье развалиться в кресле, положив ноги на стол и покусывая ручку или карандаш. Трубку телефона берет с нетерпеливым «Да?». Постоянно налетает на людей и мебель, потому что всегда смотрит в пол. Есть и другие, менее заметные черты сходства, которые от меня не ускользнули.

Если воспользоваться вульгарным, но сильным выражением, я просто «выпала в осадок»… Не

знала, что и думать. Может, это шутка? Если так, я не поняла ее. Возможно, она прочла «Глаз бури», и все эти подробности отложились у нее в подсознании, а затем она неосознанно воспроизвела их? Это больше всего похоже на правду.

Когда она зашла в мою бетонную камеру за индивидуальным заданием, я спросила ее напрямик:

— Ты читала мой роман «Глаз бури»?

Она ответила, что прочитала его на зимних каникулах. Я удивилась: судя по всему, вторую главу она написала недавно и не могла не заметить собственных заимствований.

— Надеюсь, ты обратила внимание, что твой Аластэр многим похож на моего Себастьяна?

— Обратила, — хладнокровно ответила она.

— Обратила? — повторила я беспомощно. — И когда же?

— Когда прочитала вашу книгу, — сказала она столь же бесстрастно.

— Но ты же написала вторую главу уже после того, как прочитала мой роман?

— Нет. Обе главы я написала летом — перед тем как поступить на эти курсы.

Я удивленно уставилась на нее.

— Ты потом редактировала работу?

— Да, в ноябре, после того как показала ее Расселу.

— Ты хочешь сказать, что сама написала ее? — медленно проговорила я.

— Ну да, — ответила она.

— Как же тогда ты объяснишь необычные совпадения? — И я перечислила некоторые из них.

Она пожала плечами:

— Мне кажется, это просто совпадение. — По ее приятному лицу пробежала тень, словно рябь по глади озера: — Вы что, хотите сказать, что я украла у вас этого персонажа?

— Мне показалось, что ты неосознанно заимствовала некоторые моменты из моей книги, — сказала я.

— Это невозможно, — замотала она головой. — Я же сказала вам, что прочитала ваш роман позже.

— А может, кто-нибудь пересказывал тебе его или ты читала рецензии? — Я пыталась ухватиться за спасительную ниточку, которая могла бы нас примирить.

— Нет, — решительно сказала она, — я хорошо помню.

— Ну, тогда я просто не знаю, — воскликнула я. Следует добавить, что во время разговора я

нервно ерзала на стуле, вертела в руках разные предметы, словно была обвиняемой стороной, а она сидела спокойно, сложив руки на коленях.

— Я не вижу в этом никакой проблемы, — сказала она. — Такие мужчины всегда похожи друг на друга. Многие люди пишут о мужчинах, которые носят носки разного цвета. Своего рода клише, — нахально заключила она.

— Одна деталь сама по себе еще ни о чем не говорит, — раздраженно вымолвила я, — но их *комбинация* довольно необычна.

Мы некоторое время помолчали.

— Ну, и как вам мой роман? — спросила она с таким видом, будто мы уже решили эту проблему.

— В данных обстоятельствах мне трудно оценить его по достоинству. Ты уже написала продолжение?

Оказалось, что у нее уже есть черновики двух следующих глав. Я сказала, что мне было бы интересно прочесть их. На этом наше собеседование закончилось.

От этого открытия я пребываю в полной растерянности. Целый день не могу думать ни о чем другом. На сегодняшнем семинаре я, по-моему, была совершенно безучастной, но, к счастью, свою работу представлял Саймон Беллами, а ему

не нужно подсказывать, как вести дискуссию. Время от времени я поглядывала на Сандру Пикеринг и часто встречалась с непроницаемым взглядом ее карих глаз. В какой-то момент она сказала что-то насчет работы Саймона, и у нее во рту мелькнул металлический штифтик. Как драгоценный камешек на лбу у жабы. В этой девушке есть что-то от рептилии — бесстрастность, неподвижность, немигающий взгляд. Без сомнения, я просто проецирую на нее собственную беспомощность. Предположим, она говорит правду. Два разных писателя вполне могли создать двух совершенно одинаковых героев. Но в таком случае эти герои — шаблонные. Меня злит именно то, что Себастьян и Аластэр — обычные стереотипы, сотканные из одних и тех же клише.

Но Себастьян не мог быть шаблонным героем, поскольку его прототипом был Мартин. Мартин заметил сходство, но не стал возражать — его это даже позабавило. Аналогичная реакция была и у наших друзей. Но, возможно, в процессе превращения реального Мартина в выдуманного Себастьяна я утратила ощущение прочувствованной жизни (как говорил Генри Джеймс) и пошла по проторенной дорожке «характеризации», не сумев подобрать нужных слов, которые помогли

бы мне придать индивидуальность знакомым чертам. В результате я пришла к таким же ученическим результатам, как Сандра Пикеринг. Унизительно. Мне даже захотелось перечитать все рецензии на мою книгу, чтобы хоть как-то приободриться и заставить себя поверить в то, что в ней есть хоть толика оригинальности. Почему так легко разрушить нашу веру в собственные силы? Сколько раз Мартин заставал меня с унылой физиономией и красными глазами, поскольку я переставала верить в то, что пишу… Однажды (это было еще до того, как у меня появился компьютер и ксерокс) ему пришлось выходить в сад и вытаскивать целую рукопись из мусорного бака, куда я швырнула ее в порыве отчаяния. Он принес ее обратно, всю в пятнах и грязи, но приятно пахнувшую яблочными и картофельными очистками. Он усадил меня на кухне, налил мне бокал вина и заставил прочитать вслух первые главы. А потом стал уговаривать меня закончить эту книгу. Он оказался прав, ведь книга стала «Смешанными чувствами». Мартин, Мартин, как же мне тебя не хватает!

Пятница, 14 марта. Ездила сегодня в Челтнем покупать подарок Ральфу Мессенджеру. Выбор — дело нелегкое. Они оба так добры ко мне, и

мне хотелось отплатить им тем же, но слишком дорогой подарок выглядел бы как взятка, которой я покупала бы их расположение. В конце концов, после долгих колебаний, я выбрала директорскую игрушку — маленькие, но довольно дорогие счеты из неотполированной нержавеюки. Надеюсь, Ральф сочтет, что это остроумно.

Купила также вельветовое платье с вырезом лодочкой. Не хотелось снова надевать те же самые юбку и кофту, которые были на мне на вечеринке у Ричмондов, да и все остальные наряды мне почему-то разонравились. Как всегда, собиралась купить что-нибудь цветное, а купила опять черное. Черный цвет не привлекает излишнего внимания, ко всему подходит и всегда в моде. Я же в конце концов вдова.

13

— На твоем месте я бы отделила историю от рассказа об Алисе и ее семье, — говорит Хелен. — Пространные размышления Алисы о местной политике и архитектуре города порой выглядят неестественно.

— Я понимаю, о чем ты, — говорит Кэрри. — Но что же мне делать?

— Почему бы тебе не ввести всезнающего рассказчика, который обращался бы напрямую к читателю, минуя главных героев?

— Но это же старомодно!

— Можно сдобрить роман намеками на современность. Ты же читала «Любовницу французского лейтенанта»?

— Обожаю эту книгу.

— Или сделай современное обрамление для истории Алисы: например, кто-нибудь роется в семейных бумагах, пытаясь воссоздать историю жизни своей прапрабабушки…

Кэрри замирает с креветкой в руке:

— Отличная идея, Хелен!

— Только не увлекайся. Многое придется пе-

реписывать.

— Что переписывать? — интересуется Ральф, входя на кухню.

— Уйди отсюда, Мессенджер, Хелен меня консультирует.

— А, ты читала книгу Кэрри? И как тебе? Кэрри не дает мне даже краем глаза взглянуть.

— Роман многообещающий, — отвечает Хелен.

— А я там есть?

— Я так и знала, что ты спросишь именно это, — говорит Кэрри.

— По-моему, нет, — отвечает Хелен.

— Что тебе нужно, Мессенджер? — спрашивает Кэрри.

— Штопор, лучший друг хозяйки, — отвечает Ральф, улыбаясь Хелен и подразумевая непристойность.

— Он в баре.

— Нет его там.

— Значит, он там, где ты его оставил. Попробуй поискать в боковых ящиках.

— Ладно. — Ральф запускает указательный палец в миску с гуакамоле, облизывает его, одобрительно хмыкает и выходит.

— Вот бы и мне записаться на твои курсы, — говорит Кэрри.

— Боюсь, тебе не понравится, — говорит Хелен. — У меня есть студенты, которых хлебом не корми, дай только покритиковать чужие работы.

День рождения Ральфа. Хелен приезжает раньше, чтобы помочь накрыть стол. Основные блюда, заказанные в ресторане (запеченный лосось, говядина на косточке и разнообразные салаты), уже стоят рядом со стопками тарелок и свернутыми толстыми бумажными салфетками. Бутерброды Кэрри любит готовить сама. Хелен поручают чистить и резать овощи для острого соуса. Кэрри чистит креветок и насаживает их на зубочистки, чередуя со свежим перцем, — получаются миниатюрные шашлычки. В большом квадратном зале с черно-белым полом стоит стол, служащий баром, с бутылками красного и белого вина, симметрично расставленными в два ряда и разделенными большим подносом с бокалами. Ральф выходит из кухни, и до женщин доносятся ритмичные хлопки открываемых бутылок. В гостиной играет джаз — там Эмили расставляет в стратегических местах вазочки с орехами и крендельками. Мессенджеры — опытные организаторы вечеринок, каждый знает свою роль. Раздается звонок.

— Первый гость. — Замечание Хелен излишне.

— Ручаюсь, что это Даггерс, — говорит Кэрри, поглядывая на кухонные часы. — Никак не может понять, что приглашение на вечеринку — это не проверка на пунктуальность. Будь другом, Хелен, займи его чем-нибудь.

— Теперь-то вы расскажете мне о квантовой механике, профессор Дугласс, — говорит Хелен.

— Вы считаете это подходящим моментом? — отвечает он, натянуто улыбаясь.

— Пока еще спокойно и тихо, но скоро тут зашумят люди, и нам не удастся серьезно поговорить.

Они стоят в гостиной у искусственного камина. Хелен держит в руках бокал калифорнийского «совиньона», а Дугласс — стакан апельсинового сока. Хелен предлагает ему вазочку с австралийскими орехами. Дугласс берет один и быстро, как белка, грызет его передними зубами.

— А почему вы этим заинтересовались?

— Ральф сказал, что это имеет отношение к теории сознания, — отвечает она.

— Сверхмалые частицы ведут себя таким же случайным и непредсказуемым образом, как и волны. Когда мы пытаемся измерить волну, она переживает коллапс. Можно предположить, что сознание — серия непрерывных коллапсов

волновых функций.

— Это теория хаоса?

— Нет.

— Но я думала… коллапс, хаос…

— Это разные понятия.

— Но именно они делают науку такой интересной, не правда ли?

Вероятно, замечание кажется профессору Дуглассу несерьезным и не заслуживающим ответа.

— Некоторые квантовые физики полагают, что мы сами создаем вселенную, которую населяем, наблюдая за ней. Что наша вселенная — лишь одна из множества возможных, которые существовали или продолжают существовать параллельно той, в которой живем мы.

— А вы сами в это верите? — спрашивает Хелен.

— Нет, — отвечает Дугласс. — Вселенная не зависит от нас и существовала задолго до появления человека. Но, возможно, мы никогда не познаем ее до конца, поскольку существует принцип неопределенности.

— Да… Я о нем, конечно же, слышала, но…

— Гейзенберг доказал, что мы не можем с точностью определить положение и скорость частицы.

Если верно положение, то неверна скорость, и наоборот. — Дугласс озирается и поглядывает на часы: — Может, я перепутал время?

— Нет, просто кому-то же нужно прийти первым, — говорит Хелен. — Вы сами создали себе вечеринку. Одну из множества возможных! Если бы первым пришел кто-то другой, все сложилось бы иначе, я говорила бы не с вами, а с ним, — а, возможно, нам и вовсе не удалось бы поговорить, во всяком случае на эту тему. Как насчет квантовой теории вечеринок? — Хелен смеется, довольная своей остротой.

— Это больше похоже на теорию хаоса, — педантично замечает Дугласс.

— Почему же?

— Теория хаоса имеет дело с системами, которые необычайно чувствительны к различным вариациям своих изначальных условий или находятся под воздействием множества независимых переменных. Например, погода.

— А, знаю, это та теория, согласно которой бабочка хлопает крыльями в одном конце света и вызывает торнадо в другом.

— Это сильное упрощение, но, в сущности, речь идет именно об этом.

— Наконец-то я хоть что-то поняла, — говорит

Хелен.

В дверь звонят, и в холле слышится гул голосов.

— О, вот и независимые переменные прибыли, — говорит Хелен.

Дом наполняется людьми. Шторы на больших окнах еще не задернуты, и свет из комнаты льется наружу — на дорогу и во двор. Прибывающие гости хорошо видят тех, кто уже в доме: те пьют, жуют и смеются выразительно, но беззвучно, словно на экране телевизора с выключенным звуком. Входная дверь открыта, Ральф у самого входа принимает поздравления и подарки. Мужчины вешают свои пальто в гардеробе, задерживаясь и рассматривая обои с рисунками из «Парижской жизни», а женщины раскладывают свои на двуспальной кровати в комнате для гостей рядом с ванной, где можно поправить прическу и макияж. Раздевшись, гости потягивают красное и белое вино, пиво и безалкогольные напитки, которые Марк Мессенджер в ярко-синей рубашке и черных «докерах» разливает у стола с баром. Затем гости проходят в большую гостиную, а Саймон и Хоуп поочередно бегают на кухню за тарелками с бутербродами. На кухне Кэрри разогревает чиабатту и фокаччью в электрической

духовке, одновременно переговариваясь с подругами, которые с завистью разглядывают новую кухню, привезенную из Германии и установленную всего несколько месяцев назад.

В гостиной образуются кружки собеседников, которые постепенно распадаются и образуются снова. Темы бесед разносятся между группками, словно вирусы: бедняга Жан-Доминик Боби; клонированная овечка Долли; многочисленные аварии на автостраде, вызванные туманом в начале недели; победа сборной Италии над сборной Англией на Кубке Уэмбли; ДНК школьного учителя из Чеддара, совпавшая с ДНК его предка — доисторического охотника, чей скелет был найден в пещере; приближающиеся всеобщие выборы.

— Первое мая — хороший знак для лейбористов, — говорит кто-то.

— Нам не нужно знаков, достаточно бюллетеней. Нам грозят повторные выборы. Если в мае лейбористы повторят свой результат, то у них будет перевес в двести пятьдесят голосов.

— Ну, это уже из области фантастики.

— Возможно… но даже если это верно хотя бы наполовину…

В связи с выборами Летиция Гловер пребывает

в состоянии раздраженной нерешительности, которое объясняет Хелен так:

— Естественно, я хочу, чтобы тори проиграли — это самое главное. Чтобы добиться этого в Челтнеме, нужно голосовать за либеральных демократов — на прошлых выборах они лихо вышибли стулья из-под тори. Но ведь так неприятно работать на либералов! Лучше уж вовсе не ходить на выборы.

— А в другом избирательном округе вы смогли бы голосовать за лейбористов?

— Ну, наверное… — говорит Летиция, растягивая последнее слово. Видимо, такая перспектива ее тоже не особенно радует.

— При Блэре и Брауне я не ощущаю, что работаю на какую-то партию, — вставляет Реджинальд Гловер.

— Совершенно верно! — говорит Летиция. — Они подрезали крылья будущему лейбористскому правительству, пообещав не повышать подоходный налог.

— Ты что, хочешь платить высокие налоги, Летиция? — спрашивает Ральф, держа в одной руке бутылку красного вина, в другой — бутылку белого.

— Да, если это необходимо для спасения нашего

здравоохранения, — резко отвечает она. — Не мешало бы прижать этих зажравшихся частников.

— Билл Гейтс — самый богатый человек в мире, — говорит Ральф, подливая ей вина. — У него двадцать девять миллиардов долларов, и каждый день он делает еще сорок два миллиона.

— По-моему, неприлично одному человеку иметь столько денег, — вставляет Летиция.

— Представьте себе, если бы мы уговорили его переехать в Великобританию и ввели сверхвысокие налоги — он смог бы финансировать все наше здравоохранение! — Ральф подмигивает Хелен и отходит в сторону.

— Что он имеет в виду? — спрашивает Летиция.

— Думаю, он считает высокие налоги сдерживающим фактором развития предприятий, — произносит Реджинальд Гловер, слегка выпячивая нижнюю губу. — Ральф всегда питал слабость к госпоже Тэтчер. Неудивительно. Ведь тэтчеризм — это дарвиновский тип экономики. Выживает сильнейший.

Хелен отходит от Гловеров и присоединяется к маленькой группке студентов Ральфа, говорящих, как это ни странно, о Золя.

— Какой из его романов тебе нравится боль-

ше всего? — спрашивает она Джима. Но тут выясняется, что ребята обсуждают футболиста, забившего решающий гол в ворота англичан в среду. К этому ей нечего прибавить, и она отходит поздороваться с Джаспером Ричмондом, который пробирается к бутылкам.

— Привет, — говорит он. — Пойдемте, выпьем еще.

Он провожает ее в большую комнату и доливает вина в их бокалы:

— Рад, что вас тоже пригласили. У Мессенджеров лучшие вечеринки во всей округе.

— Да, в этом они преуспели, — говорит Хелен.

— У них есть деньги и много места. Здесь такое смешение науки и искусства, какого вы нигде больше не найдете. Заслуга Кэрри. Милый дом, не правда ли? — Он обводит рукой воздух.

— Да, замечательный.

— У них есть еще один, в пригороде Стоу.

— Я знаю, я там была.

— Были? — Похоже, он удивлен. — Лихо. Поздравляю!

— С чем?

— Значит, вас уже удочерили… Доступ в коттедж имеют только самые близкие друзья. Они приглашают кого-нибудь время от времени. Кэр-

ри склонна увлекаться, особенно новенькими женщинами.

Он ухмыляется. — Я вовсе не хочу сказать, что она лесбиянка.

— Уже легче, — говорит Хелен.

— То же самое было с Марианной, когда мы только поженились. И с молодой Аннабель Ривердейл, когда Колина назначили на новую должность. Это происходило со многими присутствующими здесь женщинами. На какое-то время вы станете ее любимицей, пока не появится новая претендентка. Вы уже сидели в их джакузи?

— Да.

— Своего рода крещение, — продолжает он, кивая. — Мне кажется, новенькому в ГУ только это и нужно. Богатые и радушные друзья.

— Да, они были очень добры ко мне.

— Марианна считает, что Кэрри наносит упреждающий удар, чтобы Ральф не искал женщин на стороне. Осознанно или неосознанно.

— В смысле?

— Когда в университет приезжает новая симпатичная женщина, Кэрри сразу же делает ее другом семьи. После этого женщине уже труднее стать *подругой* Ральфа.

— Понятно, — говорит Хелен.

— А вот и ВК, — говорит Джаспер, глядя через ее плечо. — Пойдемте, я вас познакомлю.

Джаспер Ричмонд представляет Хелен вице-канцлеру и его супруге — сэру Стэнли и леди Хибберд.

— Друзья называют нас Стэн и Вив, — жизнерадостно говорит ВК с ланкаширским акцентом. — Мы особо не церемонимся, правда, Вив? Рад видеть вас в нашем полку, Хелен. Вы не возражаете, если я буду называть вас Хелен?

— Нет, конечно.

К ним подходит Колин Ривердейл со своей женой Аннабель — она держит большой бокал красного вина двумя руками, словно чашу для причастия. Они топчутся на месте, улыбаясь. Сэр Стэн кивает им и продолжает говорить с Хелен.

— Скажу вам как на духу, — говорит он, — когда я сюда приехал, то не считал писательское мастерство академическим предметом. Но когда заглянул в книги, то изменил свое мнение.

— Вы имеете в виду книги выпускников? — спрашивает Хелен.

— Да нет же, бухгалтерские, — говорит сэр Стэн, от души смеясь. — У меня совсем нет времени читать. Главная читательница в нашем доме — это Вив, да, зайка?

— Мне очень понравилась ваша книга «Глазок иглы», — говорит леди Вив.

Хелен улыбается, бормоча что-то нечленораздельное.

— Это книга Маргарет Дрэббл, — говорит Аннабель Ривердейл, — и называется она «Игольное ушко».

— О! — восклицает леди Хибберд.

Колин с упреком смотрит на жену.

— Простите, ради бога, — говорит она. — Это недостатки профессии библиотекаря.

Она покаянно опускает голову и отпивает вина из своего бокала.

— Да, но у вас же был глаз чего-то, — настаивает леди Хибберд.

— Я написала книгу «Глаз бури», — говорит Хелен.

— Ну да, — говорит леди Хибберд, — и она начинается с того, как мужчина в винной лавке…

— Нет, это как раз «Игольное ушко», — виновато говорит Хелен.

Аннабель Ривердейл заходится кашлем. Колин уводит ее, словно непослушного ребенка.

— А вы слыхали, что Патрик Уайт тоже написал роман под названием «Глаз бури»? — спрашивает Джаспер у Хелен, пытаясь разрядить обстановку.

— Да, но я узнала об этом слишком поздно и не стала менять название, — говорит Хелен. — Да и в любом случае я уже привыкла к нему.

— Что ж, неудивительно, что ты запуталась, Вив, — говорит сэр Стэн жене, а затем обращается к Хелен: — А это разрешено?

— Да, авторское право на названия не распространяется, — отвечает она.

Гул голосов в гостиной усиливается. Большинство гостей уже выпивают по два-три бокала вина. Ральф и Кэрри переглядываются. Ральф вопросительно поднимает бровь, Кэрри кивает. Она поднимается и приглашает гостей в столовую. У круглого стола вскоре собирается довольно большая компания, раздаются восхищенные возгласы и одобрительные замечания по поводу аппетитных блюд. Гости с наполненными тарелками возвращаются в гостиную или разбредаются по другим комнатам первого этажа — для завтраков, для телевизора, для отдыха всей семьей. Комнаты по такому случаю убраны, а стулья и кресла расставлены так, чтобы удобно было общаться.

Ральф видит, как Марианна Ричмонд выходит в сад покурить. Через минуту он хватает ящик с пустыми винными бутылками и следует за

ней. Держа курс на красный огонек ее сигареты, мерцающий в тени стены, догоняет ее.

— Кто-нибудь видел, как ты выходил? — спрашивает она.

Ральф не отвечает.

— Кто-нибудь тебя видел? — повторяет она.

— Я прихватил несколько пустых бутылок в качестве алиби, — отвечает он, ставя свою звонкую ношу на землю. Выдержав паузу, добавляет: — Я думал, мы не должны говорить. Я считал это основным правилом нашей игры.

— Игра окончена.

— О чем ты?

— Оливер видел нас на стоянке во вторник.

— Я не знал, что с тобой был Оливер!

— Его не было. Просто досадное совпадение. У них в спецшколе по вторникам уроки самостоятельности. Их учат ходить в магазины, пользоваться общественным транспортом. В этот раз они ездили в «Сэйнзбери», а Оливер отстал от группы, заплутал и бродил по стоянке в поисках микроавтобуса, в котором они приехали, а потом увидел нас в машине.

— Как ты узнала об этом?

— Он сам мне вчера рассказал: «Я видел, как ты целовалась в машине с Ральфом Мессендже-

ром».

— Черт! Откуда он знает мое имя?

— Он никогда не забывает имен, особенно если видел человека по телевизору.

— О господи!

— Боюсь, как бы он не рассказал обо всем Джасперу.

— Ты можешь попросить его не говорить?

— Он не поймет.

— Если даже он расскажет, просто будешь все отрицать, — говорит Ральф. — Это выглядит слишком уж неправдоподобно. Джаспер поверит тебе, если ты будешь все отрицать.

— Оливер не умеет лгать. Он не понимает, что такое ложь, — вздыхает Марианна.

— Ясное дело, — задумчиво говорит Ральф, — тут никакая ТС не поможет.

— Что-что?

— Теория сознания. Человек способен лгать только в том случае, если понимает, что другие люди могут воспринимать мир иначе… Большинство детей приобретают это качество к трем-четырем годам. Аутисты — никогда.

— Очень интересно, но пользы от этого мало, — говорит Марианна. — Джаспер знает, что Оливер не умеет врать.

— Тогда тебе нужно сказать, что он ошибся. В конце концов было темно, шел дождь.

— Но ведь мы были там втроем, в одно и то же время, — говорит Марианна. — Джаспер сможет все это сопоставить, если решит довести дело до разбирательства. Обстоятельства подозрительные, не правда ли?

Ральф задумался.

— О'кей. Предположим, Оливер видел нас в магазине, потом отстал от группы, бродил по стоянке расстроенный, увидел обнимающуюся пару, похожую на нас, в машине с запотевшими стеклами и решил, что это мы. Идея совершенно абсурдная. Ральф Мессенджер и Марианна Ричмонд целуются на стоянке в «Сэйнзбери»? Курам на смех. Никаких проблем.

— Хотелось бы на это надеяться, — говорит Марианна, последний раз затянувшись сигаретой, а затем тушит ее о забор. — Пошли лучше в дом, только по одному.

— А поцелуй? — говорит Ральф, приближаясь к ней.

— Нет, Ральф. — Она резко отталкивает его. — Это была глупая игра, и она окончена.

Марианна разворачивается и идет в дом, обхватив себя обеими руками и поеживаясь от холода.

Ральф поднимает ящик с бутылками и относит его к мусорным бакам у торца дома.

Хелен замечает в коридоре профессора Дугласса, застегивающего пальто.

— Уже уходите? — спрашивает она.

— Как видите, — отвечает он. — Мои женщины всегда беспокоятся, если я задерживаюсь.

Часы в холле показывают четверть одиннадцатого. Он продолжает:

— Если начистоту, я не очень-то люблю вечеринки. Никогда не получается закончить мысль.

— Я понимаю, о чем вы.

— Но, по-моему, хозяина это не огорчает. — Дугласс натягивает черные лайковые перчатки и расправляет их на пальцах. — Мастер научной цитаты. Он скалится с таким видом, будто отпустил гениальную шутку. — Передайте ему и миссис Мессенджер, что мне нужно было идти, хорошо? Я не смог их найти, чтобы попрощаться.

— Конечно, передам.

— Засим спокойной ночи. — Щелкнув кнопками на перчатках, он уходит.

Хелен возвращается в гостиную, где Летиция Гловер спорит с Колином Ривердейлом о контроле рождаемости.

— Католическая церковь должна за это отве-

тить. Бороться против программы контрацепции в странах третьего мира — просто преступление.

— Капиталистическим странам северного полушария выгодно снижать уровень рождаемости в южном, — говорит Колин. — Повышая уровень жизни в странах третьего мира, они создают новые рынки сбыта для своих товаров.

Летиция на время замолкает, поскольку это утверждение совпадает с ее собственным аргументом, который она обычно приводит в другом контексте.

— Я не только о нищете и недоедании, — говорит она. — Еще есть СПИД. Африканские женщины нуждаются в защите от последствий мужского промискуитета.

— Какой смысл распространять презервативы среди африканских женщин, если их мужчины все равно не будут ими пользоваться?

Аннабель Ривердейл, молча и без интереса следившая за дискуссией, встает, поднимает свой пустой бокал, заглядывает в него и шатко направляется к двери, собираясь подлить себе еще вина. Хелен настигает ее у стола.

— Вы нормально себя чувствуете? — спрашивает она.

— Да, спасибо. Просто решила, что лучше уйти,

пока Колин не начал разглагольствовать о радостях периодического воздержания.

Хелен сочувственно улыбается.

— Вы о календарном методе? Моя сестра рассказывала, что с ним много хлопот, и он не всегда срабатывает.

— У нас срабатывает, — говорит Аннабель.

— О, это хорошо, — несколько смущается Хелен.

— Потому что я еще и таблетки пью. — Аннабель подносит палец к губам: — Только не говорите Колину!

— Могила, — отвечает Хелен, слегка опешив.

— Меня сейчас стошнит. Где здесь ближайший туалет?

— Вон там. — Хелен берет ее за руку и ведет в ванную.

Вернувшись в дом с пустым ящиком, Ральф ищет взглядом Хелен.

— О, привет, — говорит она. — Колин Ривердейл повез Аннабель домой. Ей стало дурно.

— Надеюсь, она не беременна опять.

— Нет.

Ральф удивляется ее уверенности. Она продолжает:

— Профессор Дугласс тоже искал тебя. Ему нуж-

но было уйти.

— Ох уж этот Даггерс. Приходит и уходит раньше всех. Не понимаю, зачем вообще надо было приходить? Ведь он терпеть не может вечеринок.

— Да, он так и сказал.

— Правда? Кстати, я еще не открывал твой подарок. Открыть сейчас?

— Давай, если хочешь…

У передней двери стоит небольшой столик с подарками и открытками. Ральф разворачивает сверток Хелен и вынимает счеты из коробки.

— А, всю жизнь о таких мечтал, огромное спасибо!

— Думаю, они тебе пригодятся, когда начнется шумиха с «ошибкой-2000», — говорит Хелен.

— Недавно видел карикатуру: два древних римлянина смотрят на счеты, — говорит Ральф, сдвигая несколько костяшек в верхнем ряду. — И один говорит другому: «Боюсь, эта система откажет, когда мы перескочим к нашей эре».

— Нет, серьезно, — говорит Хелен. — Тебя это разве не беспокоит? Я читала, что 1 января 2000 года все остановится. Самолеты упадут с неба, корабли закружатся на месте, в операционных погаснет свет, а в магазинах исчезнут все про-

дукты, и люди перестанут получать зарплату и пенсию.

— Болтовня паникеров, — говорит Ральф. — Конечно, у старых компьютеров проблема имеется, но она разрешима.

— Жаль. В этом есть что-то поэтичное. Современная цивилизация, разрушенная собственной технологией, — вздыхает Хелен.

— Ну, вряд ли бы ты захотела вернуться в Средние века, — говорит он. — Кстати, я нашел то место у Дарвина: «Плач — головоломка».

— О, спасибо. А я уже и забыла.

— Книга у меня в кабинете, наверху. Хочешь посмотреть? Я имею в виду — кабинет. Туда стоит разок подняться.

— Ну, хорошо, — произносит Хелен, подумав секунду.

В этот момент из кухни выходят Кэрри с большой миской шоколадного мусса и Николас Бек с посудиной, доверху наполненной фруктовым салатом.

— Хочу показать Хелен свой кабинет, — говорит Ральф Кэрри. — Оставьте мне немного мусса.

— Не оставим, — на ходу отвечает она. — Кто успел, тот и съел.

Николас Бек ухмыляется, обернувшись, и дви-

жется вслед за Кэрри в столовую.

— Может, ты хочешь пудинга? — спрашивает Хелен Ральфа.

— Не переживай, она пошутила. Я уверен, что в холодильнике есть еще целая миска. Пошли подальше от этой обжираловки!

Он ведет ее вверх по лестнице.

— Существует два мнения по поводу расположения рабочего кабинета, — говорит он. — Одни считают, что кабинет должен находиться на первом этаже, чтобы оставаться в курсе всего, что происходит в доме, и экономить время, уходящее на спуск и подъем по лестнице. Другие — что он должен находиться на верхнем этаже, подальше от бытовой суеты. Там, где тебя никто не потревожит.

— Башня отшельника, — говорит Хелен.

— Вот именно. Я — как раз тот самый отшельник.

Кабинет Ральфа Мессенджера — переоборудованные комнаты для прислуги. В результате он очень велик, с густым ковром и длинными книжными полками, большим письменным столом и крутящимся креслом. Там есть круглый стол с двумя шезлонгами Чарлза Имза, множество настольных ламп и ночников, полированные

шкафы, системный блок компьютера и большой монитор, а также множество другой техники: принтер, сканер, факс, телевизор с видеомагнитофоном, аудиосистема. Довершает обстановку телескоп на штативе, нацеленный в небо. Вся мебель — из вишневого дерева и нержавеющей стали, а мягкая обита черной кожей.

— Я бы не назвала это башней отшельника. Скорее что-то среднее между роскошной берлогой холостяка и центром управления полетами, — говорит Хелен.

Ральф довольно хмыкает:

— Приятное местечко, но чего-то здесь явно не хватает.

Он кладет счеты на письменный стол рядом с таким же набором стальных гильз для ручек и карандашей.

— Словно здесь и лежали! — радостно восклицает Хелен.

— Да, боюсь, что тут не обошлось без совета Кэрри.

— Нет, простое совпадение. Или мое шестое чувство. Впрочем, в шестое чувство ты не веришь.

Он улыбается:

— Не верю.

Подходит к шкафу, бесшумно выдвигает ящик

и вынимает ксерокопию страницы дарвиновских «Дневников»:

— Вот, пожалуйста.

Он кладет листок под одну из настольных ламп, так, чтобы оба могли взглянуть на текст.

— Это страница из дневника 1838 года. Дарвину тогда было 30 лет. После путешествия на «Бигле» прошло два года. На горизонте маячит идея эволюции… Он убежден, что человек произошел от обезьяны, но идея пока не получила огласки, он прекрасно понимает, какой подымется шум. Он много думал тогда о смехе. Когда люди смеются, они обнажают передние зубы, как обезьяны. Он предполагает, что улыбкой макаки передают информацию о найденной пище своим сородичам. — Ральф проводит пальцем по цитате и читает ее вслух: — «Этот момент очень важен: улыбка обращается в смех, смех переходит в лай. Звуки лая сигнализируют другим животным о хороших новостях, о добыче… Без сомнения, происходит из стремления животного получить помощь»… Потом он задумывается над природой плача и говорит: «А плач — головоломка».

— *Sunt lacrimae rerum,* — говорит Хелен.

— Латынь я что-то приподзабыл.

— «Есть слезы вещей». Вергилий. Фраза почти

непереводимая, но легко догадаться, что она означает. Тоже что-то вроде плача-головоломки.

— На самом деле, смех — тоже загадка, — говорит Ральф. — Объяснение Дарвина вовсе не исчерпывающее.

— А можно создать робота, который реагировал бы смехом на шутки другого робота? — спрашивает Хелен.

— Это непросто. Но, наверное, возможно.

— Я не верю в то, что роботу может быть смешно… радостно, грустно или скучно, — говорит Хелен.

— Скучно? — Ральф улыбается, словно он никогда раньше об этом не задумывался.

— Да, если бы мой лэптоп был человеком, он бы ужасно скучал — ведь я пользуюсь только текстовым процессором, а это меньше десяти процентов его возможностей. Однако он не возражает.

— Совершенно верно, — говорит Ральф. — Поэтому компьютеры облегчают человечеству жизнь. Благодаря им мы упраздним скуку. Зачем же тогда нужно создавать скуку искусственно? Скука же неотъемлемая часть нашей природы, нет?

— Возможно. Во всяком случае, счастье и грусть — наверняка. Никогда не поверю, что робот об-

ладает сознанием, пока не увижу, как он плачет, хмурится или смеется.

— Может, долго ждать и не придется. Компьютеры чрезвычайно быстро развиваются.

— Да, я недавно слышала тебя по радио, — говорит Хелен.

Ральф доволен:

— И это сущая правда. Твой маленький лэптоп, вероятно, обладает таким же количеством памяти, как первая ЭВМ, установленная в нашем университете. В те времена один мегабайт памяти стоил полмиллиона. Теперь же он стоит около двух фунтов.

— Но чтобы понять шутку не нужны мегабайты памяти, — возражает Хелен. — Даже младенец способен отличить смешное от грустного. Стоит скорчить ему рожицу.

— Верно. Но я сейчас размышляю над тем, как определить логическую структуру ситуаций, которые считаются смешными, и выстроить из них некую конструкцию. Компьютер, к примеру, мог бы обработать миллионы шуток и, в конце концов, выявить механизм смешного. Я говорил, что тебе очень идет это платье?

— Нет, спасибо, — говорит Хелен. — Может, вернемся на вечеринку?

— Пошли. Возьми это с собой. — Он сгибает листок и кладет его в конверт.

— Спасибо.

— Спасибо за подарок. Могу ли я рассчитывать на поцелуй?

— Нет, не думаю, — отвечает Хелен.

— В прошлый раз не понравилось?

Хелен молчит.

— Я не собираюсь спать с тобой, Ральф, — медленно говорит она.

Он широко раскрывает глаза, разводит руками и ухмыляется:

— Да кто тебе об этом говорит? Я имел в виду обычный дружеский поцелуй.

— Неужели? — Она вызывающе смотрит на него. — Ты хочешь сказать, что не собирался идти дальше?

Он смотрит на нее, чуть приоткрыв рот, потом смеется:

— Ну, все мужчины думают об этом, когда сталкиваются с привлекательными женщинами. Однако их мысли далеко не всегда материализуются.

— А разве мысль о поцелуе не материализовалась?

— Ну и что из этого? Ведь есть разные виды

поцелуев. Страстные и просто… дружеские. — Он улыбается. — *Qualia* поцелуя бесконечно разнообразны.

— Ну, тебе виднее. Ты проводишь широкомасштабные исследования.

Ральф перестает улыбаться.

— Ты о чем?

— Да так, просто.

— Нет, рассказывай.

Хелен смотрит в сторону, потом снова на Ральфа.

— Я случайно увидела тебя с Марианной на том обеде… на кухне… Я просто вышла в сад и не собиралась за вами подсматривать…

— Я не сплю с Марианной, — говорит Ральф.

— Это не мое дело. Зря я об этом сказала. Пойдем вниз?

— Мы просто дурачились. То была игра, в которую мы раньше играли. «На слабо?» И она уже окончена.

— Это не мое дело. — Хелен идет к двери. — Я спускаюсь.

— Постой. — Он выключает настольную лампу и торшер. — Надеюсь, это не значит, что мы не можем быть друзьями?

— Напротив. Это просто гарантия того, что я

буду дружить с вами обоими.

— Вот и отлично. — Он догоняет ее у двери. — Но ты же не… ты не станешь рассказывать об этом Кэрри? Извини, — добавляет он, поймав на себе слегка презрительный взгляд Хелен.

Хелен выходит из комнаты. Ральф выключает верхний свет и закрывает за собой дверь. Они спускаются к людскому гомону.

14

Понедельник, 17 марта. Еще один выходной прошел в рабстве у Мессенджеров.

Мы заранее договорились, что я останусь у них ночевать, чтобы можно было пить, сколько влезет, и не думать о том, как я поеду домой. Я немного смущалась, когда стояла за спиной у Ральфа и Кэрри и провожала гостей, словно член их семьи. «Удочерили», — как сказал Джаспер Ричмонд. Меня его замечание неприятно удивило, но он просто злобный сплетник, слова которого не следует принимать всерьез. Если Кэрри так добра ко мне только потому, что хочет избежать нашего с Ральфом флирта, то ее стратегия мне кажется слишком неосторожной. Ведь умудрился же он поцеловать меня и мечтал продолжить в субботу, только я ему не позволила.

Когда последние гости разошлись, я помогла собрать тарелки и бокалы, забытые в разных комнатах, и мы оставили их на кухне для приходящей по утрам горничной. Кэрри приготовила нам троим на сон грядущий (дети уже разбрелись по своим комнатам и спали или смотрели

телевизор) мексиканский горячий шоколад с бренди и чили. Мы посидели за кухонным столом, отхлебывая эту смесь, поболтали о достойных моментах вечеринки, а потом отправились на боковую.

Спальня для гостей все еще пахла духами и косметикой недавних гостей. Я открыла окно, чтобы проветрить перед сном. И заперла дверь. Зачем? Может, боялась, что Ральф прокрадется ко мне ночью? Бред, конечно, но я еще долго думала об этом, переворачиваясь с боку на бок под пуховым одеялом (этот мексиканский напиток оказывает скорее возбуждающее, чем снотворное действие). Я лежала и думала о том, как бы поступила, если бы дверь осталась незапертой и он проскользнул в мою постель? Допустим, Кэрри приняла снотворное и крепко уснула, а Ральф оставил ее в постели одну и залез ко мне под одеяло? Что мне делать: кричать и сопротивляться? Разбудить Кэрри и детей, поднять на уши весь дом? Конечно, нет. Устроить Ральфу сцену оскорбленного достоинства и уехать домой на такси посреди ночи? Нет. Так как бы я себя повела? Стала бы протестовать и уговаривать его шепотом: «Ты что, с ума сошел? Убирайся из моей постели сейчас же или я… или я…» Что — я? «Или

я не буду с тобой разговаривать». Детский лепет. Так что, разрешить ему? Нет, конечно. И мне все равно интересно, не является ли эта цепочка мыслей вариантом тех женских мазохистских фантазий, о которых твердят психологи, о желании женщины предаться сексу, не думая ни о каких моральных принципах. А иначе зачем бы я прокручивала в голове все эти сценарии? Я не хочу заводить роман с Мессенджером только потому, что не желаю быть одной из участниц его многочисленных похождений, а вовсе не потому, что не нахожу его привлекательным. Этого у него не отнять, увы.

Мысленно возвращаясь к нашему разговору в его кабинете, я жалею о том, что сказала прямо: «Я не собираюсь спать с тобой, Ральф». Получилось, что я подозреваю его в этих намерениях. Но теперь *он*, возможно, уже подозревает *меня* саму в этих намерениях и темных мыслях, которые мне следовало бы держать при себе. Ко всему прочему, я сдуру проговорилась, что видела, как он целовался с Марианной Ричмонд — должно быть, я к тому моменту уже изрядно напилась, и у меня развязался язык. Как только эти слова сорвались у меня с губ, я пожалела, что произнесла их. Похоже, он скорее испугался, чем рассердился,

а затем обрел привычное хладнокровие.

Когда я вспомнила об этом на следующее утро, мне стало неловко, и я долго одевалась и умывалась, прежде чем спуститься к завтраку. К счастью, я прихватила с собой джинсы и свитер, так что не пришлось появляться в вечернем платье среди Мессенджеров в дезабилье. Кэрри вышла в халате, волосы спутаны, а лицо блестело от увлажняющего крема. На Ральфе — футболка с надписью «Калтекс» и спортивные штаны. Дети сидели за длинным кухонным столом в пижамах. Они ели вафли с кленовым сиропом — наверное, их традиционный воскресный завтрак. Ральф дружелюбно поздоровался без малейшего намека на вчерашнее, а Кэрри поставила передо мной свежевыжатый апельсиновый сок и кофе.

Она предложила мне провести еще один денек в Подковах. Я ждала этого предложения и заранее подготовила вежливый отказ, решив сослаться на то, что дома меня ждет груда рукописей студентов. Однако вдруг слабовольно изменила свое решение и согласилась. Утро было таким свежим и чистым, что я предпочла провести этот день за городом, чем ужинать в одиночестве перед телевизором в своей «мезонетке».

Поэтому я осталась у гостеприимных Мес-

сенджеров еще на один день, помогла Кэрри готовить овощи для ланча, позанималась с Эмили французским и поиграла в «Счастливый случай» с младшими детьми, а Ральф тем временем засел у себя в кабинете с книгой, на которую он пишет рецензию. Я чувствовала себя персонажем романа девятнадцатого века: гувернанткой при богатом семействе, которая пользуется всеми благами, что хозяева предоставляют ей в обмен на услуги. Именно в этой роли я себя чувствовала, но меня это устраивало.

Когда пришло время джакузи, я отказалась, но не очень решительно. Небо затянуло тучами, и пошел небольшой снег. Перспектива посидеть под снегопадом в горячей ванне показалась мне восхитительной, но я не захватила с собой купальный костюм. Ральф бесцеремонно предложил мне залезть в ванну в нижнем белье, а потом положить его в сушилку. Кэрри принесла большую футболку и шорты Эмили, которые мне вполне подошли — практично и не чересчур соблазнительно. Как в сказке: я лежала и смотрела на снежинки, которые темнели на фоне неба, а затем светлели, достигая уровня глаз, и, наконец, таяли в горячей воде. Когда мы вышли из ванной и вернулись в дом, следы наших горячих ступней

отпечатались на тонком слое свежего снега. На сей раз я не оставалась с Ральфом наедине.

У меня появились новые соседи: в дом рядом въехала молодая пара. Вернувшись вчера из Подков, я заметила машину во дворе, а за шторами горел свет. Сегодня утром увидела, как они вдвоем совершают утреннюю пробежку, и вышла познакомиться. Запыхавшись от бега, молодые люди сказали, что их зовут Росс и Джеки. Его недавно назначили лектором на факультете спортивных наук, чтобы это ни значило, а она — психотерапевт и надеется найти работу в одной из частных клиник Челтнема или Глостера. Я пригласила их на чашку кофе, но Росс сказал, что им «уже поздно». Тогда я пошутила: «Зато мне бегать слишком рано». Они не отреагировали никак. Но когда Росс сказал, что им лучше пойти принять душ, Джеки прыснула со смеху, словно он неприлично пошутил. У меня сложилось впечатление, что Джеки и Росс давно не были вместе. От них исходит очарование медового месяца. Росс обнимал ее за талию, пока мы разговаривали, а когда они пошли принимать душ — наверняка вместе, — нежно хлопнул по попке. Боюсь, они не станут моими близкими приятелями.

Сегодня утром видела в библиотеке Аннабель Ривердейл. Она дежурила за стойкой выдачи книг. Встревоженно глянула на меня, когда я проходила мимо, и я поздоровалась.

— Боюсь, в воскресенье я опозорилась, — сказала она.

— Не берите в голову, по-моему, никто не заметил, — сказала я.

— Колин заметил, — угрюмо продолжала она. — На вечеринках я обычно нервничаю и поэтому слишком много пью. — Она пристально посмотрела на меня. — Не обращайте внимания на то, что я говорю во хмелю.

— Я даже не помню, о чем вы говорили, — не задумываясь ответила я. Она подарила мне благодарную и смущенную улыбку.

Среда, 19 марта. Студенты сдали мне вчера сочинения про колористку Мэри. Есть несколько удачных работ. Сандра Пикеринг написала удивительное подражание Фэй Уэлдон. Однако продолжение своего романа так и не принесла, сославшись на то, что роман требует доработки. Подозреваю, она просто пытается сделать своего Аластэра менее похожим на моего Себастьяна, и, вероятно, это удается ей с трудом. Я по-прежнему думаю, что она читала «Глаз бури» сразу

после публикации и неосознанно заимствовала множество деталей. На Рождество, узнав о моем приезде, она перечитала роман и все поняла. Если бы она призналась мне в этом, я бы ей чем-нибудь помогла.

Я не часто вижу своих соседей, но порой слышу, как они смеются и визжат за стенкой, как топочут вверх и вниз по лестнице. Иногда внезапно затихают — наверное, их шумные игры переходят в траханье. Представляю, как Росс ловит Джеки на ступеньках, стягивает с нее тренировочные штаны и непристойно берет ее. Однажды я даже приложила ухо к стене, но вместо их страстных стонов услыхала лишь стук собственного сердца.

15

У Мэри был барашек… проверка… Сейчас 9.10 утра, понедельник, 17 марта, я еду на работу. Большая пробка на внутреннем кольце, дорожные работы плюс дождь. Вынимаю диктофон… это уже входит в привычку… Как ведение дневника, хоть я его никогда не вел, лень записывать, диктовать на «Войс-мастер» намного проще… А может, просто возрастное: начинаешь понимать, что тебе есть что сказать, и хочется зафиксировать мысли, пока не улетучились. Клетки мозга распадаются, нервные импульсы замедляются, и все меньше новых идей приходит в голову… Забывается даже то, что когда-то знал. Тратишь часы и дни на то, чтобы сформулировать теорию или какой-либо аргумент, в конце концов, тебе это удается, и вдруг понимаешь — та же самая идея уже приходила тебе в голову несколько лет назад. Довольно веселая мыслительная цепочка для такого хмурого утра… Вечеринка… прошла… интересно. Марианна… да, я не жалею о том, что она прервала нашу игру, ведь игра стала слишком

рискованной. К тому же возникли *frottage*[5]… Я очень надеюсь, что этот… как его… Оливер будет помалкивать… или никто не обратит внимания на его болтовню. Значит, Марианна надевает паранджу, а Хелен не хочет занять ее место… Хотя… она мгновенно согласилась поехать с нами в Подковы на следующий день, и… боже мой, как она была хороша в ванне, в этом наряде: когда она встала, футболка прилипла к груди, а белые шорты просвечивали. Пока она поднималась вместе с остальными по лестнице, я не мог отвести глаз от ее задницы в мокрых шортах. Пришлось остаться в ванне, пока он не опустится… Я уверен, что сексуальное… [*запись прерывается*]

Сейчас 9.35, я стою на шоссе А-435, за голландским грузовиком, водитель которого скорее всего уже дрыхнет, поскольку тут нет ничего достойного внимания, даже кафе на колесах, один переполненный мусорный бак… Пришлось прервать запись, потому что я заметил мужика на переднем сиденье соседнего «мондео» — сидел на моем уровне и так пялился, что я мгновенно пришел в себя и перестал диктовать… странно, почему я сказал *«пришел в себя»*? Можно поду-

---

[5] Примечания: 5
Зд. трения (*фр.*).

мать, что все это время я был *не в себе*… На самом деле, это — самосознание второго порядка, или рефлективное самосознание… то есть мы осознаем, что нас воспринимают другие… нам кажется, что они как бы заглядывают в нас и видят наши потаенные мысли… Мне даже показалось, что этот хмырь умеет читать по губам, ему было так интересно… чуть шею не свернул, наблюдая затем, как я диктую… Я злобно глянул на него, и он отвернулся, но мне перехотелось продолжать запись… Дорога освободилась, я жму на газ…. У меня в запасе еще есть время, и можно записать мыслишку, пока она не улетучилась. Так вот, я собирался сказать, что искусственному разуму, наверное, трудно будет испытывать сексуальное влечение, хотя ученые об этом почти не задумываются… эта странная, присущая только человеку комбинация физического и ментального… гремучая смесь феромона с кровью и страсти с расчетом… «головоломка», как сказал бы Дарвин.

Вчера вечером после возвращения из Подков решил поискать ту пленку с Изабель Хочкисс… Обтянутая мокрой футболкой грудь Хелен (особенно выпирающие соски) напомнила мне грудь Изабель. Я не смог устоять и не послушать пленку,

записанную, когда мы занимались с ней сексом в отеле Сан-Диего. Мне хотелось не подрочить под нее, а снова ощутить давно забытый вкус страсти. Кэрри смотрела телевизор с детьми, какую-то мелодраму с лошадьми, каретами и кринолинами, не в моем вкусе… Я поднялся в кабинет и быстро нашел кассету. Надел наушники, на всякий случай, приглушил свет и растянулся в шезлонге… нажал на воспроизведение…

Это было лет восемь назад, и с тех пор я ни разу не слушал эту пленку… уже забыл, что там за чем идет… поэтому сначала запись меня разочаровала… возможно, диктофон лежал слишком далеко или ему мешала моя одежда. Изредка слышались вздохи, хихиканье, слабые стоны, но в основном — тишина и шорох, как в радиоприемнике… потом был разговор, но я не мог различить слов, только вопросительную и утвердительную интонации… я даже расстроился… Но вдруг наши голоса стали громче, и я все расслышал. Мы кричали друг другу «Еби меня!» и «Я люблю тебя» и, в конце концов, достигли просто вулканического оргазма. Изабель застонала, а я завыл «ДАААА!», и мы кончили одновременно. Потом кто-то настойчиво и громко постучал в стену, и мы беззаботно, ликующе расхохотались. Прослушивание записи

меня сильно возбудило. Весь эпизод всплыл в памяти, включая разговор, так невнятно звучавший на пленке…

То был предпоследний день конференции, мы оба защитили свои работы, их встретили весьма положительно. Голова кипела, в крови бурлил адреналин… нам не терпелось выпустить пар… немного отдыха и развлечений. Конференция проходила в одном из этих американских отелей с фонтанами, маленькими водопадами, зимним садом и экспресс-лифтами, в которых буквально врастаешь в пол из-за бешеной скорости… тысячи одинаковых комнат вдоль бесконечных коридоров… бесчисленные бары и рестораны. Все необходимое под рукой, и участникам конференции необязательно было даже на улицу выходить. К тому же, если добросовестно посещать все заседания, проходившие с девяти утра до десяти вечера, на это просто не оставалось времени… Мы с Изабель выпивали вместе с коллегами… может, я был в ударе или Изабель уже начала со мной заигрывать, но она кивала и смеялась каждому моему слову… я подошел поближе, и когда все пошли на ужин, вертя в руках свои талоны, я предложил Изабель пропустить вечернее заседание и поужинать где-нибудь в другом месте

для разнообразия. Она согласилась с восторгом и вышла, по ее словам, «припудрить нос». Через десять минут мы встретились в прохладном коридоре и вышли в душную калифорнийскую ночь, радуясь, словно сбежавшие с урока школьники. Я попросил водителя отвезти нас в лучший мексиканский ресторан, который сначала показался нам притоном местной мафии, но местом был просто восхитительным. Мы ели острые блюда: «буррито», «энчилады» и «чимичанги», с которых капали сальса и сметана, — и запивали крепким калифорнийским вином. Вторая бутылка была лишней, но благодаря ей Изабель стала раскованнее. Сначала мы болтали на профессиональные темы, но постепенно разговор принял более личный характер. Ей тогда было тридцать с небольшим, и я не назвал бы ее красавицей. Немного лошадиное лицо, очки в роговой оправе и волосы, собранные на затылке в такой тугой узел, что при виде него у меня разболелась голова… Вначале я не собирался соблазнять ее — просто хотелось провести время в приятной компании, а она подвернулась. Но после второй бутылки я неосторожно обмолвился насчет ее прически, она тут же что-то сделала со своим узлом на затылке, и блестящие длинные волосы,

высвободившись, упали ей на плечи. Она сразу стала в сто раз женственнее и желаннее. Сигнал был достаточно красноречивым.

Она была адъюнкт-профессором в Иллинойском университете, с мужем развелась, он работал с ней на одном факультете нейробиологии… по ее словам, они разошлись, потому что у нее была земельная собственность, а у него — нет, и он не мог с этим смириться. У них был один ребенок, и во время этой конференции муженек как раз присматривал за ним. Я спросил, есть ли у нее кто-нибудь, и она ответила, что с тех пор подозрительно относится к длительным отношениям…

— Ничем не хочу себя связывать. — Она посмотрела на меня хмельным взглядом из-под ниспадавших на глаза волос. — Я ищу только встречи на одну ночь, физически приятной и эмоционально пустой.

— Ну, это не проблема, — сказал я, уже начиная распаляться. Во мне проснулся «синдром Марты» — возможность доставить наслаждение зрелой женщине, которой только этого и надо. Я поймал взгляд официанта и жестом попросил его принести чек.

Мы обнимались в машине по пути в отель, а потом в лифте, поднимаясь в ее комнату на

двадцать восьмом этаже… Как только за нами закрылась дверь, начали срывать друг с друга одежду и, обнявшись, пошли к кровати, но ей нужно было сначала в ванную, и пока она была там, я успел спрятать диктофон под одеждой. Когда она вернулась, мы легли в кровать и стали делать все, что только могли придумать: сосали, лизали, трогали, трахались… поначалу я гордился тем, как долго могу не кончать, но потом стал опасаться, что не кончу вообще… вторая бутылка явно была лишней… между тем Изабель вздыхала, постанывала, но тоже не подавала признаков приближения оргазма… я спросил ее об этом как можно деликатнее, приподнявшись над ней на локтях…

— Боюсь, я ошиблась, — сказала она. — Ты — прекрасный любовник, Ральф, но, по-моему, я не создана для случайных связей. — Она замолчала на мгновенье. — Если ты скажешь, что любишь меня, может, будет лучше. Соври, если сможешь.

— Конечно же, я люблю тебя, — сказал я честно, без всякой задней мысли, и сразу же почувствовал, как по ее телу пробежала дрожь.

— Ох господи, — простонала она.

— Я люблю тебя и люблю ебать тебя, — сказал я, двигаясь в такт словам.

— Мне нравится, когда ты ебешь меня, — сказала она.

— Я люблю тебя, и мне нравится, как ты говоришь это, — сказал я. Мы продолжали в том же духе, пока не достигли оргазма одновременно, и в этот момент в стену яростно застучали соседи.

Я еще раз прослушал кассету и получил еще большее удовольствие… Страшно возбудился… Пошел искать Кэрри… Эмили и Марк, смотревшие телевизор в гостиной, сказали мне, что она уже отправилась спать… Я поспешил наверх… К счастью, она еще не уснула, лежала в кровати с книгой… Я почистил зубы, скользнул голый под одеяло и положил ей руку на живот.

— Чего тебе надо, Мессенджер? — спросила она.

— А ты как думаешь? — ответил я вопросом на вопрос, задирая ее ночную рубашку.

Она вздохнула и отложила книгу:

— Ладно, только не шуми, дети еще не спят.

— Да они и так знают, что мы занимаемся сексом, — сказал я.

— Все равно, — сказала она и сняла рубашку через голову. У нее такие чудные груди… читатели «Воскресного спорта» кончили бы себе в штаны, если бы только взглянули на них. Я влез

на нее сверху, вошел в нее и поплыл. В последнее время заниматься любовью с Кэрри — все равно что оттопыривать детский надувной замок, но я усердно трудился, и через некоторое время она начала отзываться, привычно мяукая и подвывая.

— Скажи «еби меня», — попросил я.

— Тише ты… Еби меня, — прошептала она.

— Громче, не верю, — сказал я. Она молчала.

— Я люблю тебя, — сказал я. Ее глаза расширились от удивления. Я давно не говорил ей этого.

— Я тоже люблю тебя, Мессенджер, — сказала она.

— А теперь громко скажи «еби меня», — попросил я опять. Но она не захотела. Я закрыл глаза и попытался вспомнить об Изабель. Но почему-то вспомнил о Хелен Рид, ее мокрой футболке и прилипших к телу шортах. Как я уже говорил, похоть — головоломка.

16

Мэри выходит

Она, Мэри Уиллингтон, сидела в серой прихожей без окон — такой же серой, как и все остальные комнаты ее большой подземной квартиры. Она сложила руки на коленях, обтянутых серой сержевой юбкой, и смотрела на секундную стрелку вмурованных в стену черных часов. Когда стрелка пройдет римскую цифру одиннадцать, обгонит минутную, а затем одолеет еще пять минутных делений, часы звонко и торжественно пробьют семь раз. Обычно в это время обитая черным дерматином дверь, ведущая в темный коридор, который заканчивался другой дверью, бесшумно приоткрывалась, и в комнату входил учитель.

Сегодня он наверняка будет одет в свой обычный черный костюм, начищенные черные ботинки, белую рубашку и серый галстук. Но на сей раз на его лице не будет тускло-стальной маски, скрывающей цвет его глаз и губ. Обычно видна только его густая черная борода и бакенбарды. Возможно даже, на его руках не будет

черных перчаток из тончайшей лайки.

Продолжая сидеть в обманчивом спокойствии, Мэри глянула на собственные руки, обтянутые искусственной кожей, которую ей разрешалось снимать лишь ночью, в полной темноте, с помощью слепой горничной Люси. Так она не могла бы случайно заметить жемчужно-розовые (она об этом знала), полупрозрачные пластинки, покрывающие кончики ее пальцев.

Скоро, уже очень скоро увидит она свои ногти и многие другие вещи. Она сможет не только увидеть цвет, но и дотронуться до него, почувствовать его. Возьмет профессора Хьюберта Диринга за руку — голую руку, хотя «голая» — конечно, неточное слово, равно как и «обнаженная» или «неодетая». Она остановилась на выражении: «лишенная обычной кожаной оболочки». Но не успела придумать другие подходящие этому явлению слова, как щеки ее покраснели. Она понимала, что покраснение щек вызвано приливом крови к сосудам, однако видимые последствия этого феномена она знала лишь теоретически. В ее комнате не было ни единого зеркала, ни одной отражающей поверхности, и даже поверхность маски профессора Диринга зачистили так, чтобы наша героиня не углядела даже искаженного

отражения своего лица.

Интересно, она симпатичная? А может, она красавица? Мэри надеялась, что она не совсем уж дурнушка… хотя бы ради профессора, которому приходилось по долгу службы проводить с ней так много времени. Она не могла спросить об этом ни бедняжку Люси, ни тем более мисс Кэлкатт, которая присматривала за ней в дневные часы, при свете электрической лампы. И она скорее умерла бы, нежели спросила об этом самого Хьюберта Диринга — от одной такой мысли Мэри снова покраснела. Обычно он хвалил ее ум, усердие и способности к наукам. Однажды, когда ей было четырнадцать, он даже сказал ей: «Ты — замечательная девочка», — и она записала это в дневник. Однако он умышленно избегал упоминаний о ее внешности, возможно, боясь пробудить женское любопытство и вызвать расспросы о цвете глаз, волос и губ. А вдруг она не выдержит, раздобудет где-нибудь осколок зеркала и испортит весь эксперимент? «Об этом можно было и не беспокоиться», — подумала Мэри, распрямляя спину и потягиваясь. Минутная стрелка продвинулась еще на один сантиметр.

Со своей стороны, она считала Хьюберта Диринга очень мужественным человеком и часто

рассматривала его черно-белые фотографии. Как же ей не терпелось увидеть его, наконец, во плоти!.. Нашей молодой героине казалось, что ее изголодавшиеся по цвету глаза должны вначале увидеть лицо того великого человека, который воспитывал и учил ее много лет. Его губы скрыты под бородой и усами, и, значит, она первым делом посмотрит ему в глаза. Интересно, они у него коричневые или серые? Только не серые — она уже достаточно насмотрелась на серый цвет! В ее воображении они были карими, потому что слово «карий» ассоциировалось с тембром его голоса. Но как выглядит коричневый? Скоро она об этом узнает.

А вдруг не узнает? Она вспомнила нервную дрожь, что недавно охватила все ее тело, когда он сказал:

— Знаешь, а ты ведь можешь ничего и не увидеть.

— Ничего? — переспросила она.

— Я имею в виду цвет. Есть вероятность, что после такого долгого пребывания в монохромном мире… — Он не договорил, позволяя ей самой продолжить фразу.

— То есть может так случиться, что я уже стала дальтоником? — заключила она.

Он смотрел на свои перчатки, сильнее натягивая их на пальцы:

— Да, такая вероятность есть. Если это случится, сумеешь ли ты простить меня?

— Но ведь я даже в этом случае по-прежнему буду представлять интерес для медицинской науки? — храбро сказала она. — Это станет моим вознаграждением.

— Ты — прелесть, — сказал он просто, и все ее тело дрожью отозвалось на эти слова. — Я просто решил заранее подготовить тебя к худшему. Это мой долг. На самом же деле, я уверен, что завтрашний день будет счастливейшим в твоей жизни.

— Я тоже так думаю, — сказала она.

И вот этот день настал вместе с рассветной зарей (интересно, а как выглядит эта заря?), и час близился к одиннадцати. Минутная стрелка подступала к двенадцати. Часы начали бить. Но сердце Мэри стучало громче — оно всегда трепетало от сильных чувств. Она услышала, как отодвинули засовы дальней двери. Она поднялась и невольно поднесла руку в перчатке к груди.

Дверь распахнулась, и, улыбаясь в бороду, на пороге появился профессор Хьюберт Диринг.

— Ну, дорогая моя, ты готова к счастливому потрясению?

Мертвенно побледнев, Мэри вперила в него взор. Она не смотрела на его губы, обрамленные бородой и усами, не смотрела в его темно-карие глаза. Ее взгляд был прикован к самому яркому пятну на отвороте его пиджака. В петлицу был вставлен бутон розы, сорванный утром в саду, — ярко-красный бутон с несколькими зелеными листьями на стебле. Профессор перехватил ее взгляд и самодовольно ткнул пальцем в цветок.

— Это… — начал он, но продолжить не успел. Ноги у Мэри подкосились, и она рухнула к ею ногам.

— Мэри! — в ужасе вскрикнул Диринг. Он быстро опустился перед ней на колени, пощупал пульс, расшнуровал платье, ослабил тугие завязки корсета и приложил ухо к груди. Но все напрасно. Девушка была бездыханна. Ярко-красный цвет вонзился ей в мозг, словно стрела, и нежное сердце остановилось, не выдержав столь сильного ощущения.

Роза для Мэри

Это история о том, как Мэри впервые увидела цвет. Она увидела цвет уже молодой женщиной,

потому что в отличие от нас с вами ни разу не видела его в детстве. Никто точно не знает, когда ребенок начинает различать цвета, но дети их видят, хоть и не могут нам об этом сказать. Потом они учат их названия и одним из первых запоминают слово «красный».

Мэри выучила названия цветов в детстве, но не видела их, потому что ей их не показывали: она видела только черный, белый и все оттенки серого. Названия цветов не имели для нее того же значения, которое имели для нас, когда мы их учили. Для нее «зеленый» и «синий» были пустыми, иностранными словами, лишенными смысла. Ей не разрешали играть цветными кубиками, мячами или другими цветными игрушками, рисовать цветными карандашами, читать книги с цветными картинками. Она жила под землей, в доме, где ее окружали только черные, белые и серые предметы. Вокруг нее не было зеркал, она не видела цвета своих губ и глаз. Она носила черно-серо-белую одежду круглые сутки. Эта одежда закрывала все ее тело. Она не выходила на улицу и, следовательно, не могла видеть зеленую лужайку, синее небо или радугу. Мэри подрастала и все больше узнавала о разных цветах, вот только цветных вещей ей не

показывали. И все — для того, чтобы посмотреть, что случится с человеком, который будет знать о цветах все, кроме того, какие они на самом деле. Что почувствует этот человек, когда, наконец, увидит цвет, подобно Мэри в тот день, о котором я и собираюсь вам рассказать.

Сначала Мэри пыталась представить себе разные цвета, просто думая о них. В детстве она произносила названия «зеленый» или «синий» вслух, пытаясь по звучанию догадаться о цвете. Повзрослев, она обнаружила, что на разных языках названия цветов звучат по-разному, например, «желтый» по-французски звучит *jaune,* по-немецки — *gelb,* а по-польски — *żolty,* но один и тот же предмет желтого цвета (например, лимон или кусок масла) англичанам, французам, немцам и полякам кажется одинаковым. Таким образом, различать цвета по звучанию было невозможно. Тогда Мэри стала изучать такие фразы, как, например, «покраснеть от стыда» или «позеленеть от злости» и пытаться вызвать в себе эти чувства, одновременно представляя тот или иной цвет и отгоняя от себя серый и черный, но у нее ничего не получалось. В книгах еще писали о том, что иногда люди синеют от холода или зеленеют, если их долго тошнит. В конце концов, она

пришла к выводу, что человеческие мысли и состояния тела невозможно определить по цвету.

Что же такое цвет? Очень странная вещь, разновидность света, однако свет включает в себя все цвета радуги. Получается, что цвет — частичка света. Волны света, отражающиеся от различных объектов, проникающие в наш глаз и посылающие определенные сигналы в мозг. На уроках Мэри узнала о том, что у разных цветов волны бывают разной длины и частоты. Она узнала об определенных клетках нашего глаза, которые принимают эти различные волны, и о том, что некоторые люди не воспринимают некоторых цветов из-за отсутствия у них полного спектра рецепторных клеток. Она узнала о различных случаях дальтонизма: о дейтеранопии, протанопии и тританопии, однако сама она ни разу не видела ни одного цвета. Ей рассказывали о цвете с помощью чертежей мелом на доске и черно-белых иллюстраций в книгах.

И настал великий день, когда Мэри выпустили из ее подземного дома и позволили впервые увидеть свет. Можете вообразить себе ее волнение. Но философы и ученые, научившие ее всему, волновались не меньше: они должны были по-

лучить ответы на все вопросы, которые им давно не давали покоя и о которых они часто спорили между собой. Например: «Что значит увидеть цвет в первый раз?» Ведь мы не можем спросить младенца, что он чувствует, когда впервые видит цвет, а Мэри могла все об этом рассказать. Что такое цвет? Существует ли он сам по себе или только в голове воспринимающего? Можно ли представить себе цвет, не видя его, или нужно сначала увидеть, а уж потом представлять? Одинаково люди воспринимают цвет или он разный для каждого человека? Сможет ли Мэри, знающая о цвете все, сразу же определить первый увиденный ею цвет с помощью спектрофотометра или ученым придется сначала назвать его? Много других вопросов ученые собирались задать Мэри в тот знаменательный день, о котором я хочу вам рассказать.

Ученые долго спорили о том, какой цвет выбрать, потому что они, конечно, не собирались показывать ей все цвета сразу, опасаясь, что впечатление может оказаться слишком сильным и она просто растеряется. Чтобы ее реакцию можно было контролировать, решено было показать ей сначала красную розу. Красную, потому что это один из основных цветов, если не считать

черного и белого. Во всех языках есть слово «красный», но не во всех языках найдутся слова для всех остальных цветов. Решили остановиться на розе, а не на красном кирпиче или флаге, потому что роза — естественный объект, красный от природы.

Итак, Мэри впервые вышла из своего подземного жилища, держа в руках спектрофотометр, — но не на открытый воздух, а в другое помещение без окон, но с белым светом. В бледно-серых стенах проделали отверстия для наблюдения. Через них философы могли задавать Мэри вопросы. В середине комнаты, на небольшом постаменте, стоял единственный предмет — распустившийся бутон алой розы.

Мэри уронила спектрофотометр на пол и подошла к цветку.

— Что ты видишь, Мэри? — спросил ее главный философ, а остальные затаили дыхание.

— Розу, — ответила Мэри. Она знала это, потому что видела черно-белые рисунки и фотографии роз в ботанических учебниках. Но никогда не видела настоящей трехмерной розы, не держала в руках и не нюхала ее. Осторожно, двумя пальцами, она взяла розу, погладила лепестки и зарылась в них носом. Мэри вдыхала аромат и,

казалось, испытывала неземное блаженство.

— Мэри, какого цвета роза? — спросил главный философ, а остальные вновь затаили дыханье.

— Не знаю, — сказала Мэри. — Мне все равно.

— Все равно? — хором воскликнули ученые и философы.

— Да, мне все равно, какого она цвета. Роза есть роза есть роза есть роза.

Красная пелена Мэри

— Сегодня великий день, Дикинсон! — Профессор Горацио Стигвуд с нетерпением потирает вечно холодные руки. Под его лабораторным халатом, словно в подтверждение, виднеется ярко-красный галстук.

— Да уж, — угрюмо отвечает профессор Джайлз Дикинсон. Двое мужчин ждут лифта, чтобы отправиться на девятый этаж Центра по изучению сознания в Научном парке аэропорта Стэнстед, в этот ясный и ветреный апрельский день 2031 года.

— Не хотите поднять ставку? — спрашивает Стигвуд.

— Нет.

— Мрачные предчувствия одолели? — говорит Стигвуд, сухо улыбаясь тонкими губами.

— Я не люблю пари, особенно когда речь идет о научном эксперименте. Вы втянули меня в него против моей воли.

Раздается электронный *динь,* двери лифта открываются, и двое мужчин входят в кабину.

— Если хотите, можете отказаться от пари, — говорит Стигвуд.

— Нет, пусть все остается как есть. Все равно я уверен в исходе эксперимента.

Лифт замедляет ход и останавливается на четвертом этаже. Дикинсон подходит к двери.

— Увидимся в комнате для наблюдений в одиннадцать, — говорит Стигвуд.

— В одиннадцать, — подтверждает Дикинсон и выходит из лифта, не оборачиваясь.

О, чудный мир научных исследований! Какое терпение, какая преданность и какое внимание к деталям! Тридцать один год томилась Мэри Икс в своей подземной камере (экспериментаторы предпочитают называть это место «апартаментами»). Из больницы новорожденного младенца с завязанными глазами (чтобы в еще не развившуюся оптическую систему мозга не успел проникнуть цвет) сразу же отправили в это место. Ее воспитывали и учили наставники, с ног до головы облаченные в черно-белые одежды. Она

узнавала о внешнем мире через специальные машины, воспроизводящие виртуальную реальность в монохромном режиме. Физиологию и неврологию ей заочно преподавали нобелевские лауреаты, обладающие знаниями о новейших открытиях в феноменологии восприятия цвета. Она узнала все о цветах, не видя ни одного из них. Все цветные иллюстрации в ее книгах и учебниках были заменены черно-белыми. В комнатах не было ни одного зеркала или иных поверхностей, где она могла бы увидеть свое отражение. Так случилось, что у нее самой — черные волосы, пухлые алые губы и синие глаза. Очень красивая девушка, хоть и не знает об этом. Бедная Мэри, затворница Мэри, что растет в твоем саду? Серая травка да черный кустарник в мертвенно-белом цвету.

Однако скоро ее жизнь изменится. Эксперимент, начавшийся в 2000 году по гранту Фонда национальной лотереи «Новое тысячелетие», близится к концу. Решающий день настал. Мэри скоро выпустят из ее долгого бесцветного заточения, и она утихомирит великие дебаты о *qualia.* Что такое восприятие цвета? Всего лишь электрохимическая реакция мозга (как утверждают такие специалисты-неврологи, как Стигвуд) или (по

утверждениям таких философов, как Дикинсон) непостижимый, субъективный опыт индивидуума, взаимодействующего с окружающей средой? Несколько месяцев Стигвуд проводил искусственное стимулирование мозга Мэри электродами по образцам того, как воспринимают красный цвет клетки его собственного мозга, — об этом ему сообщили данные позитронной томографии и магнитно-резонансных исследований. Мэри реагировала на ощущение, которое должно было соответствовать восприятию красного цвета. Сегодняшний день должен прояснить, узнает ли Мэри красный цвет благодаря собственным ощущениям или нет. Итак, в одиннадцать часов Мэри войдет в белую комнату с единственным предметом — на стеклянном столе в прозрачной вазе будет стоять ярко-красная роза. Поймет ли Мэри, что эта роза — *красная*?

Без одной минуты одиннадцать Стигвуд и Дикинсон напряженно вытянулись за односторонним стеклом комнаты для наблюдений. Стигвуд смотрит на часы, кивает ассистенту, а тот нажимает на пульте кнопку. Медленно из люка в полу появляются голова и плечи Мэри. Вот и вся она восходит по спиральной лестнице из своей темницы. Озирается, моргает от яркого рассеян-

ного света и видит розу. Мэри ахает, хватается за сердце и осторожно, на цыпочках приближается, словно опасаясь спугнуть это неведомое живое существо. Ученые наблюдают за ней, едва дыша. Пари на какую-то жалкую сотню фунтов забыто. Теперь ставка — профессиональный триумф или провал.

— Мэри! — Стигвуд обращается к ней по громкой связи, и девушка подпрыгивает от неожиданности.

— Да? — Она оглядывается, пытаясь понять, где находятся говорящие. Мэри не знает, что непроницаемые стены комнаты сделаны из одностороннего стекла.

— Что ты видишь на столе?

— Розу.

— Какого она цвета?

Пауза. Самая долгая пауза в жизни двух ученых.

— Красного.

Стигвуд энергично ударяет кулаком по столу, Дикинсон потрясен. Он выхватывает микрофон из рук Стигвуда.

— Как ты узнала, Мэри? — спрашивает он.

— Это цвет крови.

— Крови? — Стигвуд удивлен. — Откуда ты

знаешь, какого цвета кровь?

Мэри краснеет.

— Об этом знает каждая женщина, — говорит она.

Стигвуд бьет себя кулаком по лбу:

— Черт возьми! Я совсем не подумал об этом.

— Вопрос остается открытым, — говорит Дикинсон со вздохом облегчения.

— Мэри, — говорит Стигвуд, — боюсь, что нам придется повторить этот же эксперимент с другим цветом. Вернись, пожалуйста, в свои апартаменты.

— Но вы сказали, что сегодня я выйду наружу!

— Это займет всего несколько месяцев.

Мэри вынимает розу из вазы, выливает воду на пол и разбивает вазу о край стола. Она подносит острый край горлышка к шее:

— Если вы, ублюдки, не выпустите меня сейчас же, я покажу вам цвет своей крови.

17

— Тебе нужен алгоритм самосохранения, — говорит Ральф Мессенджер. — Чтобы эффективно функционировать, мать должна любить себя не меньше, чем своих детей. Ты слушаешь меня? — Ральф дает инструкции Карлу — немецкому аспиранту Центра когнитивных исследований. Сегодня пятница, 21 марта. Карл кивает и записывает. Раздается телефонный звонок, Ральф берет трубку.

— Хелен! — восклицает он радостно и в то же время удивленно. — Подожди секундочку! — Он прикрывает трубку ладонью. — На сегодня все, Карл. Увидимся на следующей неделе в это же время, о'кей?

— Да, конечно, профессор Мессенджер. Спасибо. — Карл собирает свои бумаги и папки. Похоже, он как-то скис.

— Ты занят? Я перезвоню, — встревоженно говорит Хелен в самое ухо Ральфу.

— Нет-нет, все нормально.

Ральф дожидается, пока аспирант выйдет, и закрывает за ним дверь.

— Просто заканчиваю индивидуальное занятие. Чем могу служить?

— Я обратилась, как ты и советовал, в Центральную компьютерную службу университета. У Люси, кстати, в офисе действительно есть электронная почта…

— Отлично!

— Мне прислали письмо с паролем и множеством инструкций, которых я не понимаю.

— Ты где сейчас? — спрашивает Ральф.

— В «мезонетке» номер пять.

Он смеется:

— Это они его так называют?

— Нет, я.

— Тогда я забегу и установлю программу, — предлагает он.

— У тебя, наверное, дел невпроворот… Я просто подумала, что ты мог бы прислать кого-нибудь из своих ребят…

— Я заеду в обед. Тебе понадобится модем и программа. Какой у тебя компьютер?

— «Тошиба» что-то, сейчас посмотрю… «Сателлит-210». Мне не хотелось бы отнимать у тебя обеденное время.

— А в твоей «мезонетке» есть хлеб и сыр?

— Да…

— Тогда ты сможешь накормить меня обедом.

Небольшая пауза.

— Ну ладно, — говорит она.

В 12.45 Ральф стучит в дверь Хелен. Она открывает и проводит его из миниатюрной прихожей в гостиную. Он ставит на пол портфель и осматривает комнату.

— Я раньше не бывал в таких. Довольно уютно, правда? — говорит Ральф.

— Я сделала все, что было в моих силах. — Хелен показывает на какие-то фикусы, репродукции на стенах, а также яркие подушки и покрывала на диване и шезлонге. — Но свобода действий тут ограничена.

— Ты не покажешь мне дом?

— Да больше и показывать нечего. Открытая планировка.

— Но есть еще второй этаж, — говорит Ральф, подходя к лестнице.

— Там ничего особенного… Впрочем, если хочешь…

— Как член Ученого совета я обязан знать, в каких условиях живут наши сотрудники.

Хелен провожает его наверх по лестнице.

— Моя спальня. — Она отрывает дверь. Он переступает порог и осматривает небольшую

комнату с туалетным столиком, встроенным в стену шифоньером и двуспальной кроватью. В скошенной наружной стене — мансардное окошко. Кровать аккуратно прибрана, все шкафы и ящики закрыты. Личных вещей Хелен, кроме нескольких книг, не видно.

— Все очень аккуратно. Если бы здесь жил я, комната за неделю превратилась бы в бардак.

— Привычка, — говорит Хелен, пожимая плечами. Затем, показывая на соседнюю дверь: — Там туалет и ванная.

— Можно посмотреть?

Хелен открывает дверь ванной и, заметив свои трусики на полу под сушкой для полотенец, быстро поднимает их. Ральф улыбается, но от комментариев воздерживается.

— Экскурсия окончена, — говорит Хелен, бросая белье в цилиндрический контейнер с откидной крышкой, который служит одновременно корзиной для белья и стулом. Ральф разворачивается и спускается вслед за ней.

— Сначала пообедаешь или займешься почтой? — Хелен показывает одной рукой на стол, уже накрытый для ланча, а другой — на раскрытый лэптоп с мелькающей на экране заставкой.

— Давай сначала разберемся с почтой. А потом

уже расслабимся.

Он достает из портфеля модем и две дискеты и кладет их на стол.

— Мне нужно будет заплатить за это? — спрашивает она.

— Нет, программа бесплатная.

— А модем?

— Подарок Центра.

— Лучше я заплачу.

— Тогда у меня, точнее, у Стюарта Филлипса, возникнет куча проблем со счетом-фактурой.

Хелен сдается.

— Что ж, спасибо.

— Какой пароль они тебе дали?

Хелен смотрит в бумаги.

— «Высокий прыжок» — для подключения и «помада» — для доступа к почте.

— Хм. Хорошо.

— Хорошо?

— Легко запомнить.

— А какой у тебя?

— Для соединения он мне не нужен. У меня прямой доступ к сети, даже дома. А пароль к электронке я раскрывать не имею права.

— Ой, прости… — говорит Хелен, смутившись, а потом добавляет: — Но мой-то ты теперь знаешь.

— Иначе я не смог бы тебе все показать. А пароль ты сможешь сменить, когда угодно.

— В принципе мне все равно.

— Мой пароль — «рюкзак», — говорит он.

— Да мне это и не нужно знать. Мог бы и не говорить.

— Не хочу, чтобы ты решила, будто я тебе не доверяю, — сказал он.

— Помада, рюкзак… — Хелен задумалась. — Такое впечатление, что компьютерщики склонны к гендерным стереотипам.

— Нет, на самом деле, выбор совершенно случайный. У них есть списки слов, и они присваивают их все по порядку.

Он показывает ей, как входить в сеть университета, посылать и получать сообщения. Затем он вносит в ее адресную книгу адрес Люси и свой.

— Как лучше написать, Ральф или Мессенджер? — спрашивает он.

— Мессенджер, — подумав, отвечает Хелен.

Он помогает ей отправить сообщение Люси для проверки связи. Хелен нажимает на кнопку «отправить сообщение», и оно тотчас исчезает с экрана.

— Теоретически, письмо уже должно быть в Австралии, — говорит Ральф. — Но скорее всего

немного задержится в системе. Однако сегодня она его обязательно получит.

— Просто невероятно.

— И все это — за стоимость одного местного телефонного звонка. Кстати, сначала набирай все письмо целиком и только потом подключайся к сети. Так ты сэкономишь кучу денег. — Он показывает ей, как это делается.

— Большое спасибо. По-моему, для первого раза информации достаточно. Я пойду разогрею суп.

— Надеюсь, ты не слишком себя ради меня утруждала? Ведь я говорил только о хлебе и сыре.

— Ну, да. А еще паштет и зеленый салат.

— И суп.

— И суп. Пока он греется, можешь взглянуть на новые сочинения моих студентов. — Хелен протягивает ему три лучшие работы о Мэри.

Ральф садится в шезлонг и читает рукописи. Время от времени фыркает от смеха, а Хелен тем временем бегает из кухни к столу и обратно.

— Видишь, какой полезной оказалась для тебя панорама Каринти.

— Для студентов тоже. Их работы произвели на меня большое впечатление. Некоторые ребята даже изучили научную сторону вопроса — осо-

бенно эти трое.

— Да, в некоторой степени. Правда, их работы — чистая фантазия, — говорит Ральф.

— Разумеется, но ведь изначальный эксперимент над мышлением тоже был фантазией.

— Да, но там речь шла о серьезной философской проблеме, а здесь и близко этого нет.

— Но этого и не требовалось. Я их не просила об этом, — говорит Хелен. — Они используют историю Мэри для того, чтобы взглянуть под необычным углом на те вещи, которые мы обычно принимаем как должное. Например, на восприятие цвета. Этим занимается хорошая литература. Кроме того, у них получились довольно мастерские литературные стилизации…

— Да, я узнал отдаленное сходство с Генри Джеймсом… А в конце было что-то похожее на Гертруду Стайн… Написано неплохо, согласен, но все они превращают науку в какую-то дьявольщину. Ты обратила внимание? В каждой работе ученые выступают в роли плохих парней — они эксплуатируют и мучают бедную Мэри. А в одном случае даже убивают ее.

— Но это неизбежно, когда речь идет о подобном эксперименте. Именно так в первую очередь подумает любой нормальный человек, когда

услышит об ужасном положении бедной девушки, с младенчества заточенной в монохромном мире ради удовлетворения любопытства исследователей… Суп готов, садись.

Томатный, с базиликом, сметаной и теплой чиабаттой.

— М-м, вкуснятина. Сразу видно, что не консервы, — говорит Ральф.

— К счастью, я нашла на кухне миксер, — говорит Хелен.

— А сыров-то сколько! — восклицает он, глядя на тарелку.

— Случайно оказались в холодильнике. Что будешь пить? Минералку?

— А пива случайно нет?

Хелен печалится.

— Вообще-то я не держу в доме пива. Я не пью его. Но есть бутылка божолэ, если…

— А почему бы нет? Обычно я не пью вина в середине дня, но сегодня же пятница, черт возьми! К тому же с таким стилтоном просто грешно пить минералку.

Хелен приносит бутылку вина, Ральф открывает ее старомодным штопором и разливает по стаканам.

— За твое здоровье!

— И за твое!

Они некоторое время едят молча.

— Как Кэрри? — спрашивает Хелен.

— Спасибо, хорошо. Как тебе ее роман? Только честно, я ничего ей не скажу.

— Думаю, он очень многообещающий.

— Превосходно. Кэрри как раз нужен какой-нибудь собственный проект, который доставлял бы ей удовольствие… Это божолэ очень легкое, еще? — Он поднимает бутылку.

— Конечно.

Ральф доверху наполняет бокалы.

— А ты сама сейчас над чем-нибудь работаешь?

— Нет.

— Совсем ничего не пишешь?

— Ничего. Кроме дневника.

— Дневника?

— С тех пор как Мартин умер, не могу писать художественную прозу.

— Понимаю. — Ральф отрезает себе еще стилтона. — Значит, ты ведешь записи обо всех нас, да?

— Нет, что ты! — Хелен смущается.

— Ты хочешь сказать, в твоем дневнике нет ни слова обо мне? Мне обидно. — Он улыбается и смотрит ей в глаза.

— Там неизбежно фигурируют люди, которые меня окружают, в особенности если они добры ко мне, как, например, ты и Кэрри, но… — Хелен не договаривает. — Это просто способ тренировки моих писательских мышц. Иначе они совсем атрофируются. Я стараюсь каждый день что-нибудь писать. Все равно о чем.

— Я тоже недавно завел своего рода дневник.

— Правда? — Теперь Хелен заинтересовалась.

— Все началось с небольшого исследования сознания — феномена «первого лица». Хотелось получить побольше материала. Я просто записывал все приходящие в голову мысли на диктофон.

— «Давайте заметим, как, в каком порядке оседают в нашем сознании атомы, давайте обозначим рисунок, который фиксирует в нашем сознании каждый случай, каким бы бессвязным и непоследовательным он нам ни казался»[6].

— Вот именно. Кто это сказал?

— Вирджиния Вулф.

— Хотя готов поспорить, к ней это не относится. Она сама строила подходящую ей последовательность…

---

[6] Примечания: 6

Из статьи Вирджинии Вулф «Современная художественная проза», перевод Н. Соловьевой.

— Возможно.

— ...и писала очень изящную, отточенную прозу.

— Да. Но она хотела создать иллюзию.

— А мне хотелось создать что-нибудь реальное, но это оказалось трудным, почти невозможным. Перед тем как произнести хоть слово, мозг очень многое упорядочивает и оттачивает.

— Поэтому ты прекратил эксперимент?

— Нет, я все еще диктую время от времени. Это вошло в привычку.

— И там есть что-нибудь обо мне?

— Да, — отвечает он, не задумываясь.

— Тогда мы квиты. — Она осушает бокал. Ральф тянется через стол, чтобы наполнить его. — Мне хватит, — говорит Хелен. Он выливает остатки вина себе.

— Я рад, что ты пригласила меня. А то я уж было подумал, что ты обиделась.

— За что?

— Ну, после того разговора в моем кабинете.... И потом, на следующий день в Подковах ты меня избегала.

— Я вряд ли поехала бы в Подковы еще раз, если бы избегала тебя.

— Я тоже себя этим успокаивал.

Пауза. Хелен обдумывает сказанное.

— Кофе будешь?

— Да, одну минуту. Хочу допить вино.

Хелен тоже пьет.

— После этого вина я уже ни на что не способна. Завалюсь спать.

— Хорошая идея. Я б тоже не отказался от сиесты, — хитро улыбается Ральф.

— А разве у тебя после обеда нет работы? — так же легкомысленно говорит Хелен.

— У меня скучное заседание комиссии, которое я бы с удовольствием пропустил. Мы пошли бы наверх, в твою уютную спаленку, и повалялись бы там.

Хелен вертит в руках бокал:

— Я же сказала, Ральф, я не собираюсь с тобой спать.

— Ну почему?

— Я не одобряю супружеских измен.

— Значит, ты не считаешь меня непривлекательным. И на том спасибо.

Хелен молчит.

— А вот я нахожу тебя весьма привлекательной, Хелен. По-моему, я даже влюбился в тебя.

— Наверное, ты очень влюбчивый. В Марианну ты тоже был влюблен?

— Ну, это было просто дурачество, я же говорил тебе. Мы как-то раз напились и стали обниматься, а потом превратили это в игру и целовались всякий раз, когда встречались где-нибудь в общественном месте. Мы никогда не говорили об этом. Но самый скучнейший ужин становился от этого веселее. Такие эмоциональные прыжки на батуте. В какой-то момент чувствуешь радостную свободу, а потом спокойно приземляешься. У нас и в мыслях не было идти дальше. Но когда я влюбляюсь, то хочу заниматься любовью. — Ральф прямо смотрит ей в глаза: — И думаю, я неплохой любовник.

— А я думаю, нам не стоит продолжать этот разговор, — говорит Хелен, но не двигается с места.

— Мы поднимемся наверх, снимем одежду, ляжем в твою кровать и будем медленно, с удовольствием заниматься любовью, а потом уснем друг у друга в объятиях и проснемся свежими и обновленными. Об этом никто не узнает.

— Нет.

— Почему? Ты же видишь, как мы нравимся друг другу. Это стало ясно в первый же вечер у Ричмондов, как только я тебя увидел. Ошибиться невозможно. Внезапное оживление и радость от присутствия такого очаровательного человека…

Ты тоже это почувствовала, не смей отрицать. За ужином я несколько раз ловил твой взгляд.

— Мы не можем заниматься всем, чем хотим, забывая о других людях.

— Ты имеешь в виду Кэрри…

— Да…

— Она не станет возражать, если мы будем соблюдать осторожность.

— О чем ты?

— Кэрри не дурочка. Она знает о том, что большинство мужчин не на сто процентов верны своим женам. И она знает о моих сексуальных потребностях… Но она не следит за мной, не проверяет мои карманы… Поэтому наш брак до сих пор держится.

— Кэрри — мой друг. Мне бы не хотелось ее предавать.

Ральф вздыхает:

— Все мы постоянно друг друга предаем, Хелен, и ты об этом знаешь. Есть тысячи вещей, которых ты ни за что не рассказала бы Кэрри ни при каких обстоятельствах. Так зачем же делать культ из супружеской верности?

— Такой уж я человек. Может, в этом виновато мое католическое воспитание.

— Неужели ты все еще веришь в этот бред? Ты

думаешь, что отправишься прямиком в ад после того, как, вкусно пообедав, с удовольствием переспишь со мной?

— Нет, но…

— Да что в этом такого, Хелен? Люди трахаются постоянно, по всему миру, и большинство их не женаты друг на друге. Просто всегда приятно доставить удовольствие тому, кого любишь. Это свойственно человеку: заниматься любовью всегда, а не только в брачный период, как у животных, и не только для размножения, — а для того, чтобы доставлять и получать удовольствие.

Хелен встает и убирает тарелки.

— Я сделаю кофе, а потом тебе лучше пойти на свое заседание.

Ральф смотрит на часы:

— Чтобы успеть на заседание, мне придется пропустить кофе.

— Как хочешь.

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы я пропустил заседание?

— Уверена.

— Ну, тогда извини. Я думал, у нас останутся… приятные воспоминания… — Он встает со стула и собирает вещи. — Увидимся в воскресенье.

— Боюсь, что я не смогу приехать в Подковы в

эти выходные.

— Но тебя же все ждут! Ты приглашена. Ты — наш непременный гость.

— Посмотрим.

— Спасибо за ланч. — Он протягивает руку, Хелен пожимает ее. Он подносит ее руку к губам и целует.

— До встречи в воскресенье!

18

Пятница, 21 марта. Ральф только что ушел после неудачной попытки затащить меня в постель. Он был очень настойчив, наверное, настойчивее, чем ему бы хотелось. Если бы он видел, как ошалело я готовилась утром к его приходу, то, наверное, решил бы, что у него есть все шансы.

Я позвонила ему в одиннадцать и попросила помочь с электронкой, а он мгновенно напросился на ланч. «На хлеб с сыром», как он выразился. У меня в холодильнике валялся кусок старого чеддера, и я побежала в супермаркет, чтобы купить стилтона, грюйера и шевра, арденнского паштета, а также овощей к салату и помидоров для супа. Потом стала носиться по дому с пылесосом, прибралась в гостиной, сняла с сушилки белье в ванной, сменила постельное белье, спрашивается, зачем? Затем, что оно выглядывало из-под короткого покрывала и казалось несвежим. Это я себе так сказала, но кто знает, какие мысли таились в моем подсознании, ведь я не предполагала, что он захочет зайти в спальню. Но он сразу же попросил, чтобы я показала ему

весь дом, включая ванную (где на полу валялись мои трусы).

К тому времени я уже вся вспотела и решила принять душ (второй раз за сегодня) и вымыть голову. Одежду (юбку и блузку) тоже пришлось сменить — она казалась слишком нарядной для такого случая (особенно учитывая вымытую голову), так что я решила надеть широкую рубашку и брюки, чтобы выглядеть привлекательно, но не чересчур соблазнительно. Я уверена, что он пришел, чтобы соблазнить меня, и попросил показать дом, для того чтобы изучить местную географию. «Прозондировать почву», как говорят — или раньше говорили — взломщики в старых романах.

«Соблазнять» — тоже старомодное, книжное слово, пригодное для увядающих матрон и несчастных женщин, наподобие Памелы Ричардсона, защищающих свою «добродетель» от посягательств мистера Б., однако я не могу подобрать в нынешней ситуации слова более подходящего. В конце концов, так оно и вышло: он пытался затащить меня в постель, а я противилась соблазну. А соблазн *был.* Он — первый мужчина, к которому меня влечет после смерти Мартина. Я могу легко представить себя обна-

женной в его объятиях, и эта картина не кажется мне смешной или глупой. Случалось, когда я болтала с каким-нибудь мужчиной, алкоголь слегка ударял мне в голову, но как только я понимала, что он пытается затащить меня в постель, я моментально остывала и устремлялась через всю комнату, чтобы поприветствовать какую-нибудь знакомую, или находила любой другой предлог.

Как-то раз я бросила одного немолодого продавца книг с желтыми зубами и волосатыми ушами, который остался стоять с моим бокалом в руке, а сама вышла в туалет и вместо того, чтобы вернуться к нему, схватила пальто и выскочила на улицу, поймала такси и уехала домой, виновато хихикая себе под нос.

После стольких лет моногамного секса с Мартином мне страшно было подумать о том, чтобы начать все сначала с другим, чужим мужчиной. Мы так привыкли друг к другу, прощали друг другу недостатки и знали, что нам нужно. Если у него ослабевала эрекция или я не могла достичь оргазма, мы особо не переживали, зная, что в следующий раз все будет хорошо. Чтобы установились такие отношения, необходимо время, это все равно что выучить новый язык. Что делать голым людям, оказавшимся в одной

постели и говорящим на совершенно разных языках? Здесь не помогут даже воспоминания бурной молодости. Эти робкие, пьяные соития на узких диванах общаг вызывают у меня отвращение. Эти ребята… как они быстро кончали и какое разочарование мы испытывали, хотя и не признавались в этом друг другу… Но зато потом, когда взрослеешь, какое чувство освобождения появляется! По крайней мере, *узнаёшь* наконец, что же такое секс. Мартин был первым и единственным мужчиной, с которым я испытала оргазм. Он был очень чувственным человеком. Когда он бывал в настроении, это читалось в его глазах, в игравшей на губах улыбке. Эту же черту я ощущаю в Ральфе Мессенджере.

Да, у меня был соблазн, тем более что Ральф домогался меня словесно, словно поэт эпохи Возрождения, взывающий к даме своего сердца. Он не пытался поцеловать меня, хотя я думала, что попытается, я почти надеялась, и он знал это и специально этого не делал… Он не поцеловал меня, когда вошел, не набросился на меня, когда мы были наверху, и не попытался завалить меня на диван после обеда. Вел себя, как джентльмен, если не считать одной фразы: «медленно и с удовольствием займемся любовью». Боже, как меня

возбуждают эти слова!

А что, если он прав? Может, я зря отказалась от приятного переживания, после которого встала бы свежей и обновленной? На самом деле, мое тело мечтает о том, чтобы его погладили и успокоили. Но я боролась с Мессенджером за свою душу, которой, по его словам, не существует. Не существует бессмертной души, которая будет отвечать перед Богом за свои поступки. «Я допускаю существование „смертной“ души. Это — просто одно из обозначений нашего самосознания». А самосознание — фикция, феномен, сопровождающий деятельность головного мозга. Тогда зачем быть хорошей? Лишать себя удовольствия? «Если нет Бога, то все дозволено», — говорит один из братьев Карамазовых. Правда ли это? Почему же тогда мы не убиваем, не грабим, не насилуем, не обманываем друг друга на каждом шагу? Просто это «в наших интересах», как сказали бы материалисты — мы повышаем собственные шансы на выживание, если следуем правилам жизни в обществе. Цивилизация основана на подавлении, говорил Фрейд. Но только не на подавлении сексуального влечения, возражают безбожники. Не стоит полагать, будто секс ради удовольствия ограничивается лишь моногамными отношени-

ями. Если верить современной прозе, это далеко не так. В ней столько же злости, ревности и горечи, вызванной супружеской неверностью, как и прежде.

Возможно, если бы я была на сто процентов уверена в том, что Кэрри никогда ничего не узнает и, следовательно, ей не будет больно, то переспала бы с Ральфом. Но подобный математический расчет невозможен в человеческих отношениях. К тому же Кэрри — не единственная причина. Как ни странно, мне кажется, что я оскверню память о Мартине и о нашем браке, если займусь сексом с женатым мужчиной. Это может показаться безрассудством или суеверием, но я ничего не могу с этим поделать.

19

У Мэри был барашек… Точнее, спектрофотометр… Что там еще было? Затворница Мэри, нет, это скорее про Хелен… а я-то думал, что мне подфартило, когда она пригласила меня к себе на обед. Если честно — я сам себя пригласил… Но это был призыв… приди, о мастер компьютерных наук, помоги бедной девочке с ее электронной почтой… И она позвонила мне из дома, а не из офиса. Я умышленно не общался с ней после тех выходных. Один раз видел ее, махнул издали рукой, но не остановился, сделав вид, что тороплюсь… я выжидал, пока она сделает первый шаг, и она его сделала… Сразу было ясно, что она готовилась к моему приходу, квартира вылизана, подушки на диване взбиты, и даже белоснежное постельное белье на двуспальной (я рад был это отметить) кровати. Я уже не говорю о подброшенных на пол трусах… сначала я решил, что она это сделала специально, но потом подумал, что, может, просто недоглядела… Она их резво схватила и убрала, и я успел только заметить, что они были из простого белого хлопка, а не

такие, как у Марты — розовые и кружевные. Она действительно хотела увидеться со мной, но у нее много предубеждений насчет секса… а жаль, она целиком завладела моими фантазиями…

Поэтому вместо того, чтобы заниматься любовью, я торчал на скучнейшем межфакультетском заседании по модульной совместимости, участники которого сравнивали и оценивали различные курсы. Скажем, требует ли курс обществоведения таких же затрат, как и курс электротехники? Стоит ли вводить курс междисциплинарных знаний, дабы внести «разнообразие», как выражаются в нашем регистрационном бюро, и тем самым привлечь большее количество студентов и сделать наш университет более конкурентоспособным?.. Маркетинговые исследования показали, что у нас есть незаполненная ниша, и нам нужен еще один курс, на котором студент мог бы совмещать, скажем, изучение ядерной физики с анализом мыльных опер или молекулярную биологию с изучением средневековых мистерий… Все это выглядит заманчиво на бумаге (особенно на цветной бумаге университетской брошюрки), но, боюсь, предметы далеко не равнозначны и не вполне совместимы, и многие просто не могут изучаться изолированно от родственных им дис-

циплин. Однако сторонников по этому вопросу у меня не нашлось…

Сейчас 5.30 вечера, пятница, 21 марта. Сижу в офисе и пытаюсь убить время до прихода Кэрри, сначала мы перекусим в кафе Художественного центра, а потом пойдем на концерт… по-моему, Гайдн и Моцарт…. точно не знаю, билеты покупала Кэрри… Короче, пустая трата времени… Я люблю слушать фоновую музыку, когда чем-нибудь занимаюсь, но сидеть ради этого в концертном зале… После первых же аккордов я словно куда-то проваливаюсь и начинаю грезить наяву… я — не большой знаток музыки, но мне интересно, как людям удается думать музыку… уверен, что таких людей очень немного… Вставить бы в головы слушателей провода и сравнить полученные графики… Если б можно было измерить, как музыка превращается в семантические структуры в мозгу пятисот человек, слушающих одну и ту же мелодию, мы получили бы множество разнообразных и уникальных потоков мыслей, бурных и неожиданных, совершенно несхожих между собой… самых разнообразных: пошлых, серьезных, эротических… «Я не забыл закрыть внешнюю дверь? Интересный платок у этой женщины, у первой скрипки течет из носа

— насморк, а у меня сегодня несварение, вот это место мне нравится, оно есть на компакте, который она подарила мне на прошлое Рождество, не забыть бы послать ей открытку ко дню рождения, у виолончелистки такая сексуальная поза, инструмент между ног, зачем дирижер без конца убирает челку со лба, состричь не может, что ли? Мне самому нужно постричься и сходить в это туристическое агентство, куда же мы отправимся на сей раз? Нет, только не на Майорку, возможно, в Португалию…» и т. д. и т. п Неплохо, я выдумал все, конечно… Диктую все это на компьютер через «Войсмастер» и могу корректировать по ходу дела…

Но мне потребовалось некоторое время, чтобы собрать все эти мысли в кучу… как у Вирджинии Вулф…

Значит, Хелен тоже ведет дневник… я бы отдал все на свете, чтобы почитать… А что, если бы мы обменялись с ней дневниками?.. вот это идея!.. интересно, ей захотелось бы? Но если б она прочла мои страстные излияния, мне пришлось бы отказаться от всяких попыток затащить ее в кровать… а может, и наоборот, кто знает? Но вдруг ее дневник окажется не менее эротичным? Вот тогда бы я узнал, фантазирует она обо мне или

нет, и так ли уж тверды ее моральные принципы. Нет, глупо, я никому не покажу этих записей… но, с другой стороны, если я получу взамен ее дневник, это станет некой гарантией конфиденциальности… «око за око»… страх взаимного предательства… нет, слишком рискованно, она бы все равно не согласилась… Но чем черт не шутит?

20

От кого: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Кому: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Тема: Письмо
Дата: Пон., 24 марта 1997 9:08:31

Хелен, привет, проверка связи. получила ответ от дочери?

вчера в подковах мы без тебя скучали. надеюсь ты выздоравливаешь. где же ты подхватила простуду? в пт. ты еще была в полном порядке. спасибо за ланч.

всего, Ральф

От кого: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Кому: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Тема: Письмо
Дата: Пон., 24 марта 1997 10:31:31

Дорогой Ральф!
Большое спасибо за любезное письмо. С Люси я связалась, и мы уже обменялись длинными письмами. Так здорово общаться с ней вот так,

без всяких усилий! Спасибо, что подключил меня «к сети» (так это, по-моему, называется?)

Я уже выздоравливаю, спасибо.

Всего доброго. Хелен

P. S. А что означает «Н.»?

От кого: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Кому: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Тема: страшная тайна
Дата: Пон., 24 марта 1997 10:50:10

Хелен,
h. означает герберт, это моя страшная тайна, но университетские крысы настаивают на полных инициалах в эл. адресах. так звали моему папу, а что значит твое м.?

«к сети» — это классно, но тебе нужно упростить стиль письма, в электронных письмах главное писать быстро, забудь о заглавных буквах, они только отнимают время, две клавиши вместо одной. и не нужно исправлять опечатки.

если тебе уже лучше может пообедаем завтра вместе? препод. корп., в 12:45

Ральф

От кого: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Кому: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Тема: вторник
Дата: Пон., 24 марта 1997 12:17:11

Дорогой Ральф,
спасибо за приглашение, но у меня во вторник семинар, перед которым я бы хотела побыть часок одна.

Никак не могу избавиться от привычки исправлять орфографию и пунктуацию. «М» означает Мэри.

Всего доброго,
Хелен

От кого: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Кому: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Тема: М., ланч
Дата: Пон., 24 марта 1997 12:40:03

так вот почему ты эмоционально отождествляешь себя с колористкой Мэри

а как насчет среды? если хочешь можно схо-

дить в какой-нибудь пригородный паб.

Ральф

От кого: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Кому: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Тема: твое приглашение
Дата: Пон., 24 марта 1997 16:42:18

Дорогой Ральф!

Я думаю, что нам лучше не встречаться некоторое время, во всяком случае, 'a deux'[7] (не знаю, как выделять курсивом в электронных сообщениях). Мне кажется, ты слишком открыто выражаешь свои чувства. Я не хочу делать вид, будто меня это отталкивает, но я не могу ответить тебе взаимностью по причине, о которой ты уже знаешь.

Всего доброго,
Хелен

От кого: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Кому: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Тема: смешно
Дата: Пон., 24 марта 1997 16:50:49

---

[7] Примечания: 7
Вдвоем, наедине (*фр.*).

хелен, это просто смешно. я могу принять отрицательный ответ и не собираюсь домогаться тебя. я восхищаюсь твоим умом и твоим телом. мне просто нравится общаться с тобой и жонглировать различными идеями.

ральф

От кого: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Кому: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Тема: идеи
Дата: Пон., 24 марта 1997 17:31:02

Дорогой Ральф,
идеями можно жонглировать и по электронной почте.

Хелен

От кого: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Кому: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Тема: предложение
Дата: Вт., 25 марта 1997 09:21:25

ладно, я хотел тебе кое-что предложить за обедом поэтому скажу сейчас. что если мы обменяемся нашими дневниками? я покажу тебе мой, а ты мне свой — целиком и полностью, без

цензуры и редактуры. что ты на это скажешь?

ральф

От кого: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Кому: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Тема: твое предложение
Дата: Вт., 25 марта 1997 11:21:19

Дорогой Ральф!

Что за невероятная идея! Мне бы и в голову такое не пришло. Мой дневник — сугубо личный, и я не собираюсь его публиковать. Может, когда-нибудь я воспользуюсь им для романа, но подойду к этому очень избирательно и постараюсь все завуалировать. Мой дневник не предназначен для посторонних глаз.

Хелен

От кого: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Кому: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Тема: мое предложение
Дата: Вт., 25 марта 1997 12:26:53

хелен, то же самое можно сказать и про мой дневник. когда я начал его вести, то думал, что, возможно, он послужит материалом для

моего исследования по сознанию, но потом понял, что некоторые важные отрывки из него я никогда не смогу опубликовать, это меня скомпрометирует. я пришел к выводу, что в этом и состоит основная трудность при исследовании сознания. никто не хочет поверять свои сокровенные мысли третьему лицу…

мы уже говорили о том, что отличительной чертой наших мыслей является их тайна, они известны только нам. иногда мы получаем от этого удовлетворение, ощущая собственную неповторимость, я думаю, следовательно, существую. но иногда это приводит к солипсизму и пугающей догадке о том, что, возможно, существуют одни только мысли… и в том и в другом случае это противоречит идее искусственного разума, согласно которой в структуре человеческого сознания есть определенные закономерности, которые можно воспроизвести. по-моему, мы обладаем уникальной возможностью, поскольку оба вели дневники в то время, когда познакомились друг с другом. если мы обменяемся дневниками, то сможем проследить за действием нашего мозга и сравнить свои реакции на одни и те же события. я мог бы в буквальном смысле «прочитать» твои

мысли, а ты — мои.

ральф

От кого: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Кому: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Тема: твое предложение
Дата: Вт., 25 марта 1997 18:45:29

Дорогой Ральф.
Твоя выгода от этого обмена мне понятна, а в чем заключается моя?

Хелен

От кого: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Кому: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Тема: мое предложение
Дата: Вт., 25 марта 1997 22:53:02

любой романист (а тем более романистка!) ни за что не упустил бы возможности залезть в голову к мужчине и увидеть, что у него там на самом деле творится. я ужасно рискую, намного больше, чем ты. в записанном мною потоке сознания есть вещи, которые тебя шокируют и покажутся тебе отвратительными. мой поток мыслей часто напоминает сточную

канаву. возможно, прочитав мой дневник, ты не захочешь меня видеть и говорить со мной. я искренне надеюсь, что такого не случится. я надеюсь, что так же, как и я, ты превыше всего ценишь честность. если ты согласишься, мы будем знать друг о друге больше, чем если бы мы были любовниками. они проникают друг в друга языками, пальцами и т. д. на глубину не больше дюйма, а мы проникнем в мысли и будем обладать друг другом так, как ни одна пара до нас. разве тебя не вдохновляет эта идея?

ральф

От кого: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Кому: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Тема: твое предложение
Дата: Ср., 26 марта 1997 10:24:42

Дорогой Ральф!

Ты очень красноречив, но спасибо, не надо. Конечно, мне как романисту очень интересно знать о том, что думают другие люди и что у них творится в голове. Писательский труд, в общем-то, и состоит из догадок о том, что думает имярек в той или иной ситуации. Возможно, чтение твоего дневника позволит мне глубже

проникнуть в мужскую психологию вообще и в твою в частности. Но все же я думаю, что свои мысли необходимо держать в тайне, а предавать их огласке очень опасно. У каждого из нас бывают низменные, постыдные мысли, но такова человеческая природа, которую принято называть «первородным грехом». Мы можем подавлять и скрывать ее — это помогает нам поддерживать уважение к самому себе и необходимо для цивилизации.

Почему любая пытка так невыносима? Потому что она не только причиняет боль, но и заставляет выдавать секреты, которые нельзя разглашать.

Хелен

От кого: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Кому: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Тема: мое предложение
Дата: Ср., 26 марта 1997 11:10:12

хелен, да я вовсе не собираюсь пытать тебя, а просто предлагаю тебе сделку — поменять твои мысли на мои, с целью исследования человеческой природы.

ральф

От кого: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Кому: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Тема: твое предложение
Дата: Ср., 26 марта 1997 12:24:42

Дорогой Ральф!
В твоем договоре чувствуется что-то фаустовское. От него пахнет серой.
Я по-прежнему говорю: нет.

Всего доброго,
Хелен

От кого: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Кому: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Тема: мое предложение
Дата: Ср., 26 Маг 1997 12:40:12

можно было хотя бы попытаться.
надеюсь, ты поедешь с нами в подковы в следующие выходные. мы решили растянуть пасхальные праздники. можешь приехать в воскресенье и остаться на ночь. кэрри — за.

ральф

От кого: H. M. Reed@glosu.ac.uk
Кому: R. H. Messengei@glosu.ac.uk
Тема: твое предложение
Дата: Ср., 26 марта 1997 17:55:32

Дорогой Ральф!

Большое спасибо тебе (и Кэрри) за приглашение, но я уже пообещала навестить родителей на Пасху. Надеюсь увидеть вас обоих после праздников.

Всего наилучшего, Хелен.

21

Четверг, 27 марта. Только что вернулась с семинара. Сегодня Фрэнни Смит представляла свою работу — главу из романа под рабочим названием «Школьные заметки». Я была знакома с материалом, но она вызвалась почитать вслух, и это было удачным решением, потому что ее ливерпульский акцент заметно оживлял диалоги. Надо бы предложить ей выступить на радио. Сегодня я не пошла в кафе со студентами, как обычно, потому что почти все они уезжают на Пасху домой. Завтра университет закрывается на четыре дня. Сама я собираюсь провести эти выходные с мамулей и папулей. Мы договорились об этом еще на Рождество, и я рада, что у меня есть хорошая отговорка, чтобы не ехать в Подковы. Выходные обещают быть менее интересными, но более спокойными: я окажусь вне досягаемости Ральфа Мессенджера, которому не удастся найти меня даже по электронной почте (я оставляю свой лэптоп здесь).

Но в Саутуолд я поеду только в субботу. Скажу маме и папе, что должна остаться здесь до завтра.

Совестно сознаваться, но я не хочу проводить с ними Страстную пятницу. Я даже ребенком не любила ее. В этот день мне всегда как-то неловко. Казалось бы, выходной, все магазины закрыты (хотя сейчас, возможно, и открыты). Но все равно не чувствуешь праздника. Днем мы обычно ходили в церковь, а там все эти статуи, закутанные в фиолетовую ткань, которые на фоне белых стен казались гигантскими чернильными кляксами… Холодная служба с бесконечными молитвами и лобызанием креста (как противно было прикладываться губами к керамическим ногам Иисуса, висевшего на большом деревянном распятии, после того как к ним прикоснулось такое множество чужих губ, «пусть даже алтарный служка и вытирает ноги тряпочкой — какой прок от этого, если он вытирает их в сотый раз?» — брезгливо думала я). Кроме того, это был день поста и воздержания, наверное, один из последних в церковном календаре. Весь день мне хотелось есть, и мама изо всех сил старалась, чтобы наша еда была как можно безвкуснее: мы ели отварную рыбу без специй, вареную картошку и капусту. По телевизору разрешалось смотреть только религиозные передачи или что-нибудь серьезное и поучительное. Я подозреваю, что родители проводят Страстную

пятницу точно так же, как раньше, и я их за это уважаю, но идти на Страстную литургию не хочу и обижать их своим отказом — тоже. Пасхальная служба — другое дело, это я могу выдержать. Так что собираюсь выехать пораньше — путь неблизкий, через всю Англию, но надеюсь, что основной поток машин к этому времени уже рассосется.

Сегодня после семинара Сандра Пикеринг протянула мне внушительный конверт формата А4:

— Вот, как вы просили.

— А, спасибо. Просмотрю на выходных, — сказала я. Из аудитории мы вышли последними, и я сказала, что мне понравилось ее сочинение про Мэри.

— Я рада, — сказала она. Потом я поинтересовалась, не собирается ли она куда-нибудь съездить на праздники. Она сказала, что летит в Испанию и, вероятно, пропустит семинар во вторник, если случайно задержат рейс.

— Не беспокойся и отдыхай, — сказала я и дружелюбно улыбнулась. Она поблагодарила, но в ответ улыбаться не стала.

Конверт лежит передо мной, еще не распечатанный. Теперь я, наконец, займусь ее романом. У меня странные сомнения, если не сказать опасения. Что мне делать, если ее герой будет

по-прежнему напоминать Себастьяна из «Глаза бури»? Понятия не имею. Отложу до завтра. А сегодня со мной — мой ужин, полбутылки вина и телевизор.

Страстная пятница, 28 марта. Какой кошмарный день! Мне казалось, что я схожу с ума.

Раскрыла конверт Сандры Пикеринг после завтрака и начала читать. Две главы, около пятидесяти страниц, аккуратно напечатанные через два интервала. Сначала — с облегчением. Аластэр по-прежнему напоминал Себастьяна (и косвенно — Мартина), но все черты сходства я обнаружила еще в первый раз, и ничего нового пока не прибавилось. Сюжет разворачивался довольно живо — я почти наслаждалась чтением. Но потом… словно удар молнии! Я даже почувствовала запах гари. Нет, неточная метафора. Озноб во всем теле. Я остолбенела от ужаса. Как раз на сцене, в которой Тина и Аластэр занимаются любовью во второй раз. Только передо мной был не Аластэр. Это был Мартин.

Я прокручивала это в голове весь день, словно в бреду, и только сейчас, под вечер, чувствую, что могу описать четко и ясно, что я пережила, когда читала этот отрывок.

Каждый день миллионы людей трахаются,

как заметил Ральф. Но у каждого человека есть своя, неповторимая манера заниматься любовью, столь же индивидуальная, как роспись или отпечаток пальца. Эта манера поведения состоит из множества вещей — например, темпа и последовательности, прелюдии или любимой позы. Когда долго живешь с человеком, узнаешь, на что он острее всего реагирует, что ему нужно. «Потрогай меня здесь, погладь здесь, кончи в меня…» В этом наборе всегда есть необычные, извращенные элементы.

Когда люди завязывают новые отношения, они не склонны расставаться с привычками, обретенными с прошлыми партнерами, но более опытный партнер сначала перетягивает одеяло на себя и создает новый ритуал. Так было у нас с Мартином. Героиня Сандры Пикеринг была намного моложе Аластэра, и ее опыт ограничивался неудачными короткими связями на одну ночь. Их первая попытка оказалась смешным недоразумением и очень меня позабавила. Аластэр провожает Тину домой после вечеринки в офисе, отказывается от ее двусмысленного приглашения «на чашечку кофе», но после жалеет и решает вернуться. Тем временем Тина уже выпила снотворное, однако впускает его, рассчитав,

что у нее остается 15 минут на секс, прежде чем она уснет. Поэтому она внезапно превращается в нимфоманку, стремительно расстегивает ему рубашку и молнию на штанах, затаскивает его в постель, требуя от него решительных действий, и засыпает «на полутрахе», как изящно выразилась авторесса. Озадаченный Аластэр остается у нее на ночь, а наутро она во всем ему признается. Он предлагает ей заняться любовью по-своему.

Я пыталась внушить себе, что нижеследующий отрывок ничем не отличается от многих тысяч эротических сцен в других современных романах. Но темп, последовательность, ласковые слова и повышенное внимание Аластэра к эрогенным зонам Тины были точно такими же, как у Мартина. Завершающий элемент головоломки, последний удар молотка по крышке гроба (я почувствовала себя пригвожденной или заживо заколоченной в этот гроб) тоже был заимствован из нашего посткоитального репертуара. У Мартина была странная привычка: перевернувшись на живот, он просил меня лечь сверху, расставив руки и ноги с таким расчетом, чтобы мой лобок оказался в углублении между его ягодицами. Я всем весом наваливалась на его расслабленное тело, как бы сливаясь с ним. Дойдя до этого места в рукописи

Сандры Пикеринг, я с криком отчаяния и боли швырнула ее через всю комнату.

Стоит ли напоминать о том, что в «Глазе бури» ничего не говорилось о сексуальных привычках и наклонностях Мартина? В моих романах нет подробных описаний эротических сцен, но даже если бы они были, я никогда не вставила бы их в эту книгу, где и так раскрывалось слишком много секретов, касающихся Мартина, да он и сам бы этого не одобрил. Откуда же Сандра Пикеринг почерпнула эти сведения? Если отбросить сверхъестественные и экстрасенсорные объяснения (я не раз готова была поверить в них тем кошмарным днем — Сандра Пикеринг, словно ведьма или медиум, прочитала мои мысли или завладела моими воспоминаниями), если отбросить все эти иррациональные теории, то единственным источником данной информации мог служить сам Мартин. У Сандры Пикеринг был роман с моим мужем.

Больше всего на свете мне хотелось схватить Сандру за горло, прижать к стенке и заставить сказать всю правду. Но она вообще уехала из Англии на четыре дня. У меня есть ее челтнемский телефон, и я позвонила ей, надеясь, что у нее поменялись планы, но ее соседи по квартире

подтвердили, что она улетела в Испанию и не оставила контактного телефона.

Особенно раздражало то, что я так мало знала о Сандре — никаких фактов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть мои подозрения. Потом я подумала о ее личном деле, которое должно храниться на факультете английского. Я вышла из дома и побрела по опустевшему кампусу. Он теперь походил на кладбище или город-призрак. Все разъехались, за исключением иностранных студентов, которым уезжать некуда. А может, они просто не готовы к такому внезапному исходу. Они озадаченно озирались по сторонам, не понимая, что особенного в этой пятнице, из-за которой все разлетелись кто куда, будто услышав весть о чуме. Холодный ветер шевелил траву и гнал рябь на поверхности пруда. Ни намека на весну, если не считать случайных нарциссов и крокусов, мелко дрожавших на ветру. Мне повстречалась парочка японцев в застегнутых на все пуговицы пальто: очевидно, соседи вышли на прогулку. Они кивнули и заулыбались. Наверное, им хотелось поговорить, но я не была расположена к общению. Я выдавила из себя улыбку и помахала им, делая вид, что бегу по очень важному делу, а затем повернула к

гуманитарному корпусу.

И там столкнулась с препятствием. Двери главного входа были закрыты. Я поспешила к кабинке охранников и спросила, может ли кто-нибудь впустить меня в здание. Вахтеры были вежливы, но непреклонны. Спросили, есть ли у меня пропуск, позволяющий входить в здание в нерабочие дни. Нет, пропуска у меня нет. В таком случае они ничем не могут мне помочь. Я начала с ними спорить, но они становились все несговорчивее. В конце концов, я разозлилась и выскочила из офиса, выкрикивая ругательства и угрожая жалобой. Вернувшись в дом, я на скорую руку приготовила себе ланч, перекипятила суп и сожгла тост, но заставила себя все это проглотить, совершенно не чувствуя вкуса. Пыталась читать, но безуспешно. И тут мне в голову пришла еще одна мысль: у Джаспера Ричмонда, декана английского факультета, должны быть ключи от всех дверей. Я позвонила ему — трубку взяла Марианна. Оказалось, Джаспер пошел погулять с Оливером. Может ли она чем-нибудь мне помочь? Я сказала, что перезвоню позже. «Хорошо, я передам ему, когда придет». Она говорила ледяным тоном, возможно, потому, что уловила истерические нотки в моем голосе.

Джаспер позвонил сам часа в три. За это время я придумала предлог, для чего мне понадобились ключи от гуманитарного корпуса и английского факультета и от ящиков, в которых хранились личные дела студентов. Он предложил проводить меня, но я сказала, что заеду к нему сама, возьму ключи и вечером верну. Через полчаса я подъехала к его дому. По дороге миновала несколько деревень с церквями и часовнями; вокруг множество автомобилей. Церковная служба в самом разгаре, но дороги были пустыми и спокойными. Дверь мне открыл Оливер.

— Здравствуйте, Хелен Рид, — опередил он меня с приветствием. — Вы написали еще какие-нибудь романы?

— Пока нет, — сказала я.

— Эгг тоже. А все потому, что Милли гуляет с О'Доннелом. И Майлз ревнует из-за того, что Анна слишком мила с Джерри.

Он продолжал пересказывать мне последние события из телесериала «Такова жизнь», пока Джаспер не вышел из своего кабинета и не вручил мне ключи. Я отказалась от чашки чая и поехала прямо в университет.

Припарковалась у гуманитарного корпуса и немного посидела в машине, спрятавшись за

тонированными стеклами и дожидаясь, пока патруль пройдет мимо. Я опасалась, что охранники не дадут мне открыть дверь, потому что у меня нет пропуска. Потом я, словно воришка, прошмыгнула в здание и поднялась на лифте на десятый этаж. Мне было не по себе в гигантском пустом здании, в котором любой звук усиливался стократно. Шаги по линолеуму, глухой стук двери, захлопнувшейся у меня за спиной, поворот ключа в замке офисной двери и скрежет металлических ящиков. Я сделала глубокий вдох, из всех сил стараясь сохранять спокойствие.

Через несколько минут отыскала папку Сандры Пикеринг. Там было немного документов — заявление, резюме и отчет Рассела Марсдена о ее работе в первом семестре, но этого оказалось достаточно. В резюме сразу отыскалось главное доказательство. С 1993 по 1994 год Сандра Пикеринг работала по контракту в Лондоне, на радиостанции Би-би-си, в должности ассистента по документальным программам.

Понедельник, 31 марта. Только что окончилась моя долгая и утомительная поездка по запруженным послепраздничным дорогам. У меня праздника не было — не то настроение, хотя приятно уехать на несколько дней из Глостерско-

го «шталага», тем более в такой милый городок, как Саутуолд. Для мамы и папы это идеальное место. Они были пенсионерами большую часть моей взрослой жизни и вот теперь *действительно* состарились.

Я родилась, когда моей матери было уже сорок — полагаю, это была «ошибка», вызванная календарным методом предупреждения беременности. Для меня всегда оставалось загадкой, как им удалось ограничиться только тремя отпрысками — ведь они из тех католиков, которые принимают церковное учение безоговорочно. Я не спрашивала. Мы никогда откровенно не говорили о сексе. Подозреваю, они просто не так уж часто этим занимались, большую часть либидо приберегая для богослужений. Возможно, мое появление на свет было последствием очень редкого события в тот период их совместной жизни. Интересно, что же стало его причиной? Какой-нибудь семейный праздник? Эйфория после какой-нибудь экскурсии? Эротика по телевизору? Нет, только не это: пока я жила дома, мама всегда просила отца «переключить на другой канал», если на экране появлялось что-нибудь непристойное. И это делалось не только ради *моей* невинности. Мои произведения, по современным меркам,

довольно сдержанны, но маму они шокировали, это было заметно по ее скромным комментариям: «…немного… ну, знаешь… слишком откровенно… я, конечно, очень старомодна…» Я не стала уточнять. Я вообще никогда не обсуждаю книги с родителями и предпочитаю, чтобы они их не читали — по той причине, о которой я недавно рассказала Эмили.

В детстве мамуля и папуля всегда казались мне значительно старше родителей моих сверстников — они были больше похожи на их бабушек и дедушек. А сейчас и вовсе не принадлежат современному миру мобильных телефонов, пирсинга, беспорядочных связей и транквилизаторов. Им идеально подходит Саутуолд с его грядками близ опрятных домиков с видом на море, с его старомодными чайными, телегами, запряженными лошадьми, с его судебными делами против собак, радио и вагончиков с мороженым — против всего, что нарушает тишину и покой. По тротуарам бродят старушки в чулках и цветастых платьях и джентльмены с отглаженными носовыми платками в нагрудных карманах. В Саутуолде время остановилось в пятидесятых годах. Там есть даже средневековая церковь, и папа любит повторять, что она лишь *временно* сдана в аренду

протестантам. На пасхальную службу в субботу мы пошли в менее привлекательную католическую церквушку. Людей было много («в пять раз больше, чем в церкви святого Эдмунда», как хвастливо говорил папа), но все равно меньше, чем в прежние времена.

На меня по-прежнему производит глубокое впечатление пасхальный символизм: огонь, разжигаемый на жаровне снаружи и вносимый в святилище на свечах, а также некоторые отрывки, что читают во время службы, особенно из Ветхого Завета. Весь день меня преследовали неотвязные мысли о Мартине и Сандре Пикеринг, но в какой-то момент проникновенное чтение Библии отвлекло меня от собственных проблем. Мне вдруг стало так легко и приятно просто сидеть в этой церкви и слушать Слово Божье. Но затем прозвучало: «Отвергаешь ли ты Сатану? — **Да.** И все его деяния? — **Да.** И все его пустые обещания? — **Да…** Веришь ли ты в Иисуса Христа, единородного сына Божия, который был рожден от Святой Девы Марии, который был распят и умер, а затем был погребен, который воскрес из мертвых и сидит сейчас одесную Отца своего?» Нет, если честно, не верю. Я не могла заставить себя отвечать и чувствовала, что мама

с папой это знали. Я даже не сдвинулась с места, когда они пошли причащаться.

Мама заметила мое настроение и решила, что я просто скорблю по Мартину. Мы с ним часто ездили в Саутуолд на Пасху, и она, вероятно, подумала, что этот приезд разбередил во мне воспоминания. Она несколько раз напомнила, что «время лечит», а также советовала не слишком «зацикливаться» на прошлом. «Если бы в тебе была прежняя вера, то тебе было бы легче справиться со скорбью, дорогая. Но я молюсь о тебе и о Мартине каждый вечер». Она считает, что Мартин пребывает сейчас в чистилище и кается в совершенных грехах, перед тем как отправиться в мир вечного блаженства. Как агностик он не может миновать чистилище и попасть прямиком в рай. Ей сложно представить собственного зятя в аду, а современное богословие позволяет попасть в рай даже иноверцам. Таким образом, сейчас он в чистилище, и она полагает, что ее молитвы будут способствовать отпущению его грехов. «Не утруждай себя так, мама, — хотелось мне сказать. — Пусть хорошенько поджарится». Но я не посмела, однако не потому, что не хотела шокировать ее историей Сандры Пикеринг, а потому, что сама не поверю в измену Мартина, пока

не услышу подтверждения из уст самой Сандры.

Все выходные я провела в кошмарно-неопределенном состоянии, мечась между праведным гневом и сомнениями. Все разрешится, когда я увижусь с ней завтра один на один. Господи, только бы не задержали ее рейс, я не выдержу еще одни сутки этого ада!

Вторник, 1 апреля. «День дураков» — очень точное название. Я чувствую себя одураченной: меня водили за нос не один день, а много лет.

Сандра Пикеринг как раз успела на семинар — с собой у нее была дорожная сумка. После занятия я попросила ее зайти ко мне в кабинет. Она пыталась перенести встречу на следующий день, ссылаясь на усталость, но я настояла. В тишине коридора я шла за ней, как тюремный надзиратель. Думаю, она сразу обо всем догадалась. Ее не удивили мои вопросы, и она не уклонялась от ответов. Да, она была знакома с Мартином, когда работала на Би-би-си. Она работала с ним вместе над двумя программами в 1993 году. Он брал ее с собой в командировки, во время которых они часто останавливались в отелях. Во время одной из таких поездок они стали любовниками, и их роман продолжался полгода. Они встречались днем, в свободные часы, в ее квартире в Пэддинг-

тоне. По ее словам, он сразу дал ей понять, что не собирается бросать ради нее семью и что об этом не стоило даже думать. Тогда она уже была без ума от него и не посмела оспаривать поставленное условие. Она, «естественно», читала мои романы, но «Глаз бури» вышел уже после того, как они разорвали свои отношения и она ушла из Би-би-си в рекламный бизнес. Тогда она решила не читать его, потому что задумала написать свой и боялась, что попадет под влияние моих книг. «Я всегда вам немного завидовала, — призналась она, — писательница-интеллектуалка, жена и мать, которую он никогда не бросит». Она ходила на курсы по выходным дням и произвела хорошее впечатление на Рассела Марсдена, который был одним из ее учителей. Именно он и посоветовал ей поступить на курс писательского мастерства. Она начала писать «Шлак», даже не подозревая, что когда-нибудь ее преподавателем стану я. Прошла половина семестра, и Рассел Марсден сообщил группе, что во время его отпуска курс будет вести Хелен Рид.

— Я догадывалась, что в Аластэре вы узнаете Мартина, особенно когда прочитала на Рождество «Глаз бури». Но что мне оставалось делать? Не могла же я начать все сначала, придумав со-

вершенно другого героя? — сказала она.

— Но ты могла бы начать писать новый роман.

— Когда, в середине семестра? Да и зачем? Ради этих курсов я бросила хорошую работу и потратила на них все деньги, даже занимать пришлось. Что же мне теперь, отказываться от своей работы, только бы не оскорбить ваши чувства?

Мне было нечего ей возразить. В моем замечании сквозила беспомощность: получалось, что я предпочла бы жить в неведении. Потом я спросила ее, почему их отношения прекратились.

— Мы перестали встречаться, когда у него появилась другая ассистентка.

Сандра так и сказала, подчеркнув слово «другая», и ее полная верхняя губа дрогнула. Я уже не сомневалась, что мне предстоят новые открытия.

— Я не была его ни первой, ни последней любовницей, — просто сказала она.

Значит, у Мартина была репутация человека, спавшего со своими ассистентками. Многие из его близких друзей знали это, включая тех, с кем я виделась на приемах и вечеринках. Все те, кто был на прощальном вечере… Сандра тоже была в тот день в церкви, но предпочла не показываться мне на глаза, так же как и та девушка, которая

заняла ее место.

Меня пробила дрожь, я едва могла дышать. Грубые бетонные стены маленького убогого офиса расширялись и сжимались, тучная обнаженная женщина на картине Люциана Фрейда и черная блестящая фигура на фотографии Мапплторпа покрылись рябью и стали совершать непристойные телодвижения. Я переборола себя и усилием воли попробовала вернуться к нормальному состоянию. Потом Сандра сказала:

— Надеюсь, эта новость не повлияет на мою оценку.

Мне захотелось закричать и швырнуть в нее чем-нибудь, но я лишь произнесла ледяным голосом:

— Для этого есть независимые экзаменаторы.

На этом наша беседа закончилась. Около часа я неподвижно просидела за столом, у меня в голове медленно проплывали сцены нашей совместной жизни, я пересматривала их в свете того, что только что узнала. Меня предали. Оказалось, мой супруг жил в другом измерении, о котором я, несмотря на все свое писательское знание жизни, даже не подозревала. Как же случилось, что я ни разу не почувствовала на нем запаха этих шлюшек? Ни разу не обнаружила следы помады

на воротнике, компрометирующую записку или парочку надорванных билетов? Должно быть, он вел себя чрезвычайно осторожно. Или я была такой глупой и доверчивой, что ничего не замечала? Теперь, когда не осталось и тени сомнения в том, что он постоянно мне изменял, в памяти стали всплывать различные странности и загадки, которые отлично вписывались в общую картину. Пара куда-то исчезнувших рубашек. Телефонные звонки и молчание в трубку, когда я ее поднимала. Сообщения о том, что он задерживается на работе допоздна. Как легко меня обвели вокруг пальца!

Интересно, когда же начались его похождения? Ответ пришел моментально: во время моей затяжной депрессии семь или восемь лет назад. Полгода я просидела в глубокой сырой яме или, точнее, на дне пересохшего колодца, а добрые люди, включая Мартина, заглядывали в этот колодец, пытаясь подбодрить меня и спуская в корзиночке пилюли и полезные советы. Тогда я не могла писать и даже читать художественную литературу. Мои собственные произведения казались незначительными, банальными и фальшивыми. Я читала письма читателей, которые время от времени получала, с таким

чувством, будто обманывала их, и дивилась, с какой легкостью они поддавались обману. Я читала много документальной и исторической прозы, биографий и писем, но не получала от этого удовольствия — просто нужно было как-то убивать время. Ничто не доставляло мне радости, даже секс. Особенно секс. Мы изредка занимались любовью, всегда по инициативе Мартина, но у меня не было сил скрывать свое безразличие. Я извинялась перед ним, убеждая его, что он тут ни при чем, и он понимал меня и был терпелив. По крайней мере, так мне казалось. Да, он все прекрасно понимал, но на самом деле терпения ему не хватило.

И вот через полгода, по непонятной причине (скорее всего мне просто надоело страдать — страдать, но не умирать), моя депрессия начала постепенно отступать. Моему выздоровлению способствовал целый ряд счастливых обстоятельств: французский перевод «Смешанных чувств» был награжден премией, и Мартин ездил со мной в Париж на вручение. Мы провели восхитительные выходные в шикарном отеле (за счет устроителей), а Люси тем временем с блеском сдала вступительный экзамен в университет. Моя голова снова прояснилась. Я начала писать

новый роман и вернулась к нормальной семейной жизни. Мы стали реже заниматься любовью, но я объясняла это естественным возрастным снижением полового влечения, и только теперь мне стало ясно, чем это было вызвано. Либидо у Мартина было хоть отбавляй, но на меня это не распространялось. Когда я потеряла интерес к сексу, он воспылал страстью к юной плоти.

Могу ли я его упрекать? Да, могу. Не только потому, что он осквернял наш брак, когда спал с другими женщинами, но и потому, что он предал меня, обманул, превратил в посмешище. Если бы он был жив, я развелась бы с ним. Но нас уже развела его смерть. Что мне теперь сделать со своей злостью и обидой? Разве что излить их на бумагу.

Вечером позвонила Кэрри. Спросила, как дела, и я сказала, что хорошо.

— Судя по твоему голосу, не очень, — сказала она, и я призналась, что она права, но причины не назвала. — Я знаю, что тебе нужно. Провести денек на соляных источниках Дройтуича. Ты об этом не пожалеешь, — уверила меня она. Мы договорились, что она заедет за мной завтра. Ральф уехал в Прагу на несколько дней.

Не знаю, как бы я повела себя в ту памятную

пятницу, если бы знала о Мартине и Сандре Пикеринг.

Среда, 2 апреля. Кэрри заехала за мной в полвторого. К этому времени я уже собралась и высматривала ее из окна. Как только подъехала машина, я тотчас выбежала из дома: не хотелось приглашать ее внутрь и повторять экскурсию, которую я провела для Ральфа. Я не знала, нужно ли рассказывать ей о его визите. Если он сам обо всем сказал, то мое молчание покажется ей странным. С другой стороны, если он ей *не* говорил, а я, наоборот, скажу, то ей покажется странным *его* молчание. Меня тяготили все эти предположения и раздумья, ведь между нами все равно ничего не было. Кэрри сама разрешила мою дилемму.

— Ральф сказал мне, что у тебя очень опрятная и уютная норка.

— Да, он заходил недавно, помог мне установить электронную почту, — сказала я, решив не упоминать об обеде. Кэрри тоже ни словом об этом не обмолвилась: возможно, она была не в курсе.

В спортивной «японке» Кэрри мы мгновенно домчались до Дройтуича. Городок расположен у самого крупного и глубокого в Европе месторождения соли, из которого бьют горячие источники.

В их целебных водах люди купаются уже много столетий, а современные ванны оборудованы по последнему слову техники. Они оказались вовсе не похожими (как я опасалась) на общественные бани со скользкими полами и трещинами в стенах, а больше напоминали частный фитнес-клуб. Переодеваешься в купальник, накидываешь белый банный халат и принимаешь душ в общей душевой — очень просторной и с длинными окнами вдоль одной стены. Тебе советуют смазать вазелином все царапины и ссадины на теле, чтобы избежать раздражения от соли, и ни в коем случае не прыгать и не плескаться, чтобы брызги не попали в глаза.

Сами ванны похожи на среднего размера бассейны. Спускаешься по лестнице с аккуратными каменными ступеньками прямо в воду, довольно прозрачную и почти горячую. Такое ощущение, словно утопаешь в водяной подушке. Насыщенная солью вода поддерживает тебя на поверхности, и ты висишь поплавком. Самое приятное — лежать на спине. В твоем распоряжении — удобные подушки из полистирола, которые можно положить под голову и лежать на воде, полностью расслабившись.

Обычные бассейны — невероятно шумные

места, наполненные гулким эхом от криков и плеска ныряльщиков, но здесь самый громкий звук — отголоски разговоров в баре, где после ванны предлагают бесплатный чай с печеньем. Плавающие в бассейне разговаривают мало. Они лежат неподвижно, слегка покачиваясь на воде, некоторые цепляются ногами за поручень на краю бассейна, чтобы не отплывать далеко. Если бы не безмятежные лица, их можно было бы принять за трупы, всплывшие после кораблекрушения.

Я закрыла глаза и долго плавала, пока не уперлась головой в бортик. Легонько оттолкнувшись, я снова очутилась на середине. Ради эксперимента я лизнула палец, и он оказался страшно соленым. Я вспомнила Алису в Стране Чудес, которая плавала в луже собственных слез вместе с Мышью, Уткой и Дронтом, и решила, что они не утонули только потому, что лужа была соленой. Бассейн тоже показался мне резервуаром, наполненным свежими теплыми слезами… Вдруг я подумала, что больше никогда не буду оплакивать Мартина.

Ванны рекомендуется принимать не более сорока минут. Я потеряла чувство времени, но, увидев, как Кэрри, подобно прекрасной бегемотихе, ве-

личественно выходит из воды в своем блестящем лайкровом купальнике, обтягивающем пышную грудь и полные бедра, и в резиновой шапочке, скрывающей волосы, я медленно последовала за ней. Мы приняли душ, вытерлись, надели халаты и повалялись в шезлонгах. Потом пошли пить чай с печеньем. Я поблагодарила ее, сказав, что в этом замечательном месте мне действительно стало лучше. Она спросила, в чем причина моей депрессии, и, к собственному удивлению, я рассказала ей обо всем, связав ее клятвой молчания и не раскрывая источника информации.

22

— Да, представляю, каково тебе сейчас, — говорит Кэрри, наливая себе еще чашку дарджилинга, — но попробуй посмотреть на все позитивно. Он ведь сразу сказал ей, что не собирается бросать тебя ради нее, так ведь? Значит, любил тебя.

— Необязательно, — говорит Хелен. — Возможно, ему просто не хотелось возиться с разводом и нести дополнительные расходы. В первую очередь, расходы. Его зарплаты на Би-би-си на две семьи не хватило бы.

— Ну, значит, он, по крайней мере, не любил ее. Это был просто секс. И кто знает, может, она сама вешалась ему на шею? Немногие мужчины способны перед этим устоять.

— Не думаю, что молодые женщины выстраивались бы в очередь, чтобы вешаться Мартину на шею. Он был не *настолько* привлекателен.

Кэрри вздыхает:

— Наверное, ты удивишься, но когда у мужчины есть власть, а у женщины — красота и молодость, они, как правило, этим пользуются. Мужчины пользуются властью, чтобы добиться сексуаль-

ной близости, а женщины используют красоту, чтобы продвинуться по служебной лестнице или получить хорошие рекомендации… или просто приятно провести время. Я сама так делала.

— Ты? — Хелен сильно удивлена.

— Ну да. Когда училась в Беркли. Я переспала со всем факультетом. Но выбирала только ассистентов преподавателей или выпускников. Одногруппники меня не интересовали. — Она задумчиво улыбается. — Я была настоящей стервой. Но тогда я еще была красавицей.

— Ты и сейчас красивая, — говорит Хелен, но Кэрри грустно качает головой.

— Спасибо, Хелен, но я потерпела поражение в битве с целлюлитом где-то между третьим и четвертым ребенком. Если бы мы жили в век Рубенса или хотя бы в век Ренуара, то, возможно, все было бы по-другому… Но сегодня идеал женской красоты — тело мальчика-подростка с двумя кукишами вместо сисек. Полистай «Вог». По этому поводу Мессенджер вывел собственную теорию.

— Правда? — Хелен с интересом поглядывает на нее.

— Да. Когда превыше всего ценилась плодовитость, большие бедра и груди служили символом

деторождения и поэтому выживали в процессе естественного отбора. Но в наше время, когда секс является прежде всего развлечением, мужчины выбирают партнерш гибкого и атлетического телосложения, которые могут принять любую позу из книги «Радость секса» и даже не вспотеют. Через пару тысяч лет всех детей будут делать в пробирках, а такие женщины, как я, с фигурой в форме груши, вымрут, подобно динозаврам.

— Какая же ты груша, Кэрри! Ты… великолепна. Как Юнона.

— Спасибо на добром слове. Когда мне было двадцать один… Черт, я могла влюбиться в собственное отражение в зеркале! Если мне нравился какой-нибудь преподаватель, я просто садилась за первую парту в облегающих шортах и майке и с восхищением смотрела на него… Он млел прямо на глазах и на следующий день предлагал продолжить разговор о моей работе за чашечкой кофе. Через неделю мы становились любовниками. Это было в семидесятых, когда мы и слыхом не слыхали ни о каком СПИДе и ни о какой политкорректности, и все на кампусе трахались, как кролики, живя одним днем. В Оксфорде тоже так было?

— Да, примерно.

— К счастью, климат изменился, когда я встретила Мессенджера, — продолжает Кэрри. — Мне уже не стоит волноваться насчет юных красавиц у него на пути, и не только потому, что их в Центре когнитивных исследований не так много. В университетах увеличилось число сексуальных домогательств. Теперь преподаватели боятся связываться со студентами — и правильно делают. В семидесятых Беркли превратился в Содом и Гоморру. Даже Гарвард от него не отставал. Я готовилась там к сдаче диплома. Пыталась соблазнить научного руководителя, но он оказался старомодным, почтенным дяденькой, который хотел сперва на мне жениться.

— А кто он был?

— Александр Хиггинсон. Слыхала?

— Кажется, нет.

— Написал книгу о французской живописи девятнадцатого века и кучу статей на эту же тему. Алекс был намного старше меня, и у нас было что-то вроде романа Доротеи Брук с Касобоном. Я восхищалась его умом и приятным французским акцентом, а родители всеми силами пытались меня отговорить. Папа считал, что Алексу просто нужны мои деньги — дедуля ведь оставил мне приличное наследство. Не думаю, что для Алекса

деньги играли большую роль, но папа все равно настоял на брачном контракте, который составил его личный адвокат. По этому контракту все мое личное имущество оставалось за мной, и теперь я благодарна ему, учитывая дальнейшее развитие событий.

— Интересно, а как вы познакомились с Ральфом?

— На вечеринке в Кембридже. Мессенджер учился тогда в технологическом и заметно выделялся среди прочих. Большинство моих гарвардских друзей были гуманитариями, а мои родители общались в основном с состоятельными бизнесменами и меценатами. Я практически не была знакома с людьми науки и считала их сухарями, погруженными в свои тоскливые размышления о нейтронах и протонах. Мессенджер был исключением. Внешне он больше походил на рок-звезду — носил длинные волосы и одевался в цветастые шелковые рубашки. Подробно, но доходчиво, с сексуальным акцентом Майкла Кейна рассказывал мне о компьютерах и искусственном разуме. Говорил, как мужчина, уверенный в своем будущем. К тому же он сам был невероятно сексуален. К тому времени мой брак начал уже потихоньку разваливаться. Давала о себе знать

разница в возрасте. Ситуация немного улучшилась после рождения Эмили, но когда радостное оживление прошло, выяснилось, что Алекс не очень-то любит детей. А я уже перестала восторгаться его интеллектом. Я поняла, что все его книги были вариацией на одну тему, заимствованной к тому же у Гомбрича. Мне надоела роль Доротеи, и я созрела для госпожи Бовари…

— Ты стала изменять ему с Ральфом?

— Да. Он пригласил меня познакомиться с его компьютерами и поцеловал в лифте. Это был особенный поцелуй. Я нанимала для ребенка няньку, когда встречалась с Ральфом. От нее-то Алекс все и узнал. Даже не потребовал опекунства над Эмили. Развод был очень культурным. Вскоре после этого Мессенджер получил работу в Калифорнийском технологическом, и мы переехали в Пасадену. Хочешь еще чаю?

— Да, пожалуйста.

Кэрри подзывает официантку и заказывает чай. Официантка вежливо замечает, что в стоимость одного плавательного сеанса входит только один маленький чайник, а за остальное нужно платить. Кэрри вежливо обещает, что заплатит чуть позже, на выходе, потому что сейчас у нее нет при себе денег. Официантку это явно тревожит,

и она предлагает бесплатно принести кипятку. Кэрри соглашается.

— До чего же я люблю Англию! — произносит Кэрри, когда девушка удаляется. — А теперь ты расскажи мне свою историю. Как ты познакомилась с Мартином?

— На одной театральной постановке. Она проходила во внутреннем дворе Оксфорда, летним вечером, в небе носились стрижи…

— Как романтично. Вы учились вместе?

— Нет, Мартин учился в Дареме. Я была уже выпускницей, а он проходил практику в Лондоне на Би-би-си. Он был братом одной моей подруги, которая играла Титанию в студенческом спектакле — «Сон в летнюю ночь». Она попросила меня составить ему компанию. Как и вы с Ральфом, мы мгновенно сошлись. Он был старше меня всего на два года, но, как и Ральф, казался намного старше всех парней, которые у меня были. Всю вечеринку мы просидели в углу и проболтали, пока ему не пришло время бежать на последний лондонский автобус. Я хорошо запомнила автобусное расписание этого маршрута. Мы стали встречаться, проводили выходные то в Оксфорде, то в Лондоне. Самое счастливое время. Я работала в Библиотеке Бодлея с понедельника по пятницу,

а по выходным занималась любовью с Мартином. Пока не забеременела.

— Неожиданно?

— Разумеется. Я не планировала ребенка, ведь я только начинала академическую карьеру. Но и аборт не хотела делать — католическое воспитание не позволяло. К счастью, Мартин тоже не хотел аборта. Предложил мне выйти за него замуж — честно сказать, я вздохнула с облегчением, не то мои родители сошли бы с ума, узнав, что у них незаконнорожденный внук.

— Поэтому ты и вышла за него?

— Нет, я была влюблена и мечтала о семье и детях. Просто это случилось раньше, чем я рассчитывала. Я переехала в Лондон и надеялась, что смогу работать в Британском музее и ездить время от времени в Оксфорд на встречи с научным руководителем. У меня это получалось несколько месяцев, но когда родился Пол, все стало сложнее. Я едва справлялась с ребенком, мы втроем ютились в нашей тесной квартирке. У меня началась послеродовая депрессия.

— Я знаю, какой это ужас.

— Со временем я ее переборола, но все равно бросила научную работу.

— И вместо этого стала писателем. А это намно-

го лучше.

— Может быть.

— У меня тоже нет научной степени, — говорит Кэрри.

— Жалеешь?

— Не особенно. Я и не стремилась сделать карьеру академика. Меня всегда раздражал этот гарвардский дух конкуренции. Я постоянно подозревала, что студенты шепчутся у меня за спиной: «Зачем ей это нужно? Зачем ей работать, с такими-то деньгами?» И это правда. Мне просто хотелось заниматься еще чем-нибудь, помимо семьи и Мессенджера… Поэтому и роман начала писать…

Официантка приносит кипяток и, заговорщически подмигнув, ставит перед ними печенье. Кэрри разливает кипяток в заварники, потом задумчиво вертит в руках печенье.

— Ты всегда была верна Мартину? — спрашивает она, когда официантка удаляется.

— Конечно, — помрачнев, отвечает Хелен. — Иначе бы я не обижалась так на него. Не имела бы права.

— Да, я не хотела… просто в твоих книгах так много измен.

Хелен смеется и завязывает пояс своего халата.

— Как и в большинстве романов. О стабильном моногамном браке просто нечего сказать.

— Да, как у Толстого в «Анне Карениной»: «Все счастливые семьи счастливы одинаково…»

— «А несчастные несчастливы по-своему». Я не совсем согласна с первой частью фразы. Счастливые семьи не всегда одинаковы. Проблема в том, что они *не очень интересны* (если это, конечно, не твоя семья). Литература черпает материал в несчастье. Нужны конфликты, разочарования, нарушение правил. Обычно романы имеют дело с частной жизнью, эмоциями, отношениями между людьми, и поэтому в них часто идет речь о неверности. Необязательно супружеской, ведь многие люди в наши дни даже не женятся, но все равно обманывают своих партнеров. Ведь когда изменяешь, нет никакой разницы, в браке ты или нет.

— Да, но как ты понимаешь чужие характеры? Например, в «Смешанных чувствах».

— В отношениях между людьми нашего круга всегда было много измен и предательств. Я просто внимательно смотрела и слушала. К тому же мои студентки в колледже Морли готовы были поведать мне обо всем на свете…

— Да ты что? — Кэрри смеется. — А как они

реагировали, когда их истории появлялись в твоих книгах?

— Я всегда очень осторожна, стараюсь никого не обидеть, — говорит Хелен, подливая себе чай. — Порой нужна лишь маленькая деталь из чьей-нибудь жизни, и воображение моментально начинает выстраивать целый сюжет, развивающийся в совершенно другом направлении, а человек, который рассказал тебе свою жизнь, ни за что не узнает в твоей книге себя… Не оборачивайся, у тебя за спиной происходит нечто странное.

За спиной Кэрри в бассейн опускают пожилую женщину: она лежит в такой люльке, привязанной к небольшому подъемному крану. Кэрри поправляет волосы и незаметно оглядывается. Женщина очень худая и костлявая, купальник свободно болтается на немощном теле, суставы распухли от артрита, руки и ноги дрожат, словно у нее болезнь Паркинсона. На лице вместо улыбки — вымученная гримаса. В воде подруга или медсестра что-то успокаивающе бормочет, приготовившись взять старуху на руки. Когда та ложится на воду, а компаньонка поддерживает ей голову, руки и ноги старухи расслабляются, и счастливая улыбка облегчения появляется у

нее на губах.

— Классная машина, интересно, она выдержит мой вес? Когда-нибудь она мне понадобится.

— Да брось ты.

— И тебе тоже. Никогда ведь не знаешь… — Она поворачивается к Хелен. — Слушай, раз уж ты разоткровенничалась со мной, я скажу тебе, что я об этом думаю. Я прекрасно понимаю твои чувства. Ты всегда доверяла Мартину и тут вдруг узнаешь, кем он был на самом деле. Но ничего уже не поделаешь, и тебе ему нечего предъявить, он мертв. Ты чувствовала себя в безопасности, в счастливом гнездышке вашего брака и спокойно писала о чужих проблемах. А теперь перенесла удар, и тебе есть о чем писать. От всего сердца. Это поможет тебе избавиться от злости.

— Но я не хочу писать роман-отмщение.

— Почему?

— Негативные мысли никогда не порождали хорошей литературы. Может быть, со временем, когда рана затянется…

— Хорошо, тогда подожди. А пока наслаждайся жизнью.

— В смысле?

— Довольно грустить о Мартине.

— Я больше не грущу. Лежа в бассейне, ре-

шила, что с меня хватит. Не буду больше о нем плакать.

— Отлично. Пора подумать о новых отношениях. Ты красивая, умная…

— Ой, Кэрри, хватит…

— Нет, не хватит, не надо ложной скромности, прошу тебя. Пора проснуться и быть счастливой.

— Счастливой, — вздыхает Хелен. — Иногда я думаю, что создана для несчастья, как однажды сказал твой муж.

— Мессенджер? Когда?

— По телевизору.

— А, ну да. Сам-то он создан для счастья. Может, поэтому я и вышла за него.

23

Король Венцеслав выглянул в окно… хорошо… Индикатор батареи потускнел, но, кажется, еще работает… Сегодня воскресенье, 6 апреля, я в комнате отдыха «Британских авиалиний» в аэропорту Амстердама… жду рейса на Бирмингем, потому что опоздал на бристольский из-за задержки в Праге, несмотря на то что как дурак мчался через весь Шифол, а там ремонт, и весь аэропорт в ужасном состоянии… Я несся, закинув язык на плечо и зажав портфель под мышкой, чувствуя себя как биатлонист, которому снится, что он пытается попасть в уменьшающуюся на глазах мишень. Терминал Шифола — около километра в длину. Петляя между стойками регистраций и натыкаясь на носильщиков, я бежал, как угорелый, чтобы, в конце концов, узнать, что досмотр и посадка закончились, хотя мониторы в зале показывали, что они еще продолжаются… я просто офигел, когда узнал, что других рейсов на Бристоль сегодня уже не будет…

Я летел в Прагу не прямым рейсом из Лондона, а через Амстердам, чтобы избежать утомительной

поездки в Хитроу или Гетвик и обратно, но теперь Кэрри придется встречать меня в Бирмингеме и везти в Бристоль, чтобы я мог забрать оставленную там машину… Только что звонил ей, и она совсем не обрадовалась известию. А кто бы обрадовался? Ведь она сейчас в Подковах с детьми и Хелен, придется прерывать отдых. Думаю, Хелен нравится там без меня… Очень надеюсь, что она перестанет меня избегать, иначе Кэрри обратит внимание и заподозрит неладное… может, и хорошо, что она не поддержала мою идею поменяться дневниками… неизвестно еще, что бы из этого вышло… но в этом определенно что-то есть, очарование риска… Как только эта мысль пришла мне в голову… на обратном пути от Хелен в Центр… я все время возвращался к ней, все выходные думал, особенно после того, как Хелен отказалась поехать с нами в Подковы… она позвонила Кэрри и сказала, что простудилась, чему я, естественно, не поверил. А на Пасху она уезжала… Нужно восстановить с ней дружеские отношения, когда приеду…

Ждать еще целых два часа, и я коротаю их, сидя со старым добрым «Перлкордером» в звуконепроницаемой телефонной кабинке, где никто не может меня подслушать, хотя и в самой

комнате отдыха пусто, как на кладбище… По воскресеньям бизнесменов не много… уффф… только сейчас, наконец, у меня нормализовались пульс и дыхание… проклятое несварение… все из-за чешской еды… такое впечатление, что она состоит из одних жиров и углеводов…. Сбалансированный рацион в чешском представлении — это суп с клецками, запеченный гусь с жареной картошкой, тоже с клецками, а на десерт клюква в тесте со взбитыми сливками. Все это запивается несколькими литрами пльзенского пива. Как они только выживают с таким режимом питания? Почему не падают на улицах с сердечными приступами? Здесь немало полных людей, особенно, мужчин за сорок, но также много стройных молодых женщин… Как эта Людмила, талия у нее, наверное, сантиметров пятьдесят, а живот плоский, как… как блин, но уж точно не чешский, который начинен сливами и взбитыми сливками… она съела один… потом второй… пока я сидел рядом с ней, она ела все, что появлялось на столе… как им это удается? Может, они едят только на людях, когда кто-нибудь за них платит, а в остальное время голодают?.. Или после еды засовывают себе два пальца в рот?.. Это не анорексия и не булимия, никакой

заниженной самооценки, скорее наоборот. Они твердо убеждены, что худоба поможет им жить в Чешской республике, а в лучшем случае — уехать из нее… Недостаточно просто быть умной и говорить по-английски, нужно еще и выглядеть, как Кейт Мосс… представляю себе этих девушек в тесных квартирках многоэтажных коробок, они спят в одной спальне с сестрами, один туалет на всю семью, без денег, без личной жизни, у них одно-единственное приличное платье и фигура, которую они холят и лелеют, как драгоценность, зная, что это — единственный способ что-нибудь получить от жизни и не стать похожими на своих матерей… Несмотря на «бархатную революцию», а может, и благодаря ей, в стране много так называемых «благородных бедняков». На первый взгляд Прага кажется преуспевающим городом, но привольно живется здесь в основном туристам, предпринимателям и мошенникам (причем вторых подчас трудно отличить от последних). Многим, особенно бюджетникам, сейчас живется еще труднее, чем при коммунизме. Родители Людмилы, например, профессиональные врачи: отец — патологоанатом, а мать — гигиенист, но, по ее словам, им приходится по вечерам давать частные уроки школьникам, чтобы свести концы

с концами, потому что оклады не поспевают за инфляцией… Неудивительно, почему люди горько усмехаются, когда начинаешь одобрительно говорить о «бархатной революции». «Конечно, у нас теперь появилась возможность свободно путешествовать, — говорила Людмила, — но мы не можем себе этого позволить». Мы болтали в кровати, после секса. Мне хотелось спать, но попросить ее встать было бы невежливо с моей стороны, уснуть же вдвоем на односпальной кровати невозможно… Британский совет поселил меня в милой старинной гостинице с видом на Карлов мост, парапет которого украшает тридцать одна статуя святых, яростно жестикулирующих и похожих на ископаемых букмекеров… Вероятно, в Совете думали, что я проникнусь духом истории, витающим в этой гостинице с ее кривыми лестницами, низкими потолками, темными стенами и комнатками, похожими на кельи. На самом же деле, в поездках я предпочитаю «Хилтон» или «Хайатт» — что-нибудь просторное и шикарное. С большой ванной и душем, льющим под таким напором, чтобы просверливал дырки в коже, с хорошим мини-баром и широким выбором порно-каналов по телевизору. А кровать должна быть такой

огромной, чтобы можно было перепробовать шестьдесят девять поз, не свалившись на пол и не стукнувшись ногой о тумбочку. С Людмилой, правда, мы просто перепихнулись, с презервативом, и никакого тебе орального секса… безопасно, но… механически… Не та ночь, которую потом вспоминаешь с удовольствием… Пора завязывать с этими встречами на одну ночь, тем более с женщинами, которые в два раза моложе тебя…. Все произошло отчасти от скуки, а отчасти из-за галантности: на ее вопрос о том, чем бы я хотел заняться, я ляпнул: «Много чем», а она превратно меня поняла. Смешно сказать, но к концу вечера я вдруг подумал, что она обидится, если я не доведу дело до конца… Кроме того, было очень скучно без дела шататься по Праге… Некоторые бредят этим городом… но мне он показался каким-то историческим парком отдыха, кругом бродили те же самые люди, каких можно увидеть в любом Диснейленде — туристы в кроссовках, широких шортах и светлых футболках. Было тепло, почти жарко, в Центральную Европу пришла весна. Мне от этого было не легче, я изнывал в теплой не по погоде одежде, постоянно чесался и потел. Особенно в этих душных ресторанах с гуляшем, супом с клецками, жареным гусем с клецками

или для разнообразия говяжьим бульоном с клецками или свининой с кислой капустой и опять-таки с клецками. Проблема в том, что я очень люблю такую пищу и вообще люблю вкусно поесть, я ел там постоянно… в командировках кто-то обязательно приглашает тебя в ресторан раза два на день, и каждый раз приходится съедать по три-четыре блюда…

Восточная Европа нравилась мне больше в коммунистические времена, когда есть там было почти нечего, ну, совсем нечего, даже с твердой валютой в кармане. В этом что-то было — временно попадать из полного довольства в нужду. Помню, как когда-то зимой, кажется, в семидесятых, бродил по улицам Лодзи, в каком-то экстазе созерцая монотонное убожество угрюмых, обветшалых многоквартирных домов, грязного заледенелого снега, трамваев с усталыми пассажирами, забившимися в углы и державшимися за железные поручни. Мне нравилось разглядывать невыразительных женщин, упорно стоявших в очередях перед пустыми прилавками… Такие картины заставляли ценить простые житейские радости, которые обычно принимаешь как должное, и с удовлетворением ощупывать карман с обратным билетом и английским паспортом…

сейчас такого контраста уже не ощущается…

Приглашение я получил от моих чешских издателей, они собрались издавать «Машину разума»… Мне польстило, что они посчитали мою десятилетнюю работу достойной перевода, и я решил порадовать их своим приездом… тогда издатели сразу же обратились в Британский совет за грантом, и те согласились при условии, что я проведу лекцию и семинар в их университете. Таким образом, график поездки оказался очень плотным: с лекцией, семинаром, раздачей автографов и даже трехминутным интервью национальному телеканалу. …Мой издатель Милош Палацки, с которым я ни разу до этого не встречался, оказался типичным представителем нового постмарксистского капитализма: доброжелательный, но коварный. Он лихо провернул всю рекламную кампанию, не вложив в нее ни кроны, за исключением одного счета за ланч (цветная капуста с клецками, жареный дикий кабан с клецками и фруктовые клецки)… Если верить одному чешскому писателю, с которым я познакомился, Палацки известен тем, что не платит гонораров и мне, следовательно, нечего рассчитывать на какую-либо прибыль, за исключением того скромного аванса, который я

получил при подписании договора… Переводчица меня еще меньше вдохновила — дама среднего возраста, не слишком хорошо владеющая английским и не слишком образованная в моей сфере, но объяснить это Палацки мне так и не удалось, поскольку он сам очень плохо говорил по-английски… Его сопровождали два квадратных монстра в черных костюмах, которые открывали для него двери и заслоняли от остальных людей, когда он перемещался из машины в какое-нибудь здание… Возможно, оберегали его от разгневанных кредиторов… Я быстро понял, что меня просто ловко используют, но все же стойко выдержал все встречи со СМИ и книгопродавцами и прочитал дежурную лекцию-исследование о проблеме сознания в переполненной аудитории Карлова университета. «Зазор в объяснениях» Левина, «Поразительная гипотеза» Крика, «Трудный вопрос» Чалмерса, Деннетт, Сиэрл, Мински и Пенроуз — «обычные подозреваемые», небольшой наезд на нейрологию, эту новую френологию, и еще один небольшой наезд на бихевиоризм («Тебе понравилось, а мне?» всегда вызывает смех)… и, наконец, поговорили об ИИ и построении когнитивных и аффективных моделей, а также о процессах познания… разложил все по

полочкам… это было в пятницу… потом прием и обед с клецками… В субботу утром провел закрытый семинар, посвященный экспериментальной работе моего Центра, для кафедр психологии и философии, после чего один профессор представил меня Людмиле Лиск, младшему научному сотруднику кафедры психологии. Ее назначили моим гидом, и мы приступили к «осмотру достопримечательностей», который запланировал для меня Британский совет. Если честно, моим самым заветным желанием было слинять поскорее домой ближайшим рейсом, но, когда мне протянула руку улыбающаяся, симпатичная и очень стройная молодая женщина, я подумал, что отказаться от ее услуг было бы просто кощунственно. Правда, я даже не подозревал, как далеко зайдет наш «осмотр достопримечательностей»…

Ей выдали небольшую сумму на расходы, и первым делом она повела меня в «типичный чешский ресторан», где мы отведали «типичной чешской еды»… Потом я с набитым брюхом бродил по старой Праге, вслед за Людмилой заходя то в замок, то в собор, то в церковь, то в галерею… Мы восхищались готикой, рококо, модерном и так далее, пока, наконец, Людмила не возвестила, что настало время поужинать перед оперой, давали

что-то из Яначека… «Вы не будете сильно возражать, если мы не пойдем в оперу?» — спросил я. Она словно испугалась. «Вы не любите оперу?» — «Терпеть не могу». Она закусила губу, подавляя улыбку и глядя на меня, как на непослушного мальчика. «Чем же вы хотели бы заняться?» — «Ну, много чем», — сказал я с улыбкой, которая, ей скорее всего показалась похотливой, потому что она покраснела, придав тем самым двойной смысл моему невинному ответу. «Ну, например, — продолжил я, пытаясь рассеять ее подозрения, — можно заскочить в какой-нибудь приятный прохладный бар, выпить ледяного пива, потом посидеть в кино с кондиционером, и после этого я, может быть, и захочу поужинать». Так мы и сделали. Отыскали бар с негромкой джаз-гитарой… потом посмотрели фильм с Вуди Алленом на английском и с чешскими субтитрами… В конце концов, забрели в небольшой вьетнамский ресторанчик и поужинали без всяких клецек, но со скромной бутылочкой венгерского рислинга. Людмила рассказала о своей научной работе: проект моделирования учебного процесса, попытка выстроить особую модель накопления знаний посредством опыта — диалога и взаимного подражания учащихся,

симулирования детских игр, например, игры в зверей, растения и минералы… все это показалось мне совершенно безнадежным, со множеством переменных, но я пытался сохранять вежливо-поощрительный тон… Она же стелилась передо мной мелким бесом и бесстыдно льстила. Надо сказать, она отлично справилась с домашним заданием, глубоко вникнув в мою «Машину разума» и даже приводя из нее цитаты. И все это время над нашими головами витали эти пузыри из комиксов: «Он хочет переспать со мной?», «Она, наверное, ждет, чтобы я предложил ей переспать со мной?» По плану ей следовало проводить меня в отель, а потом взять такси и поехать домой… ночь была теплой и по-весеннему благоухала… мы прошлись по площади, еще разок взглянули на Астрономические часы, которые как раз пробили двенадцать, потом полюбовались их движущимися фигурами: прелюбодей, богач и гордец — они ритмично покачивали головами, а смерть твердила: «Да-да»…

Потом пошли на Карлов мост и смотрели то ли на замок, то ли на дворец — ночью он казался миражем… Очарование этого города, наконец, на меня подействовало. Мне даже показалось естественным повторить жест влюбленных

парочек, гулявших в тени часовых фигур, и я положил ей руку на талию и сказал, что мог бы обхватить ее большими и указательными пальцами — настолько она стройна, а девушка засмеялась и предложила попробовать. У меня ничего не вышло, и вместо этого я прижал к себе ее тело, упругое и податливое, как молодое деревце, и поцеловал ее запрокинутое лицо. Как только мы вошли в мою комнату, она, не теряя времени, мгновенно разделась. Впрочем, на ней было совсем немного одежды — платье из хлопка да трусики, лифчика она не носила, не нужен для ее слишком маленькой, на мой вкус, груди… полная противоположность Кэрри… вспомнилась почему-то реклама, которую запомнил с детства… «не слишком много, не слишком мало… в самый раз…» Она лежала под одеялом и смотрела, как я раздеваюсь, и меня это сразу же сбило с толку… собственное туловище показалось тучным и слишком несовершенным по сравнению с ее гладким и белым телом… я выключил свет, задернул шторы и открыл окна (сказав ей, что слишком душно, но душно не было, просто мне хотелось задернуть шторы, чтобы скрыть свою неуверенность, не хотелось, чтобы она рассматривала меня голого). К счастью, член у меня

встал, но боюсь, что оргазм она имитировала…

Нет, это не такой секс, который потом вспоминаешь с удовольствием… слишком все оказалось легко… В семидесятых меня могли бы обвинить в шпионаже, а потом шантажировать, я наверняка обнаружил бы камеры и жучки по всей комнате… Впрочем, и на сей раз с меня потребовали кое-какую плату. В ресторане я проболтался о конференции, которая должна состояться в конце мая, и теперь, одеваясь, она спросила, не могу ли я передать тезисы ее работы для участия в конференции, а потом обратиться в Британский совет за грантом на поездку… Я сказал, что программа уже утверждена (ложь), но она могла бы подать заявку… я не сумел отказать ей после того, как ее трахнул… но думаю, одной ее заявки будет недостаточно для получения гранта… хотелось бы в это верить…

24

Воскресенье, 6 апреля. Только что вернулась из Подков, по дороге отвезла детей Мессенджеров домой в Питтсвилл-Лаун. За обедом позвонил Ральф из амстердамского аэропорта и сказал, что опоздал на рейс в Бристоль и теперь летит в Бирмингем, так что Кэрри пришлось за ним ехать. Я предложила забрать детей с прогулки, чтобы она могла сэкономить хоть немного времени, и она с радостью согласилась. Наконец мне предоставилась возможность хоть чем-то *ей* помочь.

Такой поворот событий сократил наш отдых в Подковах — а жаль, погода стояла чудесная, было довольно тепло, и мы сидели на веранде. Сейчас шесть вечера, и все еще светло. В прошлые выходные перевели часы, но я была слишком занята своими мыслями, чтобы обратить внимание на то, что день стал длиннее. Насчет Мартина я немножко успокоилась. Полезно было выговориться, к тому же Кэрри так хорошо умеет слушать. Ее совет найти другого мужчину кажется невероятным и смешным, ведь единственный мужчина, который проявляет сейчас ко мне ин-

терес, — ее муж.

Одно из последствий этой новости о Мартине: теперь он, наконец, полностью оставил меня. Больше не бродит невидимкой на задворках моего сознания. У меня нет желания вызывать его дух, упрекать или обвинять его. Тем более не хочется, чтобы он мучился в чистилище или горел в аду. Не могу представить, что он продолжает существовать, поскольку он превратился в обманщика, ловко прятавшего от меня свое истинное лицо. Хорошо, что я узнала правду здесь, а не дома, где живут мои дети и друзья. К тому времени, когда я вернусь в Лондон, мое спокойствие и равнодушие к Мартину будут казаться всем естественными. Можно будет даже не упоминать его имени.

Понедельник, 7 апреля. Наступила настоящая весна. Солнце сегодня нагрело мне спину, пока я шла по кампусу. Всюду пробивалась зеленая травка, а вокруг библиотеки цвели вишневые деревья. Студенты толпились на ступеньках, сняв рубашки и греясь на солнышке. Они бесстыдно флиртовали, целовались и держались за руки, с радостью участвуя в весенней мистерии.

Какая загадка таится в сексуальном влечении,

какой широкий спектр эмоций оно вызывает! С одной стороны, наслаждение, а с другой… кошмар. Сегодня за кофе прочитала в газете жуткую статью о групповом изнасиловании. Случилось это еще в сентябре, но только сейчас дело передали в суд. Австрийка, приехавшая в Лондон по туристической путевке, обратилась к группе подростков от четырнадцати (четырнадцати!) до семнадцати лет. Они показались ей очень дружелюбно настроенными и предложили пройтись по городу. Это было наивно с ее стороны, но ведь все случилось средь бела дня, и, возможно, они показались ей совсем еще детьми (ей самой тридцать два, по ее словам). К тому же иностранка могла не понять их слэнга и не обратила внимания на их тон, жесты, выражения лиц. Наверняка они подмигивали друг другу, переглядывались, обменивались двусмысленными фразами… Потом завели ее в безлюдное место, где пустили «по кругу», и, раздетую, бросили в канал, несмотря на ее мольбы этого не делать — она кричала, что не умеет плавать. Видимо, это и спасло ей жизнь, потому что на самом деле плавать она умела и кое-как доплыла до другого берега. Я живо представила себе эту картину — рыдающая, исцарапанная, испачканная в грязи женщина

бредет по набережной, пока не находит того, кто может ей помочь. Во всей этой истории меня особенно поразила одна деталь: по ее словам, она «пережила это страшное испытание только потому, что попыталась отстраниться от собственного тела». Что бы на это сказал Ральф Мессенджер? По-моему, хороший аргумент в пользу дуализма.

Джаспер Ричмонд зашел в кафе, как раз когда я там сидела. Он толкал перед собой большую тележку, доверху наполненную ящиками с вином и бокалами для завтрашнего приема. Из Уолсоллского университета приезжает профессор Робин Пенроуз, которая должна прочесть лекцию памяти Х. Х. Кросби. Это ежегодное событие, которое организует вдова одного из бывших сотрудников нашего университета. Я приглашена на лекцию и последующие прием и ужин. Лекция называется «Изучение субъекта».

— Боюсь, будет нелегко высидеть, слишком много профессионального жаргона. Ведь она теоретик, — сказал Джаспер.

— Зачем же ее тогда пригласили? — поинтересовалась я.

— Это была не моя идея. Один из моих молодых коллег мечтал с ней познакомиться. — Он с хитрецой осклабился. — Как с лектором, разумеется.

Впрочем, она недурна собой…

Все сейчас только и говорят о выборах. По результатам опросов, лейбористы по-прежнему лидируют, но к первому мая ожидается резкое изменение в распределении голосов. Я не успела зарегистрироваться как «голосующий по почте», а выборы назначены на четверг, когда у меня занятия. Боюсь, что не смогу проголосовать. Теоретически, можно съездить в Лондон с утра, но мне лень.

Еще с университета я голосовала за лейбористов, когда все мои знакомые симпатизировали левым, но со временем мой пыл стал постепенно угасать. Если бы Мартин не повлиял на меня, я бы уже давно переключилась на социал-демократов, которых он иронически называл «партией для людей, не любящих политику». Новые лейбористы почти ничем не отличаются от СД, и меня это устраивает, но я все равно буду голосовать за первых, тем более что они и так победят на выборах. Даже отец, который всю жизнь (за исключением 1945 года) голосовал за тори, на этот раз хочет отдать свой голос либеральным демократам или, в крайнем случае, воздержаться. Его ужасно раздражает некомпетентность и аморальность нынешнего правительства. Да уж, если Саутуолд

проголосует за лейбористов, мир перевернется вверх тормашками.

Вторник, 8 апреля. Робин Пенроуз использовала слово «субъект» в самых разных значениях. Субъект как индивид, субъект изучения (например, университетский предмет «английская литература») или субъект государственной политики. Насколько я смогла понять из лекции, во всех перечисленных значениях «субъект» — штука очень нехорошая. Существует нечто общее между эгоцентризмом в классическом психоанализе, слепым преклонением перед «формальной правильностью» в традиционной грамматике, эксплуатацией покоренных народов при колониализме и даже идеей литературного канона: все эти явления репрессивны, тиранич-ны, фаллоцентричны, их непременно нужно деконструировать… Это была в своем роде блестящая речь — высокая моложавая женщина в эффектном черном брючном костюме жонглировала такими отвлеченными понятиями… Ее ярко-рыжие волосы были подобраны серебряной заколкой, а длинные серебряные серьги блестели и позвякивали, когда она обводила аудиторию самоуверенным взглядом. Мне было неприятно, что благодарным слушателям предложили такую

сухую и пустую лекцию. Где же радость чтения? Где личные открытия и самосовершенствование? Слово «личность», или «самость», по ее мнению, обычно неверно истолковывается… Индивидуальность формируется, перестраивается и разрушается при овладении языком, под влиянием потока понятий, в который она погружается. (Надеюсь, я правильно ее поняла, я вела краткий конспект.) Сравнение с «потоком» напомнило мне бедную австрийку, сброшенную в канал придурками-насильниками. Не думаю, что женщине станет легче, когда ей скажут, что одной из косвенных причин происшедшего явилось обязательное изучение Шекспира в школьной программе…. В конце лекции профессор Пенроуз провела параллели с компьютером. Операционная система Windows с ее возможностью работать сразу в нескольких программах сравнивалась с сознанием, центр которого смещен. Мне показалось, что в этом есть что-то общее со словами Ральфа. Оба ученых отрицали, что наше «я» имеет какой-либо постоянный стержень, или «центр». Ральф говорит, что это — фикция, которую мы сами для себя выдумываем, а Пенроуз утверждала, что наше «я» обусловлено нашей культурой. Очень тревожно осознавать, что многие веду-

щие ученые и гуманитарии думают подобным образом.

За ужином я сидела рядом с профессором Пенроуз (плохая еда в частной столовой учительского корпуса), и она показалась мне намного симпатичнее, чем вначале. И не только потому, что прочла большинство моих романов и говорила о них со знанием дела. У нее есть четырехлетняя дочь, которая, по-моему, осталась без отца. Пенроуз самостоятельно воспитывает дочь и возглавляет Факультет культурологии и коммуникаций в Уолсолле. Это один из новых университетов, созданный из бывшего техникума (как странно, Глостер тоже когда-то имел статус нового университета, но сейчас его корпуса обветшали как снаружи, так и внутри). Робин направили туда всего два года назад, «с целью повысить уровень образования и исследовательских работ», как она сказала. Она употребляла в речи научные термины с самоуверенной легкостью, словно продолжая излагать свои книжные теории. Я вдруг представила себе, как она, будто фабрикант в старину, ударами хлыста подстегивает нерадивых и, как правило, пожилых мужчин, заставляя их достигать все более высокой производительности труда. Но оказалось, что ей

гораздо интереснее обсуждать детские болезни и внедрение гендерных стереотипов поведения в детских садах. Она увлеченно говорила об этом с сидевшей напротив Аннабель Ривердейл. Ее теории в корне противоречат ее профессиональной практике, а личная жизнь, в свою очередь, сильно противоречит и тому и другому. Но я уверена, что цельность характера не является для нее важной составляющей человеческой личности.

После лекции ко мне пристала Марианна Ричмонд и попросила купить пятифунтовый билет на утиные гонки, которые она организует в следующее воскресенье в Бертон-он-зе-Уотер с целью собрать деньги на какое-то благотворительное мероприятие, связанное с болезнью Оливера. Идея была заимствована из «Винни-Пуха». В реку с моста бросают пронумерованных пластиковых уточек и смотрят, какая первой приплывет по течению к финишу. Владелец билета, номер которого совпадет с номером утки-победительницы, получает приз. Это показалось мне намного веселее простой лотереи, и я сразу же согласилась. Мы обменялись впечатлениями от лекции, и я пожалела, что на ней не было Ральфа Мессенджера, мне хотелось бы услышать его точку зрения. Она посмотрела на меня с таким видом, словно

я знакома с ним ближе, чем позволяют правила приличия. Уверена, она даже не подозревает, что я знаю об их «игре», и надеюсь, что она не догадывается о его повышенном внимании ко мне. Гловеры тоже были на приеме и говорили исключительно о выборах. Теперь, когда Блэр стал основным претендентом, Летиция с большим одобрением говорит о новых лейбористах, с радостью предвкушая их победу. Они собираются устроить вечеринку в честь выборов и обещали прислать мне приглашение.

Среда, 9 апреля. Сегодня утром, когда я работала дома, позвонил Ральф Мессенджер.

— Ты когда-нибудь проверяешь электронную почту? — спросил он.

— Через день, — ответила я, и он рассмеялся:

— Мои коллеги проверяют почту каждые двадцать минут. Вчера утром я послал тебе сообщение.

— Извини, сейчас посмотрю.

— Не стоит, там только приглашение на сегодняшний обед. Мне нужна твоя помощь.

— Какая помощь? — осторожно спросила я.

— Ничего предосудительного.

Немного поразмыслив, я согласилась. Если бы я отказала, то перегнула бы палку, ведь я и так

достаточно ясно дала ему понять, как отношусь к его предложениям, особенно в нашей электронной переписке. Теперь, когда расставлены все точки над «i», можно возобновить нашу дружбу.

— В учительской столовой или в пабе? — спросил он, и я благоразумно выбрала первое.

Позже. И зачем только я выбрала учительскую столовую! Все было замечательно и интересно, кроме самой еды. Ральф увлекательно рассказывал о крайне жирной пражской кухне. Обед получился невкусный, но занятный. Помощь, о которой он говорил, заключалась в том, что я должна участвовать в конференции, которая в конце семестра будет проходить в его Центре. Называется она Международной конференцией по вопросам исследования сознания, или «Консоз», как прозвали ее постоянные участники. Ральф кличет ее «бродячим цирком», который каждый раз разворачивает шатры на новом месте, и на сей раз пришла очередь Глостера.

— Это не собрание академиков, пережевывающих одну и ту же жвачку, а, скорее, междисциплинарная конференция, на которой «монстры» когнитивной науки выступают наряду с провинциалами, психами и эксцентриками. Думаю, тебе это будет интересно. Кроме того, у нас есть

обычай приглашать кого-нибудь для «заключительного слова». Он должен поделиться своими впечатлениями и подвести итоги.

Ральф хочет, чтобы в этой роли выступила я. Мне это польстило, но я сказала, что мне не хватает знаний и я вряд ли пойму хоть половину из того, о чем будет идти речь.

— Не важно. Смысл «заключительного слова» в том и состоит, чтобы получить свежий взгляд на событие. В прошлый раз, например, его произносил буддийский монах. Еще раньше — зоолог. Но у нас еще ни разу не было литератора, — сказал Ральф.

— Да, это серьезное упущение для конференции, посвященной сознанию. Но почему же вы не воспользуетесь услугами маститого академика, например, Робин Пенроуз?

И я рассказала ему о лекции.

— Терпеть не могу этих людей, — скривился Ральф, — постмодернистов, постструктуралистов или как там они себя называют. Как-то раз они уже просочились на «Консоз» и доставили нам массу хлопот. — Меня удивила такая реакция, и я спросила о ее причине. Ральф ответил: — Они враждебно относятся к науке вообще. Нахватались новейших научных понятий, даже не

вникнув в их суть, и носятся с ними, как с писаной торбой. Они полагают, что принцип неопределенности Гейзенберга, кошка Шрёдингера и теорема Геделя дают им право говорить о том, что в мире не существует никаких научных доказательств, а наука служит лишь одной из многочисленных и равноценных интерпретаций мира.

— А разве не так? — поддразнила его я.

— Разумеется, нет! — живо откликнулся он. — Научные объяснения принципиально отличаются от анимизма, зороастризма или астрологии.

— Согласна, но ты говоришь о самых крайних формах, — сказала я.

— Тогда сама выбери любой пример. — И он заносчиво задрал подбородок. В этот момент я не смогла подобрать ничего подходящего. — Начиная с эпохи Просвещения, — он перешел на лекторский тон, — наука служила единственно верной формой знания. Ее противники встали перед выбором: принять ее и попытаться объяснить свои идеи с научной точки зрения и тем самым подвергнуть их серьезной опасности, поскольку они могли оказаться необоснованными, как это случилось с теологией. Или же можно было спрятать голову в песок, делая вид, что науки вовсе не существует, как поступают, к примеру, фун-

даменталисты. А эти постмодернисты посадили всех в одну лодку, заявив, что нет ни волков, ни овец. Но это далеко не так. Наука реальна. Она изменила условия человеческой жизни намного глубже, чем вся предшествующая тысячелетняя история. Одна медицина чего стоит! Еще двести лет назад доктора пускали больным кровь, считая это лекарством от всех возможных недугов. Если у тебя рак, то ты же не пойдешь к онкологу-постмодернисту, считающему, что рефлексология и ароматерапия ничем не отличаются от хирургии и химиотерапии?

— Конечно, нет, если ставить вопрос подобным образом. Но ведь существуют области человеческой жизни, в которых наука бессильна, — вставила я.

— Ты имеешь в виду *qualia*? — спросил он.

— Именно. Счастье — несчастье, чувство прекрасного, любовь…

— Да, это большая нерешенная проблема…. Как найти связь между состояниями мозга, за которыми уже можно наблюдать, и сознанием, о котором можно только говорить? Но если ты ученый, ты должен верить в то, что ответ будет найден. Для этого и создаются центры, подобные нашему.

Потом я спросила его, верит ли он в то, что в один прекрасный день какой-нибудь новый Эйнштейн вдруг проснется с готовой теорией сознания, и Ральф ответил:

— Если честно, нет. Эту проблему разрешит скорее всего компьютер, а не человек. Но вопрос в том, поймем ли мы, что это и есть разгадка.

Четверг, 10 апреля. Хороший практический семинар был сегодня. Сол Голдман читал главу, в которой главный герой впервые приглашает своего отца в гей-клуб. Получилось очень смешно. Но самое главное — Сара Пикеринг тоже присутствовала на занятии. Она не приходила уже два раза после нашего с ней разговора, и я начала опасаться, как бы она не впала в депрессию или, не дай бог, не решила уйти с курсов, что могло повлечь за собой неприятные последствия. Сегодня же она явилась в класс и даже произнесла несколько толковых замечаний. У нее во рту поблескивал штифт пирсинга. Мне подумалось, что он нужен ей для секса, но эта мысль не вызвала ревности, а скорее развеселила меня. Мне уже не хочется выцарапать ей глаза.

Жизнь потихоньку налаживается. В среду Ральф вел себя безупречно, и у меня нет причин, чтобы не поехать в воскресенье в Подковы. По-

сле обеда мы собираемся вместе отправиться в Буртон-он-зе-Уотер на утиные гонки Марианны Ричмонд. А завтра я устрою себе небольшую экскурсию. Погода установилась теплая, и я решила почаще выходить из кампуса, чтобы изучать окрестности. Сейчас читаю новое собрание писем Генри Джеймса; меня особенно заинтриговало одно письмо к Чарльзу Элиоту Нортону, отправленное весной 1870 года из Малверна, который находится недалеко отсюда. Джеймс приехал туда поправить здоровье после Флоренции (в тот год он совершил «большое путешествие» по Европе, оплаченное его отцом). Меня особенно поразил следующий отрывок:

«Вчера утром если я и думал о Флоренции, то со снисхождением. Я побывал в старинном Ледбери, около часа карабкался по общипанным оленями склонам и бродил по живописным аллеям Истнор-парка (обширное владение графа Сомерса) — удивительно пустынного и очаровательного, но в то же время неухоженного, как в Италии. В Ледбери я обнаружил одну очень старую и величественную церковь с отстоящей колокольней и церковным погостом, насквозь пропитанным стариной. Это столь удачная, характерная и неожиданная находка, что кажется

мне сейчас (подобно множеству других мест) одним из наиболее памятных видов Европы».

Церковь с отстоящей колокольней — нечто необычное и совершенно неанглийское, очень хочется посмотреть самой, собираюсь съездить туда завтра. Пальцы крестиком за то, чтобы она не изменилась с тех пор, как ее впервые увидел Джеймс.

Пятница, 11 апреля. Сегодня произошло нечто из ряда вон выходящее. Не успела я подумать о том, что моя жизнь входит в привычное размеренное русло, как случилось событие, которое поставило все под сомнение и заставило задуматься, возможна ли хоть какая-то честность в человеческих отношениях. Странно, что все началось с путешествия по стопам Генри Джеймса и, в конце концов, стало напоминать сцену из его романа. Нужно обстоятельно все описать, чтобы меня мог бы одобрить сам Мастер.

До Ледбери легко добраться на машине. Нужно ехать по шоссе А-438 от девятого выезда до М-5. Проезжая через Тьюксбери, я увидела великолепное норманнское аббатство и решила осмотреть его поближе на обратном пути. Открытая и ровная дорога, пролегающая вдоль опрятной и

милой деревушки (впрочем, не такой ухоженной, как Котсуолд), постепенно пошла в гору и поднялась прямо к центру Ледбери. Там есть несколько примечательных зданий на Хай-стрит, особенно Торговый дом — пропорциональное здание эпохи Тюдоров, построенное на деревянных сваях. Еще понравилась таверна «Перья» (того же периода, с восхитительным асимметричным фасадом). Нужно там как-нибудь пообедать. В маленькой туристической конторе я взяла небольшой буклет. Оказалось, что это место имеет более глубокие литературные корни, чем короткая путевая заметка Джеймса (о нем, кстати, в брошюре ничего не сказано). В Ледбери предположительно родился Джон Лэнгланд. И точно установлено, что здесь родился и жил Джон Мэйсфилд — вплоть до того, как отправился в плавание. Неподалеку, в очень необычном здании с турецким минаретом, воспитывалась Элизабет Баррет. К несчастью, оно сохранилось только на фотографии. Напротив Торгового дома расположен неказистый викторианский корпус какого-то института из дерева и красного кирпича и с часовой башней, который носит имя писательницы. На здании висит мемориальная доска сэра Райдера Хаггарда, основавшего институт в 1898 году.

Все это мне очень понравилось. Я мысленно поздравляла себя с удачным днем. Люблю чувствовать связь с великими и не очень великими писателями, бродить там, где бродили они, и видеть то же, что и они. Многие мои друзья в Лондоне любят подшучивать над мелочной индустрией сохранения национального достояния, но я невероятно рада тому, что столько усилий и денег уходит на сохранение этих памятников. Приходская церковь Ледбери предстала передо мной в таком же виде, как и перед Генри Джеймсом, правда, в его времена она еще не была так хорошо отреставрирована. К счастью, ее не осовременили. Взбираясь между низкими черно-белыми домиками по каменистой и извилистой тропинке от Хай-стрит, сначала замечаешь шпиль колокольни святого архангела Михаила со всем ангельским воинством и «флюгер золотой, что видит половину графства», как писал Мэйсфилд (это из брошюры, я не знаю Мэйсфилда наизусть). Слово «отстоящая» немного сбило меня с толку, и я надеялась увидеть башню в стиле итальянского Возрождения наподобие уменьшенной сиенской; на самом же деле, это норманнская колокольня со шпилем, который сменили в восемнадцатом столетии. Она действительно стоит в стороне от

церкви в окружении зелени и истертых надгробий. Такого сооружения больше нигде в Англии не встретишь. Церковь очень интересна как исторический и архитектурный памятник. На больших деревянных дверях — следы от пуль, оставшиеся после битвы при Ледбери (в ее детали авторы моего буклета не вдавались), а над большим восточным окном пробито маленькое красное окошко, которое, по слухам, появилось только в XVI веке, заменив лампу святилища, которую запретили протестантские реформаторы. (Об этом надо рассказать папе, он любит такие вещи.)

Внимательно осмотрев церковь и побродив среди могильных плит, я пошла обратно, очень довольная прогулкой. У меня разыгрался волчий аппетит. Таверна «Перья» оказалась как нельзя более подходящим местом для обеда. Когда одинокой женщине приходится обедать в пабе, она обычно чувствует себя неловко, но это место было больше похоже на неформальный ресторан. На первом этаже — открытое пространство, вместо стен — вертикальные брусья, множество уединенных уголков и затемненных ниш. В большом камине потрескивали дрова, а на грубо сколоченных столах стояли живые поле-

вые цветы. Виндзорские кресла оказались очень удобными. Над баром висела доска — меню с соблазнительным набором блюд. Я заказала пюре с чесноком и травами и острые креветки с вялеными помидорами, чтобы оставить место для десерта — апельсинового пудинга с трюфелями и соусом «гран-марнье». Улыбчивая официантка, похожая на заботливую мамашу, приняла заказ, к которому я еще добавила бокал их фирменного шардоннэ. Первое блюдо оправдало мои надежды — еда просто таяла во рту. С трудом верилось в такой удачный день.

И тут-то приключился этот казус. Я только расправилась с пюре и креветками. Официантка забрала тарелки и ушла за десертом. Я допила вино и откинулась на спинку стула, лениво разглядывая ресторан. В другом конце комнаты, в одном из уютных уголков, за столиком, на котором, когда я вошла, стояла табличка «заказан», сейчас сидели Кэрри Мессенджер и Николас Бек.

Моей первой реакцией была радость: какой приятный сюрприз и какое счастливое совпадение — встретиться с друзьями в таком восхитительном месте! Объяснение их присутствию пришло мгновенно (просто невероятно, как быстро работает мозг в таких ситуациях). Я

сразу же вспомнила, что Кэрри в мой первый приезд в Питтсвилл рассказывала, как Николас Бек помогал ей приобретать антикварную мебель и они вместе ходили по аукционам и распродажам. «Наверное, опять приехали что-нибудь прикупить», — подумала я.

Следующей мыслью было подойти к ним и поделиться впечатлениями от Ледбери. Наверняка они знают эту церковь, но вряд ли читали, что писал о ней Генри Джеймс. Мне захотелось произвести на них впечатление — желание, всегда возникающее в компании культурных людей. Но в следующую секунду Николас привстал, перегнулся над столом, взял Кэрри за руку и поцеловал ее в полные губы.

Вне всякого сомнения, то был поцелуй любовника. Мой мозг снова стал лихорадочно подбирать возможные варианты объяснений, предположений и догадок (после разговоров с Ральфом у меня вошло в привычку сканировать собственный мыслительный процесс). Напрашивался неизбежный вывод: Николас Бек — никакой не гомосексуалист, как сообщил мне Джаспер Ричмонд, а Кэрри так же верна Ральфу, как и он — ей.

Что же теперь делать?

Первым делом мне захотелось сбежать, пока они меня не заметили. Отменить пудинг и попросить счет, стараясь не привлекать к себе внимания. Пока я колебалась, Кэрри осторожно отстранила от себя Николаса Бека и откинулась в кресле, осматривая ресторан с довольной улыбкой на губах. Улыбка мгновенно сошла с лица Кэрри, когда она увидела меня, пристально смотревшую на нее с другого конца комнаты.

Как это было похоже на сцену из «Послов», где Ламберт Стрезер, сидя в маленькой гостинице на берегу реки в пригороде Парижа, замечает молодых влюбленных в лодке и узнает в них Чада Ньюсома и госпожу де Вьонне, чьи отношения он считал платоническими, между тем как они состояли в незаконной сексуальной связи. То же мгновенное смущение с обеих сторон, быстро замаскированное ловкой импровизацией. Кэрри вновь улыбнулась, но на сей раз — немного натянуто и неестественно, изобразив на лице удивление и радость, и помахала мне, приглашая присоединиться к ним. Я улыбнулась в ответ так же неестественно, как Стрезер, который стоял на берегу реки, «махая шляпой и тростью». Николас встревоженно поглядел в мою сторону, и Кэрри что-то ему шепнула. Чтобы переждать его и мое

смущение, я сначала нырнула под стол, отыскивая сумку, и пошла к их столу, словно модель на подиуме.

Тем временем Николас успел взять себя в руки. Он встал, любезно поздоровался со мной и предложил сесть. Мы с Кэрри поцеловались в обе щеки, хотя раньше никогда этого не делали, — некий инстинктивный жест взаимного доверия. Анализируя его впоследствии, я решила, что он был призван нейтрализовать подсмотренный мной поцелуй. Мы как бы приравнивали его к обычному дружескому знаку внимания и были похожи на актеров, которые непрестанно целуются и обнимаются.

Нам удалось мастерски разыграть сцену радостного удивления от неожиданной встречи в таком милом маленьком городишке. Я предположила, что они ездили по антикварным магазинам, и Кэрри мгновенно ухватилась за эту идею и принялась расхваливать старинный комод, который мечтала купить. Я же, в свою очередь, пустилась в восторженные описания церкви, цитируя Генри Джеймса. Слава богу, наша вежливая беседа не имела такого же продолжения, как в «Послах», где героям пришлось вместе обедать и в одном поезде возвращаться в Париж, дабы никто не

подумал, что друзья Стрезера собирались провести в гостинице ночь любви. Я не знала, да и не пыталась узнать, забронировали ли Кэрри и Николас номер в «Перьях». Как только официантка принесла им первое блюдо, я попыталась вернуться к своему столику, но Кэрри настояла на том, чтобы я съела свой пудинг вместе с ними. Кофе я пить не стала и ретировалась как можно скорее. Запрыгнула в машину и мигом помчалась из Ледбери, забыв даже про аббатство, которое хотела посетить на обратном пути. В голове снова и снова прокручивалась эта сцена в ресторане, и я то и дело истерически хихикала.

В этом нечаянном открытии было что-то комичное. В литературе измена может быть как комедией, так и трагедией — в диапазоне от фарса Фейдо до «Анны Карениной». То же самое случается и в жизни — в зависимости от ситуации и точки зрения. В измене Мартина с Сандрой Пикеринг я не видела ничего смешного, но Ральф Мессенджер… именно ему так ловко наставили рога, и сделал это не кто иной, как Николас Бек! Интересно, Бек намеренно не опровергал слухов о том, что он убежденный холостяк и гомосексуалист? Хорошее прикрытие — наподобие мнимой импотенции Хорнера в «Жене-селянке». А вдруг

он таким способом обхаживает всех женщин на кампусе? Ко мне постепенно вернулся здравый смысл, и я припомнила несколько эпизодов, доказывавших, что у них роман. Машина Кэрри, припаркованная у дома Николаса Бека, когда я столкнулась с ней в пятницу в Челтнеме. Самодовольный смешок Николаса, когда он шел вслед за Кэрри с огромной тарелкой на дне рождения Ральфа. И привычное упоминание его имени в разговоре, когда она называла его «знатоком». Возможно, они сошлись во время одной из этих антикварных экскурсий, и их совместные поездки стали отличным прикрытием для длительных свиданий. Вот это ход! Так я размышляла, нажимая на газ и качая головой.

«В каком ужасном мире мы живем!» — говорю я самой себе, перечитывая написанное. В мире тайных измен. Мартина с Сандрой Пикеринг, Кэрри с Николасом, Ральфа с Марианной (и со мной, если бы я позволила). Даже маленькая Аннабель Ривердейл обманывает своего мужа с таблетками (и я ее вовсе не осуждаю). Интересно, стану ли я свидетелем еще каких-нибудь интриг? Чья теперь очередь? Может, я одна такая принципиальная? Я похожа на старомодный и неудобный викторианский кринолин. Может,

я что-то упускаю? Нет, этот эпизод никогда не заставит *меня* чувствовать вину и дискомфорт. Вначале мне хотелось выдумать очередную простуду, только бы не ехать в Подковы, но раз уж мы договорились, то придется съездить.

25

— Все местные жители постоянно прикалываются над Буртоном-он-зе-Уотер, — говорит Эмили, — но мне он почему-то нравится.

Хелен едет вслед за «мерседесом» Ральфа Мессенджера, в котором сидит Кэрри с детьми. Эмили села в машину Хелен, чтобы подсказать дорогу, если она вдруг отстанет или заплутает на узких деревенских улочках между Подковами и Буртоном.

— Над чем же они прикалываются? — спрашивает Хелен.

— Ну, это такое туристское местечко. Кафе на открытом воздухе, сувениры, птички в клетках. Короче, идеальная деревенька. Но там мило, речка течет через всю деревню.

— А как река называется?

— Ммм… забыла, — отвечает Эмили.

— Уиндраш[8], — говорит Кэрри.

— Какое красивое название! — восклицает Хелен.

---

[8] Примечания: 8

От *англ.* wind rush — зд. порыв ветра.

Она и Мессенджеры уже припарковали свои машины и влились в небольшую компанию, собравшуюся у реки. Прозрачная и чистая вода Уиндраша блестит на солнце. Вдоль кирпичной набережной по одному берегу простираются лужайки и сады, а по другому тянется главная улица деревни. Кое-где шумят пороги и высятся небольшие декоративные мостики, за деревней же река постепенно расширяется и замедляет течение.

— Просто чудесно! Идеальное место для утиных гонок, — говорит Хелен.

— Марианне повезло, не так-то просто получить разрешение на проведение мероприятий в этом месте, — вставляет Джаспер, — но у нее есть знакомые в приходском совете.

— Как ей могли отказать? — недоумевает Летиция Гловер. — Это как раз то, что Буртону надо!

— Где стартуем? — спрашивает Реджинальд Гловер, чтобы отвлечь внимание от этого грубоватого замечания.

— С дальнего конца деревни, — отвечает Джаспер, показывая рукой вверх по течению. — Марианна уже там. Ее атакуют орды туристов, желающих купить билеты. К сожалению, не разрешается продавать их в публичном месте.

— Пойдемте скорее, — говорит Колин Ривердэйл своей жене и малышам. — Нельзя же пропустить начало. — Он усаживает одного ребенка себе на плечи, а другого берет за руку и отправляется в путь, за ними семенит Аннабель с детской коляской. Хелен, Мессенджеры и Гловеры следуют за ними, но не так быстро.

Друзья и знакомые Ричмондов (в основном преподаватели гуманитарного факультета) тоже приехали поддержать мероприятие Марианны, а у стартовой линии, как и предупреждал Джаспер, уже собрались туристы и зеваки, предвкушающие необычное зрелище и разочарованные тем, что не удалось купить билеты. Многие из них все равно вносят пожертвования. Марианна довольна — уже сейчас ясно, что все пройдет успешно. Оливер вне себя от счастья и возбуждения.

— Здравствуйте, Хелен Рид, какой у вас номер?

Хелен смотрит на билет:

— Сорок восьмой.

— А у меня четырнадцатый.

Он бродит по лужайке, спрашивая у всех знакомых их номера.

Несколько мальчишек-бойскаутов держат над водой в большой сетке около ста утят — одинаковых пластмассовых банных игрушек с

нарисованными на них номерками. По сигналу Марианны мальчишки с плеском высыпают уток в воду. Зрители ликуют, некоторые бегут вслед за утками, не отрывая от них глаз. Дети забегают вперед и выстраиваются в ряд на мостике, наблюдая, как утки проплывают под ним. Сначала игрушки продвигаются одной большой желтой массой, затем разделяются на небольшие группки и отдельно плывущих особей. На середине дистанции одна утка вырывается вперед метров на двадцать.

— Поразительно, — замечает Хелен, шагая рядом с Ральфом. — Они же все одинаковые и сбросили их в одно время.

— Да, прекрасная иллюстрация теории хаоса, — говорит Ральф.

— А, знаю, что это такое, профессор Дугласс объяснил.

— Да? Когда это он успел? — удивленно спрашивает Ральф.

— На твоем дне рождения. Эффект бабочки. Множество переменных.

— Очень хорошо! Особенно вначале, когда они врезаются друг в друга. В реке различные подводные течения и водовороты, и ветер неравномерно распределяется по поверхности. Этой маленькой

утке повезло со всеми переменными.

— Пока да…

— Конечно, она может попасть в водоворот или врезаться в какую-нибудь корягу под мостом, но единственное, что способно помешать ее победе, это катастрофа.

— Так же как в жизни. Жизнь — большая утиная гонка.

Оливер Ричмонд возбужденно бегает взад и вперед вдоль берега. Хелен подзывает его:

— Какой номер у лидера?

— Семьдесят три, — говорит Оливер, замедляя шаги.

— Не моя, — говорит Ральф, разглядывая свои пять билетов.

— Вторая — под номером сорок два, третья — под номером девять и четвертая — под номером восемьдесят два, а пятая — под номером двадцать семь.

— Тебе нужно быть комментатором на скачках, Оливер, — шутливо советует Ральф.

Оливер смотрит на Ральфа.

— Вы — Ральф Мессенджер, — говорит он.

— Да.

— У вас есть карточка «Сэйнзбери»?

Ральф, похоже, растерян:

— По-моему, у жены есть.

— Какой номер?

— Понятия не имею.

— А у моей мамы есть карта «Сэйнзбери». Номер 6341740018651239770.

— Молодец, — говорит Ральф.

— Как у него это получается? — недоумевает Хелен.

— Аутисты нередко обладают феноменальными способностями. Во времена, когда еще не было никакой политкорректности, их называли «гениями-идиотами».

— Наподобие компьютеров?

Многих уток постигла печальная участь. Одни утонули в водопадах или сели на мель в тростнике, другие врезались в коряги и мосты и остановились. Теперь их вылавливают бойскауты с помощью своих сетей и бамбуковых шестов. Но основная масса по-прежнему продолжает плыть, крутясь и переворачиваясь в воде, минуя настоящих уток, которые с презрением поворачиваются к пришельцам спиной, делая вид, что не замечают их. Старший ребенок Ривердейлов, пытаясь спасти желтую утку, зацепившуюся за ветку, упал в воду, и отец бросился ему на помощь, намочив ботинки и брюки. Вся семья в

спешке уехала домой. Утка под номером семьдесят три уверенно набирает скорость и вскоре финиширует, на целую минуту опередив свою ближайшую соперницу. Владельцем утки-победителя оказался не кто иной, как профессор Дугласс. Джаспер Ричмонд поймал его в учительской и заставил купить билет.

— Как жаль, что он не пришел! — говорит Хелен.

— Подобные развлечения — не для Даггерса. Ведь он затворник. До сих пор не понимаю, как его угораздило прийти ко мне на день рождения. Он меня терпеть не может.

— Да, я заметила.

— Что?

— Он что-то такое говорил…

— Что именно?

— Какую-то банальщину.

— Рассказывай, — настаивает Ральф.

— По-моему, назвал тебя «мастером научной цитаты» или чем-то в этом роде.

Ральф выдавливает из себя короткий невеселый смешок.

— Неужели я виноват в том, что журналисты звонят не ему, а мне, когда хотят поговорить об искусственном интеллекте? — Хелен молчит,

и Ральф продолжает: — Когда я сюда приехал, мне рассказали один анекдот про Даггерса. В те времена он уже завидовал всем, кто имел дела с прессой. Однажды он зашел в нашу кофейню и обмолвился, что его пригласили принять участие в радиодискуссии за 50 фунтов. Его спросили: «И что ты собираешься делать?» Он ответил: «Наверное, соглашусь. 50 фунтов я уже послал».

Хелен рассмеялась:

— Просто не верится.

— Мне тоже, к сожалению, — улыбается Ральф. Самообладание возвращается к нему.

Оставшихся утят постепенно прибивает к берегу, и бойскауты вылавливают их сетью и уносят. Толпа зевак редеет. Подходит Кэрри и просит Ральфа пойти с детьми и купить мороженое, он послушно отходит.

— И нам тоже принеси, — кричит она ему вдогонку.

— Какое?

— Сам выбери, удиви нас чем-нибудь.

— Но это же Буртон, Блонди, — говорит Ральф, — в этом деревенском магазинчике только фонарики в фольге да эскимо на палочке, тут тебе не «Говард Джонсон».

— Знаю, принеси любое, — отзывается Кэрри.

Потом поворачивается к Хелен: — Знаешь, когда я вспоминаю родину, то больше всего скучаю по мороженому.

По дороге Ральф встречает Стюарта Филлипса и Марианну: они дают указания бойскаутам, а те складывают пластиковых уточек в картонные коробки.

— Привет, Стюарт, не знал, что ты еще и наставник бойскаутов.

— Я у них вожатый по компьютерным наукам, — смеется Стюарт.

Ральф отзывает Марианну в сторону.

— Оливер только что спросил меня о карте «Сэйнзбери». Что он имел в виду?

— Он назвал тебе номер моей карты?

— Да.

— Это его любимый трюк для публики.

— А я решил, что он намекает на ту автостоянку, где нас застукал.

— Оливер не умеет намекать, — говорит Марианна.

— Он сказал что-нибудь Джасперу?

— По-моему, нет.

— Слава богу… Как ты вообще, Марианна?

— Спасибо, хорошо. — Она смотрит мимо Ральфа на бойскаутов.

— Ну ладно, я пойду. Мне еще мороженое надо купить.

— Самое лучшее — в «Митчелле». Вверх по улице, потом направо.

— Спасибо, может, купить бойскаутам?

— Нет. Я уже пообещала им коктейль.

— Ладно, — говорит Ральф и удаляется.

Хелен и Кэрри присаживаются на скамью у реки, в тени большого дуба. Все зрители шоу уже разбрелись.

— В прошлую пятницу… — начинает Кэрри.

— Не нужно ничего объяснять, Кэрри.

— Но тебе же интересно, что произошло?

— Это не мое дело.

— Ну, может, и так, но я хочу, чтобы ты кое-что знала.

— Я ничего никому не говорила и не собираюсь рассказывать.

— Я знаю, что ты не скажешь, Хелен. Ты не сплетница, а писатель. Ты собираешь всю грязь, а потом используешь ее в своих романах.

Хелен бросает взгляд на Кэрри, словно пытаясь догадаться, к чему она клонит.

— Если ты об этом беспокоишься, то уверяю тебя…

— Нет, что ты, — улыбается Кэрри, — ты же

сказала мне тогда в бассейне, что никогда не написала бы того, что расстроило бы твоих знакомых.

— Да уж.

— Но в тот раз я была не до конца откровенна с тобой. Я сказала, что доверяю Мессенджеру и знаю, что он не станет заигрывать с молодыми выпускницами, и это правда. Он слишком умен, чтобы попасться в эту ловушку. Я верю ему, но только в этом, а в остальном… Я точно знаю, что у него есть женщины на стороне.

— Откуда?

— Инстинктивно. Например, когда он требует секса сразу же после очередной поездки. Он пытается показать, что соскучился по мне. Это самый верный знак.

Хелен улыбается.

— Нужны более веские доказательства.

— И они есть. Иногда его сотрудники, с которыми он ездит на конференции, рассказывают о его похождениях своим коллегам или их женам. Потом это доходит до меня. Иногда я получаю анонимные письма. Возможно, их пишут сотрудники, которые ненавидят его, или женщины, которые ненавидят меня, или же те, кто ненавидит нас обоих. На самом деле, на кампусе

слишком много зависти и злости. Когда недавно в «Частной жизни» намекнули, что Ральф — бабник, анонимные доброжелатели прислали мне несколько вырезок. А вдруг я ее не читала? Я даже обнаружила одну вырезку в моей кулинарной книге, куда ее, по-видимому, вложил какой-то добрый друг на одной из наших вечеринок.

— Какой ужас! — бормочет Хелен.

— Главное — никому не показывать вида, что ты расстроена или получила письмо. Не надо обращать на него внимания. Зачем доставлять им удовольствие?

— Порой это бывает сложно, — говорит Хелен.

— Однажды мне прислала письмо женщина, с которой он переспал в Австралии. Написала сама и даже назвала свое имя. Женщина утверждала, что ее использовали, и жаждала отмщения.

— Что же ты сделала?

— Порвала письмо.

— И не поссорилась с Ральфом?

— Какой смысл? Он не собирается меняться, а я не собираюсь с ним разводиться. Мы — хорошая команда. Он — прекрасный отец, и дети будут очень страдать, если мы разведемся.

— Не думаю, что смогла бы все это терпеть. Я *уверена* в этом, — говорит Хелен.

— Я сразу дала понять Ральфу, что не потерплю ничего подобного в собственном доме, включая университет, да и весь Челтнем. Я не говорила об этом напрямик, но он все понял. Потом мне показалось, что наше соглашение носит односторонний характер: почему у меня самой не могло быть никаких приключений? Все дело в том, что я не разъезжаю по заграницам, не встречаюсь с издателями и не мотаюсь в Лондон на съемки телепередач. Но вот на горизонте появился Ник. У нас оказалось много общего: история живописи, антиквариат, дизайн. Мне с ним хорошо. Он очень добрый и внимательный. Всегда предугадывает мои желания и исполняет их. Когда Ник захотел пойти дальше дружеских отношений, я спросила себя: «А почему бы и нет?» Мы встречаемся уже больше года, и ты первая нас застукала. И слава богу. Мы потеряли бдительность.

— А ты в курсе, что его называют «голубым»?

Кэрри смеется.

— Да, мы с Ником не раз смеялись над этим. Всё гадали, кто же начал распускать сплетни — сам он, разумеется, этим не занимался. Хотя и не собирается опровергать все эти бредни, Ральф в них верит, а нам это на руку… Нет, Ник не гей, хоть в молодости и не мог определиться с ориентацией.

Знаешь, эти английские школы для мальчиков… Он любит, когда его шлепают. А в остальном — совершенно нормальный мужчина.

— Любит, когда шлепают? — У Хелен округляются глаза.

— Да, и знаешь, меня это тоже немного возбуждает. Приятно иногда занимать активную позицию, для разнообразия.

— Понятно, — говорит Хелен.

Кэрри смеется:

— Ты в шоке? Это же просто игра.

— Да нет, я не в шоке, просто… удивлена.

— А как же та сцена в «Глазе бури», с веревкой и масками?

— Ну, это же литература.

— Ты что, сама ни разу не пробовала?

Хелен качает головой.

— Попробуй как-нибудь. А вот и Мессенджер. Давай сменим тему.

Хелен озирается по сторонам, словно подыскивая подходящую тему. Замечает что-то желтое.

— Ой, смотрите, последняя утка!

Ральф подходит и раздает мороженое.

— Беру свои слова обратно. Нашел тут классное местечко, где продают домашнее.

— Как вкусно! — восхищается Кэрри, попро-

бовав.

— Ты что-то сейчас сказала? — спрашивает Ральф.

— Одна утка отстала от всех.

Ральф оглядывается, замечает валяющуюся на земле ветку и, наклонившись над водой (Хелен держит его за пояс), подгоняет утку к берегу и вытаскивает ее из воды.

— Какой номер? — спрашивает Кэрри.

— Сорок восьмой, — отвечает Ральф.

— Мой, — говорит Хелен.

Когда Мессенджеры возвращаются к себе в Питтсвилл, их автоответчик высвечивает несколько полученных сообщений. Ральф нажимает кнопку воспроизведения, а Кэрри идет ставить чайник.

— Кэрри, это мама, — слышится голос матери Кэрри. Голос звучит так чисто и отчетливо, словно она звонит не из Калифорнии, а с другого конца Челтнема. — Плохие новости, отец болен. Говорят, сердечный приступ.

— О господи! — Кэрри с грохотом роняет чайник на стол. Подходит к Ральфу, чтобы прослушать все сообщения за день — от матери, сестры и зятя. В комнату вбегают дети с какими-то вопросами, но на них шикают, и они ждут в тишине, пока не

закончатся сообщения. Дети мрачнеют, услышав, что дедушка в реанимации после серьезного сердечного приступа.

— Завтра же вылетаю, — говорит Кэрри, набирая номер сестры. Сестра и мать в больнице, и Кэрри разговаривает с зятем Гэри; тот сообщает, что после второго сердечного приступа отец в критическом состоянии. — Я постараюсь приехать как можно скорее, — говорит Кэрри и кладет трубку. Поворачивается к Ральфу: — Ты не мог бы заказать билеты на воскресенье, на вечер?

— Конечно, если ты собираешься ехать прямо в аэропорт. А нельзя ли подождать до завтрашнего утра? Может, все утрясется?

— Сделай это, хорошо?

— Я не смогу поехать с тобой. Мы всю эту неделю проводим собеседования с кандидатами на новую должность.

— Знаю. В любом случае тебе придется присматривать за детьми.

Ральф звонит в «Британские авиалинии» и заказывает для Кэрри билет бизнес-класса на самолет, вылетающий завтра из Хитроу в Лос-Анджелес.

Кэрри и Эмили на скорую руку готовят омлет с беконом.

Обед за кухонным столом. Хоуп первая нарушает молчание:

— Дедушка умрет?

— Нет, золотце, ешь, — говорит Кэрри.

— Может быть, — одновременно с Кэрри говорит Ральф.

Кэрри с негодованием смотрит на Ральфа.

— Какой смысл притворяться? — оправдывается он.

— А зачем кликать беду?

— Я не кличу беду. Но к такому исходу тоже надо быть готовыми.

— А что происходит с людьми, когда они умирают? — спрашивает Хоуп.

— Их хоронят, — говорит Саймон, — или сжигают.

— Саймон! — резко обрывает его Кэрри.

— Не будь придурком, Саймон, — говорит Эмили.

— Не смей так выражаться, — говорит Кэрри.

— Наш Сок совершенно прав, — замечает Ральф.

— Не во всем, — говорит Марк. — В Индии трупы кладут на крыши зданий, чтобы грифы обгладывали их кости.

— Круто! — восклицает Эмили.

— Это правда, папа? — спрашивает Хоуп.

— Нельзя ли сменить тему? — говорит Кэрри.

— Полагаю, что да, — отвечает Ральф своей дочери, — но это допускает только одна конкретная религия, а здесь или в Калифорнии это не разрешено, так что не беспокойся, котенок.

— В прошлой четверти умер дедушка Ширли Блейк, и миссис Хакетт сказала, что он попал в рай, — говорит Хоуп.

— Правильно, — говорит Кэрри.

— Нет, неправильно, — возражает Ральф. — Некоторые люди верят в это, но они ошибаются, котенок. Рая не существует. Хорошая идея, но абсолютный вымысел. Это просто сказка.

— Мессенджер, мне очень не нравится то, что ты говоришь. — Тон у Кэрри спокойный, ледяной.

— Так куда же попадет дедушка, когда он умрет? — спрашивает Хоуп.

— Да никуда, моя хорошая, его тело похоронят в земле или кремируют, как сказал Сок, но это будет уже не дедушка. Дедушка перестанет существовать и останется только в наших мыслях. Мы будем думать о нем, вспоминать все те хорошие вещи, которые он для нас сделал, подарки, которые он нам дарил, и истории, которые он нам

рассказывал.

Кэрри встает и выходит из кухни, оставляя на столе недоеденный ужин. Ральф продолжает говорить как ни в чем не бывало, но дети притихли и чувствуют себя неловко. Он велит им помыть посуду и выходит из комнаты. Обнаруживает Кэрри в ее комнате, она разговаривает по телефону с «Британскими авиалиниями». В руках она держит бумажку с номером рейса и свою кредитную карточку. На кровати — чемодан, наполовину заполненный вещами.

— Что ты делаешь? — спрашивает Ральф.

Кэрри кладет трубку.

— Я заказала билет для Хоуп. Беру ее с собой. — Кэрри продолжает укладывать чемодан, бегая от кровати к гардеробу и обратно.

— Зачем?

— Как ты мог так говорить? Можно было подумать, что папа уже мертв.

— Мне показалось, что это подходящий случай объяснить Хоуп, что такое смерть. Когда дети задают такие вопросы, они хотят знать правду.

— Правду? Кто знает правду? Кто знает, что действительно происходит, когда мы умираем? Во всяком случае, ты, Мессенджер, этого не знаешь.

— Я точно знаю, что рая нет.

— Если ребенок хочет верить, зачем ему это запрещать? Потом это само собой пройдет, как молочные зубы. Зачем насильно их выдергивать?

— Я не собираюсь спорить с тобой, Кэрри…

— А чем мы, по-твоему, сейчас занимаемся?

— Ты просто расстроена, и это вполне понятно. Просто объясни мне, зачем тащить Хоуп в Калифорнию?

— Она всегда была сильно привязана к дедушке, а он — к ней. Ему это поможет.

— Ты собираешься повести младшего ребенка в реанимацию, чтобы она посмотрела на старика, у которого все тело утыкано капельницами? Да ты с ума сошла!

— Ну, и кто теперь хочет скрыть от нее правду? Твоя беда, Мессенджер, в том, что ты любишь факты только теоретически, абстрактно, но боишься их, когда они становятся реальностью.

— Она пропустит целую неделю занятий.

— Да что ты говоришь!.. Но если случится непоправимое, то пусть она лучше будет со мной, чем с тобой. Не думаю, что ты способен утешить ребенка в горе.

Ральф молчит, поджав губы.

— Хорошо, делай, как хочешь, — говорит он, — я отвезу вас в Хитроу утром.

— Не утруждай себя.

— До обеда у меня нет ничего важного.

— Я закажу машину с водителем. Так будет лучше. Меньше нервотрепки.

— Как знаешь. — Ральф пожимает плечами и выходит из комнаты.

26

Среда, 16 апреля, 21.05. Памятный день. Его нужно увековечить, и не только на диктофоне. Сейчас я дома, в своем кабинете, набираю прямо на компьютере. Дети разбежались по комнатам, делают уроки или смотрят телевизор (или то и другое вместе). Поведение подростков — лучшее доказательство параллельной работы сознания. Как-то раз зашел к Марку в спальню, а он смотрит футбол без звука, слушает «Оазис» в наушниках и одновременно пишет реферат на тему «Закон о торговле зерном». Но я все равно не решаюсь диктовать это вслух. Вдруг кто-нибудь тихонько поднимется по лестнице и случайно подслушает историю о том, как сегодня днем я трахнул одну из «выдающихся романисток современности». Так написано на обложке «Глаза бури», книжка принадлежит Кэрри, но сейчас лежит у меня на столе. «Роман написан в изысканном, эмоциональном и в то же время сдержанном стиле», как пишет «Спектейтор». Сегодня она была не очень-то сдержанной. У меня даже остались следы от укусов на левом плече. Только бы сошли до

приезда Кэрри.

К счастью, она задержится по меньшей мере еще на неделю. Папаше Тёрлоу, кажется, полегчало, я думаю, выкарабкается, хотя может остаться инвалидом. Кэрри еще побудет там, присмотрит за отцом и поможет матери. Мне это на руку. Я рад, что старик не умер, иначе Кэрри стала бы бессознательно обвинять меня в его смерти, связывая ее с моими ответами на вопросы Хоуп за ужином, в воскресенье. Я не чувствую за собой никакой вины. Кэрри уехала в Хитроу на следующее утро, в здоровенном «даймлере» с водителем в темном костюме, а сама надела черное короткое пальто, словно на похороны. За завтраком сухо раздала нам практические распоряжения и, прощаясь, подставила мне для поцелуя щеку вместо губ. Хоуп, улавливая наши отрицательные вибрации, тоже казалась грустной, и я ее крепко обнял и попытался развеселить. Она махала мне с заднего сиденья, пока Кэрри не велела ей повернуть голову вперед.

Помню, по дороге в университет подумал про себя: теперь, когда Кэрри уехала, у меня есть идеальная возможность для флирта с Хелен Рид, и пожалел, что в прошлый раз повел себя неправильно, слишком рано и слишком грубо закинув

удочку… потому она и не попалась на крючок. В Буртоне она была так привлекательна в обтягивающих джинсах, выгодно подчеркивавших ее попку, и в свитере, почти не скрывавшем форму груди. Она слегка поддразнивала меня своими высказываниями об «утиной гонке жизни» и о компьютерах-аутистах (впрочем, про компьютеры она верно подметила, ей это свойственно — бросать мимоходом меткие замечания, может, я использую где-нибудь эту фразу). У компьютеров, как и у аутистов, феноменальная память, но нет здравого смысла и эмоций, они не умеют лгать, не могут отличить правду от вымысла и т. д. Она действительно немного завела меня своими остротами, особенно когда привела ехидный выпад Даггерса в мой адрес: «мастер научной цитаты». При этом пристально смотрела мне в лицо, следя за реакцией, — но не злорадно, а скорее игриво. Наверное, ей очень легко со мной, а мне нравится, когда женщина, с которой я общаюсь, чувствует себя в некоторой опасности.

Так обстояли дела в понедельник утром: кошки не было, а мышку не интересовала моя игра. Придя в офис, я все же позвонил ей под вполне благовидным предлогом — сообщить об отце Кэрри. Она выразила соболезнования и спросила,

как я справлюсь с семьей и домом без Кэрри. Я сказал, что горничная Эдна будет работать у нас дополнительные часы, а в холодильнике полно всякой еды. Она предложила зайти как-нибудь и приготовить ужин. Я сразу поймал ее на слове и попросил прийти в пятницу, а потом осторожно предложил пообедать в среду в столовой учительского корпуса. Как ни странно, она сразу же приняла приглашение и даже сказала: «А почему бы нам не сходить в паб? В прошлый раз еда была кошмарной». Я, конечно, согласился, стараясь не показывать, что у меня слюнки потекли от удовольствия.

Моей первой мыслью было заказать столик в «Голове короля» — уютном маленьком пабе недалеко от Подков, куда мы часто ходим по воскресеньям с Кэрри, когда ей лень готовить. Но мне не хотелось идти с Хелен туда, где меня хорошо знают. Поэтому я позвонил в один деревенский паб под названием «Наковальня» (близ Берфорда, там я был только раз, без Кэрри) и заказал столик в баре-ресторане. Насколько помню, этот паб слегка перегружен допотопным сельскохозяйственным инвентарем, которым увешаны все стены, но общее впечатление осталось приятным, к тому же там было не так уж много народу.

Он включен в «Путеводитель по хорошим пабам», но найти его очень сложно, так что, полагаю, многие потенциальные посетители, потратив кучу времени на поиски, удовлетворяются своими местными пабами и барами.

Пришлось отменить несколько встреч со студентами — не потому, что я подозревал, чем закончится наше свидание, а потому, что не хотелось портить себе обед и спешить куда-то вечером, тем более что «Наковальня» почти в сорока минутах езды от кампуса. Хелен заикнулась насчет расстояния, но я ответил: надеюсь, сегодня ей не нужно никуда срочно бежать. «Вовсе нет», — сказал она. Тогда я сказал, что у меня вечер свободный. «У меня тоже», — призналась она, и эта банальная фраза вдруг приобрела второй смысл. Почти как в Праге, когда я сказал, что многим хотел бы заняться, а Людмила покраснела. Хелен не покраснела, я — тоже, но минуты две мы помолчали. У нас над головами выросли пузыри из комиксов. В моем было написано: «Неужели мне сегодня повезет? Вдруг она почему-то изменила свое решение?» Что было написано в ее пузыре, я не знал, но решил действовать осторожно: не хотелось спугнуть ее, как в прошлый раз. Поэтому я промолчал, и она сама нарушила

тишину: «Какой чудный день! — Она высунулась из окна. — Обожаю весну!» Как неумело она попыталась заполнить паузу! Я мельком взглянул на нее. Красная блузка, шелковый платок на шее, светло-коричневый кардиган и брюки такого же цвета. Золотые серьги и брошь классической формы. Прекрасно выглядела. Она всегда одевается со вкусом, но в этот раз, похоже, приложила особые старания. Хороший знак!

«Наковальня» оказалась точно такой, какой я ее запомнил: белый кирпич и солома снаружи, а внутри — балки, стропила и предметы сельского обихода. Мы сели за уютный столик в углу. «Взгляни на эту косу на стене. Не слишком размахивай руками, а не то им придется переименовать свой паб в „Ампутантку“», — пошутил я, и она рассмеялась — слишком громко для такой плоской шутки. Еще один хороший знак. И третий хороший знак — когда мы не сговариваясь выбрали одинаковые блюда: маринованные мидии на первое и запеченную утиную грудку на второе. Я предложил взять бокал белого вина к мидиям и бутылку помероля к утке. Мидии были великолепны. «Обед гурманов», — заключила Хелен, с удовольствием потягивая вино.

Я сообщил ей последние новости о состоянии

тестя. Она немного рассказала о своих родителях, которые показались мне парочкой старомодных пенсионеров, а потом спросила о моих. Я ответил, что они уже умерли, и она посочувствовала. Мне хотелось поскорее сменить тему, и, к счастью, мгновенно отыскалась другая.

Вчера ночью я пролистал «Глаз бури». Скучноватая история о женщине, которая постепенно впадает в депрессию, а потом выходит из нее, и о том, как это отражается на окружающих: ее муже, детях, родителях и друзьях. Депрессия проходит, когда они с мужем едут в Париж, где когда-то провели свой медовый месяц. Далее следует типичная франкофильская рапсодия о вновь открытых прелестях Парижа — кафе на бульварах, аромате чеснока и выпечки, шелесте автомобильных шин по брусчатке, о книжных лавочках на Левом берегу… и тому подобная дребедень. Но был один интересный эпизод о том, как в героине проснулся утраченный интерес к сексу, который был долгое время подавлен депрессией. Парочка останавливается в хорошем пятизвездочном отеле типа «Ритца». Муж героини, журналист, выходит по своим делам, а Анна (так ее зовут) нечаянно находит в своей шикарной черно-белой спальне загадочные

предметы, вероятно, оставленные предыдущими постояльцами: две бархатные черные маски и длинную шелковую веревку. Она вынимает их и с замиранием сердца думает о том, что же с ними сделать. Выбросить? Положить обратно? В конце концов, показывает их мужу. Он смеется и отпускает непристойную шутку, но Анна замечает, что он возбуждается от вида этих штуковин. Перед сном он протягивает ей одну маску и просит надеть. Маска закрывает половину ее лица, и Анна разглядывает себя в зеркале: «Из зеркала сквозь отверстия для глаз на нее смотрела развратная незнакомка», — говорится в тексте. Анна снимает ночную рубашку и принимает различные позы, рассматривая себя в зеркале. Входит муж, тоже в маске, голый и с эрегированным пенисом. Они смотрят друг на друга, «игриво улыбаясь». Анна вынимает веревку из шкафа и, протягивая ему, просит связать ее. Здесь, как назло, глава кончается, но автор дает нам понять, что эти двое устраивают неслыханную оргию, в результате которой Анна становится новым человеком и, наконец, избавляется от своих страхов.

Когда я признался, что прочитал одну из ее книг, она нервно повела головой и сказала, что лучше бы я этого не делал. А потом продолжила:

— С другой стороны, меня удивляет, что ты сделал это только сейчас… Обычно, когда я с кем-нибудь знакомлюсь, у меня сразу же просят что-нибудь почитать, полагая, что я должна быть за это благодарна.

— Я откладывал чтение твоих книг, опасаясь, что они мне не понравятся.

— Что же заставило тебя передумать?

— Похоже, мы знаем друг друга уже достаточно хорошо, и это не повлияет на мое отношение к тебе.

— А что именно ты прочитал?

Я сказал ей, и она спросила, понравилось ли мне.

— Понравилось — не то слово. Если честно, это не мое… Раньше это называли «женской литературой». Хотя сейчас не разрешается так выражаться. Но мне понравилось. Ты хорошо поработала.

— О, благодарю вас, сэр! — сказала она, иронично склонив голову.

— Нет, в самом деле. Хорошо написано, особенно та сцена, в конце, когда они приехали в Париж.

Она смущенно засмеялась:

— Ты имеешь в виду постельную? Она нравится

всем, кроме моих родителей.

Я спросил, имела ли сцена под собой реальную основу.

— Мессенджер! Ты меня разочаровываешь. Меня об этом все спрашивают!

Я извинился, чувствуя себя полным идиотом, но меня поразило, что она назвала меня Мессенджером. Не припоминаю, чтобы это случалось раньше. Так меня называют только домашние и самые чопорные коллеги, например, Даггерс. Мне показалось, что мы вышли на более интимный уровень. Не знаю, обратила ли она сама на это внимание. Поскольку я был за рулем, то наполнял ее бокал чаще своего, и она немного опьянела и разрумянилась.

— Париж и дорогой отель — из личного опыта, а маски и веревка выдуманы, — сказала она.

— Ты никогда не пробовала ничего подобного?

Она покачала головой.

— Попробуй как-нибудь, — сказал я.

— Один человек недавно сказал мне то же самое, — странно улыбнулась она.

— Тем более.

Она снова покачала головой:

— Я слишком стара для таких эскапад.

— Ерунда, — сказал я, — это единственный

способ побороть старость. Поддерживать сексуальный огонь любой ценой, только бы не угас.

Девушка принесла счет.

— Можно, я заплачу за себя? — спросила Хелен, потянувшись к сумочке.

— Нет, я угощаю, — сказал я и расплатился, оставив щедрые чаевые.

— Спасибо, все было превосходно, — сказала Хелен.

Она впервые позволила мне заплатить за себя. Еще один добрый знак. Я приготовился к прыжку.

— В такой славный денек не хочется возвращаться на работу. Может, поедем в Подковы? Поваляемся в джакузи?

— У меня нет купальника.

— Да он тебе и не нужен. Там некому подсматривать.

Наш разговор дошел до той точки, когда она обычно говорит, что не собирается спать со мной, но она почему-то не сказала этого.

— Если бы ты нашел те вещи, которые я надевала в прошлый раз…

— Хорошо, но без одежды намного лучше, — сказал я.

— Охотно верю…

Трудно вести машину с эрекцией. Приходилось, как близорукому, наклоняться вперед, почти касаясь подбородком руля. Не знаю, может, Хелен закрыла глаза, чтобы я не смущался, но вскоре, заметив, что она уснула, я смог, наконец, расслабиться. Она проснулась, только когда мы подъехали к Подковам.

— Боже, да я уснула! Все из-за еды и вина, — сказала она.

— Тогда нам нужно немного отдохнуть перед ванной, чтобы обед переварился, — предложил я.

— Ты хотел сказать «поваляться»? — Хелен повторила слово, сказанное мной у нее дома.

— Вот именно.

В Подковах, как обычно, было тихо и пустынно. Тишину нарушали только далекое тарахтение трактора и визг сигнализации, включившейся, когда мы открыли входную дверь. Я выключил звонок, запер дверь и начал целовать Хелен — долго и страстно. Она не сопротивлялась, и я первым прервал поцелуй, сказав:

— Давай займемся любовью.

— Я забыла, как это делается. Это было так давно.

— Я тебе напомню. — Я взял ее за руку и повел

наверх, в спальню. — Сначала разденься.

— Тогда задерни шторы, я немного стесняюсь, — сказала она.

Я задернул шторы, вспоминая тот день в Йоркшире, много лет назад, когда Марта задернула тонкие ситцевые занавески, и комната наполнилась мягким розовым светом. Эти шторы были толще, но мне хватило света, для того чтобы рассмотреть тело Хелен и не разочароваться в нем. Я вынул презерватив из шкафчика и положил так, чтобы она не заметила.

Секс был коротким, но приятным. Я не давал ей времени опомниться и вскоре обнаружил, что долгая прелюдия оказалась ей не нужна. Она достигла оргазма с удивительной быстротой, почти сразу, как только я вошел в нее. Думаю, что у женщин, как и у нас, чем дольше воздержание, тем сильнее ощущения, а в ее случае воздержание было слишком долгим. Она кончила с ураганной силой, и я тоже решил больше не сдерживаться. Потом я почти мгновенно уснул. А проснувшись, увидел, что Хелен укрыла себя и меня простыней. Она лежала на спине, положив голову на подушку, и на ее лице застыло нежное и томное выражение удовлетворенной женщины. Она робко и кривовато улыбнулась:

— Ну как, мне понравилось?

Я собирался принять ванну перед сексом, но пришлось принять ее после — так приятно было расслабиться в бурлящей воде. Через некоторое время я стал дурачиться и опять возбудился. Мне хотелось заняться сексом прямо в ванне, под открытым небом, но она отказалась. Я предложил ей вернуться в дом и связать ее. Тогда-то она и укусила меня.

Эмили зовет меня разобраться с мальчишками, которые что-то натворили или чего-то не сделали. Самое время сохранить файл.

27

Среда, 14 мая. Давно не брала в руки дневник. Не очень хотелось писать (даже для себя) о событиях трех прошлых недель. Слишком интенсивно их проживала. Нет, причина не в этом. Дневник — твое зеркало, в которое смотришься каждый день, серьезно, нелицеприятно, не пытаясь ничего приукрасить. С тех пор как мы с Мессенджером стали любовниками, мне не хотелось об этом писать. Не хотелось описывать свое поведение, потому что я боялась, что, если я буду подробно его анализировать, во мне проснется совесть и это испортит все удовольствие. (Меня и сейчас пугает мысль о том, что придется писать от первого лица. Попробую иначе…)

Вот кем она стала: женщиной для утех, страстной женщиной, женщиной легкого поведения, обычной женщиной с женскими слабостями — так бы о ней написали в старинном романе. Но не в современном. Она просто делала то же, что и другие: потакала своим желаниям, ковала железо, пока горячо, пытаясь выжать из своего увядающего тела максимум наслаждения, пока

еще не слишком поздно, потому что «один раз живем» и т. д. и т. п. И она никогда на раскается в этом, ведь это было так захватывающе.

Порой нервы почти не выдерживали — они оба сильно рисковали. Дважды она появлялась в Питтсвилле и готовила ужин для всей семьи, а напившись вина, оставалась на ночь, якобы для того, чтобы не возвращаться поздно вечером домой. Оба раза он пробирался в ее комнату, в ее кровать, посреди ночи — точь-в-точь как она себе когда-то представляла. В такие ночи они занимались любовью еще с большей страстью, потому что нельзя было произнести ни звука, чтобы не дай бог разбудить детей. Они догадывались о том, что чувствует другой, по жестам и выражению лица. Они лежали на полу, на овечьей шкуре, потому что кровать скрипела, и он зажимал ей рот в момент оргазма. Чтобы не закричать, она кусала его за руку между большим и указательным пальцами, словно уздечку, и слышала, как он шумно дышал, терпеливо перенося боль. (Он ласково называл ее «кускусом». Ему, похоже, это нравилось, но ей пришлось отказаться из страха перед Кэрри, которая, вернувшись, обнаружит, что муж с ног до головы искусан, словно бы на него напала стая мышей.) После такого немого

секса она выходила из комнаты, озираясь по сторонам, чтобы убедиться: в коридоре никого нет. Только потом выходил он. Ведь кто-нибудь из детей мог отправиться ночью в туалет и увидеть, как папа выходит из комнаты для гостей.

Однажды они лежали в постели в Подковах, когда к дому подъехала машина и в дверь позвонили. Голый Мессенджер подкрался к окну и осторожно выглянул из-за шторы.

— Вице-канцлер! Сэр Стэн и леди Вив! Какого хрена их сюда занесло? — прошептал он. Этот несвоевременный визит ужасно рассмешил Хелен, и она захихикала, но Мессенджер испуганно зашикал на нее. Его машина стояла во дворе, а значит, посетители знали, что он в доме или где-то неподалеку. Хелен и Мессенджер затаились и ждали, пока гостям не надоело звонить в дверь и они не уехали. Мессенджер спустился и обнаружил записку на коврике у двери: «Мы проезжали мимо, увидели твою машину, но тебя не застали. Надеюсь, в следующий раз увидимся. Стэн».

Ральф смутно припомнил: Кэрри приглашала их заглянуть при случае в их коттедж.

— Они очень заинтересовались нашей горячей ванной, хотели посмотреть, — сказал он Хелен.

— Они бы еще больше заинтересовались ею,

когда бы обнаружили там нас с тобой в чем мать родила, — сказала Хелен.

— Занимающихся сексом, — добавил Ральф с усмешкой, припоминая, как недавно она удовлетворила это его желание. Эксперимент прошел не совсем удачно, во всяком случае для нее, но он получил массу удовольствия. Ему нравилось заниматься сексом в необычных местах. Риск обострял ощущения.

В воскресенье Хелен отдыхала с семьей Мессенджеров в Подковах, и ей удалось уединиться с Ральфом на прогулке. Мальчики хотели посмотреть регби по телевизору, а Эмили просто одолела лень. Мессенджер предложил показать им древний курган Белас-Нэпп. Эмили там уже побывала и знала, как трудно на него взбираться. Мессенджер уговаривал детей долго, но безрезультатно.

Подъем действительно оказался трудным, особенно его последний отрезок. Овцы переставали щипать траву и удивленно таращились на них, словно ни разу не видели людей, взобравшихся так высоко. Мессенджер пояснил Хелен, что это овцы котсуолдской длинношерстной породы, и шерсть их используют для изготовления ковров и верхней одежды. Как выяснилось, Ральф хорошо разбирается в овцеводстве. Когда Хелен спросила,

он признался, что подростком несколько месяцев работал на овцеводческой ферме в Йоркшире. На вершине холма показалась небольшая роща с узкой просекой, в конце которой виднелся поросший дерном могильный холм, напоминавший по форме кита и достигавший сорока ярдов в длину. Информационный щит «Английского наследия» пояснял, что под этим холмом были обнаружены кости тридцати человек, живших в конце каменного века. Их захоронили здесь около четырех тысяч лет назад вместе с домашней утварью и останками животных.

Хелен поразило, что первобытные люди похоронили своих сородичей в столь неудобном месте. Может, они выбрали этот холм, потому что он ближе к небу? Интересно, думали они о небесах — месте над землей, куда отправляется душа после смерти? Вместо ответа Мессенджер поцеловал ее в губы. Это уединенное место, не тронутое цивилизацией, если не считать останков наших далеких предков, разбудило его сексуальную фантазию. Ему захотелось повалить ее на склон и спариваться с ней, подобно первобытному человеку — по-звериному энергично и грубо.

— Нет, не надо, — запротестовала она, почувствовав смешанное с любопытством опасение,

когда он начал раздевать ее. — Нет, Мессенджер, я же не леди Чаттерлей. — Но ее литературный юмор на него не подействовал. Она стала колотить его кулаками по плечам и голове. — Остановись, Мессенджер, нас кто-нибудь может увидеть.

Он не обращал внимания на ее протесты и слабое сопротивление, и, в конце концов, она сдалась, раздвинула ноги и позволила ему получить то, чего он хотел, — терпеливая и бесстрастная, как овечка, на которую взгромоздился баран (впрочем, овцы на склоне этим не занимались — их брачный период уже миновал). Он что-то бормотал и извивался, а она смотрела на медленно плывущие облака, чувствуя, что оторвана от реальности и необыкновенно счастлива. «Наверное, мы не первые занимаемся здесь любовью, — думала она, надевая трусы и поправляя юбку, — должно быть, это место издавна привлекало влюбленных — тут так привольно, тихо и таинственно». На обратном пути они встретили группу пожилых туристов с тростями и картами. Туристы поздоровались и улыбнулись им.

— Хорошо, что они не пришли пятью минутами раньше, — шепнула Хелен Мессенджеру.

— Мы бы их услышали, — улыбнулся он, но она

не была в этом уверена.

Сама она предпочитала заниматься любовью дома, на кровати, с задернутыми шторами, а затем спать по нескольку часов. Такая возможность выпала им лишь однажды, когда Мессенджеру нужно было переночевать в Лондоне, чтобы успеть к утренней телепередаче на следующий день. Его пригласили прокомментировать победу компьютера в партии с чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым. Хелен приехала в Лондон заблаговременно, предупредив всех, кого это могло касаться, что едет на встречу со своими жильцами, чтобы выяснить, можно ли починить сломанную посудомоечную машину или придется купить новую. Повод веский, но подобный вопрос можно было обсудить и по телефону.

Она еще ни разу не была в Лондоне, с тех пор как поступила на работу в университет. В разгар своей депрессии она не ездила туда, боясь не вернуться обратно на кампус. Затем, когда жизнь в Глостершире увлекла ее, она и думать забыла про Лондон. Успев отвыкнуть от столичной суеты, она была оглушена, выйдя на шумный и суетливый перрон в Пэддингтоне. В душном лабиринте метро она попала в самую гущу толпы, набившейся в вагон. Ее раздражал грохот

поездов, спертый воздух и присутствие такого множества безразличных пассажиров. Никогда раньше не обращала она внимания на то, что люди в поезде избегают встречаться друг с другом взглядами. Кто-то читает книгу, держа ее в одной руке, а другой ухватившись за поручень, кто-то слушает плейер, а кто-то бездумно рассматривает схему метро. И только туристы болтают друг с другом, пытаясь (как та несчастная жертва, о которой Хелен недавно читала) отстраниться от собственного тела и полностью уйти в себя.

Фасад дома после трех месяцев отсутствия показался облезлым и осыпавшимся. Внутри все чудилось до боли знакомым и в то же время иным. Мебель переставили, на вешалке висели чужие пальто, на полках стояли чужие книги и журналы, а на кухне витали запахи блюд, которых она никогда не готовила. Вайсмюллеры оказались жильцами ответственными, но постарались использовать ее приезд по максимуму и провели для нее экскурсию по ее собственному дому, указывая на все его недостатки. Хелен пообещала купить им новую посудомоечную машину и сразу же выполнила свое обещание, приобретя ее со скидкой в местном магазине и договорившись о доставке и установке.

Затем она поехала в отель, в котором Би-би-си забронировала номер для Мессенджера, и сняла отдельную комнату. Ральф предлагал ей назваться миссис Мессенджер и поселиться в его номере, но Хелен решила, что это будет слишком рискованно. Они пообедали в ресторане, словно случайно встретившиеся старые друзья, попрощались у стойки бара и разошлись по своим комнатам, чтобы потом встретиться в номере Мессенджера (они выбрали именно его номер, на случай если кто-то из детей захочет позвонить ему), где провели безумную ночь. В половине седьмого утра к отелю подъехала машина Би-би-си. Потом Хелен смотрела выступление Мессенджера по телевизору, где он подробно рассказывал, как работает «Дип Блю» — мгновенно просчитывает последовательность ходов игрока, и как работа машины отличается от интуитивных методов игры человека. Хелен поразило, каким свежим и собранным казался Ральф после их бурной ночи.

Как любовник, Ральф сильно отличался от Мартина. Мартин большое внимание уделял прелюдии, а сам акт был довольно быстрым. С Мессенджером все было наоборот. Он предпочитал быстро входить в нее и любить долго, в

разных позах, а когда наконец достигал оргазма, Хелен успевала уже несколько раз кончить. Своими мощными ручищами он с легкостью переворачивал Хелен, заставляя ее принимать то одну позу, то другую, как борец, выполняющий захваты. Иногда ей казалось, что под его напором она превращается в беспомощный, трепещущий комок ощущений, который стонет от наслаждения, молит о пощаде и, точно побежденный борец, шлепает ладонью по матрасу.

Но вчера побежденным оказался он сам. Он зашел к ней по пути с работы домой, прихватив с собой несколько книг по сознанию, чтобы иметь в руках алиби, если неожиданно кого-нибудь встретит. Он не мог остаться надолго — хотел успеть на ужин, который в тот раз готовила Эмили. Едва перешагнув порог, он стал тут же раздевать Хелен. Они поднялись в спальню, и вдруг оказалось, что у него ничего не получается. Он сразу же пал духом.

— Не волнуйся, — сказала она, — это психология. Не нужно было так спешить.

— Мы и раньше спешили, — ответил он.

— А может, ты в последнее время слишком злоупотребляешь? — шутливо осведомилась она. — Не многовато ли для пятидесятилетнего

мужчины?

Он фыркнул:

— Ерунда, все из-за той курицы с чили в служебной столовой. Целый день несварение.

— Ты часто жалуешься на несварение, надо с этим что-то делать.

Хелен удивилась собственному тону — она говорила, как жена, и это открытие внезапно заставило ее замолчать. Но, кажется, он пропустил ее слова мимо ушей и сказал:

— Мне нужна только пара таблеток «ренни».

Он быстро оделся, поцеловал ее и ушел. Хелен решила принять ванну. Время от времени открывая пальцами ноги горячий кран, она спрашивала себя: «А не влюбилась ли я в Мессенджера?» Он привлек ее внимание с первой же встречи в гостиной у Ричмондов, но язык не поворачивался назвать это любовью в традиционном смысле (типа «жить без тебя не могу»). То же самое и с Ральфом: вряд ли он испытывал подлинное чувство, когда признался ей в «любви» в тот день, когда пришел помочь ей с электронной почтой. В первый раз она переспала с ним ради эксперимента. У нее голова шла кругом от встречи с Кэрри и Николасом Беком в Ледбери и последующих признаний Кэрри в Буртоне. В

этом новом свете Хелен вдруг показалось, что ее отказ Мессенджеру был бессмысленным. Если у Кэрри роман с Николасом, то почему бы и ей самой не пофлиртовать с Мессенджером? Ситуацию упростил отъезд Кэрри в Калифорнию. Чем дольше отсутствовала Кэрри (ее отец понемногу поправлялся, и она ухаживала за ним), тем крепче становилась связь Хелен и Ральфа. Все эти три недели они старались использовать любую возможность для занятий любовью. Хелен удивлялась, что никто из ее знакомых, похоже, не подозревал. Неужели студенты не разглядели в ее поведении и словах отзвука пробужденного желания? Неужели никто из коллег Мессенджера не учуял исходящего от него аромата секса, когда он в очередной раз опаздывал на важные заседания? Разве никто не заметил, как часто они вдвоем исчезают из поля зрения в одно время. Получалось, что нет. Хелен подозревала, что лишь Сандра Пикеринг заметила в ней перемены. Иногда, приходя на урок после свидания с Ральфом, Хелен чувствовала, как Сандра украдкой внимательно изучает ее. Все остальные, казалось, были слишком заняты собственными личными или служебными проблемами, чтобы обращать внимание на поведение Хелен и Мессенджера и

делать из этого соответствующие выводы.

А тут еще выборы, о которых ходило столько разговоров. В день выборов Хелен с Ральфом были у Гловеров на вечеринке, но почти не говорили друг с другом. Сразу после объявления результатов (победили лейбористы) они ушли порознь, договорившись встретиться у Хелен. На следующий день, когда знакомые спрашивали Хелен, что она думает о сенсационном поражении тори, она сконфуженно отвечала: «Не знаю, я рано легла спать», — надеясь, что румянец ее не выдаст.

В тот раз Ральф ушел домой рано утром, Хелен надела халат, заварила чай и около часа просидела перед телевизором. Она смотрела, как лейбористы празднуют победу на Южном берегу, приветствуя нового премьера-министра вместе с его супругой, и жалела, что не приняла участия в таком важном историческом событии. Она не голосовала и совершенно не следила за предвыборной гонкой по телевизору, полностью окунувшись в личную жизнь. Ее чувство вины усилилось, когда она увидела чету Блэров, окутанную аурой добродетельной супружеской любви. Мессенджер успел проголосовать (за либеральных демократов, в Челтнеме) и считал результаты выборов меньшим из возможных

зол. Он глубоко презирал политиков и политику, считая их таким же проклятием для современности, каким раньше, по его мнению, была религия. «Только подумай, сколько горя принесла политика Центральной Европе, России, Китаю и Африке!» — часто вздыхал он. Хелен спросила, уж не анархист ли он, и оказалось, что он верит в старомодную идею преобразования мира с помощью науки. Политике как стремлению к власти он противопоставлял науку как стремление к знаниям и считал, что всевозможные формы псевдознания, начиная с богословия и кончая структурализмом, пытаются навязать людям ложную картину мира при помощи политики. После секса он говорил очень убедительно (а это была постоянная тема их разговоров).

Теперь, когда Кэрри должна была вернуться со дня на день (ее отца выписывали из больницы, но он требовал постоянного домашнего ухода), Хелен уже не могла витать в нескончаемых эротических грезах. Встречаться под носом у Кэрри с ее мужем было сложно физически и морально. Пока Кэрри не было, Хелен старалась не думать о ней как о сопернице. Но теперь Кэрри вновь обретала права жены, матери и домохозяйки, так что Хелен автоматически отступала на второй

план. И то, что у самой Кэрри был любовник, не имело уже никакого значения. Вот почему Хелен пыталась понять, любит ли она Мессенджера на самом деле и что это может за собой повлечь. Может, просто разорвать отношения в конце семестра, когда окончится ее работа в Глостере? Ее сердце тотчас ответило: «Нет». Остаться любовницей Ральфа и от случая к случаю встречаться с ним в Лондоне во время его командировок? Или сопровождать его в поездках за границу? Она представила, как будет сидеть в номере какого-нибудь шикарного отеля, с корзиной фруктов и бутылкой шампанского в ведре со льдом, и ждать, пока Мессенджер, наконец, заскочит к ней после очередной конференции или приема. Такая перспектива ее особо не вдохновляла. А вдруг (подумала она помимо воли) Мессенджер и Кэрри разведутся, и он женится на ней? Это казалось заманчивым, но как только она представила себе все горе маленькой Хоуп, так тотчас отогнала от себя эту мысль. Впервые за несколько недель ее охватило очень неприятное чувство. А что, если Мессенджер сегодня не смог возбудиться из-за того, что думал о скором приезде Кэрри?

28

Ральф возвращается домой, Эмили уже давно на кухне с Грегом — неуклюжим восемнадцатилетним парнем, который боготворит и в то же время побаивается Ральфа, стараясь как можно меньше говорить в его присутствии. Оба сидят на корточках перед духовкой, разглядывая мясо сквозь стекло.

— По-моему, готово, — говорит Эмили. — Только я забыла включить таймер. Хоть бы не подгорело.

— Да, кажется, готово. — Ральф присаживается сзади них на корточки и заглядывает в духовку. — Ты брала говядину, Эмили?

— Нет, бараний фарш.

— Шикарный рулет. Тогда начинаем.

Мясо оказалось превосходным. Ральф берет добавку и нахваливает Эмили. Пока остальные уплетают за обе щеки, Эмили решает воспользоваться благоприятной возможностью:

— Мессенджер, можно, Грег сегодня у нас переночует?

— В твоей комнате? — Ральф подавляет отрыж-

ку. — Не думаю, Флиппер.

— Но почему? Мама нам разрешает, — недовольно возражает Эмили.

— Я не хочу брать на себя ответственность, — продолжает Ральф. Эмили начинает злиться и закатывает глаза. — Лично я — против, а если Кэрри разрешает, то это ее дело. Но Кэрри сейчас нет дома.

— Значит, ты не одобряешь? — недоверчиво говорит Эмили.

— Да, потому что у твоих братьев переходный возраст, и для них это вредно.

— А ты не думаешь, что для них вредно, когда здесь ночует Хелен?

Тон Ральфа меняется:

— Ну, это совсем другое, она — наш гость и спит в гостевой комнате.

— Да уж, — нахально протягивает Эмили. Она вызывающе смотрит на Ральфа.

В эту секунду звонит телефон. Кэрри говорит, что они с Хоуп вылетают из Лос-Анджелеса завтра вечером и будут в Хитроу в пятницу утром. Ральф предлагает встретить их в аэропорту, но Кэрри отказывается. Она уже заказала такси из Челтнема и утром приедет домой.

— Замечательно, — говорит Ральф, — мы все

соскучились по тебе.

— По мне или по моей стряпне?

— И по твоей стряпне тоже. Хотя Эмили сегодня приготовила просто изумительный мясной рулет. — Ральф ловит на себе взгляд Эмили. — Кстати, у нас тут Грег, он помогал ей готовить. Можно, он переночует у нас?

— Ладно, если ты не против, — говорит Кэрри.

— Ну, хорошо. Увидимся завтра. Целуем тебя. — Ральф кладет трубку и поворачивается к Эмили:

— Твоя мама не против.

— Спасибо, Мессенджер. — Загадочно улыбаясь, Эмили выходит из кухни.

Ральф хватается за бок, с трудом сдерживая отрыжку. Потом идет в ванную, вынимает из аптечки две «ренни» и глотает их.

Утром в пятницу, перед приездом Кэрри и Хоуп, Ральф идет к семейному врачу — ирландцу по фамилии О'Киф, приемная которого расположена недалеко от дома Мессенджеров, на первом этаже одного из высоких георгианских особняков. О'Киф любит повторять, что «живет над своей работой». Он почти ровесник Ральфа — низенький толстячок с темным лицом и большими руками. В своем любимом твидовом пиджаке он больше похож на фермера, чем на врача, но это не меша-

ет ему быть весьма компетентным терапевтом. Ральф обращается к нему крайне редко.

— Чем могу служить, профессор? — говорит О'Киф после формального приветствия. Похоже, ему нравится обращаться к Ральфу подобным образом.

— Да вот, несварение. Не постоянное, но никак не могу от него избавиться.

— А еще какие-нибудь жалобы есть?

— Чувство тяжести вот здесь. — Ральф кладет руку под ребро с правой стороны.

— Давайте посмотрим. Раздевайтесь. Трусы можно оставить.

Пока Ральф раздевается, О'Киф тщательно моет руки и болтает о погоде. Потом очень внимательно ощупывает живот Ральфа, насвистывая сквозь зубы.

— Боюсь, я с возрастом немного раздался, — беззаботно говорит Ральф.

О'Киф кивает:

— Следовало ожидать. — Он тычет, давит, щупает живот своими пальцами-лопатками, затем разрешает Ральфу одеться. Потом садится к столу и что-то пишет ручкой с золотым пером в больничной карте Ральфа.

— Ну и как? — Ральф садится в кресло для па-

циентов.

— У вас опухоль в печени, — отвечает О'Киф, продолжая писать.

— Какая?

— Не знаю. Нужно проконсультироваться у специалиста. — О'Киф поднимает глаза на Ральфа: — У вас есть частная медицинская страховка?

— Да.

— В Бате есть хороший специалист по желудочно-кишечному тракту, его зовут Дик Хендерсон, мы с ним в гольф играем. Могу позвонить, если вы не против. В понедельник он мог бы с вами встретиться.

— А это срочно?

О'Киф спокойно смотрит Ральфу в глаза:

— Печень — жизненно важный орган, профессор.

— Да, конечно, дурацкий вопрос. Но это хоть не рак?

О'Киф выдерживает паузу:

— Я не могу в этом поручиться.

— А что еще это может быть?

— Понятия не имею. Поэтому чем быстрее вас осмотрит специалист, тем лучше. Камень с души упадет.

— Или не упадет, — говорит Ральф, но О'Киф

ничего на это не отвечает.

Как только Ральф возвращается домой, ему звонит секретарь О'Кифа и сообщает, что мистер Хендерсон готов осмотреть его в своей больнице в Бате в понедельник, в одиннадцать тридцать. Ральф принимает приглашение.

В доме тихо, Эмили и мальчики в школе. Ральф варит себе кофе и садится с чашкой за стол, глядя в окно на пустынный сад. Потом поднимается к себе посидеть за компьютером. Некоторое время молча работает, потом его взгляд останавливается, бессмысленно блуждая по экрану. Ральф подключается к Интернету и набирает в строке поиска: «+рак +печень». Через полчаса он слышит: к дому подъезжает автомобиль, хлопают дверцы, радостно голосит Хоуп. Он отключается от сети и спешит вниз.

Ральф обнимает Хоуп, поднимает ее на руки и вертит над полом в черную и белую клетку. Хоуп визжит от радости. Потом целует Кэрри и смотрит ей в глаза.

— Что-то случилось? — спрашивает она.

Ральф ждет, когда Хоуп убежит к своим любимым игрушкам, и рассказывает о визите к О'Кифу.

— Кто этот Хендерсон? — сразу же спрашивает

Кэрри.

— Не знаю, но О'Киф хорошо о нем отзывался.

— Думаю, тебе лучше съездить на Харлей-стрит. Там лучшие специалисты.

— У меня сейчас нет времени бегать по Лондону. Там же нужно сдавать анализы и тому подобное. Через три недели начинается «Консоз». У меня куча работы.

— Поручи ее кому-нибудь другому.

— Легко сказать. Мой зам — Даггерс. В организационной работе он не силен. В любом случае давай не будем драматизировать ситуацию. Скорее всего там нет ничего серьезного.

— Господи, а я-то думала, что с больницами покончено, — вздыхает Кэрри.

— Не стоит портить твое возвращение. Забудем обо всем до понедельника, хорошо?

— Как скажешь, Мессенджер. — Кэрри пытается улыбнуться.

За обедом, обсуждая планы на выходные, Кэрри предлагает пригласить Хелен в Подковы в воскресенье, но Ральф возражает.

— Но ты же говорил, что она помогала тебе, пока меня не было…

— Давай проведем эти выходные в тесном семейном кругу.

— Хорошо, — соглашается Кэрри.

После обеда Кэрри решает вздремнуть, а Ральф идет в университет немного поработать. Из офиса он звонит Хелен и рассказывает об опухоли.

— О господи! Не знаю, что и сказать.

— Да, признаться, меня это тоже застало врасплох. Пришел к доктору с несварением, а ушел с подозрением на рак.

— Уверена, что никакого рака у тебя нет. Последние несколько недель ты не был похож на больного.

— За исключением среды.

— Да ну, ерунда. Не может быть ничего серьезного.

— Скоро узнаю наверняка. Спасибо тебе, что посоветовала сходить к врачу. Помнишь, ты сказала, что мне нужно что-то делать со своим несварением…

— Помню.

— У тебя были какие-то предчувствия?

— Да нет, просто вырвалось, и все. Лучше б я этого не говорила.

— Нет, я тебе очень благодарен. Правда.

— Понимаю.

— Иначе бы ни за что не пошел, а в таких делах — чем раньше, тем лучше.

— Я знаю.

В разговоре повисла пауза, словно они оба думали над тем, что же сказать еще.

— Когда мы увидимся? — спрашивает Хелен.

— Не знаю, но только не в эти выходные, ладно?

— Конечно, — быстро говорит Хелен.

— Я хотел пригласить тебя в Подковы, но Кэрри немного расстроена происшедшим. Думаю, она предпочла бы провести время в узком семейном кругу.

— Конечно, я полностью тебя понимаю.

— А ты что будешь делать?

— Да у меня полно работы. Семестр кончается, студенческие сочинения…

— Понятно. У меня, как назло, конференция на носу, — говорит Ральф.

— Позвони мне в понедельник, хорошо?

— Хорошо… Но, скорее всего, во вторник.

— Ничего страшного.

— Ну тогда пока.

— Пока, Мессенджер.

Несмотря на сон, Кэрри так и не отдохнула с дороги. Они сидят с Ральфом в гостиной одни, читают газеты и пьют травяной чай. Кэрри заявляет, что идет спать.

— Я тоже, — говорит Ральф, откладывая газету. Кэрри удивлена.

— Я соскучился по тебе.

— Правда?

— Ну да.

Кэрри тяжело встает.

— Я вся измотана, Мессенджер. Давай отложим до завтра.

— Хорошо, тогда я поработаю.

Возле спальни он целует ее, желает спокойной ночи и идет в кабинет, чтобы еще раз подключиться к Интернету.

В понедельник Ральф едет в Бат к мистеру Хендерсону. Частная клиника Аббатства находится на окраине. Новое здание из гладкого блестящего кирпича, окна с коричневатым отливом. В приемной очень уютно, кругом ковры и кресла с высокими спинками, как в зале ожидания бизнес-класса. Ральфа почти сразу же приглашают в кабинет мистера Хендерсона, который протягивает ему руку с радушной улыбкой и говорит, что видел его по телевизору. Он моложе О'Кифа, одет в темно-синий полосатый костюм, из левого кармана выглядывают несколько карандашей и ручек, на галстуке — эмблема какого-то гольф-клуба. Блестящие белые зубы немного выступают

вперед, когда он улыбается, что происходит довольно часто.

Ральфу снова приходится раздеться, и его живот ощупывают сильные пальцы Хендерсона. Врач подтверждает наличие опухоли.

— Это может быть рак?

— Пока не могу сказать, — отвечает Хендерсон, улыбаясь с таким видом, словно это — хорошая новость. — Нужно более тщательное обследование. Вы должны как можно скорее пройти ультразвук и эндоскопию. Визуальное обследование желудка и тонкого кишечника с использованием волоконной оптики.

— Микрохирургия?

Хендерсон весело смеется:

— Нет, обследование производится через рот и горло, но уверяю вас, вы ничего не почувствуете. Мы введем вам местную анестезию. Но после этого за руль вам лучше не садиться.

— Но я смогу в тот же день вернуться домой?

— Конечно. Однако накануне вам нужно будет соблюдать диету и принять слабительное, чтобы ничего не мешало прохождению ультразвука.

— Тогда я попрошу жену поехать со мной.

— Отлично. В среду вы свободны?

— Я договорюсь. А когда будут известны ре-

зультаты?

— В тот же день, — говорит Хендерсон.

Во вторник утром Хелен звонит Ральфу в офис.

— Хелен, извини, я собирался позвонить, но просто не мог улучить минутку.

— Ничего. Не хочу тебе надоедать, но…

— Да ты и не надоедаешь…

— Просто меня сегодня целый день не будет — занятия, — говорит Хелен. — Я хотела узнать, как прошла консультация.

— Доктор подтвердил, что у меня опухоль.

— Ох-х… — Голос Хелен падает.

— Ничего удивительного.

— А я надеялась, что твой семейный врач ошибся.

— В этом случае он был бы очень плохим врачом. Более подробной информации пока нет. Нужно пройти дополнительное обследование в среду.

— Понятно. Может, я могу чем-нибудь помочь?

— Нет. Кэрри отвезет меня в больницу.

— Ясно.

— Я перезвоню тебе в конце недели.

— Хорошо. Я буду думать о тебе.

— Спасибо. Пока, Хелен.

— До свидания, Мессенджер.

Он прибавляет: «Спасибо, что позвонила», но она уже положила трубку.

Утром в среду Ральф едет с Кэрри в больницу. Они выезжают довольно поздно и попадают в час пик. Движение в Челтнеме затруднено, и Ральф ведет машину быстро, выехав на четырехполосную автостраду.

— Не хватало еще попасть в аварию по дороге в больницу, — говорит Кэрри, когда Ральф обгоняет большой грузовик и выскакивает навстречу спортивной машине, неожиданно выехавшей из-за холма.

— Зато одним махом можно покончить с неопределенностью, — говорит Ральф.

— Не шути так.

Перед эндоскопией Ральфу ввели мягкий транквилизатор и опрыскали рот местным анестетиком, от которого Ральф все еще чувствует себя немного одурманенным, когда они с Кэрри входят в кабинет Хендерсона, чтобы узнать результаты анализов.

— «Обнаружено необычное пузырчатое повреждение на правой доле печени с низкой эхогенностью в центре. Есть признаки некротического новообразования. Для уточнения диагноза необходима компьютерная томография…» — Хен-

дерсон отрывает глаза от документа. — Неплохая идея. Надеюсь, вы знаете, что такое томография?

— Конечно, — говорит Ральф.

— А я не знаю, — говорит Кэрри.

Хендерсон с улыбкой объясняет ей.

— А, — вспоминает Кэрри. — Это одна из тех штук, которые были в программе у Мессенджера? Показывают поперечное сечение головного мозга.

— Вот именно, только на сей раз мы будем сканировать брюшную полость.

— А что там сказано насчет новообразования? — спрашивает Мессенджер.

— Ваша опухоль может оказаться раковым новообразованием на кишке, пустившим метастазы. Не так давно у меня был аналогичный пациент. Томография может и не дать достаточной информации, так что, если вы не против, я запишу вас на колоноскопию.

— Сколько времени это займет?

— Вместе с подготовкой — три-четыре дня.

— В больнице?

— Соблюдать подготовительную диету можно и дома… правда, в больнице это будет проще сделать. Но если вы сможете голодать самостоятельно…

— Нет, не сможет, — говорит Кэрри.

— У меня не найдется трех-четырех свободных дней три следующие недели.

— Найдется, — возражает Кэрри. — Когда можно приступать?

— В начале следующей. Если приедете в субботу, за выходные мы проведем подготовку. — Врач вопросительно смотрит на Ральфа.

— Хорошо, договорились, — соглашается Ральф.

На обратном пути Кэрри садится за руль.

— Что скажешь об этом Хендерсоне? — говорит она через несколько минут.

— Производит впечатление профессионала. Очень дотошный, ни одной детали не упустит, — отвечает Ральф.

— А почему он постоянно улыбается?

— Наверное, неосознанная привычка. Вроде нервного тика. Просто ему слишком часто приходится сообщать людям плохие новости.

— Я ему не доверяю.

— Почему?

— Не знаю. За несколько недель, проведенных с отцом, я видела кучу врачей… Начинаешь интуитивно отличать толковых докторов от посредственностей. Хендерсон — стопроцентная

посредственность.

— Да нет, с ним все в порядке. В конце концов, главное — анализы.

— Думаю, тебе нужно съездить на Харлей-стрит.

— Пока поработаем с Хендерсоном. Будем надеяться, что анализы окажутся положительными… в смысле отрицательными. А если нет, всегда можно будет рассмотреть другие варианты.

Кэрри кладет левую руку Ральфу на бедро:

— Я не хочу терять тебя, Мессенджер, — говорит она, не отрываясь от дороги.

Ральф бросает на нее быстрый взгляд:

— Не рано ли ты меня хоронишь?

— Извини. Просто…

— Я понимаю…. — Ральф накрывает ее руку своей и сжимает ее. Кэрри отворачивается и некоторое время едет молча.

— Мы потратим все деньги на твое лечение, — говорит она. — Все, что у нас есть.

Дома их ждет сообщение на автоответчике. Секретарь Ральфа говорит, что вице-канцлер целый день пытался ему дозвониться.

— Наверное, по поводу студенческой газеты, — заключает голос в телефоне.

Ральф уходит в свой кабинет, звонит в офис

канцлера и сразу же попадает на сэра Стэна.

— О, привет Ральф, мне сказали, ты был весь день в больнице. Надеюсь, ничего серьезного?

— Да нет, пару анализов сдал.

— Ну, и отлично, ты не видел сегодняшний выпуск «Кампуса»?

— Нет, а что?

— Они там пишут о почетном звании Дональдсона.

— Ну и что из этого?

— Там у них есть группа борцов за общественный порядок, они-то и наводят смуту. Вот, послушай: «Университет чествует босса из Министерства безопасности… Связи с Холтом Беллингом… Правительственное финансирование Глостера уходит на разработку технологий промывания мозгов и управляемого оружия»… Это правда?

— Стэн, ты же знаешь, что Минобороны финансирует часть нашей работы.

— А промывка мозгов?

— Может, они имели в виду наши программы по интерактивной виртуальной реальности?

— Постой, Ральф, давай без научных словечек.

— Извини. Ну, есть, например, программа «Элиза», которая выступает в роли консуль-

танта-психоаналитика. Ты загружаешь ее, и она спрашивает: «Как ты себя чувствуешь?» Ты отвечаешь: «Дерьмово». Элиза спрашивает: «А почему ты чувствуешь себя дерьмово?» И так далее. В конце концов, ты рассказываешь ей свою историю, и тебе становится легче. — На другом конце линии хохочет Стэн. Ральф продолжает: — В министерстве нас попросили создать нечто вроде электронного «следователя» для тренировки служащих, чтобы они учились отвечать, если их поймают и начнут допрашивать. Именно это они и подразумевали под «технологиями промывания мозгов».

— А оружие?

— Министерство поддерживает наши исследования по созданию роботов, которых можно будет использовать при минировании и разминировании объектов.

— Минировании? Это уже хуже, Ральф. Разминирование — еще куда ни шло.

— Куда ни шло?

— Ну да, по крайней мере, политкорректно. Эта группа угрожает демонстрацией. Собираются пикетировать заседание Совета, которое должно состояться на следующей неделе.

— *Что?* Я-то думал, все эти демонстрации дав-

но вышли из моды вместе с рваными джинсами и бородами под Иисуса Христа.

— Как видишь, нет. Этих ребят не так уж много, но они могут доставить нам неприятности. Если об этом узнает Дональдсон, то нам урежут финансирование.

— Я поговорю с редактором газетенки, — говорит Ральф.

— Постарайся вести себя как можно осторожнее. Может, лучше напиши в их газету и приведи конкретные факты, для пущей убедительности.

— Я подумаю, что можно сделать.

— Вот и молодец! Кстати, мы с Вив так и не застали тебя в твоей сельской обители.

— Да, жаль. Я как раз вышел прогуляться, а на обратном пути нашел твою записку.

— Отдыхаешь от работы? Да, нам всем полезно почаще отдыхать.

— Мне в деревне думается легче.

— Еще бы. Как Кэрри?

— Нормально. Только что вернулась из Штатов. У нее отец заболел.

— Очень жаль… так ты был там один?

— Где?

— В коттедже.

— Ну, да.

— Ладно, мне пора идти, Ральф. Инаугуральная речь нового декана металлургии.

Ральф кладет трубку: «Черт!» Потом спускается вниз и рассказывает Кэрри о звонке Стэна.

— Беда не приходит одна, — говорит она.

— Интересно, кто слил эту историю в студенческую газетенку? — говорит Ральф.

Во вторник утром Хелен звонит Ральфу в офис.

— Хелен, я как раз собирался тебе позвонить…

— Правда?

— Неприятности валятся на меня, как снежный ком.

— Как анализы?

— Невразумительные. Нужно пройти дополнительные процедуры в понедельник.

— Вот незадача…

— В самом деле. Скоро конференция, а тут еще эта идиотская буря в стакане воды с почетным званием Дональдсона. Не читала «Кампус» на этой неделе? Такая студенческая газетенка.

— Нет, а что?

— Долго рассказывать. Через несколько минут у меня встреча с их редактором.

— Когда мы увидимся?

— Приезжай в Подковы в воскресенье. Нет, черт, мне же в воскресенье в больницу!

— Я хотела сказать, когда мы увидимся *наедине,* Мессенджер?

Ральф на минуту замолкает:

— Хелен… я не расположен сейчас встречаться.

— Я говорю не о сексе, Мессенджер, просто хотелось поговорить с тобой.

— Извини… Я сказал Кэрри, что работаю сегодня допоздна. Давай, заскочу к тебе по дороге домой. Около семи, хорошо?

Соседи Хелен выходят из дома поиграть в теннис как раз в тот момент, когда Ральф подъезжает к дому по дороге вдоль террасы. Сделав вид, что изучает какой-то документ, он ждет в машине, пока соседи скроются из виду. Звонит, Хелен тотчас впускает его и запирает дверь. Они прислоняются к косяку и сжимают друг друга в объятиях.

— Мессенджер, эта неделя была ужасной, — говорит Хелен.

— Да и у меня не лучше, уж поверь мне.

— Бедненький! Расскажи мне об анализах. — Она проводит его в гостиную и спрашивает, что он будет пить.

— Сок. Хендерсон сказал, что алкоголь пока нельзя.

— Хендерсон?

— Мой врач-консультант.

— А… я спутала его с тем, другим, из газеты. Взяла сегодня почитать.

— Того зовут Дональдсон. — Ральф входит вслед за Хелен в маленькую гостиную. Удобно усаживается в кресле, а она разливает по стаканам сок из пакета.

— Встречался сегодня с редактором. Хитрожопый малый с культурологического факультета, явный кандидат на карьеру редактора бульварной газетенки. Я спросил, откуда он получил такую информацию, и у него хватило наглости сказать, что это — общеизвестный факт.

— А разве не так?

— Конечно, все знают, что Дональдсон — большая шишка в Министерстве обороны. А в сенатской газете, издающейся очень малым тиражом, можно найти краткую информацию о том, что они финансируют некоторые наши исследования… Но как связать эти факты воедино? Кто его надоумил? Хитрожопый проныра не захотел мне этого выкладывать. А может, и сам не знает. Скорее всего какой-нибудь анонимный недоброжелатель, которому по какой-то причине не нравится наш Центр. Или я. Спасибо. — Ральф берет сок, а Хелен садится на диван.

— Расскажи подробнее, что было в больнице, —

просит она.

Ральф описывает обследование, которое он прошел вчера, и свой разговор с Хендерсоном.

— Что такое колоноскопия? — спрашивает она.

— В тебя запихивают миниатюрную камеру и смотрят, что там у тебя внутри происходит. Этакий медицинский «Пятый канал».

Хелен морщится:

— Бедняжка!

— Да, всю жизнь мечтал об этой процедуре. — Ральф смотрит на часы и ставит стакан на стол. — Мне пора.

— Так быстро?

— Извини. Кэрри, наверное, уже звонила в офис и беспокоится, почему меня нет.

— Мессенджер…

— Что? — Хелен не отвечает, но краснеет и, кажется, вот-вот расплачется.

— Ну, что с тобой? — Он пересаживается на диван и обнимает ее за плечи.

— Я запуталась и не знаю, чего ты от меня хочешь.

— От тебя?

— Три недели мы встречались почти каждый день и занимались сексом, как сумасшедшие. И вдруг — бах! — опустился занавес… Я не вижу

тебя целыми днями, постоянно сижу на телефоне, а ты все не звонишь…

— Милая, извини, у меня просто голова забита всей этой ерундой…

— Я знаю.

— Я люблю тебя, Хелен, и эти три недели были поистине чудесными, но сейчас мне не до секса.

— Мне тоже, Мессенджер, — продолжает она. Он смотрит мимо нее. — Неужели это все, что тебе было нужно от меня? Ты хочешь, чтобы сейчас, когда ты заболел, я исчезла из твоей жизни? Просто ушла с дороги?

— Конечно, нет.

— Тогда не отдаляйся от меня. Пусти меня в свои мысли, расскажи, что ты чувствуешь, дай мне помочь тебе.

Ральф с минуту молча смотрит на нее.

— Ты действительно хочешь помочь мне?

— Конечно. Всем, чем смогу.

— Всем? Ты действительно так думаешь? — Он пристально смотрит на нее.

— Почему ты так говоришь? — Хелен немного встревожена.

— Я хочу сказать тебе одну вещь, и ты должна пообещать мне, что сохранишь ее в тайне.

— Хорошо.

— Если опухоль окажется злокачественной, я не стану ждать, пока она сделает свое дело. Знаю, что ты хочешь сказать. Да, методы лечения постоянно совершенствуются и прочая болтовня… Но рак печени — это очень серьезно. Я кое-что прочитал в Интернете. Можно поддерживать себя с помощью химиотерапии, но вылечиться практически невозможно. Трансплантация тоже ничего не даст, метастазы могут перейти и на здоровую печень. Я не собираюсь разыгрывать из себя смельчака. Не хочу страдать год или два, а потом подохнуть — несчастным, слабым и лысым. Нет уж, спасибо! Я видел, как умирал от рака отец и не хочу повторить его судьбу. Как только я пойму, что болезнь неизлечима, я направлюсь к Выходу, пока еще буду в состоянии сделать это без посторонней помощи… ну, почти без помощи… — Он останавливается и многозначительно смотрит на Хелен.

— Ты что, хочешь, чтобы я…? — Хелен шокирована. Она отрицательно качает головой.

— Кэрри мне точно не поможет, я это знаю. Когда возникает проблема, она первым делом пытается решить ее с помощью денег. Догадываюсь, какие планы роятся у нее в голове. Она собирается поднять на ноги всю Харлей-стрит. Отвезти

меня в клинику Майо. Купить мне чужую печень на черном рынке… Все, что угодно, лишь бы я жил, пусть даже в инвалидном кресле.

— Мессенджер, это ужасно! Я не хочу этого больше слышать.

— А я-то думал, ты хочешь помочь мне.

— Что же тебе нужно? Чтобы я задушила тебя полиэтиленовым пакетом? Выбила табуретку у тебя из-под ног? — Хелен повышает голос.

— Успокойся, Хелен. Я еще не придумал подходящего способа. Возможно, дело до этого не дойдет. У меня была хорошая жизнь, и мне грустно ее терять, но я положу ей конец, если это понадобится. Просто мне хотелось бы, чтобы моя семья как можно меньше пострадала из-за моего поступка. Поэтому мне, возможно, понадобится чья-нибудь помощь.

— Ясно, я могу переехать тебя на машине. Инсценируем несчастный случай. Ты неожиданно выйдешь из-за дерева. Нам нужно будет согласовать свои действия…

— Я не шучу, Хелен.

— Жаль…. А о *моих* страданиях ты подумал?

— Я понимаю, что прошу многого, но ты могла бы сделать это из любви…

— *Любви*? — Хелен истерически смеется.

— Предположим, кто-то из твоих близких, отец или ребенок, умирает в страшных муках. Неужели ты не облегчила бы его участь, если бы у тебя была такая возможность?

— Но это совсем другое!

— Не вижу логики. Зачем человеку проходить через ад, если он может избавиться от этих мук?

— Мне дурно, я больше не хочу говорить на эту тему.

— Значит, ты не поможешь мне?

— Нет.

— Но ты не проболтаешься? Никому не скажешь?

— Я же пообещала.

— Хорошо. — Он опять смотрит на часы. — Я должен идти.

— Мессенджер… только потому что я люблю тебя.

— Знаю, — говорит он и легко целует ее в щеку. — Можешь не провожать.

— Ты сегодня поздно, а обещал, что придешь в полвосьмого. Ужин остыл, — говорит Кэрри, когда Мессенджер заходит на кухню.

— Извини. — Он целует ее в щеку. — Заскочил к Хелен по дороге домой.

— К Хелен? — Кэрри слегка удивлена.

— Нужно было передать ей кое-какие материалы по конференции. Она согласилась выступить с заключительным словом.

— Очень мило с ее стороны.

— Заодно объяснил ей, почему мы не общались с ней в последнее время.

— Хорошо. Может, я позвоню ей, приглашу в Подковы на воскресенье? Или ты хочешь, чтобы я приехала к тебе в больницу?

— Не надо… В смысле приезжать в больницу. Чем ты занималась сегодня?

— Ходила за покупками. Столкнулась с Николасом на Монпелье-стрит, и мы пообедали с ним в «Пти-Блан».

— Везет же ему! Надеюсь, вы не обсуждали мое физическое состояние?

— Я только упомянула, что ты на обследовании. Все равно всего не скроешь, Мессенджер.

— Я знаю. Просто ненавижу быть объектом сочувствия и нездорового любопытства. Чем меньше об этом знают наши друзья, тем лучше.

— А что ты сказал Хелен Рид?

— Да так, вкратце. И попросил ее хранить это в тайне.

От кого: ludmila.lisk@carolinum.psy.cz
Кому: R. H. Messenger@glosu.ac.uk

Тема: конференция
Дата: четверг, 22 мая 1997 20:35:28

Привет, профессор Мессенджер! Это ваш чешский друг Людмила. Помните меня? Я надеюсь. Я посылать вам письмо за три недели, но вы, наверное, не получать его, потому что я не получать ваш ответ. Я посмотреть университет в Глостере по Интернет и находить Ваш электронный адрес. Как я раньше до этого не додуматься!

В своем письме я просила вас подтверждать мое приглашение на конференцию в конец мая. Британский совет давать мне стипендию для поездки, но они хотеть ваше подтверждение. Так как время коротко, прошу вас быть быстрым. Простите меня за плохой английский.

С уважением,
Людмила Лиск.

P. S. Мой стендовый доклад называйся «Моделирование поведения, ориентированного на учебу». Помните, я говорить Вам об этом в тот прекрасный вечер в Прага.

От кого: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Кому: ludmila.lisk@carolinum.psy.cz
Тема: VI-я конференция по проблемам сознания
Дата: пятница, 23 мая 1997 9:25:15

дорогая людмила,
спасибо за письмо. конечно, я помню тебя, как я мог забыть? очень сожалею, но все места на конференции распределены. у нас существует лимит на количество участников, которых мы можем разместить. может, ты смогла бы приехать на конференцию в следующем году. полагаю, она будет проводиться во Флориде — там должно быть весело. я пришлю тебе информацию, чтобы ты вовремя подала заявку.

с наилучшими пожеланиями,
ральф мессенджер

От кого: ludmila.lisk@carolinum.psy.cz
Кому: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Тема: конференция
Дата: пятница, 23 мая 1997 11:14:02

Дорогой Ральф,
я надеюсь, вы не считать меня грубой, что

я так обращайся к Вам, но я помнить, как вы сказай мне, что я могу обращаться к вам Ральф, когда мы хорошо провести время в Праге. Я очень грустная, что все места распределены. Я даже плакай, когда прочитать ваше письмо. В Чехии не легко получить грант на поездку. Не думаю, что Британский совет будет заплатить за меня во Флориде. Пожалуйста, пусть я приеду в Глостер. Я буду спать на полу. У меня есть спальный мешок. Мне не надо такой удобной кровати, как была у нас в Праге.

Ваш друг Людмила

От кого: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Кому: ludmila.lisk@carolinum.psy.cz
Тема: VI-я конференция по проблемам сознания
Дата: пятница, 23 мая 1997 12:15:10

дорогая людмила,

к сожалению, проблема заключается не в недостатке спальных мест. наш самый большой лекторий вмещает в себя не более 200 человек, и существует множество правил и инструкций, запрещающих нам приглашать дополнительное количество выступающих.

очень жаль вас разочаровывать, но уже слишком поздно.

с наилучшими пожеланиями,
ральф мессенджер

P.S. я состою в редакционной коллегии научного сборника, посвященного искусственному разуму, который выходит в Виннипеге. если вы предоставите мне один абзац текста о вашем проекте, я попробую опубликовать ее в колонке объявлений.

От кого: ludmila.lisk@carolinum.psy.cz
Кому: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Тема: конференция
Дата: пятница, 23 мая 1997 13:14:02

Дорогой Ральф,

спасибо за письмо. Вы очень добры предложить мне колонку сборника, но мне важнее быть на конференции и объяснить мое исследование всем важным людям в этой области. Думаю, если вы очень захотеть, то суметь найти мне место. Думаю, вы просто не хотеть, чтобы я была в Глостере. Вы что боитесь, что я рассказать коллегам и вашей жене, какое хорошее время мы проводить в Праге? Обе-

щаю ничего не сказать. Но если я не поеду в конференцию и моя стипендия пропадать, я буду очень злая и грустная. Возможно я написать всем о том, что мы делать с вами в Прага и повесить это в Интернет.

Ваш друг
Людмила

От кого: R. H. Messenger@glosu.ac.uk
Кому: ludmila.lisk@carolinum.psy.cz
Тема: VI-я конференция по проблемам сознания
Дата: пятница, 23 мая 1997 15:35:18
cc: scirep@britcoun.cz

Уважаемая мисс Лиск!

Спасибо за Ваше электронное сообщение. Сожалею, что до нас не дошло Ваше первое письмо.

С радостью сообщаю Вам, что мы принимаем Вас в качестве делегата на конференции, где Вы сможете представить свой доклад на тему «Моделирование поведения, ориентированного на учебу». Информационный пакет будет отослан Вам авиапочтой. Копию этого письма

я отсылаю в Британский Совет в Праге.
Буду рад увидеть Вас в конце месяца.

С уважением,
Р. Х. Мессенджер,
координатор конференции.

— Сука, — сквозь зубы говорит Ральф, нажимая на кнопку «Отправить сообщение». Раздается телефонный звонок. Это сэр Стэн.

— А, привет, Стэн. Я встречался вчера с редактором газеты. Он пообещал напечатать мое обращение на следующей неделе. Это должно их утихомирить.

— Рад слышать, но я не по этому поводу звоню.

— А…

— У меня тут сержант Брайан Эгню из уголовной полиции Глостера. Какой отдел? — Вопрос адресован не Ральфу, Стэн о чем-то переговаривается с сержантом. — Он из отдела педофилии и порнографии. Хочет переговорить с тобой.

— О чем?

— Он сам тебе все расскажет. Ты сможешь с ним сегодня встретиться, например, сейчас?

— Могу, если это так срочно.

— Вот и молодец. Отправляю его к тебе. Погоди-ка. — Они опять о чем-то переговариваются

с сержантом. — Ральф, ты слушаешь? Из соображений безопасности он не будет говорить, что он полицейский. Просто назовется Брайаном Эгню и скажет, что ты его ждешь. Хорошо?

— Хорошо, — говорит Ральф и кладет трубку. — Боже правый, — бормочет он, — что еще?

— У нас есть основания полагать, — говорит сержант Эгню, — что кто-то из сотрудников вашего отдела смотрит и скачивает детскую порнографию по интернету, пользуясь компьютерной сетью университета.

— Кто именно?

— Этого мы пока не знаем, сэр.

— А какие у вас доказательства?

— Я не имею права говорить об этом, сэр, — заявляет сержант Эгню. Высокий, ширококостный мужчина лет тридцати, с усами, которые немного закручиваются книзу и придают его лицу скорбное выражение. На нем небесно-голубой блейзер и синяя рубашка со светлым галстуком. Говорит он с местным акцентом. — Мы занимаемся широкомасштабными поисками группы людей, обменивающих и распространяющих нелегальные материалы. Один из них работает у вас. Вы не знаете, кто бы это мог быть?

— Не имею ни малейшего представления.

— Кто-нибудь из ваших сотрудников проявлял нездоровый интерес к подобным материалам?

— Насколько мне известно, нет. Но полагаю, что в городе нет ни одного человека, у которого есть Интернет и который ни разу не посещал бы порносайтов. Хотя бы из естественного любопытства.

— В тех материалах, о которых идет речь, нет ничего естественного, — говорит сержант.

— Кажется, вспомнил. В прошлом году один из студентов организовывал конкурс: кто найдет в Интернете самую непристойную бесплатную картинку… — Ральф смеется, но сержант Эгню даже не улыбается. — Обычное дурачество, но одна сотрудница пожаловалась, и мне пришлось положить этому конец.

— Кто это был, сэр?

— Джим Беллоуз, но я уверен, что он не имеет никакого отношения к детской порнографии, на картинках, которые я видел, были только взрослые… и надо сказать, вполне оформившиеся. — Ральф пытается вызвать улыбку у полицейского, но у него ничего не выходит.

Эгню записывает имя в блокнот.

— Мы проверим его, — говорит он.

— Но я уверен, что это не тот человек, которого

вы ищете.

— Вполне возможно, но нам нужно проработать все версии. Не можем же мы проверить все жесткие диски, находящиеся в здании.

— И слава богу. Иначе бы работа Центра превратилась в полный бардак.

— Если хотите, мы можем сразу же исключить вас из списка подозреваемых.

— О чем это вы?

— Вы позволите мне проверить жесткий диск на вашем компьютере?

— Ну… не знаю, а у вас есть ордер или что-нибудь в этом роде?

— Нет, дело совершенно добровольное, сэр.

— Ясно… — Ральф хмурится и на мгновенье задумывается. — Вот так переплет. Я не вижу для этого никаких причин, но если я стану возражать, то вы подумаете, что я что-то скрываю.

— Это ваше право, сэр.

— В моем компьютере много конфиденциальной информации.

— Конфиденциальность будет сохранена.

— Ладно, давайте.

— Спасибо, сэр, но пока мы не будем вас беспокоить.

— Но я думал…

— Кто ваш главный системный администратор?

— Стюарт Филлипс.

— Ему можно доверять?

— Полностью.

— Как бы вы его охарактеризовали?

— Только с положительной стороны. Женат на учительнице, двое детей. По-моему, он еще музыкант, играет в церкви. Проводит благотворительные программы, лидер скаутского движения. — Одобрительно кивающий сержант Эгню внезапно настораживается. — Наверное, не надо было об этом говорить, — добавляет Ральф.

— Почему же?

— Это вызывает у вас подозрения? В наши дни лидером скаутов может стать каждый. Но Стюарт — это «соль земли».

— Хорошо, что вы об этом сказали, сэр. В таких делах информации не бывает слишком много. Я бы хотел встретиться с господином Филлипсом. Вы можете с ним связаться прямо сейчас?

Ральф набирает внутренний номер Стюарта Филлипса, но ему сообщают: тот уже ушел домой. Сержант Эгню говорит, что зайдет на следующей неделе, чтобы проверить систему, и ему нужна будет помощь Стюарта Филлипса.

— Хотите сделать его своим доверенным лицом?

— Посмотрим. Сначала нужно поговорить с ним.

Предварительную встречу назначили на следующую среду, поскольку в понедельник и вторник Ральф будет в больнице.

— Если вы что-нибудь обнаружите, дайте мне знать, хорошо?

— Обязательно, — отвечает Эгню.

— Это может серьезно повредить нашей репутации.

— Разумеется. Если правонарушение имело место и мы арестуем виновного, это станет достоянием общественности.

— Надеюсь, что это произойдет не скоро. В следующие выходные у нас пройдет большая международная конференция.

— Сомневаюсь, что у нас так быстро появятся серьезные доказательства, сэр, — говорит Эгню.

— Как прошел день? — интересуется Кэрри, когда Ральф приходит домой.

— Не спрашивай, — отвечает он, — что бы там Хендерсон ни говорил, мне нужно выпить.

— Может, не надо, Мессенджер? — озабоченно говорит Кэрри.

— От одной рюмки я не умру.

— Хорошо, но только одну. Что тебе сделать?

Ральф думает.

— Раньше ты делала превосходный сухой мартини.

— Я и сама его сто лет не пила, — говорит Кэрри. — Составлю тебе компанию.

29

Эники-беники ели вареники… проверка… Сегодня воскресенье, середина дня, ээээ… 25 мая, я в больнице Аббатства, в Бате. Я даже рад тому, что сижу здесь — вдали от Центра, дома, электронной почты, факсов и телефонов… рядом со мной телефон, но мало кто знает его номер… хорошо, что я сбежал, пока еще какая-нибудь радость на голову не свалилась. Больница Аббатства похожа на тихую гавань во время шторма… идеальное место для того, чтобы отдышаться и поработать в тишине. Взял с собой множество книг и свой IBM ThinkPad. Хорошее название — «думающий блокнот»… К сожалению, я здесь отнюдь не по веселой причине, а потому сам я не могу думать ни о чем другом.

Палата неплохая. Отдельная комната с кондиционером и большим окном на автостоянку, обсаженную деревьями… ковровое покрытие… репродукции импрессионистов… кресло с высокой спинкой, в котором я сейчас сижу… еще два кресла для посетителей и журнальный столик. Телевизор на встроенной в стену полке. Кровать

с пологом, последнее слово техники: складывается, опускается и поднимается. Есть ванная с душем и туалет… Почти четырехзвездочный отель, вот только на дверную ручку нельзя повесить «Прошу не беспокоить». То и дело заходят медсестры и служебный персонал — проверить пульс, температуру, давление, принести еду или просто спросить, все ли в порядке. Здесь всегда все в порядке… кроме тебя самого.

Сейчас в больнице затишье. Время для посещений… Достаю старый добрый «Перлкодер». Не знаю только, зачем… просто я не жду никаких посетителей, а медперсонал придет только через час, так что можно спокойно поговорить с самим собой… Медсестры прелестны, как куклы: в облегающих халатах из бело-голубого поплина с короткими рукавами и широкими черными поясами… а еще черные чулки. Сразу видно, что это именно чулки, а не колготки… Это входит в их четырехзвездочный сервис. Особенно соблазнительна сестра Помрой. Белокурые локоны, лицо — как персик, очаровательная улыбка и великолепная грудь под накрахмаленным халатом. Если под юбкой у нее тоже все в порядке, то… Сестра Помрой особенно внимательна и дружелюбна. Она видела меня по телевизору

и считает звездой… В другом настроении я мог бы пофантазировать о сестре Помрой, в ее глазах порой можно прочитать недвусмысленный призыв… Но сейчас мне не до этого… Я потерял всякий интерес к сексу, как только О'Киф произнес эти пять слов «У вас опухоль в печени»… то есть пропал интерес к *занятиям* сексом, но не к мыслям о нем… *я думаю о сексе, значит, я существую*… Попробовал заняться любовью с Кэрри во вторую ночь после ее приезда, но ни черта не получилось… Она отнеслась с пониманием… А с Хелен даже не пытался с тех пор, как началась моя медицинская эпопея. Если опухоль окажется злокачественной, я скорее всего уже не смогу заниматься сексом… весьма прискорбно… Но, по крайней мере, хоть эти три недели я был на высоте… кроме последнего раза, когда у меня не встал. Какая жалость.

Сексуального влечения я сейчас не испытываю, но с аппетитом проблем нет. Меня держат на низкокалорийной диете и кормят безвкусными протертыми пюре. Таким способом они хотят постепенно опорожнить мои кишки, чтобы во вторник можно было хорошо их обследовать, и поэтому я постоянно хочу есть. Сегодня в обед учуял запах ростбифа, который везли на столике

на колесиках какому-то другому пациенту — у меня аж желудок свело. Запах просочился под дверью и достиг моих трепещущих ноздрей. Как же мне хочется большого йоркширского мясного пирога с поджаренной золотистой картошкой и стекающей с него подливкой. Разумеется, я уже давно не ем говядины, но когда у тебя могут обнаружить злокачественную опухоль, шанс (один из миллиона) заразиться коровьим бешенством, тебя уже не пугает… Если бы мне предложили сейчас нормальный обед, я не стал бы есть ни лосося, ни вегетарианскую лазанью, а непременно заказал бы себе говядину. К несчастью, я знаю все здешнее меню, которое мне неосмотрительно показали сегодня утром. Все, хватит думать о еде.

Пытался сам нащупать опухоль, но безуспешно… Нельзя слишком сильно нажимать, иначе я могу что-нибудь повредить… она не болит, но не следует считать это хорошим знаком… На ранних стадиях рак печени обычно не болит… Но все это очень странно: быть неизлечимо больным и ничего не чувствовать, кроме легкого несварения… Которое к тому же прошло благодаря диете. «Жизненно важный орган», — сказал О'Киф… где-то я читал, что древние ассирийцы считали, что душа находится в печени. Интересная мысль.

Египтяне помещали ее в сердце, древние греки — в легкие… А Декарт считал, что душа находится в гипофизе… Странно, что ассирийцы выбрали именно печень, они ведь еще не знали, какую функцию она выполняет в обмене веществ.

За окном ярко светит солнце, отражаясь в стеклах автомобилей… женщины вырядились, как на свадьбу, выходят из машин в летних платьях, с букетами цветов… и зачем я сказала Кэрри, чтобы не приходила сегодня… мне тут немного одиноко. Она вместе с детьми будет сегодня загорать в Подковах после обеда… Так, о еде не думать… Хелен к ним не приедет, она сказала Кэрри, что нужно проверить целую кучу студенческих работ… Простая отговорка… Думаю, ей просто не хочется встречаться с Кэрри, наверное, разрывается между чувством вины и инстинктом соперничества. И я этому рад. Кто знает, что произошло бы, если б они заговорили обо мне? А вдруг Хелен захотелось бы во всем признаться? Боже упаси…

Эта последняя неделя, несмотря на весь ее ужас, кое-что для меня прояснила. Я хочу остаться мужем Кэрри, каковы бы ни были результаты обследования… избитая истина о том, что горе сплачивает семью, в моем случае оказалась справедливой. Оглядываясь, понимаю, каким был

дураком, когда волочился за Марианной, а потом серьезно увлекся Хелен… Выходит, я нарушил наш с Кэрри негласный договор — ни с кем не встречаться на ее территории… если она узнает об этом, одному богу известно, что она может сделать… К счастью, Хелен скоро уезжает из Глостера. Нужно держать ухо востро, однако…

Проблема в том, что Хелен, кажется, по-настоящему влюбилась в меня… В тот вечер она была очень взволнованна. Задним умом я понимаю, что не нужно было ее просить помочь мне расстаться с жизнью в случае плохого исхода. Просто я случайно подумал об этом и выложил все как на духу. Я хочу учесть все возможные варианты развития событий и подготовить план действий, чтобы встретить во всеоружии… только в этом случае я становлюсь хозяином собственной жизни… но это только абстракции и предположения… А она — писатель, у нее развитое воображение… представляет себе все в самых мрачных красках и впадает в отчаяние…

С другой стороны, если все закончится благополучно, она захочет продолжения нашего романа… Можно встречаться в Лондоне время от времени… но лучше бы наши отношения умерли естественной смертью… О… не самая лучшая

метафора… Но это было все-таки здорово, одно из лучших сексуальных переживаний в моей жизни… однако я не хочу, чтобы Кэрри догадалась о том, чем мы занимались в ее отсутствие… Есть опасность, что она узнает об этом из другого источника… Эмили что-то подозревает…. Как она посмотрела на меня в тот вечер, когда я сказал, что Грег не останется у нас ночевать!.. Хотя, возможно, это обычная женская интуиция…. И Стэн с Вив, которые приезжали в Подковы, когда мы с Хелен были в спальне… судя по его тону, он не поверил моей истории о прогулке… Что, если он нашел какую-нибудь улику?.. Ее шарф или пиджак, оставленные в моей машине? Черт, я не помню, как она была одета в тот день… Даже если Стэн подозревает меня, он ничего не скажет Кэрри, но Вив из чувства женской солидарности или просто из вредности может… Так или иначе, я перестал быть любимчиком Стэна: сначала Подковы, потом этот скандал с Дональдсоном и в довершение всего — история с порнографией…

Я здорово перенервничал в пятницу, когда этот сержант уголовной полиции Эгню захотел проверить мой диск… Пришлось быстро соображать… на моем компьютере нет детской порнографии, вообще никакой порнографии… я иногда захожу

на порно-сайты, но только дома… так что в принципе мне нечего бояться… Но на диске хранятся записи моих экспериментов… с потоком сознания… подробности моих отношений с Хелен и Марианной, много другого личного материала… Эмили в ванне, например… Мне не улыбалась эта идея: сержант Эгню роется в моих документах… но потом я подумал, что он будет искать картинки, а не тексты… а если я откажусь сотрудничать с ним, то навлеку на себя подозрения… к тому же я подумал, что если он просмотрит диск сейчас, то сделает это менее внимательно, чем с ордером на руках… Поэтому я согласился, и он тут же снял меня с крючка… Может, он просто блефовал и вовсе не собирался лезть в мой компьютер… или ему было достаточно того, что я согласился… вот проныра… Когда он ушел, я подумал, не удалить ли мне все засекреченные файлы… Но какой в этом смысл? Информацию все равно нельзя полностью стереть…

Что касается истории с почетным званием Дональдсона… кто отдал в студенческую газету информацию о наших связях с Министерством обороны? Этот человек должен иметь доступ к сенатским документам… и мотив… Джаспер Ричмонд, например…. Если Оливер проболтал-

ся, Джаспер мог отомстить… Или кто-нибудь из Центра? Может, Даггерс? Он никогда не одобрял наших отношений с Министерством и вечно жаловался, что служебные тайны ограничивают свободу научных исследований и тому подобное… На самом же деле, он просто завидовал, что мне удалось собрать столько денег, а ему так ничего и не перепало… Но неужели он стал бы подставлять институт, в котором сам же работает? Ведь если меня снимут с должности из-за этого скандала или по состоянию здоровья… он займет мое кресло, и об этом прекрасно знает… но одно дело — возглавлять нищий Центр и совсем другое — процветающий… Надеюсь, он не узнает, почему я оказался в больнице… Нетрудно представить его радость от такой новости…

По-моему, у меня уже паранойя… трудная была неделька, одна неприятность за другой… Как только я успокоился и настроился на конференцию, повис новый дамоклов меч… Людмила Лиск… Не хватало только чешской поклонницы, которая будет повсюду меня преследовать и при каждой возможности напоминать о нашей романтической ночи в Праге… Попадется на глаза Кэрри… И Хелен… Итак, в самом худшем случае: у меня находят рак, меня преследуют три жен-

щины, одна из которых угрожает разводом, мой Центр обвиняют в увлечении порнографией… финансирование прекращается… моя карьера летит ко всем чертям… враги ликуют… Но, конечно, если первое несчастье случится, остальные уже не будут иметь никакого значения… или недолго будут его иметь. Вот почему я так удивительно спокоен… Нужно просто защищаться, когда это возможно, или стоически выжидать, когда защищаться уже невозможно.

30

Вторник, 27 мая. Мессенджер сегодня на обследовании. Звонила ему вчера вечером, пожелала удачи. Перед этим поговорила с Кэрри и узнала, что она к нему не пойдет. Он не хочет, чтобы его навещали, пока он готовится к обследованию. Думаю, просто не желает чувствовать себя больным. Сегодня Кэрри поедет за ним в Бат, узнает результаты анализов, а потом отвезет домой. Долг жены. Он пообещал позвонить сегодня вечером, но скорее всего отложит до завтра, когда пойдет на работу. Не любит звонить из дома, боится, что Кэрри или кто-нибудь из домашних поднимет трубку параллельного телефона и подслушает. Мобильного у него нет: он считает, что иначе у него не будет ни минуты покоя. Поэтому он звонит мне только из офиса.

Вчера вечером его голос звучал немного раздраженно, и это неудивительно: он скучает, голоден, устал. Я могла только пожелать ему удачи. Потому что я верю теперь только в удачу, счастливую случайность и хаос. Мы знаем, что хаос неуправляем, и поэтому пожелания «удачи» — пустая

формальность. Раньше я сказала бы: «Я буду молиться за тебя», пошла бы в церковь, поставила свечку и молилась бы Деве Марии, чтобы она попросила своего Божественного Сына излечить опухоль Мессенджера. Такая мысль кажется мне теперь странной — во многом благодаря самому Мессенджеру. Он сделал так, что молиться за него стало невозможно. Как бы он смеялся надо мной, если бы я предложила ему такую помощь! Я знаю, что бы он на это возразил: «Ну скажи мне, каким образом действует твоя молитва? Даже если предположить, что Бог существует, то каким образом он выбирает, на какие молитвы отвечать, а на какие — нет? С какой стати ему лечить мой рак, если он забывает про несчастных умирающих бродяг или больных лейкемией детей? Если он начинает вмешиваться в ход вещей, то откуда он узнает, где ему следует остановиться?»

Когда я была набожной школьницей, я тоже не могла понять смысла молитвы. Помню, как приставала к сестре Рите, которая преподавала у нас в пятом классе Закон Божий, с казуистическими вопросами: «А что станет делать Бог, если фермер будет молиться о дожде для своего урожая, а мы — о ясной погоде для спортивных соревнований?» И делала еще более дерзкие

заявления: «Значит, немецкие католики только зря тратили время, молясь о победе во Второй мировой войне?» — «Пути Господни неисповедимы, Хелен Дрисколл, — обычно говорила сестра Рита, немного краснея, — и они откроются нам только после смерти». Такие молитвы кажутся мне чистейшим суеверием, но я все же скучаю по ним. Молитва дает человеку точку опоры в трудной ситуации и облегчает страдания. Я не могу безропотно ждать решения судьбы.

Никак не могу отделаться от чувства вины и ощущения, что мы сами навлекли на себя эту беду своим грешным поведением, поддавшись страсти. Мы предали Кэрри (не важно, что она тоже изменяла Мессенджеру). В глубине души я считаю, что мы согрешили, и это заслуживает наказания. В тот миг, когда Мессенджер сказал: «У меня опухоль в печени», — меня охватило не удивление, а страх… я словно ждала чего-то подобного. Вот вам и суеверие… Скорее всего опухоль образовалась еще до нашего знакомства, но мои попытки убедить себя в этом ни к чему не приводят. Грех выявил эту опухоль и заставил расти быстрее. Вот что подсказывает мне суеверие, и я не в силах заглушить этот глупый, истеричный голос, даже когда затыкаю себе уши.

Мне это жутко не нравится. Я в ужасном положении: по-прежнему верю в существование греха, но уже не верю в его отпущение.

Успокойся, Хелен Рид. Возьми себя в руки. Проанализируй факты. У Мессенджера опухоль. Скорее всего доброкачественная. Нет, не обманывай себя: *возможно,* она доброкачественная. Никто еще ничего не знает. Если она доброкачественная, то ее можно вылечить, и жизнь пойдет, как и прежде. Снова возникнут все те же нравственные проблемы любви и страсти, верности и предательства и потребуют своего разрешения, но они уже не будут иметь никакого отношения к печени Мессенджера. Я со смехом буду вспоминать этот приступ панического страха. Но, с другой стороны, если опухоль злокачественная… Что тогда? Это никак не связано с любовью, преданностью и тому подобными представлениями… Просто физическое состояние, вызванное физическими причинами, в котором мог оказаться кто угодно, но оказался именно Мессенджер. Не стоит приплетать сюда мораль.

Все это очень хорошо, но он полагает, что, если его признают неизлечимым, то ему лучше будет самому расстаться с жизнью, и я должна ему в этом помочь. Он попросил меня, но я отказалась.

Меня просто ужаснула эта идея. Я трусиха, и мое неверие не придает мне смелости. Так что я ничего не могу сделать для Мессенджера — разве что пожелать ему удачи и ждать, как обернутся события. Ждать, но не молиться.

Когда мне было пятнадцать, я читала «Конец романа» Грэма Грина. Втайне от родителей, потому что боялась — папа меня не одобрит. На самом же деле, это прекрасная книга для праведной девочки-католички, которая только начинает осознавать собственную сексуальность. Намеки на страстные занятия любовью, особенно способность Сары к оргазму, «ее странные и откровенные крики», интриговали и возбуждали меня, а последующее описание духовного мира героев вдохновляло. Я несколько месяцев подряд воображала себя Сарой, наслаждающейся чувственными отношениями с Бендриксом (довольно условными), а потом обещающей Богу прекратить эти отношения, если только он убережет Бендрикса от гибели. Сарой, сдержавшей слово ценой собственного счастья и, в конце концов, умершей от тяжелого гриппа и попавшей в рай, оставив после себя таинственный шлейф чудес, которые могли бы поколебать неверие моего возлюбленного. Как я рыдала над этой кни-

гой! Как мечтала вырасти и стать такой же, как Сара, все в жизни попробовать, а потом искупить грехи, принеся себя в жертву! Сейчас я нахожусь в ее положении, но у меня нет ее веры.

11 вечера. Ральф не позвонил. Ложусь спать.

Среда, 28 мая. Мессенджер позвонил утром, как только пришел в офис. Я ждала звонка, но все равно вскочила, как ужаленная, когда зазвенел телефон, и даже выронила трубку из рук. Результаты анализов неокончательные. Колоноскопия не выявила отклонений от нормы, и это хорошо, но при сканировании было обнаружено «кистоидное образование» диаметром около десяти сантиметров в правой доле печени. Я взяла линейку и посмотрела: десять сантиметров — это так много! Нарост не упирается ни в какой орган, и вероятно, поэтому Ральф не чувствует боли. Мессенджер сказал, что Хендерсон был весьма озадачен и даже разочарован тем, что не обнаружил предполагаемой раковой опухоли. Он предложил провести еще биопсию печени, чтобы окончательно выяснить, рак ли это в начальной стадии или что-нибудь еще. Он также посоветовал обратиться к одному бристольскому хирургу, который специализируется на печени, но Кэрри,

похоже, взяла все под свой контроль. Она не доверяет Хендерсону и обзванивает сейчас всех своих знакомых, пытаясь отыскать светило в этой области. Мессенджер, кажется, доверился ей.

Мое напряжение спало. Я-то думала, что результаты будут окончательными, и сегодня утром, ворочаясь в постели, решила для себя, что, если они окажутся неутешительными, то я соглашусь помочь Мессенджеру, о чем бы он ни попросил. Я подумала, что, если он сам этого хочет, значит, я обязана согласиться. Если его самоубийство неизбежно, я совершу поступок, исполненный любви и благородства, — поведу себя как Сара. Я попыталась встать на его место и представила себя неизлечимо больной — мне кажется, я поняла, почему он хочет предотвратить мучения. Для христиан страдание имеет определенный смысл, оно может стать очищением или привести к «хорошей смерти», как говаривали монашки. Другие люди хватаются за каждую секунду этой жизни, потому что не верят в существование другой. В каком бы состоянии они ни находились, они дорожат каждым закатом и рассветом, каждым мигом общения с близкими людьми. Но Мессенджер — из другого теста. Я не представляю себе, как он будет медленно угасать, ходить с

палочкой, а затем сидеть в инвалидном кресле и, наконец, лежать на кровати, весь утыканный капельницами, катетерами и еще бог знает чем. В его характере, как и в его профиле, есть что-то римское — он борец, и если поражение неизбежно, то он скорее упадет на собственный меч, чем позволит заковать себя в кандалы. Я поняла это и решила сделать все, о чем он попросит.

Разрешив для себя эту дилемму, я со страхом ждала его звонка. Когда же он сказал, что результаты пока неопределенные, я почувствовала некоторое облегчение от того, что новость не плохая, но в то же время разочарование, поскольку она не хорошая. Снова эта неопределенность. Конечно, я ничего не сказала ему о своих мучениях и выводах. Просто посочувствовала, что ему опять придется пребывать в неизвестности, и он ответил, что у него есть сейчас проблемы поважнее. Спросил, читала ли я сегодняшний выпуск «Кампуса», там должны были опубликовать его обращение. Ему и в голову не пришло, что я не могла выйти из дома, не дождавшись его звонка. Еще он сказал, что Би-би-си посылает на конференцию свою команду, чтобы отобрать видеоматериалы для документального фильма об искусственном интеллекте. Он очень доволен

— это дополнительная реклама для Центра. А у меня отпало всякое желание выступать. Лучше бы я не соглашалась.

7.30 вечера. Пыталась отвлечься, писала характеристики на студентов для магистерского экзамена. Неужели это последняя учебная неделя семестра? Сегодня получила отчет от независимого экзаменатора. Его зовут Остин Осгуд, он поэт и пишет рассказы, ведет точно такой же семинар в Линкольнском университете. Как-то раз я встречалась с ним в Хэй-он-Уай, и он не произвел особого впечатления. У него слишком громкий, мальчишеский смех, который как-то не вяжется с его расчетливыми, близко посаженными глазами. Но ему понравились работы студентов, он всем поставил хорошие оценки — не ниже 4+. Отсылая рукописи, я попросила его обратить особенное внимание на работу Сандры Пикеринг, не объясняя причины. К моему удивлению, он поставил ей 5 — одну из самых высоких отметок. Что ж, по крайней мере, она не сможет жаловаться на предвзятое отношение. Надо отдать ей должное, она сделала все для того, чтобы ее «Шлак» больше не изводил меня. В двух главах, которые она написала за эти последние недели, ее история приняла неожиданный обо-

рот, и Аластэра сменил другой герой-любовник. Завтра — моя последняя встреча с группой. Оглашать результаты я пока не имею права, но могу сообщить им, что все набрали проходной балл. Потом устрою им небольшую вечеринку. Жаль только, что настроение невеселое.

Купила «Кампус» и прочитала письмо Мессенджера о связях Центра с Министерством обороны. Статья толковая, как я и думала, только напечатали ее не очень заметно. На первой странице — статья об угрожающем повышении платы за проживание на кампусе. Кажется, руководство собиралось сообщить об этом во время каникул, когда студенты разъедутся, но редакторы газеты узнали эту новость раньше и призывали студентов к демонстрации в конце семестра. Все как в старые добрые времена.

Пятница, 30 мая. Мессенджер сейчас в пути. Поехал в Лондон увидеться с лучшим специалистом по печени. Моя печень тоже барахлит. Жуткое похмелье.

Вчерашний день был очень насыщенным. Все утро готовила закуски для вечеринки, потом обедала с Мессенджером. Я позвонила ему и напомнила, что мы не виделись уже целую неделю. Он вначале колебался, ссылаясь на большую

занятость, но, в конце концов, согласился. Мы разыграли случайную встречу в учительском корпусе и пообедали в столовой. Вышло так, что мы сели за тот же столик, что и в первый раз. Я рассказала ему, как заметила его тогда и сделала вид, будто рассматриваю ужасные пейзажи, висевшие в холле, в надежде на то, что он меня заметит. А потом изобразила на лице притворное удивление, когда он меня окликнул. Ральф улыбнулся, но потом нахмурился. Наверное, считает себя мастером заводить знакомства, и ему неприятно узнавать, что сам попался на мою удочку. Он немного осунулся, видимо, после больничной диеты. Заказал себе жареную рыбу и брокколи без картошки, с рыбы осторожно снял жирную шкурку и положил на край тарелки.

Рассказал, как Кэрри часами сидела на телефоне, выстраивая цепочку из знакомых, которая протянулась до самой Калифорнии. В конце концов, она выяснила, что лучшим специалистом по болезням печени является некий Халиб. Кэрри чем-то подкупила или очаровала этого мистера Халиба и уговорила его принять Мессенджера завтра утром на Харлей-стрит. Они поедут утренним поездом и должны вернуться к началу конференции. Я сказала, что расписание очень

напряженное, но Ральф ответил, что лучше уж съездить в Лондон, чем торчать все это время в больнице.

— Хотя, боюсь, мне этого так и так не избежать, — добавил он, криво улыбнувшись.

Обед был коротким — нас обоих ждали дела — и немного неловким, потому что вокруг были люди. Мы старались весело говорить на отвлеченные темы жизни и смерти и т. п. Мессенджер спросил о Люси, и я сказала, что совсем недавно получила письмо: она приедет домой в конце июня. Пол тоже собирался, но вначале хотел побывать в Мексике. Узнал, что у меня есть Интернет, и тоже написал несколько писем. Мессенджер спросил, часто ли я пользуюсь Интернетом, и я ответила, что редко, потому что никогда не могу найти то, что мне нужно. Один мой студент Гил Беверсток сказал, что на сайте Вайомингского колледжа есть страничка, посвященная моим книгам. Когда я попыталась найти ее и набрала свое имя в поисковой системе «Алтависта», то обнаружила около миллиона ссылок на различные странички. Я выбрала одну из них наугад и узнала о том, что я — молодая девушка, позирующая перед камерой с поднятой юбкой и без трусиков. Мессенджер засмеялся и сказал, что процесс поиска

можно облегчить, и пообещал показать мне, каким образом. Потом спросил, сохранила ли я эти картинки на своем компьютере, и я сказала:

— Конечно, нет. — Тогда он спросил меня, смотрела ли я порно в сети, и я снова ответила отрицательно. Потом он сказал: мало кто знает о том, что все, что мы скачиваем из Интернета, остается на жестком диске даже после того, как мы удалим соответствующие файлы. Я сказала, что это похоже на ангела, записывающего грехи. — Совершенно верно, — подтвердил он. — Жесткий диск — ангел, записывающий наши грехи.

Когда нам принесли кофе, мы услышали за окном какие-то крики: сначала едва различимые, затем они постепенно усилились. Выглянув в окно, мы увидели процессию студентов с транспарантами, скандировавших лозунги. Они маршировали вокруг учительского корпуса. На верхнем этаже в это время дня обедали члены университетского совета — лучшие представители города, местные бизнесмены и проч. Они играют, как правило, символическую роль в общей структуре руководства университета, и вицеканцлер развлекал их сегодня за ланчем. Студенты воспользовались ситуацией, чтобы

выразить протест против повышения платы за проживание на кампусе. Я сказала Мессенджеру, что ему повезло, ведь эта стихийная демонстрация отвлекла внимание от вопроса о Министерстве обороны.

— Дело не в везении, — сказал он. — Я сам передал в газету информацию о новых тарифах.

Я уставилась на него с разинутым ртом.

— А как ты о них узнал? — спросила я.

— Тише! Просто я состою в комитете, занимающемся разработкой путей и возможностей изыскания денежных средств. — Думаю, выражение моего лица было очень красноречивым, потому что он тут же добавил: — Кто-то доложил им о наших связях с Минобороны. Когда враги ведут себя нечестно, приходится делать то же самое.

— А кто твои враги? — спросила я.

— Не знаю. Но они умело маскируются. А для студентов деньги важнее принципов.

Мы расстались на ступеньках учительского корпуса, даже не поцеловавшись на прощание. Я подумала, что он мог хотя бы шепнуть: «Я люблю тебя» — или что-нибудь в этом роде, но не стал этого делать, а я — и подавно. Наверное, я все-таки люблю этого человека, но у меня нет никаких

перспектив.

Потом я направилась к гуманитарному корпусу провести последний семинар и попыталась выбросить Мессенджера из головы хотя бы на оставшиеся полдня.

Чтобы как-то отметить окончание курса, я попросила каждого из студентов прочитать отрывок из своего сочинения, который занял бы не больше десяти минут. Никаких обсуждений — только аплодисменты. Все прошло замечательно. Сандра Пикеринг дипломатично прочитала отрывок из первой главы. Потом мы все собрались в моей «мезонетке». Я приготовила салаты, заварные пирожные и соусы, а также запаслась большим количеством вина и пива. Вечер получился чудесным, я открыла раздвижную стеклянную дверь, выходящую на небольшое мощеное патио, на котором предусмотрительно поставила стол, стулья и тент, взятый напрокат у соседей. Я пригласила Росс и Джеки присоединиться к нам, но они, к счастью, отказались, сообщив, что собрались пойти на озеро кататься на байдарках. Вечеринка походила на боевое крещение студентов. Они купили мне в складчину подарок — первое издание «Обыкновенного читателя» Вирджинии Вулф, «Хогарт-Пресс», 1932, в

слегка потрепанной обложке Ванессы Белл. Подарок мало того что щедрый, но еще и выбран со знанием дела. Как-то я обмолвилась, что у меня есть литография Ванессы Белл. Саймон Беллами преподнес мне этот подарок и произнес остроумную речь, в которой сказал, что я могу научить писать в самых разных стилях — от Александра Поупа до Джерома Сэлинджера (намек на мои сложные стилистические задания). Я, в свою очередь, произнесла сентиментальную речь о том, какая у меня была талантливая группа и что теперь я мечтаю прочитать рецензии на их первые опубликованные работы, а потом следить за их творческой карьерой. К тому времени мы уже изрядно выпили, а после речей выпили еще. Это была одна из тех редких английских ночей, свежих и благоухающих, когда можно сидеть всю ночь на улице, не ежась от ветра и сырости. Студенты принесли стулья и расселись полукругом. Боб Дрэйтон прихватил акустическую гитару и тихонько перебирал струны в темноте, иногда прерывая наш разговор какой-нибудь народной песней. У него приятный тенор. Некоторые подпевали. Вечеринка удалась на славу, но вскоре я стала сомневаться в том, что она когда-нибудь закончится… Я начала потихоньку убирать посуду,

надеясь, что они поймут, что пора закругляться. К моему удивлению, Сандра Пикеринг вызвалась помогать, а потом первая собралась уходить.

— Спасибо за вечеринку… и за курсы, — сказала она.

— Ты из них что-нибудь вынесла?

— Ну конечно, — ответила она, не раздумывая, — но мне жаль, что вам пришлось узнать о Мартине от меня… наверное, это судьба.

— Да, наверное, это судьба, — сказала я. Мы довольно холодно пожали друг другу руки. — Желаю удачи с романом, — лицемерно сказала я.

— Спасибо, а вы что-нибудь пишете?

— Нет, слишком много хлопот с вами.

— Не делайте больших перерывов, — сказала она немного самонадеянно, и, видимо, я изменилась в лице, потому что она добавила: — Это самое важное, что я вынесла из вашего курса: нужно продолжать писать во что бы то ни стало.

С этими словами она ушла. Я вернулась в сад и сказала остальным, что ложусь спать, иначе мне придется уснуть стоя, а они могут остаться или уйти, когда захотят. Они пожелали мне спокойной ночи и просидели еще несколько часов. К утру все разошлись, а посуда была тщательно вымыта и расставлена, как будто это сделали

добрые феи.

11.25 вечера. Наконец-то, хорошая новость! По крайней мере, обнадеживающая. Но не буду сильно радоваться раньше времени. (Еще одно суеверие.) Мессенджер был сегодня блистателен как председатель на открытии конференции. Это было похоже на светский прием с горячительными напитками, ужином и баром. Конференция проходит в Эйвон-Хаусе, похожем на отель большого аэропорта и специально построенном для подобных случаев и проведения высших профессиональных курсов, которые приносят университету немалый доход. Как только я вошла в огромный зал и увидела, как Мессенджер раздаривает направо и налево улыбки и рукопожатия, сразу же поняла, что на Харлейстрит все прошло нормально. Кэрри была в одном из своих шелковых кафтанов, она выглядела усталой и не столь оживленной, но тоже спокойно улыбалась. Медленно пробираясь к ним через толпу, я заметила профессора Дугласса — его трудно было не заметить в праздничном черном костюме и начищенных туфлях. Почти все присутствующие (в основном мужчины) были одеты очень просто, если не сказать небрежно: в спортивные рубашки или футболки и мешковатые летние

брюки. На некоторых даже были кроссовки. Я уже привыкла к такому стилю одежды у студентов и коллег Мессенджера, но теперь поняла, что таков международный стиль всех специалистов по когнитивной науке и смежным дисциплинам.

— Поздравляю, — сказала я Дуглассу.

Он весь напрягся и покраснел:

— С чем?

— С победой на утиных гонках.

— А, вы об *этом.* — Он расслабился. — Меня наградили ящиком шампанского, а я не пью.

— Открытие удалось на славу, — сказала я, озираясь по сторонам. — Наверное, вы потратили много сил на его организацию.

— Больше, чем хотелось бы, — ответил он. — Наш главный организатор большую часть времени отсутствовал. Мне сказали, что он лежал на обследовании в больнице. Он что, заболел? — В его голосе прозвучало назойливое любопытство.

— Честно говоря, не знаю, — сказала я и направилась сквозь гудевшую толпу к Мессенджеру.

Тот прошептал мне на ухо:

— Хорошая новость, Халиб считает, что это эхинококковая киста.

Я успела спросить:

— А что это такое? — но его отвлек какой-то бо-

родатый американец в ярко-зеленом спортивном пиджаке и красной футболке.

— Потом объясню, — сказал Мессенджер и представил меня Стиву Розенбауму из Колорадского университета, который будет представлять свою научную работу на тему «Построение функционирующего мозга».

— Вы и вправду его строите? — спросила я.

— Конечно, — самоуверенно ответил он.

— А о чем он думает?

— Сейчас в основном о запчастях для автомобилей, — сказал он. — Заказ от «Дженерал Моторс».

Тут вмешался Мессенджер:

— Хелен интересует другая сторона мозга, она — писатель.

— Правда? Вы пишете детективы? — спросил профессор Розенбаум.

— Нет, — ответила я и добавила, что даже не читаю их.

— Мой любимый писатель — Элмор Леонард, — сказал он, — советую почитать.

Я пообещала ему и пошла поздороваться с Кэрри. Мы поцеловались в обе щеки. Мы еще не виделись после ее приезда из Калифорнии, и я была рада, что наша встреча произошла при большом скоплении народа, ведь за это время

произошло много такого, о чем она не знает и не должна узнать, так что вряд ли я смогу и впредь играть роль ее верной подруги. Проще было поупражняться на публике.

— Ральф сказал, что консультация в Лондоне прошла успешно, — сказала я, чуть было не назвав его фамильярно Мессенджером.

— Да, но не стоит радоваться раньше времени, хотя надежда, кажется, есть. Этот парень внушает доверие, — сказала Кэрри. Мне показалось, что она не хочет продолжать разговор эту тему, решила не приставать к ней с расспросами и отошла с чувством легкого неудовлетворения. Меня посадили за один стол с Мессенджерами, но далеко от них, между парой нейробиологов, которые попытались завести со мной разговор о своих экспериментах над обезьянами. Эксперименты заключались в том, что обезьянам делали небольшие надрезы на головном мозге и наблюдали за изменениями в их поведении. Когда я заметила, что это бесчеловечно, они заверили меня, что мозг нечувствителен к боли. Странный парадокс: орган, поставляющий нам информацию о боли, сам ее не чувствует!

Мессенджер произнес речь, пересыпанную профессиональными шутками, большинства из

которых я не поняла, но присутствующим они, кажется, понравились. Вскоре после обеда Кэрри собралась домой. Я сказала ей, что останусь, чтобы привыкнуть к «когнитивной качке». Она удивилась такой вычурной метафоре.

— Войти в курс дела, — пояснила я.

— Ах да, я уже ничего не соображаю, такой длинный день. Хелен, сделай одолжение, проследи, чтобы Мессенджер долго не задерживался, хорошо?

Я охотно согласилась — прекрасный повод подойти к нему в баре. Он сидел за столом с какой-то группой и махнул мне, чтобы я подсаживалась. Там было несколько мужчин и одна худенькая темноволосая девушка, сидевшая рядом с Ральфом. На карточке, прикрепленной к ее блузке, я прочитала: «Людмила Лиск. Карлов университет, Прага». Она молчала и жадно следила за разговором, бросая взгляды то на одного, то на другого оратора. Люди подсаживались или вставали из-за стола, а она оставалась сидеть, экономно растягивая свой бокал легкого пива. Мессенджер шутливо представил ее как своего «пражского гида». Я спросила, будет ли она выступать на конференции, и она ответила, что у нее стендовый доклад. Насколько я поняла, на конференции

молодые или менее известные исследователи представляют иллюстрированные плакаты с тезисами своих исследований. Мессенджер, который пил только тоник, стал спрашивать у гостей, что они будут пить, и тогда я сказала:

— Мне пора, Ральф. Но я пообещала Кэрри, что уйду только после тебя.

— Да, пора закругляться, — сказал он. Когда мы прощались, выходя из бара, Людмила посмотрела на меня с нескрываемой враждебностью.

— Ты что, спал с этой девушкой в Праге? — спросила я его, когда мы вышли из здания.

— Конечно, нет, с чего ты взяла?

— Она, как пиявка, присосалась к тебе.

— Надеется, что я помогу ей с работой после защиты.

— И ты поможешь?

— Возможно. Если еще буду здесь работать.

Мне стало стыдно, я вовсе не собиралась начинать наш разговор с этого вопроса. Я задала его в приступе ревности.

— Ты сказал, что в больнице тебе сообщили хорошую новость.

— По крайней мере, обнадеживающую. А в какой степени обнадеживающую, я узнаю на следующей неделе, — сказал он.

— Расскажи все по порядку, прошу тебя. Я провожу тебя до машины, — сказала я.

Мы направились к Центру когнитивных исследований, у которого стояла его машина. Ночь была сухой и лунной. Из студенческого клуба, где проходил бал по случаю окончания сессии, доносились звуки гитары, а на берегу озера веселились и тискали друг друга девушки в длинных декольтированных платьях и молодые люди в смокингах. Парень с закатанными рукавами запрокинул голову, выдул остатки вина из бутылки и швырнул ее в озеро — прямо в лунную дорожку.

— Халиб — маленький, пухленький, лысый азиат. Вначале он тоже не внушал нам доверия. Такой низкорослый, что во время операций ему, наверное, приходится вставать на стул. Но как только он берется за дело, невольно начинаешь ему доверять. Он взял мои рентгеновские снимки, УЗИ и все, что я привез с собой из Бата, и долго изучал их, прежде чем начать меня щупать. Это было самое тщательное обследование в моей жизни. У меня было такое ощущение, словно он залез рукой ко мне в живот. Я оделся, и мы с Кэрри (она была со мной) стали ждать его ответа. Можешь представить себе наше напряжение.

Он спросил: «Профессор Мессенджер, вы когда-нибудь находились в тесном контакте с овцами или собаками?» Кэрри потом сказала, что этого вопроса она меньше всего ожидала. Я ответил утвердительно: помнишь, я рассказывал, как в молодости работал на одной йоркширской ферме? Он был доволен моим ответом. «Я полагаю, что у вас эхинококковая киста, — сказал он. — Ее причиной могло стать попадание в организм яиц собачьего паразита *Echinococcus granulosus,* в просторечии называемого „солитером“. Если вы случайно хлебнули зараженной воды…» — «Я любил плавать вместе с собаками», — сказал я. «Превосходно! Это увеличивает риск заражения. Об этом может рассказать простой анализ крови». Перед тем как мы ушли, он взял у меня этот анализ. Результаты будут известны в начале следующей недели, — закончил свой рассказ Мессенджер.

— А что, если у тебя эта самая киста? — спросила я.

— Ее можно удалить хирургическим путем. Но вначале ее сжимают с помощью каких-то препаратов. Халиб говорит, что они недавно получили новые лекарства. Иногда киста исчезает полностью.

— И она была у тебя все эти годы?

— Возможно.

— Ну, тогда это — хорошая новость.

— Да, если она подтвердится.

— А Хендерсон мог это предположить?

— Должен был. Кэрри абсолютно права.

Мы подошли к стоянке Центра. Под мрачным сводом, на третьем этаже, светилось окно, наполовину прикрытое жалюзи.

— Даггерс корпит над своими алгоритмами, — сказал Ральф.

— Поцелуй меня, Мессенджер, — сказала я. Он не ответил, глядя на окно.

— Мессенджер?

— Что?

— Поцелуй меня.

Он осмотрелся по сторонам, увлек меня к стене, и мы поцеловались. Но мысли его были где-то далеко. Наверное, думал о своей кисте.

Воскресенье, 1 июня. Уже поздно, 10.30. Я только что пришла, вся измученная и в панике. Измученная двухдевными бесконечными дискуссиями о сознании и в панике от мысли, что нужно будет что-то говорить завтра на заключительной сессии.

Заседания проходят с девяти тридцати утра

до шести вечера. Основные пленарные лекции читают в большой аудитории, а небольшие тематические семинары проводятся одновременно, и это означает, что нужно выбирать между искусственным разумом, когнитивной психологией, нейробиологией и какой-то всеобъемлющей категорией, называемой *альтернативными подходами.* Мой выбор осложняет еще и то обстоятельство, что о лекторах и темах их лекций я знаю мало или почти ничего. Из-за этого я несколько раз попадала на невероятно скучные лекции. Думаю, я не одинока, поскольку время от времени какой-нибудь смельчак вставал на середине занятия и покидал зал в поисках чего-нибудь более интересного, но у меня самой не хватало храбрости это сделать.

Перерывы на утренний кофе, обед и вечерний чай тоже превращались в тематические беседы. Присутствие телевидения провоцировало ожесточенные споры. В промежутках между лекциями телевизионщики бродили по коридорам и приемным, брали интервью у участников и подслушивали их разговоры. Когда люди замечают, что их снимают, а над головами зависает журавль с болтающимся на конце заглушенным микрофоном, точно какой-то дохлой зверюш-

кой, они начинают позировать и вести себя неестественно. Съемка пленарных заседаний требует дополнительного освещения, от которого в аудиториях становится жарко и душно. Порой мне ужасно хотелось прилечь в каком-нибудь прохладном и темном месте, но я продолжала безропотно бродить по коридорам и лестницам Эйвон-Хауса (к сожалению, два лифта вышли из строя), натыкаясь на «Предлобную кору головного мозга как базовый компонент личности», «Слияние когнитивного и феноменологического подходов к изучению сознания», «Появление эмоциональной выразительности в роботах», «Теорию относительности и проблему когнитивной связи» и так далее и тому подобное… Было еще исследование, которое я, к сожалению, пропустила и которое называлось: «Что такое мозг: ведро с дерьмом или миска со студнем?» К концу первого дня мой мозг скорее походил на студень. Я вела конспекты, в которых потом ничего не могла разобрать и даже вспомнить, о чем вообще шла речь. *Центростремительность, центробежность, экс-центростремительность… Схема=-репродуктивный, коактивация нейронов… синергитический взгляд на мозг в противоположность картезианскому… динамический процесс*

взаимодействия… Нервный заряд с частотой 40 герц при буддийской медитации… Что бы это могло значить?

Встречались и вполне понятные предложения, больше похожие на анекдоты. *Боль в фантомах конечностей, хирургически ампутированных под анестезией, менее острая, чем при потере конечности во время несчастного случая… Одна из выступающих говорила, что у нее развилось новое представление о собственном «я» после того, как она переехала из Америки в Норвегию и выучила норвежский язык…* И, наконец, самая потрясающая запись: *Корреспондент пишет Льюису Кэрроллу после прочтения «Бармаглота»: «Голова моя наполнилась идеями, но я не знаю, какими»* — точь-в-точь мои ощущения в конце первого дня.

Сегодня преобладали лекции и семинары, вечером дошла очередь и до стендов — еще около тридцати или сорока дополнительных исследований сознания, вывешенных на особых планшетах, у которых стояли авторы, готовые ответить на любой вопрос, подобно торговцам у базарных лотков, продающим свой информационный товар. *«Фазовый подход к квантовой нейродинамике и его отношение к области про-*

странства-времени механизмов нейронного кодирования», «Субъективное течение времени: последствия предоперационного медикаментозного лечения и общей анестезии», «От кванта — к qualia», «Воздействие крийя-йоги на электромагнитную деятельность мозга», «Моделирование обучаемого поведения у автономных индивидов». Последнее исследование принадлежит Людмиле Лиск — тонкой и острой, как нож, в облегающем черном платье и туфлях на высоком каблуке. Что-то связанное с имитацией детских игр. Она оживленно объясняла свою тему профессору Розенбауму и по-светски небрежно улыбнулась мне из-за его плеча, когда я проходила мимо. Розенбаум представлял сегодня свою работу: *«Построение функционирующего мозга».* Оказалось, что это — компьютерная программа, выполняющая почти все должностные обязанности менеджера. Он признал, что такой робот, конечно, не сможет видеть, слышать или двигаться и будет общаться только по электронной почте.

— Но многие из моих знакомых ведут себя точно так же, — остроумно заметил он. Одним словом, чем дольше я нахожусь здесь, тем сильнее убеждаюсь в том, что когнитивная наука еще очень далека от воспроизведения реального

человеческого мышления, но мне не хватает знаний и уверенности в себе, для того чтобы публично об этом заявить.

Я отыскала Мессенджера и решила отказаться от своего «заключительного слова».

— Освободи меня от этой обязанности, мне нечего сказать, я не поняла и половины из того, что услышала. Я просто поставлю себя в глупое положение, и все это покажут по телевидению.

— Не волнуйся, просто скажи, что ты сама думаешь о проблеме сознания, — сказал он.

— И все? — иронично спросила я.

— Ну, расскажи об этом с точки зрения литератора. Людям будет интересно. Они об этом никогда не слышали. Никто не будет забрасывать тебя гнилыми помидорами.

— Они начнут задавать вопросы, на которые я не смогу ответить.

— Не начнут. У них на это не будет времени.

Мне немного полегчало. К тому же мне выделили всего пятнадцать минут.

Нужно найти какой-нибудь текст, от которого я могла бы оттолкнуться, чтобы не нести всякий вздор. Возьму что-нибудь из Генри Джеймса и проанализирую художественное описание сознания. Стрезер у реки, например… Нет, это уже

было. Тогда Кейт Крой в начале «Крыльев»… Ну, это слишком просто, особо не разгуляешься. Нет, как можно после трех дней научных дискуссий на высшем уровне заставлять людей слушать простой критический разбор текста! Текст должен быть *посвящен* сознанию, а не просто служить примером того, как оно работает.

Странно, как мы беспокоимся об этих вещах, как хотим произвести благоприятное впечатление, как боимся попасть впросак! В нас говорит элементарное тщеславие. Или — если быть чуточку снисходительнее к себе — профессиональная гордость. В моей жизни масса гораздо более важных вещей, но все мои мысли направлены сейчас на то, чтобы сказать что-нибудь умное на закрытии конференции. Мессенджер тоже целиком поглощен конференцией, уделяет внимание каждому выступающему, следит за ходом заседаний, лебезит перед именитыми докладчиками и ублажает телевидение. По нему не скажешь, что он ждет результатов анализа крови, который имеет для него жизненно важное значение. Как хорошо, что мы оба можем отвлечься!

Я вернулась домой в обеденный перерыв и пропустила вечерние семинары, чтобы успеть подготовиться к речи. Если я собираюсь взять за

основу какой-нибудь текст, мне нужно будет скопировать его завтра утром. Или, лучше, сделать слайды. Все выступающие на этой конференции пользуются видеопроектором. Для ученых это — обычная практика, а для меня — новинка. За все годы учебы в Оксфорде ни один преподаватель английской литературы не пользовался проектором или каким-нибудь другим визуальным приспособлением, чтобы показать иллюстрированную диаграмму, даты или какие-нибудь цитаты из обсуждаемого автора. В лучшем случае выдавали плохо напечатанные конспекты лекций. Но на этой конференции все докладчики использовали слайды, которые они ловко меняли по ходу дела, продолжая непринужденно говорить и даже импровизировать. Слайды были разные: от качественно воспроизведенных страниц книги до неразборчиво написанных от руки цветными фломастерами. Последние производили впечатление полета мысли и внезапного озарения, посетившего автора посреди ночи. В окружении телекамер мне тоже придется читать по бумажке, и неплохо бы еще сделать слайды, чтобы время от времени отвлекать внимание слушателей от собственной персоны.

31

— Некоторые из вас, очевидно, недоумевают, что я делаю на этой трибуне и как я осмелилась обращаться к вам по теме данной конференции. Поверьте, что я удивлена не меньше вашего. В этом виновата не я, а профессор Мессенджер — идея принадлежала ему.

До приезда в Глостерский университет и до встречи с профессором Мессенджером, который показал мне этот Центр, я даже не подозревала о том, что ученые сейчас занимаются проблемой сознания. В каком-то смысле это самый увлекательный предмет исследования — ведь мы пытаемся постичь то, что делает человека человеком, понять, как работает наше сознание, как мы преобразуем и обрабатываем информацию, которую получаем и осознаем. Или думаем, что осознаем. Кто мы: животные или механизмы? Возможно, соединение того и другого? Или ни то, ни другое? В эти выходные мне пришла в голову следующая мысль: понимание сознания играет такую же роль для современной науки, какую играл философский камень для алхимиков. Это

главная награда в захватывающей погоне за знаниями.

Поиск вещества, способного превращать основные металлы в золото, оказался тщетным, потому что такого соединения не существует и его невозможно изготовить, но в ходе экспериментов были сделаны замечательные открытия. Например, изобрели фарфор и порох. Некоторые исследователи полагают, что мы, возможно, никогда не поймем, что такое сознание, и я разделяю их точку зрения, но сама попытка исследовать этот феномен уже сейчас принесла немало важных открытий, касающихся головного мозга и разума, о которых много говорилось на этой конференции.

Однако докладчики почти не обращались к художественной литературе, и это стало для меня подлинной неожиданностью, ведь художественная литература всегда служила записью (возможно даже, самой полной записью) человеческого сознания. Я хотела бы подтвердить свои наблюдения коротким литературным текстом, точнее, тремя строфами из стихотворения английского поэта семнадцатого века Эндрю Марвелла. Стихотворение называется «Сад». В первой из выбранных мною строф автор описыва-

ет ощущения человека, попавшего в идеальный сад. Если техника не подведет, сейчас она появится на экране… Ой, извините. Я еще не научилась пользоваться этими аппаратами. Вот:

В каких купаюсь я соблазнах!
В глазах рябит от яблок красных,
И виноград сладчайший сам
Льнет гроздьями к моим устам,
Лимоны, груши с веток рвутся
И сами в руки отдаются;
Брожу среди чудес и — ах! —
Валюсь, запутавшись в цветах[9].

На этой конференции мы много раз слышали о *qualia.* Насколько я могу судить, мнения разделились; одни считают их результатом работы мозга, а другие — сознания. Либо это индивидуальный феномен, который никогда не постичь другому человеку, либо — простые соединения нейронов, сложность изучения которых заключается лишь в необходимости их перевода на вербальный язык. Я недостаточно компетентна в данном вопросе. Но позвольте мне обратить ваше внима-

---

[9] Примечания: 9
Здесь и далее — перевод Григория Кружкова.

ние на один парадокс в стихотворении Марвелла, который имеет отношение к поэзии в целом. Несмотря на то что Марвелл говорит от первого лица, он ведет речь не только о себе самом. Читая эту строфу, мы и сами ощущаем *qualia* различных плодов. Мы видим их, чувствуем их аромат и вкус, испытывая «трепет узнавания». Но этот сад — виртуальный, возникший благодаря *qualia* самого стихотворения — особому сочетанию слов и их значений, звуков и ритма, которое я могла бы проанализировать, если бы у меня было достаточно времени.

В следующей строфе Марвелл обращается к субъективной, личностной сфере сознания. Надеюсь, что сейчас у меня все получится. Не может быть! Вот она:

А между тем воображенье
Мне шлет иное наслажденье:
Воображенье — океан,
Где каждой вещи образ дан;
Оно творит в своей стихии
Пространства и моря другие;
Но радость пятится назад
К зеленым снам в зеленый сад.

В четвертой строчке есть метафора, связанная со странным, но широко распространенным в то время поверьем, согласно которому все наземные существа имеют своих морских двойников. Мы видим, что стихотворение было написано еще в донаучную эпоху. Но это всего лишь троп, который, как мне кажется, не влияет на основную идею строфы, где говорится об уникальной способности человеческого сознания воображать себе то, что находится вне досягаемости наших физических ощущений, чего не существует в реальности, о его способности создавать вымышленные миры (например, в романах) и мыслить абстрактно. К примеру, мы отличаем абстрактное понятие цвета («молодо-зелено») от реального ощущения цвета («зеленый сад»).

Можно ли назвать это явление дуализмом? Да, можно, если считать дуализмом любое различение ума и тела, но дуализм так глубоко укоренился в нашем языке и мышлении, что его крайне трудно избежать. Даже самые ярые противники теории «духа в машине» не смогут запретить нам пользоваться словами «разум» и «тело», считая первый функцией и неотъемлемой частью второго.

Но Марвелл, подобно всем своим современ-

никам, был гораздо более последовательным дуалистом, и это становится ясно из следующей строфы…

Ну вот, получилось:

Здесь, возле струй, в тени журчащих,
Под сенью крон плодоносящих,
Душа, отринув плен земной,
Взмывает птахою лесной:
На ветку сев, щебечет нежно,
Иль чистит перышки прилежно,
Или, готовая в отлет,
Крылами радужными бьет.

Говорят, Декарт верил в бессмертие души, потому что мог легко представить собственную душу, существующую отдельно от тела. Марвелл воплощает эту мысль в прекрасном образе птицы. Он воображает, как его душа покидает тело и садится на веточку дерева, чтобы почистить перышки, а затем улететь в рай. Я не призываю вас устремиться вслед за ней. Такая концепция души представляется сейчас фантастической даже верующим христианам. Но христианская идея души соотносится с гуманистической идеей субъекта, с чувством собственной неповторимо-

сти и ощущением умственной и эмоциональной личной жизни — целостной, протяженной во времени и обладающей моральной ответственностью. Ее иногда еще называют совестью.

В наше время идея души, или «я», часто подвергается критике не только в естественнонаучных, но и в гуманитарных кругах. Нам говорят, что это фикция, «конструкция», иллюзия, миф. Простой «набор нейронов» или точка, в которой сходятся наши разумные умозаключения, — параллельный компьютер, работающий без помощи оператора. Мне, как человеку и писателю, подобная позиция глубоко претит и кажется неубедительной. Мне больше импонирует традиционная идея автономной личности. Многое из того, что мы ценим в цивилизации, основано на этой идее — например, закон и права человека, включая авторское право. Марвелл написал свой «Сад» в те времена, когда закона об авторском праве еще не существовало, но никто другой не мог написать и больше не напишет этого стихотворения (разве что *перепишет* его слово в слово). В стихотворении преобладает мажорное настроение — личность находится в состоянии экстаза. Это стихотворение о счастье. Но у сознания есть и трагическая сторона, о которой почти ничего не

говорилось на конференции. Существуют безумие, депрессия, чувство вины и страх. Существует страх смерти и, как это ни странно, страх жизни. Человек — единственное существо на Земле, которое *знает*, что оно смертно, и в то же время единственное существо, сознательно лишающее себя жизни. В определенных обстоятельствах сознание доводит человека до состояния, когда он кончает жизнь самоубийством, только бы освободиться от собственного «я». «Быть или не быть?» — чисто человеческий вопрос. Следовательно, литература помогает нам понять темную сторону сознания. Благодарю за внимание.

Раздаются одобрительные, почти восторженные аплодисменты. Ральф поднимается к Хелен на сцену, аплодируя на ходу.

— Большое спасибо, Хелен, — говорит он, дождавшись, пока стихнут аплодисменты. — Очень интересно и познавательно. — Затем он обращается к аудитории: — Как я уже говорил, никаких вопросов. Цель заключительного слова — завершить конференцию и дать пищу для размышлений в следующем году. Думаю, Хелен блестяще справилась с этой задачей. Так что, как говорили бессмертные Том и Джерри: «Вот и все, ребятки!» Если не считать заключительного

ужина, который, напоминаю вам, начнется в половине восьмого. Я скажу несколько слов о тех, кто способствовал успеху нашей конференции, но обещаю быть кратким.

Снова раздаются (уже не столь бурные) аплодисменты, постепенно сменяющиеся гулом разговоров. Участники поднимаются с мест, зевают, потягиваются, собирают вещи и выходят из зала. Телевизионщики выключают лампы и прожектора, а звукооператор надевает наушники, чтобы прослушать запись. Сошедшую со сцены Хелен окружает небольшая группка людей, которые благодарят ее за хорошее выступление. Женщина в косынке и длинной хлопчатобумажной юбке спрашивает, собирается ли Хелен опубликовать свою речь.

— Очень сомневаюсь, — говорит Хелен.

— Я была бы вам очень признательна, если бы вы прислали мне копию. Такая вдохновенная речь! — Она протягивает Хелен визитную карточку. «Зара Манкевиц, терапевт-холистик». Калифорнийский адрес, Сосалито.

Хелен и Ральф покидают аудиторию последними.

— Здорово выступила, спасибо.

— Правда, хорошо?

— Я в тебе не ошибся.

— Но ты ведь не согласен ни с единым словом.

— Конечно, нет, — улыбается он, — но ты так красиво говорила, любо-дорого послушать.

— Я боялась смотреть в лица слушателям: они могли оказаться недовольными, скучать или спать.

— Ты их просто заворожила.

— Врешь.

— Ну, если не заворожила, то заинтриговала уж точно. Они же подходили к тебе потом.

— Не думаю, что среди них были серьезные ученые. Моя главная полконница — нью-эйджевый терапевт из Калифорнии, — говорит Хелен, показывая визитку.

— Да, кто только не участвует в конференции! Ты же сама сказала — главный предмет. Хочешь чего-нибудь выпить?

— Нет, я хочу заскочить домой, чтобы принять душ и переодеться перед ужином.

— Там не будет ничего особенного. Меню прежнее плюс одно дополнительное блюдо и бесплатное вино.

В холле Эйвон-Хауса стоит высокий мужчина, расставив ноги и сложив руки за спиной, видимо, кого-то поджидает. Одет в голубой блейзер и стро-

гие серые брюки, которые выделяют его среди делегатов с их яркими рубашками, футболками и джинсами.

— Мне нужно кое с кем поговорить, увидимся, — говорит Ральф и направляется к мужчине. Перекинувшись парой фраз, они вместе выходят из здания.

Ральф и сержант Эгню направляются к Центру Холта Беллинга. Вечер теплый и солнечный. Студенты валяются на траве, болтают, пьют пиво или играют в мяч. Другие катаются на лодках или занимаются видсерфингом, медленно скользя по глади озера, подгоняемые слабым бризом.

— Больше похоже на лагерь отдыха, чем на университет, правда? — замечает сержант Эгню.

— Последняя неделя семестра. Занятия уже закончились, и студенты ждут результатов экзаменов, — говорит Ральф.

— Мне это место напоминает Глэйдуорлд, куда мы ездили в отпуск прошлым летом. Бывали когда-нибудь?

— Нет, — говорит Ральф, осматриваясь по сторонам, и спрашивает напрямик: — Так что вы хотели мне сказать?

— У меня есть имя подозреваемого.

— Кто это?

— Профессор Дугласс.

— Вы уверены?

— Примерно на семьдесят процентов.

— Понятно, — тянет Ральф.

— Вы не удивлены? — говорит Эгню.

— Странновато, но у меня самого недавно возникли подозрения насчет него. После нашего разговора… но у меня нет доказательств. Просто интуиция… Он немного странный человек. И что вы теперь собираетесь предпринять?

— Проверю жесткий диск его компьютера.

— Но он пользуется разными машинами. У вас есть ордер?

— Нет, но скоро будет, хотя на данном этапе расследования он скорее всего не нужен.

— Как вы намерены действовать?

— Попрошу его помочь мне и понаблюдаю за его реакцией. Когда вы сможете организовать нашу встречу?

— Наверное, он сейчас в офисе, я не видел его на заключительном заседании.

Центр закрыт и пуст, магнитной картой Ральф открывает стеклянные двери. Секретари уже разошлись, а все студенты целый день были на конференции. Ральф набирает внутренний номер Дугласса, и тот берет трубку.

— Ты не мог бы зайти ко мне, Даггерс? — говорит он. Через минуту раздается короткий стук в дверь, и Дугласс входит, не дожидаясь приглашения.

— Надеюсь, это не займет много времени, Мессенджер, я очень занят. — Он бросает быстрый взгляд на Эгню, сидящего в кресле у стола Ральфа.

— Это сержант Эгню из глостерской полиции. Он занимается педофилией и порнографией.

Дугласс бледнеет, как полотно.

— Ну и что с того? — спрашивает он.

— У полиции есть сведения, что кто-то в нашем здании скачивает детскую порнографию из Интернета, — говорит Ральф.

— А я здесь при чем?

— Я подумал, что заместитель директора Центра должен быть об этом проинформирован, — говорит Ральф.

— Разумеется, — краснеет Дугласс. Он поворачивается к сержанту Эгню. — Кого же вы подозреваете?

— Пока мы не можем назвать его имя.

— Это очень деликатная операция, — говорит Ральф, — сержанту Эгню нужна наша поддержка. Первым делом нужно исключить нас с тобой из

списка подозреваемых. Он уже проверил мой компьютер, теперь должен проверить твой.

— Если не возражаете, — вставляет Эгню.

— Возражаю. Это просто возмутительно!

— Послушай, Даггерс, это же простая формальность. Мой он уже проверил.

— Поздравляю тебя, Мессенджер, а на моем диске слишком много конфиденциальной информации.

— Вы не могли бы уточнить, какой именно? — спрашивает Эгню.

— Информации о моих исследованиях.

— Не думаю, Даггерс, что сержант Эгню выкрадет твое исследование, — говорит Ральф со слабой улыбкой.

— *Прекрати называть меня Даггерсом!* — кричит Дугласс. Он весь напрягся, его лицо покраснело, а глаза вытаращились за линзами очков.

В комнате воцаряется напряженная тишина, которую неожиданно прерывает телефонный звонок. Ральф берет трубку.

— Профессор Мессенджер? — говорит женский голос.

— Да, вы не могли бы перезвонить позже?

— Я — секретарь господина Халиба, профессор. Он очень хотел переговорить с вами, перед тем

как уйти домой.

— А, хорошо. — Ральф прикрывает рукой трубку. — Срочное сообщение, — говорит он, обращаясь к обоим мужчинам. Дугласс смотрит в пол, Эгню — на Дугласса. Ральф поворачивается в кресле к ним спиной. В трубке раздается голос Халиба — мягкий, слегка шепелявый:

— Профессор Мессенджер? Это Халиб. Как вы?

— Очень занят, господин Халиб, но если у вас есть какие-то новости…

— Есть, и причем хорошие. Анализ крови дал положительный результат.

— Значит, все-таки эхинококковая киста?

— Она самая.

— Ну слава богу. И что теперь?

— Я выслал рецепт вам по почте. Принимайте препарат согласно инструкции. Курс лечения — двадцать восемь дней. В конце следующей недели приходите ко мне на прием, посмотрим, что делать дальше. Как я уже говорил, возможно, удастся обойтись без операции. Но в любом случае вам ничего не угрожает.

— Просто замечательно! Не знаю даже, как вас благодарить!

— Не стоит. Звоните, если возникнут вопросы по поводу рецепта.

Ральф кладет трубку и поворачивается к мужчинам, которые стоят, не шелохнувшись.

— Вы разрешите мне пройти в ваш офис, профессор Дугласс? — вежливо спрашивает Эгню.

Дугласс молча поворачивается на каблуках и выходит из офиса, Эгню следует за ним. У двери полицейский оборачивается к Ральфу:

— Побудьте здесь еще немного, хорошо?

— Я могу остаться до половины седьмого.

Эгню кивает и выходит. Ральф возвращается к телефону и набирает номер:

— Кэрри? Халиб только что звонил. Сказал, что анализы положительные. Да нет, все *хорошо!* Ну да! — Несколько минут они оживленно беседуют. — Ну пока, увидимся на ужине. Я тоже тебя люблю.

Он кладет трубку, поднимается и начинает беспокойно ходить по комнате. Изо всей силы ударяет кулаком в ладонь. Подходит к окну, но его взгляд ни на чем не останавливается. Он возвращается к столу и снова поднимает трубку. Ожидая ответа, он барабанит пальцами по столу.

— Хелен! Хорошая новость.

Ральф говорит с Хелен, когда в комнату врывается сержант Эгню. Он открывает рот и тотчас закрывает его, заметив, что Ральф говорит по

телефону. Ральф прикрывает трубку рукой.

— Что случилось?

— Вам лучше пойти со мной, — говорит сержант Эгню, — профессор Дугласс…

— Что с ним?

— Боюсь, что он мертв, сэр.

— Мне пора, — говорит Ральф и кладет трубку.

32

Раз, два, три, проверка… Вторник, 3 июня, 5.35 вечера. Первый раз за весь день я остался один. Встреча за встречей. Вице-канцлер, полиция, потом директор по связям с общественностью, другие сотрудники Центра… все в шоке… все, кроме меня. Интересно, почему? Не потому, что я не любил его… я вовсе не *радуюсь* тому, что он умер. Я даже жалею его, возможно, впервые в жизни. Но я не шокирован, хоть и повторяю за всеми, как попугай: «Я в шоке!» Ведь если я не буду так говорить, люди подумают, что я какой-то бессердечный монстр.

Больше всего шокирован бедняга Эгню. Он винит во всем себя, хоть я не вижу в этом никакого смысла. Кто бы мог подумать, что Даггерс повесится, не раздумывая, после того, как его выведут на чистую воду. Сначала он вспылил, но потом, казалось, взял себя в руки. Провел Эгню в свой кабинет, показал компьютер, вежливо ответил на несколько вопросов о программном обеспечении, а потом вышел в туалет. Эгню ничего не заподозрил… он сказал: «Допрашиваемые

часто испытывают желание сходить в туалет». Он сел за компьютер и стал просматривать кэшированные Интернет-файлы. Только минут через десять-пятнадцать забеспокоился и пошел искать Даггерса в мужском туалете на втором этаже. Нагнувшись, увидел под дверью одной из кабинок чьи-то ноги в черных ботинках, пнул ногой дверь и обнаружил мертвого Даггерса. Тот повесился на компьютерном шнуре, прицепив его к вентиляционной решетке. Обвязал шнур вокруг шеи, встал на сиденье унитаза и шагнул в пустоту. В небытие.

У него, наверное, был план. Должно быть, заранее обдумал свои действия при таком повороте событий… Точь-в-точь как я со своей опухолью… Наверное, сказал себе: «Если они узнают и придут за мной, я не буду ждать разоблачения, ареста, суда…» Возможно, даже обдумал план действий, приметил вентиляционную решетку, проверил ее на прочность… и даже измерил длину шнура и спрятал его в выдвижном ящике. Я просто восхищаюсь его смелостью и даже зауважал его. Я ведь и сам хотел так поступить, но, к счастью, все обошлось. Мне даже кажется, что он умер вместо меня. Если бы я был суеверным… если бы верил в судьбу, провидение, звезды… Вчера

вечером сложился странный симметричный рисунок… Звонок Халиба принес мне облегчение и избавление, и в эту же секунду Даггерса постигла катастрофа. Словно бы мы с ним стояли на разных чашах весов: звонок Халиба перетянул весы в мою сторону, и я безопасно приземлился на землю, а Даггерс повис воздухе, болтаясь в петле.

Мне показали фотографии, найденные у него в ящиках. Сотни снимков. В основном не достигшие половой зрелости девочки, обнаженные или полуобнаженные, иногда вместе с мальчиками того же возраста, но одних мальчиков не было. Они писали, показывали гениталии, попки и так далее… ничего серьезного… некоторые фотографии с претензией на художественность, в духе Льюиса Кэрролла…. С виду ничего ужасного, пока не представишь себе, в каких условиях это было снято… У полиции нет доказательств, что Даггерс сам фотографировал или имел физический контакт с детьми. Он принадлежал к узкому кругу людей, которые обмениваются подобными фотографиями по сети с помощью каких-то шифровальных программ. Что-то вроде виртуальной библиотеки. Он делал это в офисе, а не дома, возможно, опасаясь, что его застукают мать или сестра… я послал им письмо с соболезнования-

ми. Непросто было его написать. Конечно, будет следствие… и похороны, скорее всего частные. Панихиды уж точно не будет…

Тогда, на стоянке, я смотрел на его освещенное окно, и внезапно меня озарило, что это и есть тот человек, которого ищет Эгню. Не понимаю, почему я раньше об этом не подумал. Может, потому, что всегда считал его аскетом и равнодушным к сексу трудоголиком… Никогда не знаешь, что происходит в головах других людей. Когда мы стояли вместе с Хелен и я, глядя на его окно, пошутил насчет того, что Даггерс корпит над алгоритмами, мне вспомнилось, как мы столкнулись с ним у входа в Центр воскресным утром. Я вспомнил его взгляд, в котором сквозили удивление и страх, и мне в голову закралось подозрение… То же самое выражение было на его лице, когда он лежал на полу туалета с выпученными глазами, красным, одутловатым лицом и недовольно надутыми губами… вокруг шеи глубокое красное кольцо. Шнур снял Эгню.

Сержант начал звонить в полицию, в охрану кампуса и вызывать «скорую», а я отправился на прием, но успел только на ужин. Я обо всем рассказал Кэрри по телефону, попросив держать язык за зубами. Я не хотел, чтобы это обсужда-

ли за ужином, что испортило бы праздничную атмосферу, а если бы об этой новости узнали телевизионщики, то обязательно вставили бы ее в свой репортаж о конференции. Это они любят. Так что никто ни о чем не догадался. Место Даггерса оставалось пустым, но это никого не удивило, ведь все прекрасно знали, что он не любит светских торжеств. Труднее всего было произносить речь, благодарить всех, кто помог организовать конференцию. Что я мог сказать о нем? «А также большое спасибо профессору Дугласу, которого, к сожалению, сейчас нет с нами… по личным причинам… в связи с непредвиденными обстоятельствами…» Я не мог подобрать таких слов, которые не казались бы плоской шуткой мне самому, Кэрри и остальным участникам, которые в конце концов обо всем узнают. Поэтому я упомянул о нем лишь вскользь. Позже Хелен подошла ко мне и слегка обвиняющим тоном спросила: «А почему ты не поблагодарил профессора Дугласса? На приеме он жаловался, что ему пришлось выполнять за тебя работу». — «А, забыл», — сказал я, но потом отвел ее в сторону и рассказал о том, что произошло. Она, конечно же, была шокирована.

Хелен, да… Что же мне с ней делать? Я сейчас стою у окна своего офиса, глядя на здание фа-

культета естественных наук, и наговариваю все это на диктофон, почти как в то дождливое воскресенье… когда это было?… в феврале… когда я увидел, как она вышла из-за угла биологического, одинокая фигурка в полуботинках и красивом плаще, я сначала не разглядел ее лицо под зонтом… Сколько всего произошло с тех пор!

Сейчас я чувствую себя прекрасно. По крайней мере, физически, хотя еще не начал лечение, прописанное Халибом. Возможно, просто психологическая разгрузка, а может, как сказала Кэрри, двухнедельное воздержание от алкоголя и мяса. Прошлой ночью мы занимались с ней сексом, впервые за несколько недель. Никто не был инициатором, да это оказалось и ни к чему, мы действовали по какому-то негласному соглашению и начали еще в машине, по дороге домой. Это ощущалось в наших жестах: когда я осторожно запер дверь спальни, а она подняла руки, чтобы снять ожерелье… нам не хотелось говорить о сексе после самоубийства Даггерса… Но именно поэтому нам нужно было заняться любовью… отвлечься… отметить мое помилование… подтвердить торжество жизни над смертью… Затем мы оба уснули, как младенцы.

Сегодня я доволен и покоен. Я снова стал хозяи-

ном собственной жизни. Моя болезнь излечима. Конференция прошла успешно, и я могу ею гордиться, к тому же мне удалось не омрачить вчерашний вечер самоубийством Даггерса. Даже сегодня утром большинство участников разъехались, ни о чем не подозревая. Пресса, конечно, поднимет шумиху, но на следующей неделе начинаются каникулы, и некому будет подливать масла в огонь. Протесты против почетного звания Дональдсона поутихли… сенатские документы передал в газету, конечно же, не Даггерс, а Реджинальд Гловер… в этом признался мне сам редактор «Кампуса». Он заходил сегодня расспросить о Дуглассе, и я выудил из него эту информацию. Зачем Гловер сделал это? Из ностальгии по шестидесятым или из чувства солидарности с женой, которую я унизил на вечеринке у Ричмондов? Не знаю, да мне и плевать. Дональдсон получит докторскую степень, и центр продолжит подписывать жирные контракты с Министерством обороны… Ах, да… я устроил Людмилу Лиск в Боулдер… Попросил Стива Розенбаума посмотреть ее работу, и Людмила сразу же переключилась на него. Так что больше не будет липнуть ко мне… нужно отдать должное, малышка настойчива…

Итак, Хелен остается единственной нерешенной проблемой. В пятницу она возвращается в Лондон и наверняка надеется, что я пообещаю ей что-то перед отъездом… Что ей сказать? Могу сослаться на шоковое состояние, вызванное смертью Даггерса… но она не поверит… Ее поразило мое самообладание на ужине, где я вел себя так, словно ничего не случилось… Можно сказать, что мне все еще нездоровится и, наверное, предстоит операция… давай подождем, пока я окончательно выздоровею… тогда и придумаем что-нибудь… Да, это более правдоподобно… главное теперь — найти подходящий момент. Не по телефону и не в служебном ресторане… только наедине… последний любовный поцелуй… А может, больше чем поцелуй? Никак не выходит из головы тот последний раз, когда у меня не встал… не хотелось бы, чтобы она меня таким и запомнила. [*конец записи*]

33

Среда, 4 июня. Только что звонил Мессенджер и сказал, что хочет зайти ко мне завтра «попрощаться». Он быстро прибавил: «Ты ведь уезжаешь в пятницу, и мы не сможем встречаться некоторое время». Я сказала, что должна сходить на встречу экзаменаторов на кафедре английского и не знаю, когда она закончится. Он попросил меня оставить ключ под кирпичом у наружной двери, чтобы он мог попасть в дом около четырех, если я еще не вернусь к этому времени. Он уже делал это пару раз в те безумные три недели. Он сказал, что у него назначено на утро несколько встреч, а вечером приезжает Кэрри. «Откуда?» — спросила я, и он ответил, что Кэрри уехала с Эмили в Стратфорд-на-Эвоне посмотреть «Как вам это понравится?», который входит в ее экзаменационные билеты. Я поняла, почему он так хочет увидеться в отсутствие Кэрри — чтобы продолжить наши отношения. Странно, после нескольких попыток сближения с моей стороны я уж было подумала, что он хочет порвать со мной, и сама пришла к выводу, что лучше положить

этому конец.

Вчера целый день была дома, убирала и готовилась к отъезду. Таков один из пунктов договора, который подписывают, въезжая в дом: оставить после себя чистоту и порядок. Я превзошла самое себя: все вымыла, вычистила и выдраила. Мне нужно было чем-нибудь себя занять, а в голове моей вертелись беспокойные мысли. Теперь мне кажется, что мы подвергали себя большой опасности, которой каким-то чудом избежали, но не нужно больше испытывать судьбу. К этому решению меня подтолкнуло самоубийство Дугласса, хоть оно и не было напрямую связано с нашими отношениями. Мне стало жутко. Передо мной раскрылась бездна несчастья и боли, в которую можно погрузиться, если перестать прислушиваться к своему внутреннему голосу. В одном из своих предисловий Джеймс очень хорошо пишет об измене. Сравнивает ее с медалью, отлитой из жесткого и блестящего сплава: одна ее сторона — чья-то радость и правота, а другая — чья-то беда и неправота. Что-то в этом роде. Не могу отрицать, что наша связь была радостью, но чем дольше она продлится, тем больше вероятность, что она принесет кому-нибудь горе. Пора с этим покончить. И если у Кэрри есть хоть чуточка

здравого смысла, она придет к такому же выводу после всех треволнений последних недель.

Я знаю, что он захочет сделать завтра. Попытается затащить меня в постель и заставить изменить свое решение. Надеюсь, у меня хватит мужества и упорства. Но, признаюсь, я испытала радостное волнение в низу живота, узнав, что он все еще хочет меня.

34

Хелен не пришлось противостоять соблазну переспать с Ральфом. Но если бы даже это произошло, то не повлекло бы за собой серьезных последствий, потому что Ральф не собирался продолжать роман и идти дальше прощального секса.

В четверг, без двадцати четыре, Ральф вышел из офиса и направился к домам, которые Хелен называла «мезонетками». В очередной раз он порадовался удобному расположению ее жилища — в самом дальнем уголке кампуса, где мало шансов встретить кого-нибудь из знакомых. Дорога была, как обычно, пуста. Он позвонил в дверь и, не получив ответа, вынул ключ из-за кирпича и вошел в дом. В небольшом коридоре приятно пахло моющими средствами, а сама комната выглядела удивительно чистой и прибранной. Ральф принял это на свой счет, решив, что Хелен убрала комнату специально перед их свиданием. В зеркале мелькнуло его отражение, и он остановился осмотреть себя. Ему показалось, что седых волос стало больше — да и неудивительно после

всего происшедшего.

В комнате было тепло, солнечный свет свободно проникал через большое окно. Он приоткрыл его и слегка задернул штору. Снял пиджак и бросил на спинку стула. Сел на диван, закинул одну ногу на другую и обозрел комнату. Взгляд остановился на письменном столе Хелен — несколько книг, журнал, несколько скрепленных вместе писем и счетов, фарфоровая кружка с карандашами и ручками, небольшой струйный принтер и лэптоп фирмы «Тошиба». Ральф вспомнил, как когда-то устанавливал на нем почтовую программу. Сейчас компьютер был закрыт и выключен, шнур от него тянулся к розетке.

Ральфу вдруг пришло в голову, что в этом плоском сером ящичке, похожем на книгу в картонном переплете, может находиться дневник Хелен, где записаны все ее мысли — своеобразный слепок того, что она называла своим «я» или своей «душой». Однажды он предлагал ей обменяться мыслями, но она отказалась. Потом они стали любовниками, и теперь его интерес к ее мыслям неизмеримо возрос… Если бы он только мог сделать немыслимое… пересечь комнату, сесть за ее стол, открыть компьютер, включить его и отыскать файл с ее дневником, то узнал бы,

почему, несколько раз отказавшись переспать с ним, она внезапно изменила свое решение? Он понял бы, чем был вызван такой поворот событий и что она чувствовала, когда они занимались сексом в первый и в последующие разы, что она действительно думала о нем и об их отношениях и как, по ее мнению, эти отношения должны были развиваться дальше?

От этой мысли его сердце учащенно забилось. Есть ли у него на это право? Сколько у него времени в запасе? Он взглянул на часы: 4.15. Когда она придет, точно неизвестно. Такие собрания иногда растягиваются на целые часы, но она может уйти пораньше. Она могла вернуться с минуты на минуту. Но он услышит скрежет ключа в замке. Он поднялся с дивана и осторожно, медленно, словно вор, подошел к столу и сел на стул, стараясь ничего не задеть и не сдвинуть с места компьютер. Он поднял крышку с экраном и нажал кнопку «сеть». Раздалось слабое тарахтение винчестера, загрузилась оболочка Windows 95, появились ярлычки программ на фоне бело-голубого неба. Он кликнул иконку Word 95, и программа развернулась.

Он замер в нерешительности. Он поступал очень дурно. Нужно поскорее закрыть компью-

тер, вернуться на диван в другом конце комнаты и ждать Хелен. Но он не сумел совладать с соблазном. Он говорил себе, что им руководит не только личное, но и научное любопытство. Ему предоставилась уникальная возможность снять печать с сознания другого человека. Почти научное исследование. Пронеслась мысль, что можно бы скопировать дневник Хелен на дискету и забрать с собой для более подробного анализа, но такое нарушение личной неприкосновенности даже Ральфу показалось чрезмерным, и он быстро подавил это желание. К тому же нашлись и другие причины: у него не было при себе зип-дисковода, да и отформатированных пустых дискет в ящиках стола не оказалось… время шло… она скоро придет… Он посмотрел на часы: 4.17. Времени хватало только быстро прочесть что-нибудь наугад. Сейчас или никогда.

В меню он просмотрел названия девяти сохраненных недавно файлов. Наверху списка стояло: C:/Мои документы/ДНЕВНИК/4 Июня. Он кликнул эту строчку, и мгновенно появился текст. Он начинался со слов: «Только что звонил Мессенджер и сказал, что хочет зайти ко мне завтра „попрощаться“». Ральф быстро просмотрел запись, улыбаясь самому себе, пока не дошел до следу-

ющего места: «Пора покончить с этим. И если у Кэрри есть хоть чуточка здравого смысла, она придет к такому же выводу после всех треволнений последних недель». Кэрри? Улыбка исчезла с его лица. Он ощутил мощный прилив адреналина. Что это значит? Кэрри знала об их связи? Хелен рассказала ей? Если да, то когда? Как давно она знает об этом и что означает ее молчание? «Нет, постой, — сказал он себе, проводя рукой по лбу (он весь вспотел, несмотря на то что на нем была только рубашка с коротким рукавом, и чувствовал, как пот струится по бокам), — постой, что-то тут не вяжется»: «И если у Кэрри есть хоть чуточка здравого смысла, она придет к такому же выводу…» Но если рассуждать логично, Кэрри не может прийти к выводу о том, что пора окончить роман *Хелен.* Речь может идти только о *ее собственном романе.*

Ральф закрыл документ и просмотрел другие папки Хелен. Открыл одну, под названием «Дневник», и прокрутил длинный список дат, возвращаясь к 17 февраля. Развернул этот файл, набрал в поисковой строке «Кэрри» и быстро просмотрел все предложения и абзацы, где оно упоминалось. Затем проделал то же самое с остальными файлами.

Тем временем Хелен направлялась от здания гуманитарного факультета к веренице «мезонеток». Встреча экзаменаторов заняла больше времени, чем она рассчитывала, но она не торопилась. Она не знала, что произойдет, когда увидит Ральфа, и даже не знала (а это было еще неприятнее), *чего бы ей хотелось*. Вчера она твердо решила сказать ему, что их отношения должны прекратиться. Но зачем же тогда она вымыла утром голову, надела лучшее нижнее белье и платье, которое особенно нравилось Ральфу? Ее тело словно жило своей собственной жизнью, а разум наблюдал за ним с неодобрением и ничего не мог поделать. Хелен тянула время и медленно шла по освещенному солнцем кампусу, словно надеясь, что Ральф захочет вернуться к жене и семье и не успеет затащить ее в постель.

Когда Хелен подошла к дому, Ральф как раз дочитал дневниковую запись от 11 апреля. Услышав скрежет ключа в замке, он в спешке выключил компьютер, даже не сохранив предварительно файл, и закрыл крышку лэптопа.

— Мессенджер! — позвала Хелен, закрывая за собой дверь. — Ты еще здесь?

Ральф быстро отошел от стола. Хелен вошла в гостиную и увидела Мессенджера: он стоял

у дивана с таким видом, словно только что с него вскочил. Она сразу заметила, что он чем-то взволнован.

— Что-то случилось? — спросила она.

Он несколько секунд смотрел на нее, разрываясь между инстинктивным желанием скрыть то, что он только что сделал, и потребностью узнать ответ на мучительный вопрос. В конце концов, ревность взяла верх над чувством самосохранения.

— Почему ты ничего не сказала мне о Кэрри и Николасе Беке?

Хелен никак не ожидала такого вопроса и ответила не сразу. С одной стороны, ей стало легче от того, что она больше не обязана хранить эту тайну, а с другой — она мгновенно осознала все осложнения, которые ее признание могло за собой повлечь.

— Потому что я думала, что это не мое дело, — медленно выговорила она. — К тому же я пообещала Кэрри молчать.

— Она что, говорила с тобой об этом? — раздраженно спросил Ральф.

— Да, один раз.

— Значит, это не было просто догадкой, фантазией или сюжетом для одного из твоих романов?

Хелен нахмурилась, озадаченная вопросом и инквизиторским тоном Ральфа.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать. Откуда ты это узнал?

Он не ответил, но краем глаза взглянул на компьютер. Хелен проследила за направлением его взгляда.

— Ты читал мой дневник? — недоверчиво вскрикнула она.

— Да, — сказал он.

— Невероятно! Это же подло!

— Знаю, — сказал он, — подло и непростительно.

— Но зачем?

Он пожал плечами:

— Не смог удержаться.

— Сколько ты прочитал?

— Дошел до твоей поездки в Ледбери. Она что, действительно трахается с этим женоподобным идиотом? Что она в нем нашла?

— Лучше сам у нее спроси. А я буду очень тебе благодарна, если ты уберешься отсюда и оставишь меня в покое.

Ральф поднял пиджак со стула и набросил на согнутую руку:

— Извини меня, Хелен…

— Я жду.

— Тогда до свидания, — сказал он и вышел из дома.

Возвращаясь в Челтнем, Ральф сначала намеревался сделать так, как сказала Хелен: заставить Кэрри сказать правду, а затем пойти к Николасу Беку в его изысканный домишко на Лэнсдаун-крезнт и избить его до потери сознания. Но постепенно Ральф стал осознавать всю шаткость своего положения. Если он обвинит Кэрри в измене, то она ответит ему тем же, и даже если она пока не знает об их связи с Хелен, есть опасность, что она может об этом узнать от самой Хелен, которую он сегодня настроил против себя. И даже если этого не произойдет, у Кэрри есть множество других аргументов не в его пользу. Все его измены, на которые она закрывала глаза во имя сохранения семьи, но которые может с успехом использовать для собственной защиты. Она могла бы сказать, что ее проступок — ответ на измены Ральфа, как говорится, «зуб за зуб». Тогда какой смысл поднимать всю эту грязь и провоцировать скандал, который может запросто разрушить их брак? Он не хотел развода и тех эмоциональных и финансовых потерь, которые тот за собой повлечет. Вся собственность Кэрри,

благодаря мудрому руководству Папаши Тёрлоу, должна была перейти к ней, а значит, после развода Ральфу достанется лишь часть дома и ограниченное общение с детьми.

Ральф, конечно же, не успел все это до конца обдумать, но обрывки мыслей кружились где-то на периферии сознания, не давая ему покоя, пока он мчался по дороге, внутренне возмущаясь изменой Кэрри и выбором любовника, оскорблявшим его мужское достоинство. Постепенно расчетливые мысли охладили его пыл и притупили жажду мести. Подъезжая к Челтнему, он успокоился и замедлил скорость, а когда вошел в дом на Питтсвилл-Лаун, его злость успела смениться угрюмостью. Кэрри и Эмили только что вернулись из Стратфорда, но Ральф не реагировал на их оживленную болтовню о спектакле. Кэрри решила, что его неразговорчивость — запоздалый шок, вызванным смертью Дугласса. После ужина Ральф поднялся в свой кабинет и допоздна работал над очередным исследованием.

Тем временем Хелен паковала вещи, собираясь покинуть Глостерский университет. Ей не терпелось поскорее уехать. Спала она плохо и проснулась рано. Не дожидаясь звонка будильника, она встала, приняла душ, оделась, выпила

чашку кофе и загрузила вещи в машину. Она делала это осторожно, почти тайком, чтобы не потревожить соседей, шторы которых были еще задернуты. Ей вдруг показалось, что она исполняет свое заветное желание, которое преследовало ее в первые, самые тяжелые недели в университете: сбежать отсюда на рассвете. Тогда была зима, а сейчас ярко светило солнце, но кампус тем не менее был безлюден, и Хелен никого не встретила по пути, кроме нескольких утренних бегунов и охранника у ворот, которому она отдала коричневый конверт с ключами от дома. Потом она миновала шоссе M5, M42, M4 и, наконец, въехала в Лондон… Там она попала в пробку, но без пятнадцати десять уже была дома.

Хелен переходила из одной комнаты в другую, общаясь со своим домом, как со старым другом. Вайсмюллеры уехали в Америку, забрав с собой все свое имущество. Приходящая уборщица Вера, хорошо знавшая эту квартиру, убрала ее после их отъезда и по собственной инициативе переставила мебель так, как она стояла раньше, до приезда жильцов, разложив все предметы по обычным местам. Хелен вставила в музыкальный центр диск с концертом Вивальди, и завораживающие волны музыки тотчас заполнили всю комнату,

взмывая к потолку. Звук был таким сильным и чистым, что Хелен даже открыла рот. Только теперь она поняла, как ей этого не хватало. Она бродила по дому, поднималась и спускалась по лестнице, а музыка всюду следовала за ней. Музыкальную систему с любовью и знанием дела собрал Мартин. Все в доме напоминало о нем. Вместе с ним они купили этот дом, отреставрировали его и сделали ремонт, заменив страшные модерновые витражи на новые оконные рамы, отполировали паркет, содрали древнюю краску с перил и купили материю для штор в «Либерти», а ковры — в «Хилс». Хелен вошла в спальню. На столике — фотография Мартина в рамке. Она сама сфотографировала его во время отпуска в Греции. Хелен убрала эту фотографию, когда сдавала дом, а Вера нашла ее в столе и поставила обратно. Мартин казался молодым, здоровым и счастливым, сидел за столиком открытого кафе в расстегнутой рубашке, улыбаясь и щурясь на солнце. Фотография всколыхнула целый поток воспоминаний о счастливых минутах, проведенных вместе. Хелен вдруг тихонько заплакала. Она простила Мартина и плакала о нем.

Ральфу Мессенджеру удалили кисту. Операция прошла успешно, но все, кто его знал, отметили,

что Ральф изменился — стал менее напористым и более мягким. Он превратился в настоящего «мужчину средних лет» и утратил репутацию соблазнителя женщин на конференциях и командировочного Дон-Жуана. Он ничего не сказал Кэрри о Николасе Беке, но она догадалась о его подозрениях и порвала отношения с Николасом, которые никогда глубоко не затрагивали ее чувств. Кэрри так и не закончила свой роман о землетрясении, но занялась лепкой из глины и даже открыла небольшую художественную галерею на Монпелье-стрит, где выставляла собственные творения и работы своих друзей. Ральф выпустил книгу «Живая машина», которая получила широкий резонанс в прессе и неплохо продавалась. В 1999 году сэр Стэнли Гибберд выдвинул Ральфа на присуждение звания, и тот стал кавалером ордена Британской империи за заслуги в науке и образовании. Его включили в Почетный список тысячелетия.

Через год после возвращения в Лондон Хелен Рид познакомилась в кафе Британской библиотеки с неким литературным биографом, с которым они стали встречаться. Он разведен и живет с тремя детьми-подростками. Они часто видятся и проводят вместе отпуск, но живут отдельно. В

первом году нового тысячелетия Хелен опубликовала роман, который один из критиков назвал «столь старомодным по форме, что он кажется почти экспериментальным». Роман написан в прошедшем времени от лица всеведущего и порой назойливого рассказчика. Действие происходит в одном «не очень современном» провинциальном университете, а сам роман называется: «Плач — головоломка».

Благодарности

Впервые (возможно, поздновато) я прочитал о современных научно-философских дебатах о сознании в статье Джона Корнуэлла «От души к программному обеспечению», опубликованной в «Тэблет» в июне 1994 года. В статье шла речь о двух книгах: «Объяснение сознания» Дэниэла Деннетта (1991) и «Поразительная гипотеза» Фрэнсиса Крика (1994). Я благодарен Корнуэллу за вдохновившую меня статью и за другие его работы в этой области, из которых я почерпнул немало интересного. Я побывал также на междисциплинарной конференции «Сознание и личность человека» в Кембриджском колледже Иисуса, организованной самим Корнуэллом в сентябре 1995 года. (Материалы конференции под редакцией Джона Корнуэлла были изданы под тем же названием в 1998 году.)

Я хотел бы перечислить также другие книги и статьи, которые мне очень помогли в процессе работы над романом: Дэвид Чалмерс, «Осознанное мышление» (1996); Родни Коттерилл, «Никакого духа в машине» (1989); Ричард Доукинс, «Эго-

истичный ген» (исправл. изд., 1989) и «Слепой часовщик» (1986); Антонио Дамасио, «Ощущение происходящего: тело, эмоции и сознание» (2000); Дэниэл Деннетт, «Опасная идея Дарвина» (1995) и «Виды разума» (1996); Адриан Десмонд и Джеймс Мур, «Дарвин» (1991); Робин Данбар, «Проблема науки» (1995), а также «Дрессировка, сплетни и эволюция языка» (1997); Джеральд Эдельман, «Чистый воздух — горящее пламя» (1992); Сюзанна Гринфильд, «Человеческий мозг» (1997); Джон Хорган, «Конец науки» (1996); Стивен Пинкер, «Как работает ум» (1997); Мэтт Ридли, «Истоки добродетели» (1996); В. С. Рамачандран и Сандра Блэксли, «Мозг и его призраки» (1998); Джон Сиэрл, «Новое открытие разума» (1996); Гэлен Строусон, «Ощущение собственного „я“» // «Лондонское книжное обозрение», 18 апреля 1996 г.; Том Вулф, «Простите, но ваша душа только что умерла» // «Санди Индепендент», 2 февраля 1997 г.; Льюис Уолперт и Элисон Ричардс, «Пытливые умы: внутренний мир ученых» (1997).

Заслуживает упоминания также занимательный телесериал Кена Кэмпбелла под названием «Слежка за мозгом», шедший на Канале-4 в 1996 году.

Приношу огромную благодарность Аарону

Сломану, профессору когнитологии и исследователю искусственного разума, работающему в Школе компьютерной науки Бирмингемского университета. Аарон терпеливо отвечал на все мои вопросы, любезно предоставлял экземпляры своих публикаций и знакомил со своими коллегами. Он регулярно приглашал меня на семинары своего факультета, и благодаря ему я побывал на международной конференции, посвященной сознанию, которая пролила для меня свет на многие вопросы (она проводилась в Эльсиноре). Этот человек стал моим незаменимым гидом в изучении сознания вообще и искусственного интеллекта в частности. Несмотря на то что он разделяет некоторые взгляды на сознание и искусственный интеллект, которых придерживается мой персонаж Ральф Мессенджер, любой из знакомых Аарона может подтвердить, что в остальном между ними нет ничего общего. Я благодарен также всем его коллегам, которые делились со мной своими знаниями и мыслями по электронной почте и во время наших бесед за чашечкой кофе. Особую благодарность хочу выразить Расселу Билу за практические советы по компьютерной программе распознавания голоса. Виджей Райчура, несмотря на всю свою занятость,

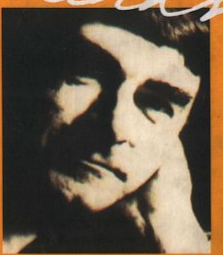
выкроил время, чтобы проконсультировать меня по поводу медицинских аспектов моей истории, и я глубоко ему за это благодарен. Свой роман я посвящаю детям — дочери и старшему сыну, которые давали мне профессиональные советы и помогали в процессе работы над ним.

Д. Л.

Бирмингем, август 2000 года

David Lodge

Thinks...



Кто из нас не мечтал прочитать мысли
другого человека? Тем более – любимого человека.
Тем более когда любимый человек –
твоя полная противоположность.
Он – профессор, изучающий сознание
и искусственный интеллект, она –
автор "женских романов", он – донжуан, она –
католичка, он – окруженный любовью семьянин,
отец четырех детей, она – вдова, недавно
потерявшая мужа. В своих дневниках они оба
думают... О любви и предательстве,
о Боге, о смерти, о сексе...
о сексе, быть может, чаще всего...
Современный английский писатель Дэвид Лодж
известен российскому читателю своими книгами
"Академический обмен" и "Райские новости".
Роман "Думают..." выходит
на русском языке впервые.

ЭКСМО